
НИКОЛАЙ
ПАНОВ
МОРСКИЕ
ПОВЕСТИ

Мурманское
книжное
издательство
1 9 6 4

НИКОЛАЙ ПАНОВ

МОРСКИЕ ПОВЕСТИ

В мир высокого героизма, сильных страстей, необычайных приключений, подвига, совершаемого мужественными людьми во славу Родины, вводит читателя Николай Панов. На страницах его повестей, которые хочется назвать романами, колышется, бушует и, главное, живет северное, полярное море. Панов не устает любоваться им, оно дорого ему и в шторм, и в штиль, и в дни войны, и в мирные годы. Вот один из нарисованных в этой книге пейзажей:

«Туман пришел исподволь и бесшумно, но скоро стал полным хозяином побережья. Он поднялся с моря на рассвете, заволок берег густой пеленой, его синеватые щупальца тянулись все выше. Казалось, огромное сумеречное существо, лишенное формы, вышло из океана, цепляясь за скалы, проникает повсюду...».

По художественной точности выражения этот отрывок можно сравнить с морскими пейзажами, написанными уверенной рукой К. М. Станюковича. Мы не зря начали разговор о повестях Николая Панова с упоминания славного имени зачинателя русской маринистской литературы. Море, прежде наблюдавшееся писателями с берега, из романтического далека, вошло в литературу с рассказами отставного лейтенанта, бывавшего не раз в дальних морских походах. С тех пор не было у нас писателя-мариниста, не ощущавшего на себе мощного влияния Станюковича. В этом признавался и А. С. Новиков-Прибой.

И это очень хорошо, потому что вводит творчество советских поэтов моря в традиции русской маринистской литературы. И однако здесь же следует сказать, что у Николая Панова свой, отличный и от Станюковича и от Новикова-Прибоя, почерк, своя художественная манера.

Прежде всего, чего не было у нас до сих пор, морские повести Панова продолжают одна другую. В них действуют «сквозные» персонажи: старшина первой статьи, в прошлом боцман сторожевого корабля «Туман», Агеев и капитан Людов — глава североморских разведчиков. Встречаясь с ними, читатель чувствует радость, как при появлении старых знакомых, с которыми связаны воспоминания

дружбы. Кажется даже, что знакомство с этими людьми началось у вас где-то за пределами повести, что вы раньше видели их в кают-компании или на полубаке.

Происходит это потому, что и Людов, и Агеев, и командир эсминца «Громовой» Ларионов, и военный корреспондент Калугин не выдуманы автором, но подсмотрены метким глазом художника в жизни. С ними в дни Великой Отечественной войны жил и работал Николай Панов.

В 1944 году мне пришлось побывать на Карельском фронте. С начала войны я не знал, где воюет Николай Николаевич, ничего не знал о его судьбе. И вот в трофейном автобусе, обслуживавшем бойцов нашей дивизии, я увидел плакат, посвященный Герою Советского Союза подводнику Колышкину — со стихами Н. Панова, офицера Северного флота, сотрудника североморской газеты «Краснофлотец».

Знание жизни, глубокое проникновение в нее дали писателю возможность правдиво воссоздать картину северных битв. Уверенной морской походкой переходит он с капитанского мостика на полубак, спускается в кубрик, в машинное отделение, чувствуя себя одинаково своим и в офицерской кают-компании миноносца и в штабе Военно-Морского флота, вырубленном в неприступной для фашистских самолетов скале.

Опыт войны на флоте, пусть несколько романтизированный, — в этом признается и сам автор — запечатлен на страницах его эпопеи. Этот опыт нельзя было приобрести, сидя за письменным столом, он — то драгоценное, что подарила писателю жизнь в награду за ратный подвиг, за воинский труд.

Первой из повестей трилогии автором предпослано предисловие в стихах:

Опять под палубой кают
Басы турбинные поют.
Мы с якоря готовы сняться
И выйти в море без огней...
Опять в тиши московских дней
Мне битвы северные снятся...

То, что Николай Панов решил начать книгу стихами, очень характерно для него — автора поэмы «Баренцево море». Литературную деятельность он начинал как поэт еще в далеком 1919 году. И на всем его стиле, очень дисциплинированном и чистом, лежит отпечаток большой поэтической культуры. Конечно же, его проза — проза поэта, знающего силу и вес слова, его могущество и красоту,

умеющего пользоваться словом для выражения самых различных, самых тонких оттенков живописной палитры. Николай Панов — необычный поэт. Уже в ранних его стихах, всегда стремительно-сюжетных, угадывался и будущий прозаик, владеющий «хитросплетеньем глав».

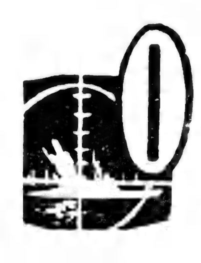
Эти качества своего молодого таланта Николай Николаевич сохранил на всю жизнь. Начав читать его книги, вы не отложите их до конца — в них много действия, много той «летящей балладности», о которой Н. Тихонов когда-то сказал: «Баллада — скорость голая». В этой «голой скорости» один из секретов искусства. Она заставляет перелистывать страницу за страницей в сладостном желании узнать, что будет дальше, и вы — взрослый человек — превращаетесь как бы в подростка.

К сожалению, еще далеко не все наши писатели владеют этим секретом. Одно время почему-то даже считалось признаком хорошего тона писать разбросанно, безалаберно, языком, вывернутым наизнанку. Вот почему вас так покоряют неожиданно строгие, сюжетно слаженные произведения Николая Панова.

Я помню, как повесть «Боцман с «Тумана» впервые появилась на страницах журнала «Краснофлотец», помню, с каким нетерпением ожидали выхода очередного номера, с продолжением повести, моряки. Я видел мальчишек, до дыр зачитывавших эту повесть. Книги Николая Панова — предмет чтения не только взрослых людей, но и юношей, стремящихся к героическому, ищущих — с кого брать пример. В этом смысле они насущно необходимы нашей военной молодежи.

У Николая Панова очень широкий круг читателей. По мере того, как книги его переиздаются, круг этот становится все шире.

И. РАХТАНОВ

О пять под палубой кают
Басы турбинные поют.
Мы с якоря готовы сняться
И выйти в море без огней...
Опять в тиши московских дней
Мне битвы северные снятся.

Опять среди полярных скал
Я путь к землянкам отыскал...
Кругом десантники теснятся.
Звучит матросский разговор...
Опять, вдали от волн и гор,
Мне сопки северные снятся.

Я прочитал впервые там
Разведчикам и морякам
Наброски «Боцмана с «Тумана»,
Вдыхая волн летящих пыль,
Вплетая выдумку и быль
В манящий замысел романа.

Такую вещь создать хотел,
Чтоб отблески геройских дел,
Как солнце в соляном кристалле,
На диких скалах отпылав,
В хитросплетенье этих глав
Правдивой жизнью заблистали.

Чтоб тот, кого ввести я смог
В мир странных встреч,
Больших тревог,

В мир приключений этой книги,
Увидел наяву, как я,
Необычайные края
В незабываемые миги.

Героям Севера привет!
Привет друзьям военных лет!
Пускай, романтикой овеяв,
С читателем заговорят
Медведев и его отряд
И боцман-следопыт Агеев.

БОЦМАН С „ТУМАНА"

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЛАМЯ НАД МУСТА-ТУНТУРИ

олчание — ограда мудрости, — любил говорить капитан Людов, цитируя старинную восточную поговорку.

И, помолчав, обычно добавлял:

— А попросту это значит — держи язык за зубами. Чем меньше знают о разведчике другие, тем больше знает он сам...

Вполне понятно, что в годы Великой Отечественной войны дела с участием «орлов капитана Людова» не находили почти никакого отражения в печати. И в то время как в определенных кругах имена Людова и старшины первой статьи Сергея Агеева пользуются огромным уважением и даже славой, широкому читателю пока они не говорят ничего.

Не привлек особого внимания и небывалый серебристо-багровый свет, блеснувший над горным хребтом Муста-Тунтури в одну из военных ветреных, ненастных ночей.

А ведь этой вспышкой закончился целый фантастический роман, начавшийся походом торпедного катера старшего лейтенанта Медведева у берегов Северной Норвегии в поисках вражеских кораблей. Теперь наконец могу я рассказать подробности этого необычайного дела.

Свет, о котором я говорю, был много ярче бледных трепещущих зарев, то и дело взлетавших тогда со стороны океана над Скандинавским полуостровом, где шла артиллерийская дуэль между нашими кораблями и береговыми батареями немцев.

Но бойцы, просвистанные полярными ветрами, атакующие по ночам неприступные горные вершины, моряки, несшие зоркую вахту на обдаваемых волнами палубах кораблей, приняли эту чудовищную вспышку за огромный пожар на торпедированном транспорте или за излучение какой-то особо мощной осветительной ракеты.

Сам я, правда, был просто потрясен, сбит с толку этим светом.

Я только что вышел из землянки; черная сырая полярная ночь стояла вокруг, непроницаемой сыростью залепляла глаза. Я осторожно ступал с камня на камень, чтобы не провалиться в одну из расселин, наполненных ледяной водой.

И вдруг будто плотная повязка упала с моих глаз. Все вокруг осветилось до мельчайших подробностей: далекая линия синевато-черных окрестных гор, коричневый хаос камней базальтового котлована, двери землянок, замаскированные в скалах, даже красноватые провода полевых телефонов, протянутые по камням.

Мне почудилось, что далеко на весте вздулся дымящийся радужный шар, с огромной быстротой улетавший в черное небо.

Шар уносился вверх, превращаясь в крутящийся столб дымного разноцветного огня. И вновь надвинулся мрак: океан темноты еще плотнее сомкнулся над нами.

— Вот так фейерверк! — сказал тогда рядом со мной морской пехотинец голосом, охрипшим от удивления. — Осветительную, что ли, бросил? Нет, на осветительную не похоже!..

Но когда я вспоминаю эту минуту сейчас, встает передо мной не горный пустынный пейзаж, озаренный фан-

тастическим светом, а жаркий и тесный кубрик корабля, в котором день спустя я встретился с героями нижеописанных событий.

Я вижу обветренные лица моряков, сидящих на койках вокруг узкого корабельного стола; вижу полосы тельняшек, потемневших от пота, под расстегнутыми воротниками ватников...

Черным глянцем блестят автоматы, сложенные на одной из коек...

Слышен сухой стук костяшек домино, в которое с увлечением играют четверо сидящих за столом.

— Присаживайтесь, товарищ капитан, — сказал мне, потеснившись, пятый моряк, не принимавший участия в игре.

— Скоро пойдем? — спросил я, садясь на койку и с наслаждением вытягивая ноги.

Я почти бегом прошагал пять километров от землянки до причала и еще не оправился от разочарования, узнав, что торпедный катер, на который я спешил, ушел в базу за полчаса до того, как я подбежал к дощатому, чуть белевшему в темноте настилу пирса.

Мотобот, смутно вздымавшийся над невидимой водой, был переполнен пассажирами. Моряки с автоматами, торчавшими из-под плащ-палаток, занимали всю палубу. При виде моей офицерской фуражки они молча расступились, пропуская меня к люку, внутрь корабля...

Итак, я сел на койку. Мои ноги в тяжелых кирзовых сапогах уперлись в какой-то прямоугольный предмет.

— Осторожнее, товарищ капитан, — не оборачиваясь, сказал широкоплечий рыжеватый человек, только что с треском опустивший на стол руку с костяшкой. Под примятым подшлемником, сдвинутым на затылок, повязка, как белая тень, пересекала его медно-коричневое лицо. — Я, конечно, извиняюсь, но под койкой у нас пять килограммов взрывчатки. Скучно будет сейчас на воздух взлететь...

Моряки, видимо, разыгрывали меня, и, чтобы поддержать игру, я с достойной неторопливостью поджал ноги. Говоря с моряками, подчас трудно разобрать: когда они серьезны, а когда «травят» — по морской традиции, подшучивают над вами.

Худой длинноносый человек, потеснившийся на кой-

ке, когда я уселся с ним рядом, глядел на меня из-под круглых роговых очков. На нем была потрепанная армейская шинель с капитанскими погонами.

— Старшина сказал: «Пойдем, как начнет рассветать». В темноте не хочет рисковать. Вчера немцы опять залив минами забросали.

— А как же катер с разведчиками капитана Людова? — спросил я.

— Катер ушел еще в сумерках, — неторопливо, но очень предупредительно ответил офицер в очках. — Там, где бот идет восемь часов, он проскочит за полтора. У него и маневр другой, и наблюдение...

Говоривший сидел вполоборота, но мне казалось, что он смотрит на меня в упор.

— Мы его специальными пассажирами укомплектовали, — сказал румяный моряк с квадратными усиками, подравнивая на столе домино. — Детишкам на ботишке идти нехорошо. Еще укачает...

— А немецким профессорам тем более, — подхватил маленький боец, сидевший рядом. — Поскольку лаборатория в сопках приказала долго жить...

— Матросы!.. — предостерегающе произнес человек в очках.

В его негромком голосе прозвучали нотки, сразу заставившие замолчать маленького бойца.

Смутившись, он так ударил по столу пятерней, что костяшки подпрыгнули, одна свалилась на палубу.

Я видел, что сильнейшее возбуждение владело сидящими в кубрике. Такое возбуждение замечал я у летчиков, вернувшихся из полета, у моряков после трудного боевого похода... Вслед за окликом офицера в очках наступило напряженное молчание.

— Говорят, старший лейтенант Медведев снова командует катером? — опять попытался я завязать разговор.

Все молчали.

— Кстати, разрешите познакомиться! — Офицер в очках бережно сложил и сунул в карман шинели книжку, бывшую у него в руках, и теперь уж действительно в упор взглянул на меня темными, обведенными синевой глазами.

Просьба познакомиться очень напоминала вежливый приказ предъявить документы.

Я не обиделся. На фронте случайные спутники должны быть уверены друг в друге. Я вынул редакционное удостоверение.

Настороженность исчезла с лица офицера. С нежданной силой он сжал мою ладонь длинными пальцами.

— Капитан Людов, — сказал он. — А вот мои разведчики — орлы, альбатросы полярных морей. Возвращаемся с операции.

— Вы капитан Людов?! — воскликнул я.

Его впалые, морщинистые щеки слегка порозовели. Застенчивым движением он поправил очки.

Тот человек, с которым я неоднократно пытался встретиться в базе, оказывался моим соседом и спутником на много часов пути.

— Значит, вы помните старшего лейтенанта Медведева? — спросил задумчиво Людов, когда несколько времени спустя мы вышли из кубрика и присели на палубе, укрывшись от острого ветра на корме, позади рулевой рубки.

Наступал тусклый, зеленовато-серый полярный рассвет. Бот уже отвалил от пирса и, мерно раскачиваясь, стуча изношенным мотором, шел по спокойному Мотовскому заливу.

Он шел вдоль нашего берега, сливаясь камуфлированными черно-белыми бортами с его однообразным бурым гранитом. Сизая линия занятых фашистами сопок, еще подернутых туманом, проплывала далеко от нас. Много времени предстояло идти от полуострова Среднего до главной базы Северного флота...

Помнил ли я старшего лейтенанта Медведева?

Конечно, все на флоте знали историю его героического катера. Знали об отчаянной храбрости старшего лейтенанта, о его любви к морю, о странном для морского офицера стремлении в сопки — на сухопутный фронт.

Однажды я видел Медведева в офицерском клубе, совсем вблизи. Он сидел за соседним столиком в ресторане. В танцевальном зале играл оркестр, весело переговаривались моряки, вернувшиеся с боевых заданий. А он сидел неподвижно, прямой и высокий, опустив на широкую ладонь скуластое лицо с тяжелым лбом, нависшим над глубоко сидящими глазами.

Казалось, он даже не сознает, где находится в эту минуту. Он задумался горько и глубоко. Лишь когда его

окликнули с соседнего столика, он отвел руку от лица. Тускло блеснули две потертые золотые нашивки на рукаве кителя.

Тогда он еще плавал на катере, но уже получил известие о жене. Отвечая на оклик, он улыбнулся широкой, доброй, какой-то детской улыбкой...

И вот передо мной лежит фантастическая история старшего лейтенанта и его маленького отряда, записанная мной на борту мотобота со слов капитана Людова и Сергея Агеева — знаменитого северного следопыта.

Много позже я познакомился с документами, захваченными в немецкой разведке, беседовал с самим Медведевым (к тому времени он стал уже капитаном второго ранга).

Но сейчас для читателя особый интерес имеет даже не история Медведева, а самый подвиг горстки самоотверженных моряков, который был словно увенчан удивительной вспышкой в сопках.

К моему счастью, на всем протяжении пути капитан Людов был в том нервном, обычно совсем несвойственном ему возбуждении, о котором я упомянул раньше.

Капитан не спал третью ночь. Командир мотобота предоставил ему свою койку, но Людов предпочел сидеть на верхней палубе, зябко кутаясь в шинель. Сперва он говорил сам, а потом наблюдал, как я записываю рассказ Агеева.

Иногда рослый неторопливый Агеев останавливался и задумчиво притрагивался к марлевой повязке на курчавой голове. Я понимал: он дошел до момента, казавшегося ему секретным... Он вскидывал на Людова свои живые глаза, и тот или чуть заметно кивал, или еще незаметнее поводил очками. В последнем случае Агеев довольно безболезненно опускал запрещенную часть рассказа. Но капитан чаще кивал, чем делал отрицательный жест.

— Записывайте подробнее, потом не пожалеете, — сказал он, увидев, что я перестал писать и стал разминать натруженные пальцы. — Вы помните, Стендаль, говоря о «Красном и черном», писал: «Читателя удивит одно обстоятельство — роман этот совсем не роман». То же самое могу сказать и я. Если вы опубликуете свои

заметки, никто не поверит, что все рассказанное взято прямо из жизни.

— Да, вы правы! — сказал я, укладывая в полевую сумку последний заполненный блокнот. — Действительно, это готовый роман приключений. В сущности, вы могли бы опубликовать эту вещь сами.

Капитан Людов задумчиво достал из кармана прозрачный портсигар — из тех, на производство которых наши моряки пускали обломки сбитых вражеских самолетов. В портсигаре были не папиросы, а аккуратно уложенные кусочки пиленого сахара. Он предложил кусок мне, другой небрежно отправил в рот. Сахар захрустел на его крепких зубах.

— Дорогой товарищ, я пережил десяток таких романов. Но знаете ли, кто-то из писателей сказал: «Пережить роман — это еще не значит уметь его написать».

Уже тогда я стал замечать пристрастие Людова к литературным цитатам. И он очень обижался, когда собеседник возражал, что у названного автора нет цитируемой фразы.

Во всяком случае, отмечу одно: капитан был начитан глубоко и всесторонне, и не только в области художественной литературы.

— Смотря для кого! — возразил я с некоторым жаром на его последнюю цитату. — Для некоторых написать роман легче, чем пережить хотя бы сотую его долю.

— Я имею в виду хорошие романы, — серьезно сказал Людов. — Так вот: на настоящий роман у меня нет ни времени, ни способностей, а для плохого не стоит стараться. Стараться-то придется все равно. Кажется, Анатоль Франс шутил над распространенным заблуждением, что написать плохой роман легче, чем хороший. «Нет, — говорит он, — и тот и другой написать одинаково трудно: оба требуют одинаковой затраты бумаги и сил...» Но... — он взглянул на меня с легкой улыбкой, — здесь у вас риск минимальный. Материал говорит сам за себя.

Да, пересмотрев недавно свои записи, я не мог не согласиться с капитаном. Материал говорит сам за себя!

И первое, что встает в моем воображении и просится на бумагу, — это поход катера старшего лейтенанта Медведева у берегов Северной Норвегии, поиски вражеских кораблей осенней полярной ночью: первое звено в цепи дальнейших необычайных событий.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОРСКАЯ ОХОТА

— Лучше смотреть, Фролов! А то как бы тебе чайка на голову не села! — крикнул Медведев сквозь ветер и опустил мегафон на влажную фанеру рубки.

Сигнальщик Фролов чуть было не выронил от удивления бинокль. Командир шутит в конце неудачного похода, когда катер уже возвращается в базу, а торпеды по-прежнему спокойно лежат на борту. Удивительно, невероятно!

Он покосился на командира. Старший лейтенант Медведев стоял в боевой рубке, как обычно, слегка сгорбившись, надвинув фуражку с эмблемой, потускневшей от водяной пыли, на прямые суровые брови. Сигнальщику показалось, что и лицо командира, похудевшее от бессонницы, выражает скрытую радость. Радость в конце неудачного похода!..

Высокая мутная волна ударила в борт, длинными брызгами обдала линзы бинокля и щеки. Фролов протер линзы, снова тщательно повел биноклем по морю и небу.

Справа до самого горизонта расстилалась зыбкая холмистая пустыня океанской воды. Бинокль скользнул влево — возник голый извилистый берег. Ребристые утесы черными срезами вздымались над водой. Рваной пеной взлетали снеговые фонтаны прибоя.

Океан глухо ревел. Еще белела в небе луна, но уже вставало неяркое полярное солнце. Наливались розовым соком длинные снеговые поля в расселинах горных вершин.

Опять бинокль скользил по волнам. Палуба взлетела и опустилась. Снова брызги ударили в выпуклые стекла, и Фролов протер бинокль меховой рукавицей.

Всю ночь катер плясал по волнам вдоль берегов Северной Норвегии.

Сзади бежала светлая водяная дорожка — за кормой второго корабля поисковой группы.

Однообразно и грозно гудели моторы. Нестихающий ветер свистел в ушах. Обогнули остроконечный, прикрытый плоским облаком мыс, и палубу качнуло сильнее. Кипящая волна взлетела на бак, разлилась по настилу прозрачной пенистой пленкой.

Да, Медведев был рад. Он рвался в бой, страстно ненавидел врага, но сейчас, сам себе боясь в этом признаться, испытывал чувство явного облегчения... Радость оттого, что не встретил вражеских транспортов!

«С торпедами не возвращаться!» Это было боевым лозунгом, делом чести экипажей торпедных катеров. Но длинные золотящиеся смазкой торпеды, как огромные спящие рыбы, лежали в аппаратах по бортам.

Катер уже ложился на обратный курс, и Медведев даже позволил себе пошутить, а шутил он лишь в минуты душевного спокойствия и подъема.

Он стер с лица горькую влагу неустанно летящих брызг, окинул взглядом свой маленький боевой корабль.

Сколько раз на этой узкой деревянной скорлупке выходил он в открытое море, смотрел смерти прямо в раскрытую пасть! Сколько раз, как сейчас, кругом качалась пенная водяная пустыня, тусклые волны хищно изгибались, катясь из бесконечной дали!

Палуба вздымалась и опадала. Чернел вдали обрывистый дикий берег. Держась за поручни, моряки смотрели — каждый по своему сектору наблюдения. Фролов в долгополом бараньем тулупе старался прикрыть мехом воротника румяные мальчишечьи щеки, не отводя бинокля от глаз.

— Значит, зря мотались всю ночь, товарищ командир? — спросил боцман Шершов.

— Возвращаемся в базу, боцман! — бодро сказал Медведев.

И боцман тоже с удивлением взглянул на старшего лейтенанта. У командира неподобающе довольный голос! У старшего лейтенанта Медведева, который потопил три корабля врага, как бешеный пробивался к ним, прорывал любые огневые завесы!..

Из квадратного люка высунулась коротко остриженная голова с веселыми карими глазами под выпуклым лбом. Молодой моторист Семушкин, он же катерный кок, надевая на ходу бескозырку, шагнул на палубу, балансировал с большим никелевым термосом и стаканом в руках. Протанцевал к рубке, встал перед Медведевым — раздетый, в одной холщовой рубахе, с черными ленточками, вьющимися за спиной:

— Товарищ командир, стаканчик горячего кофе! С вечера не ели, не пили.

— Кофе? — задумчиво взглянул на него Медведев. — Горячий?

— Горячий, товарищ командир. Этот термос вот как тепло держит!

— Сам-то небось уже попробовал?

Семушкин ловко отвинчивал крышку, широко расставив ноги на палубе, вздыбленной волной.

— Ладно, налейте стаканчик, — решительно сказал Медведев. — А потом всех моих тигров угостите. В базе-то будем только часа через два...

— На горизонте дым! Справа, курсовой угол сто тридцать! — крикнул вдруг, нагибаясь вперед, Фролов.

Стакан выпал из рук командира. Семушкин подхватил стакан на лету.

Да, командир вздрогнул, кровь отхлынула от сердца. Глядел в указанном направлении, порывисто схватив бинокль.

Увидел: низкий бурый дымок действительно плывет над рассветным морем.

Сигнал в моторный отсек... Замолкли моторы, катер бесшумно покачивался на волнах.

— Напишите мателоту: «Вижу на горизонте дым», — тихо сказал командир.

Все глядели вперед. Стучали сердца в ожидании близкого боя. Семушкин мгновенно исчез в люке моторного отсека.

Дым густел, вырастал. Смутный силуэт большого корабля вставал над гранью горизонта.

— Вижу караван! — докладывал возбужденно Фролов, не отрываясь от бинокля. — Один транспорт, два корабля охранения. Идут курсом на нас... Немецкие корабли, товарищ командир.

— К торпедной атаке! — приказал Медведев. — Фролов, напишите мателоту: «Выходим в атаку на транспорт».

Он говорил звонким, отчетливым голосом. Непреклонная решимость была в его взгляде. Таким привыкли моряки всегда видеть своего командира.

Медведев выпрямился, уверенно сжал штурвал. Только глаза запали глубоко, с непонятной горечью сжались обветренные губы.

Моторы зарокотали снова, теперь почти бесшумно: на подводном выхлопе. Фролов, окруженный пламенем порхающих флажков, семафорил приказ командира.

Катер рванулся в бой.

Торпедист Ильин деловито возился у аппаратов.

Катер мчался навстречу вражеским кораблям.

— Товарищ командир!

Из радиорубки глядело широкоскулое добродушное лицо с узким разрезом глаз. Немного клонилась на одно ухо примятая бескозырка.

Катер мчался вперед.

— Товарищ старший лейтенант!

Ветер уносил слова, но на этот раз радист коснулся руки Медведева.

— Вам что, Кульбин?

— Товарищ старший лейтенант! — Теперь Кульбин стоял рядом с Медведевым. — Принята шифровка командира соединения. Вот! — Радист протягивал вьющийся по ветру листок.

Медведев взял кодированную радиограмму.

Прочел, прислонив к козырьку ветроотвода.

Не поверил собственным глазам. Снова прочел, всматриваясь изо всех сил. Дал сигнал застопорить моторы.

— Кульбин, друг, у меня что-то в глазах мутится... Прочти...

— «Катерам поисковой группы, — медленно читал Кульбин, — запрещаю торпедировать транспорт, идущий в нордовом направлении в охранении двух катеров...» И подпись капитана первого ранга!

Кульбин поднял на Медведева удивленные глаза.

И он поразился, увидев лицо старшего лейтенанта. Странное выражение было на этом обветренном, затемненном козырьком фуражки лице. Не выражение разочарования, нет!

Такое выражение — будто человек удержался на самом краю пропасти, избежал огромной опасности, еще не вполне веря в свое спасение.

— Отставить торпедную атаку!

Хмуро, разочарованно смотрели матросы. Силуэт вражеского корабля вырисовывался яснее. Уже было видно: вокруг него движутся — чуть заметные пока — два катера охранения.

Фролов отвел бинокль от разгоряченного волнением и ветром лица, досадливо махнул рукой:

— Товарищ командир, мателот сигналит: «Согласно принятому приказу отказываюсь от атаки, ухожу под берег».

Медведев кивнул. Конечно, правильнее всего, если уж не ввязываться в бой, затаиться под берегом, слиться с его глубокой тенью. Без бурунного следа враг не обнаружит катеров на фоне береговых скал.

Не говоря ни слова, он уводил катер ближе к берегу. Боцман Шершов наклонился к командиру:

— Что ж, товарищ старший лейтенант, так и отпустим фашиста, тетка его за ногу?

— Приказ слышали, боцман? Воевать нам еще не один день. Начальству виднее.

— Да ведь обидно, товарищ командир. И охранение небольшое. Всадили бы торпеды наверняка.

— Приказы командования не обсуждаются, боцман!

Катер покачивался в береговой тени.

Все громче наплывал гул винтов вражеского каравана, смешиваясь с ревом прибоя.

Высокобортный закопченный транспорт мерно вздымался на волнах. Медлительный жирный дым летел из трубы, скоплялся в круглые облака, плыл, редея, за горизонт. Два сторожевых катера ходили зигзагами вокруг...

Караван надвигался все ближе.

В линзах бинокля проплывали выгнутые борта. Крошечные фигурки матросов двигались по трапам вверх и вниз. И на темных палубах, среди нагромождения грузов, будто сгрудилась густая толпа...

Медведев перегнулся вперед, до боли прижал к глазам окуляры бинокля. Но рваное облако дыма затянуло видимость: ветер прибил дым к самой ватерлинии транспорта.

Быстрый корабль охранения, трепеща свастикой флага, проходил между транспортом и советскими катерами. Транспорт уже изменял курс, поворачивался кормой, палуба скрылась с глаз.

Конвой уходил дальше, в нордовом направлении.

Будто проснувшись, Медведев опустил бинокль.

Приподнял фуражку, не чувствуя острого ветра, стер со лба внезапно проступивший пот.

Гул винтов отдалялся. Медведев ощутил весь холод, всю промозглую сырость бушующего вокруг океана. Надвинув фуражку на глаза, дал сигнал в моторный отсек. Налег на штурвал, ведя катер домой из неудавшегося похода.

Но вялость мгновенно прошла, когда ширококрылый самолет заревел над водой, стремительно надвигаясь на катер. Он подкрался из-за береговой гряды, лег на боевой курс, стрелял из всех орудий и пулеметов.

— По самолету — огонь! — прогремел Медведев, вращая колесо штурвала.

Мало что сохранилось в его памяти от этого мгновения. Лишь прозрачные смерчи пропеллеров над самой водой, темные веретенца бомб под широким размахом крыльев.

Катер повернулся в волнах, как живой. Над ним прокатились водяные потоки. Медведев почувствовал струю твердой, как железо, воды, бьющей прямо в глаза, горькую соль на сразу пересохших губах.

«Фокке-вульф» стрелял непрерывно, снаряды и пули били по волнам, надвигаясь кипящей завесой.

Все звуки потонули в сплошном грохоте. Содрогался вместе с грохочущим пулеметом Фролов, вцепившись в вибрирующие ручки. Рядом стрелял боцман Шершов.

Трассы с катера и самолета скрестились.

Несколько черных рваных звезд возникли вдруг на мокрой обшивке рубки. Торпедист беззвучно пошатнулся, рухнул между цилиндрами торпед. Кровавая струя текла на доски палубы, и в следующий миг ее смыла набежавшая волна. А потом вбок отвернули огромные крылья, два дымовых столба выросли в воде, катер подскочил, словно поднятый из воды невидимой великанской рукой.

— Ура! — услышал Медведев слабый крик Фролова.

Вода бушевала вокруг разбухших сапог, толкала под ноги. И только мельком увидел Медведев овальное серо-желтое крыло, косо врезавшееся в волны, почти мгновенно исчезнувшее под водой.

Фролов, в голландке, липнущей к худощавым стройным плечам (когда успел он сбросить тулуп?), торжествующе поднимал большой палец. Радостно улыбался

Медведев, выравнивая курс катера. Но Фролов докладывал уже про другое. Он увидел пробоину в деревянном борту, рвущуюся в нее пенную воду, бесцветные языки пламени, бегущие по палубе невдалеке от торпед.

— Товарищ командир, пробоина в правом борту! — торопливо докладывал боцман.

— Товарищ командир, в моторный отсек поступает вода! — высунулся из люка покрытый мокрой копотью старшина мотористов.

Медведев передал штурвал боцману. Скользнул в люк машинного отделения. Сердце его упало.

Здесь в тусклом свете забранных металлическими сетками ламп белели извивы пышущих жаром авиационных моторов. Остро пахло бензином. Семушкин сидел прислонившись спиной к асбестовой стенке мотора, уронив стриженую голову на высоко поднятые колени. Бескозырка лежала на палубе рядом, вокруг нее плескалась вода.

— Семушкин! — позвал Медведев.

— Убит, товарищ командир, — глухо доложил старшина. — Осколком в грудь, наповал...

Вместе с другим мотористом старшина уже разворачивал пластырь.

— Пробит борт возле правого мотора, — докладывал старшина. — Снаряд разорвался в моторном отсеке. Если заведем пластырь, сможем идти на одном моторе.

— Делайте, — тяжело сказал Медведев, не сводя глаз с Семушкина.

«Может быть, еще жив?» Тронул его за плечо. Голова качнулась, на ткани голландки темнело кровяное пятно.

Сердце Семушкина не билось.

Медведев выбежал наружу. Матросы заливали огонь, брезентовыми ведрами черпали забортную воду.

— Радист! — крикнул в рубку Медведев.

Кульбин высунулся из рубки. Смотрел невозмутимо, будто ничего особенного не происходило вокруг.

— Передайте сто одиннадцатому: «Катер получил бортовую пробоину, поврежден один мотор, есть попадания зажигательных снарядов... — Медведев быстро прошел по палубе, встал на колени возле лежащего ничком Ильина. — Убито два краснофлотца». То же самое передадите капитану первого ранга... Идите!

— Есть, товарищ командир. — Кульбин скрылся в рубке.

Палуба была горячей и сухой, струйки дыма выбивались из полуоткрытого люка.

Медведев заглянул в люк. Отшатнулся.

Набрав воздуху в легкие, почти скатился по крутому трапу.

Узкий коридорчик был в буром дыму, под ногами плескалась вода. Отсветы пламени плясали на металлической стенке.

— Зажигательный снаряд! Точно...

Дым схватил за горло. Но Медведев рванулся сквозь дым, распахнул и захлопнул за собой дверь в крошечную каюту, где провел столько часов отдыха, где каждая вещь дорога, запомнилась навсегда.

В каюте горел свет. Висел над койкой запасной полушубок, покачивалась шапка-ушанка, которую из-за морского щегольства старший лейтенант не носил никогда. На полке, над столом, несколько любимых книг. И здесь же, в синей сафьяновой рамке, большая фотокарточка под стеклом: тонкая женщина с прямым серьезным взглядом из-под пушистых бровей, мальчик лет шести обнимает ее за шею...

Дым просачивался в каюту. Сперва корабельные документы... Рванул ящик стола. Собрав аккуратно, сунул пачку за пазуху, под мех реглана, вместе с журналом боевых действий.

Теперь фотография...

Она не поддавалась, была надежно прикреплена к переборке. Ногти скользнули по рамке и стеклу.

Дым ел и слепил глаза. «Еще, пожалуй, не выйду наверх...»

Он дернул рамку — острая боль пронизала ногти. Сунул фото за пазуху, не дыша промчался коридором, взлетел по трапу.

И особенно навсегда запомнилась открывшаяся здесь картина: узкая деревянная палуба, темная от воды и дыма, серый брезент пластыря, неровной заплатой вздувшегося у борта, мертвый Ильин лежит лицом вниз между двумя золотящимися смазкой торпедами.

Медведев сам схватил огнетушитель, направил в люк шипучую струю. Ему помогал Фролов, непривычно серьезный, с широко открытыми глазами.

И снова за спиной спокойный, неторопливый голос Кульбина:

— Товарищ командир, капитан первого ранга поздравляет со сбитым «фокке-вульфом». Спрашивает, не нуждаемся ли в помощи. Сто одиннадцатый сигналит: «Может быть, взять на буксир? Буду нести ваше охранение».

— Передайте: «В помощи не нуждаюсь, дойду собственным ходом», — бросил Медведев через плечо.

Он сменил Шершова у штурвала. Фуражка боцмана сдвинулась на затылок, струйка крови запеклась на смуглой, будто отлитой из бронзы щеке.

А потом: длинный дощатый причал у плавучей базы, офицеры и краснофлотцы, толпящиеся у трапа... Минута торжественного молчания, когда с палубы на сушу переносили двух погибших моряков...

И, только закончив швартовку, вымывшись под душем и переодевшись в каюте плавучей базы, перед тем как идти к командиру соединения на доклад, Медведев присел на койку, постарался привести в порядок свои мысли, понять то удивительное, что произошло во время похода.

Почему дана была шифровка, запрещавшая торпедировать вражеский транспорт? Разве не совпало это с его собственными опасениями, мучившими уже не первый день?

Значит, все-таки не зря, после раздумий и колебаний, написал он свой недавний рапорт, удививший всех, огорчивший его прямое начальство, а его самого ввергший в мир новых, необычайных переживаний.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОРОД В ГОРАХ

— Не знаю! — сказал командир соединения. — Не знаю, почему был такой приказ. Как только мне позвонил командующий флотом, я передал шифровку вам... Говорите, уже готовились выйти в атаку! Небось сердце так и екнуло в груди? Упустить такую добычу!

Медведев молчал, вертя в пальцах потухшую папиросу.

— Ладно, не вы один это испытали, — продолжал капитан первого ранга. — Уже был подобный приказ на прошлой неделе. Тоже шел транспорт на норд... Спрашиваю командующего: «В чем дело? Этак у моих моряков торпеды сами собой пойдут выскакивать из аппаратов...»

— И что сказал командующий, товарищ капитан первого ранга?

Пожилой моряк нахмурился. Вскинул на Медведева зоркие глаза.

— Сказал: «Выполняйте. Приказы командования не обсуждаются». А с этим «фокке-вульфом» вы молодцом. Мастерски провели маневр, сбили с боевого курса. Ребята ваши метко стреляли... Удивился я, как дошли своим ходом до базы... Мотор поврежден, бензобаки почти пустые. На чем вели катер?

— На энтузиазме матросов довел корабль, товарищ капитан первого ранга! — серьезно сказал Медведев.

Он сидел в светлой, просторной каюте перед столом командира соединения торпедных катеров. Желтоватые отсветы потолочного плафона падали на вишневую эмаль ордена Красной Звезды над грудным кармашком кителя старшего лейтенанта. Только с полчаса назад капитан первого ранга вручил Медведеву этот орден.

— Ну, денька два отдохните, отоспитесь, а потом снова в море, старший лейтенант!

— Разрешите спросить, товарищ капитан первого ранга, как мой рапорт?

— Ваш рапорт? — снова нахмурился командир соединения. В его голосе были удивление и досада. — Вы настаиваете на своем рапорте?

— Отдыхать сейчас не могу, — приподнялся Медведев на стуле. — Мой катер будет в ремонте месяца два. Сидеть без дела невыносимо!

— Так идите в операцию хоть сейчас. Пошлю вас обеспечивающим на любом корабле!

Медведев побледнел. Побледнел так же, как в тот момент, когда Фролов доложил о дыме на горизонте.

— Я прошу дать ход моему рапорту. Прошу перевести меня временно с торпедных катеров в части морской пехоты, в сопки.

— Но почему? Что вас тянет на берег, старший лейтенант?

Медведев молчал. Как мог он объяснить свой странный замысел, свои фантастические мысли? Даже себе самому не отдавал в них ясного отчета. Его сочтут смешным болтуном. Никого не хотел посвящать в заветную мечту, боясь, что докажут ее неосуществимость.

— Вот что, дорогой, — мягко сказал командир соединения, — говорю по-дружески: вы устали, изнервничались и собираетесь сделать глупость. Я нарочно задержал ваш рапорт. Люди на суше нужны, командующий может списать вас, тем более вы уже служили в морской пехоте... Вам надоело море?

— Товарищ капитан первого ранга, — горячо сказал Медведев, — вы знаете, как я люблю мой корабль!

— Знаю, — ласково посмотрел на него боевой моряк. — Так выбросьте из головы этот вздор. Уйти из плавсостава легко, гораздо труднее вернуться обратно.

Он вынул из папки листок рапорта.

— Отдохнете два дня — сами будете мне благодарны. Идите отдыхайте.

Медведев встал со стула.

— Рапорт можете взять с собой. Хотите — порвите, хотите — сохраните на память. Ну, берите!

Медведев стоял неподвижно, вытянув руки по швам.

— Я очень благодарен вам за хорошие слова... за дружбу... Но, — его голос окреп, — я прошу, не задерживая, передать командующему мой рапорт.

Наступило долгое молчание.

— Хорошо! — резко сказал капитан первого ранга. — Я доложу командующему. Идите.

Вот так и получилось, что уже второй день Медведев был не у дел, ожидая результатов своего рапорта.

У подножия гранитной сопки, в глубине извилистого фиорда, была пришвартована плавучая база торпедных катеров — широкопалубный пассажирский теплоход «Вихрь».

Никогда Медведев не предполагал, что у человека может оказаться в распоряжении так много лишних минут и часов.

Утром он лежал дольше всех, старался спать, вытянувшись на кожаной пружинистой койке — не чета узенькому диванчику в каюте катера.

Одним из последних выходил он в отделанную карельской березой, уставленную мягкой мебелью кают-компанию базы.

Здесь стояли столы под жесткими, крахмальными скатертями. Вестовые в белоснежных спецовках неслышно передвигались, разнося чай в граненых стаканах, охваченных металлическим узором до блеска надраенных подстаканников.

В круглые иллюминаторы лился утренний свет. Доносились снаружи револьверные выстрелы заводимых моторов. Какой-нибудь друг офицер в походном костюме дожевывал бутерброд, торопливо допивал чай, чтобы сбежать к своему катеру по широкому корабельному трапу, устланному мягким ковром.

— Снова пошли на большую охоту, Андрюша! — бросал офицер Медведеву через плечо. — Говорят, возле Кильдина наши летчики подводную лодку запеленговали. Пожелай счастливой охоты!

— Попутного ветра и пять футов чистой воды под киль! — посылал вслед ему Медведев обычное напутствие северных моряков.

А офицер уже исчезал в дверях кают-компании, на ходу застегивая пуговицы реглана.

Медведев медленно допивал чай.

Присаживался к черной глыбе рояля в углу кают-компании.

Пальцами, шершавыми от морской воды и океанских ветров, небрежно пробегал по гладким клавишам и, вздохнув, опускал крышку рояля.

Вестовые уже снимали скатерти, заменяли их зеленым сукном, расставляли пепельницы на столах.

Медведев подходил к иллюминатору, отвинчивал боковой болт, отодвигал толстое мутноватое стекло. Соленый ветер врывался снаружи. Вокруг «Вихря» вились неторопливые белогрудые чайки, курсом на вест уходили катера, курсом на вест — высоко в небе — проносились наши истребители и торпедоносцы.

Взяв в каюте фуражку, старший лейтенант выходил на верхнюю палубу, подходил к переброшенным на берег сходням.

Вытягивался стоявший с винтовкой у сходней часовой-краснофлотец...

Здесь берег круто убегал вверх. Внизу, у корабель-

ного трапа, сопка темнела ребрами обнаженного гранита. Выше, по склону, зеленели низкие заросли ползучих заполярных березок.

«Наш парк культуры и отдыха», — называли это место моряки плавучей базы.

Медленно, извилистой тропкой Медведев поднимался на сопку. Все выше вела тропа, ее пересекали горные ручейки, вода ртутно блестела из-под намокшего жесткого мха. Мокрый гранит скользил под ногами.

Старший лейтенант поднимался все выше.

«Вихрь» стоял внизу, плотно прижавшись к береговым скалам. Сверху его прикрывала серая маскировочная сеть. Сеть окутывала скалы и мачты корабля; с воздуха весь теплоход казался плоским выступом каменного берега.

Полускрытые маскировочной сетью, на свинцовой ряби фиорда жались к борту теплохода маленькие торпедные катера.

Оттуда поднимался грохот моторов. То один, то другой катер уходил к горлу фиорда, оставляя на воде бутылочно-голубой след...

Чем ближе к вершине, тем сильнее дул в лицо крепкий морской ветер. Старший лейтенант входил в цепкие заросли березок, в разлив черничной листвы. За поворотом виднелся сложенный из камней дзот, блестели из-под лиственных укрытий длинные стволы зениток береговой батареи.

Немного ниже, на открытом месте, темнел свежий холмик маленькой братской могилы. На нем лежали широкие венки розовых горных цветов. Здесь схоронили Семушкина и Ильина, павших в морском бою.

Медведев медленно подходил к обрыву.

Закуривал, заслонившись от ветра. Глядел в открывающийся с веста огромный простор.

За зубчатой стеной сопок виднелась сизая полоса Баренцева моря. Дальше — широкая дымчатая пелена норвежских горных хребтов. Там залегли фашистские егерские части. Подолгу неотрывно смотрел в эту сторону Медведев, жевал задумчиво мундштук, и все больше укреплялась всецело овладевшая им, такая неосуществимая на первый взгляд мысль...

Он спускался вниз, шел к месту ремонта своего корабля.

Катер, вытащенный на берег, стоял на высоких деревянных подпорах. Высоко взлетал над землей изогнутый узкий киль. Еще была видна на рубке тщательно нарисованная цифра «3» — счет потопленных вражеских кораблей. Но краснофлотцы уже раздевали катер, счищали с подводной части въевшиеся в дерево ракушки и старую, облупившуюся краску.

Как резко выступали теперь все раны корабля, полученные в последнем бою! Пластырь был снят, огромная пробоина чернела у самой ватерлинии. Сквозь нее видны были мотористы, разбиравшие поврежденный мотор.

Хмуро вставала над палубой пробитая осколками и пулями рубка. Сиротливо высилась мачта без флага и антенны. Медведев чувствовал себя здесь, как в операционной в присутствии тяжело больного друга.

Однажды он услышал разговор краснофлотцев. Подошел незамеченный, остановился под килем у широкого плавника руля. Медведев сразу распознал голоса.

Говорил радист Кульбин обычным своим, будто немного сонным голосом:

— Что это ты кислый такой? Укачало, что ли, на суше?

И конечно, ответил Фролов. Медведев знал, какая дружба связывает этих, таких не похожих друг на друга матросов.

Фролов — живой, легкомысленный парень, корабельный остряк и задира — сейчас казался подавленным и раздраженным.

— Сухая ты, Вася, душа. Третий день по земле хожу и все в себя не приду. Смотри, как покорежило катер.

Помолчали. Работали на палубе, перетаскивая какие-то вещи. Снова заговорил Фролов:

— Какой катер! Быстрый, что чайка. Три корабля потопили, самолет пустили на дно. А теперь что? По чужим кораблям разойдемся?

— А ему все равно уж в ремонт пора, — негромко сказал Кульбин. — Ты зачем его, Дима, будто хоронишь? Мы ему огня больше дадим, новую рацию поставим. Еще как повоюет...

— А ребята? Те, что погибли? Когда в могилу их опускали, мне солнце черным показалось. Чтобы не заплакать — по душам говорю, Вася, — я себе губу прокусил. Золотые ребята!

— Война! — прозвучал взволнованный голос радиста. — Слезами, друг, делу не поможешь. У матроса слезы наравне с кровью ходят...

— Я бы сейчас на сухопутье пошел, — сказал Фролов страстно. — Лицом к лицу с немцем схватиться. Говорят, командир рапорт подал — в морскую пехоту. Вот бы с ним, пока здесь корабль лечат. Пошел бы ты, Вася, тоже?

— Не знаю... — раздумчиво произнес Кульбин. — С корабля уйдешь — обратно могут не воротить. Я моряком умереть хочу, если уж умирать придется...

Медведев стоял опершись на стальное перо руля. Да, золотые ребята! Как сдружился с ними за короткое военное время!.. Может быть, взять обратно рапорт, оставить все, как было, положиться на волю случая?

Но три часа спустя на борту рейсового катера он уже подходил к причалу главной базы Северного флота.

Много дней и недель не видел он этого города в сопках — города, лишенного детей и деревьев, возникшего на голых гранитных утесах, — на скалах, отшлифованных постоянными яростными ветрами, дующими со всех тридцати двух румбов.

Уже рейсовый катер прошел линию противолодочных бонов, огибал пологий, кое-где пестреющий деревянными домами Екатерининский остров.

Нежданный снежный заряд закрутился в воздухе, жесткой крупой осел на серых чехлах и на ворсе шинелей. Мгновенно надвинулась и промчалась зима, и вновь засияло солнце, заблестели окна домов базы, всеми цветами радуги заиграла вода залива.

Темнели пологие гранитные холмы, светлели на них узкие мостики-трапы, превращающие весь город в огромный каменный корабль. Уже с причала видны были центральный городской стадион, тяжелое, похожее на форпост рыцарского замка здание штаба на склоне сопки.

У трапа старшина проверял документы сходящих на берег. Задержал на Медведеве взгляд. Какой-то капитан, длинноносый, в круглых очках, ходил по пирсу, лениво любуясь радужной расцветкой залива.

Медведев прошел вдоль низкого борта стоящего у причала эсминца.

Длинные, полускрытые водой тела подводных лодок, как спящие аллигаторы, покачивались у пирса вдали. На рейде стоял белый английский корвет; белая шлюпка двигалась к берегу от его борта.

Группа громко болтающих англичан шла со стороны стадиона. Вслушавшись в быструю шелестящую речь, старший лейтенант разобрал: разговор идет о только что окончившемся футбольном матче. Англичане поравнялись с Медведевым. Черные клеенчатые плащи, бескозырки с очень высокими тульями и куцыми полями, у офицера — высокая фуражка. Офицер прошел, не козыряя; матросы посторонились, притрагиваясь к бескозыркам, смотря на Медведева водянисто-голубыми глазами, блестевшими спортивным азартом и удивлением.

Они говорили о русском полярном городе, моряки которого только что выиграли со счетом 9:0 матч у британской команды, пришедшей сюда с родины футбола...

Медведев сошел с мостков.

Прыгал прямо по камням, напрямик пересекая проспекты, торопясь к двухэтажному дому верхней линии, в который не заходил столько недель.

Пирамидка подгнивших ступенек, спускающихся с крыльца, по обе стороны высокого подъезда. Сначала, приехав сюда, Настя, жена, всегда удивлялась: зачем здесь строят такие высокие крылечки. Потом, увидев полярные снегопады, решила — чтобы не занесло сугробами входную дверь...

Медведев вошел в подъезд. Как и раньше, открыта никогда не запиравшаяся дверь в квартиру. Пустая передняя в холодном электрическом свете. На пыльной вешалке, в углу, неизвестно как попавшая сюда беловерхая офицерская фуражка без эмблемы.

Медведев вынул ключ из кармана. Открыл комнату, столько времени стоявшую на запоре. И, только войдя в нее, удивился — зачем так торопливо, со смутным ожиданием чего-то нового, радостного пришел сюда?

Все здесь было — прежний погибший уют и теперешнее глубокое запустение. Сквозь треснувшее от бомбежки запыленное стекло дневной свет падал на розовый шелковый абажур над столом, на полураскрытый зеркальный шкаф, на две стоящие по стенам, аккуратно заправленные кровати.

На одной из кроватей до сих пор лежал наспех увязанный клетчатый портплед. Настя сперва решила взять его с собой, а потом, когда загудели моторы над крышами и торопливо захлопали зенитки, и бахнуло с рейда морское орудие, так и бросила на кровати... Стоял на краю стола сломанный оловянный солдатик, о котором Алеша так горько плакал — уже позже, на борту буксира...

— Убрать бы комнату нужно, — сам себе сказал вслух старший лейтенант. Голос, привыкший к корабельным командам, неестественно громко прозвучал в комнатной тишине.

Он провел пальцем по скатерти. На пальце остался бархатный серый слой. По скатерти вытянулась белая отчетливая полоска.

Медведев присел на кровать. Тотчас встал, тщательно отряхивая брюки. Мелькнуло в зеркале костлявое смуглое лицо с зачесанными назад волосами, с глазами, грустно смотрящими из-под покрасневших век.

— Постарел ты, Андрей! — снова вслух сказал старший лейтенант, прикрывая дверцу зеркального шкафа.

Расстегнул сумку противогаза, бережно достал снимок. Лак фотокарточки слегка покоробился, пожелтел по краям от пламени и воды. Как будто потемнело, стало старше лицо жены с широко открытыми глазами. Только Алеша улыбался по-прежнему, смотря куда-то в сторону, вдаль...

Куда повесить карточку? Конечно, пока сюда, на прежнее место — над кроватью. Но гвоздь, еле державшийся в стене, покачнулся — фото скользнуло за кровать. Медведев еле успел подхватить рамку...

Кто-то осторожно постучал в дверь.

— Войдите! — нетерпеливо бросил Медведев.

Офицер в морской шинели, с капитанскими погонами на плечах приоткрыл дверь, приложил пальцы к круглым очкам под козырьком фуражки.

Медведев холодно козырнул в ответ:

— Вам кого, товарищ капитан?

— Вас, — дружелюбно улыбаясь, сказал офицер в очках.

— Вы, конечно, ошиблись, — хмуро буркнул Медведев. — Я в базе всего минут двадцать, не был здесь не-

сколько месяцев. К сожалению, не имею удовольствия знать вас...

— Зато я знаю вас, — негромко сказал вошедший. — Насколько я вижу, в квартире больше никого нет? Это меня устраивает. Мы побеседуем о вещах, которые пока следует знать только нам с вами. Моя фамилия — Людов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Медведев смотрел вопросительно. Оторванный от главной базы, все время проводя на катере, в боевых походах, в тренировках, он был одним из тех немногих, которым имя Людова не говорило ничего. Наоборот, этот капитан в очках, с явно сухопутной походкой вызывал в нем то чувство легкого пренебрежения, которое некоторые моряки с боевых кораблей испытывают, встречаясь с береговым персоналом.

— Прошу садиться... — Он сделал неопределенное движение, снова увидел в зеркале свое осунувшееся лицо, снял фуражку, ища глазами, куда ее положить. — Но видите, здесь такой беспорядок. Давно нужна большая приборка. Сейчас сотру пыль со стула.

— Ничего, не беспокойтесь, — сказал улыбаясь Людов.

Медведева поразило, что улыбка будто никогда не сходила с этого уже немолодого, пересеченного множеством морщин лица. Но странное дело, эта вечная улыбка не казалась натянутой, неуместной. Что-то дружеское, очень приветливое было в ней, точно внутренний свет озарял резкие, некрасивые черты.

Людов смахнул пыль со стула и сел. Сняв фуражку, привычным движением положил на перекладину под сиденьем.

— Погодка... — сказал он, стряхивая с шинели тающий снег. — На дворе еще лето, а вот извольте — заряд. Кажется, Наполеон говорил, что сюрпризы русской природы должны быть учтены при разработке любого стратегического плана? А ведь он дошел только до Москвы. Что сказал бы он, побывав в Заполярье?

Медведев хмурился, все еще держа в одной руке фотокарточку, в другой фуражку.

— Насколько мне известно, — тон Людова стал отрывисто-деловым, — вы подали рапорт об отозвании вас с торпедных катеров?

Медведев молча кивнул.

— Вы ушли с торпедных катеров, так как боялись... — Людов помолчал, выбирая выражение, — боялись стать причиной гибели своей семьи?

Медведев уронил снимок и фуражку на стол. Брови сошлись в одну сумрачную черту.

— Товарищ капитан, ничего подобного я не писал в рапорте!

— Конечно, не писали, — подтвердил Людов. — И не могли писать, так как не знали ничего определенного. Но я себе представляю, как вы страдали, подстерегая с торпедами корабли, на одном из которых могли идти ваши жена и сын! — Он помолчал, сочувственно глядя на Медведева. — Успокойтесь, Андрей Александрович. Все три корабля, на которых перевозили наших мирных людей, угнанных в рабство, спокойно дошли до места назначения. Мы узнавали о времени их отхода и курсе, своевременно давали шифровки... Правда, в последний раз шифровка немного запоздала: вы уже, кажется, хотели выходить в атаку...

— И вы тоже думаете, что на этом транспорте могла быть моя семья? — ломким голосом спросил Медведев.

— Этого я не думаю, — медленно произнес Людов. — Я верю в возможность всяких страннейших совпадений. Но строить такое предположение было бы слишком наивно.

Медведев тяжело сел на кровать.

— Подытожим факты, — продолжал Людов. — Вы обращались в штаб партизанского движения с просьбой установить судьбу ваших жены и сына, захваченных немцами под Ленинградом. Вам ответили — не правда ли? — что вашу семью сперва держали в концентрационном лагере, потом перевели в один из норвежских портов для отправки на транспорте в Заполярье... Не так ли?

Затаив дыхание, Медведев кивнул.

— Теперь, когда вашему рапорту дан ход, — помол-

чав, сказал Людов, — с какой целью вы направляетесь на сухопутье?

Медведев молчал.

— Я представляю себе ваши мечты... — Людов снял очки, стал задумчиво протирать носовым платком стекла. — Вы проситесь на передний край, думаете связаться с разведчиками, проникнуть в немецкие тылы, разыскать лагерь рабов, отбить свою семью...

Капитан сидел без очков; на Медведева глядели очень усталые, добрые, глубоко запавшие глаза. Но Людов опять надел очки.

Его голос стал жестким.

— Едва ли это удастся вам. Северная Норвегия — океан пустынных сопок. Ваши поиски обречены на неудачу, даже если бы командование пошло вам навстречу в этом сомнительном деле...

Медведев порывисто встал:

— Скажите, капитан, зачем вы затеяли весь этот разговор?

— Затем, чтобы предложить вам перейти в мое распоряжение, — просто сказал Людов.

— В ваше распоряжение?

— Командующий передал ваш рапорт мне. Я думаю, вы как раз тот человек, который нужен мне для одной операции.

— Операция за линией фронта, в сопках?

— Говорите тише... Да, за линией фронта, в сопках. Но сперва уточним: правильно ли я вас понял? Вы коммунист и советский морской офицер. Тревога о семье не может заслонить в вашем сознании мыслей о Родине, понимании советского воинского долга. Главная ваша мечта — уничтожить фашистских захватчиков, что вызволит из гитлеровского рабства тысячи наших детишек и женщин. Так ли это, старший лейтенант?

— Вам, товарищ капитан, удалось высказать самые мои заветные мысли! — волнуясь, сказал Медведев.

— Так вот. Сейчас командованию необходимо установить точные координаты района, куда фашисты свозят наших людей. С какой целью — вам будет сообщено позже. Сами вы не пойдете на поиски своей семьи. Вы только поможете установить место, все остальное предоставите другим. Приготовьтесь к разочарованиям. Приготовьтесь к безусловному повиновению инструкциям,

которые вам будут даны... Согласны ли вы пойти в тыл врага навстречу неведомым опасностям на неопределенный срок? Вы...

Он не договорил. Медведев бросился к нему, сжал его тонкие, узловатые пальцы. Не находя слов, тряс Людову руку.

— Если вы сломаете мне пальцы, — морщась сказал Людов, — я не смогу подписать приказ о вашем назначении.

Медведев распахнул дверцы шкафа, выхватил бутылку вина, два липких стакана. На дне одного лежал окурок, в другом ползала вялая полярная муха. Вытряхнув из стаканов муху и окурок, молча выбежал из комнаты.

— Андрей Александрович, не нужно! — крикнул вслед Людов.

Из-за двери слышались бульканье и плеск воды. Медведев вернулся с вымытыми стаканами.

— Я редко пью, — отрывисто сказал он. — Последний раз выпил из этой бутылки, когда расставался с Настей. Думали допить после ее возвращения. Но для такого случая...

Багровая густая струя билась в стенки стаканов.

— Чтобы не был последним! — сказал Медведев, торжественно поднимая стакан.

— Чтобы не был последним! — повторил Людов суровый тост военных моряков.

Они выпили, поставили стаканы рядом.

— У вас хорошие нервы, Андрей Александрович, — с уважением сказал Людов. — Волнуетесь, а в руке ни малейшей дрожи.

Он застегнул шинель.

Нагнулся, вынул из-под стула фуражку, обмахнул ее рукавом.

Медведев смотрел удивленно.

Людов надел, поправил перед зеркалом фуражку.

— Сейчас я вас покидаю, Андрей Александрович. — Странно звучало для Медведева это штатское, еще непривычное тогда на флоте обращение. — Главное мы с вами скрепили. Вы поступаете в мое распоряжение. Обдумайте еще раз этот шаг. Нет колебаний? Тогда прикиньте пока, кого из своего экипажа сможете взять с собой. Нужны двое: радист и сигнальщик.

Медведев не успел ответить ни слова. Капитан предупреждающе поднял смуглый палец:

— Не торопитесь, обдумайте кандидатуры всесторонне. Через полчаса жду вас у командующего, в скале... Думаю, лучше нам не идти по улице вместе...

Приложив руку к козырьку, вышел, тихо притворив за собой дверь.

Ровно через полчаса вахтенный краснофлотец перед овальным входом в скалу спрашивал пропуск у подошедшего сюда офицера.

Ранние сумерки уже окутывали улицы, корабли у причалов, площадь стадиона, где совсем недавно летал влажный футбольный мяч, свистели и топали англичане, аплодировали наши моряки, когда команда гвардейского эсминца забивала в английские ворота гол за голом.

Медведев предъявил удостоверение. Вахтенный нажал кнопку звонка.

В глубине туннеля горел электрический свет. Дежурный офицер показался из-за поворота.

— Старший лейтенант Медведев?.. Проходите.

Медведев шел туннелем, наклонно убегавшим в глубь сопки. По неровным каменным стенам сочилась вода, бежала проволока проводов, темнел свинцовый кабель.

Открылась тяжелая, обитая резиной дверь. Еще одна дверь — с высоким стальным порогом-комингсом, как на линкоре.

Возник длинный прямой коридор, ряд дверей по обеим его сторонам. Из-за дверей слышался заглушенный разговор, звучали телефоны, постукивали ключи телеграфа. Адъютант остановился, пропустил Медведева вперед, в небольшую приемную.

— Обождите, сейчас вас примет вице-адмирал.

В кабинете командующего флотом сидел капитан Людов.

Просторная сводчатая комната находилась глубоко под поверхностью сопки. Пол устлан линолеумом, на одной из обитых крашеной фанерой стен — огромная карта заполярного сухопутного фронта. В глубине письменный стол, перед ним глубокие мягкие кресла.

Вице-адмирал — немного сгорбленный плотный мо-

ряк, с профилем, будто вырубленным из гранита, — остановился перед низким широким столом — макетом морского фронта.

Голубел Ледовитый океан — бумажный простор, пересеченный линиями широт и долгот. Извивался рваный, прорезанный сотнями фиордов берег. Крошечные модели боевых кораблей разбежались по голубеющей глади. В любой момент находящийся здесь видел расположение подводных и надводных сил флота, видел, в каком пункте расположены тот или другой корабль, любая подводная лодка.

Острый профиль вице-адмирала склонялся над зубчатым полумесяцем Новой Земли. Командующий передвинул узкое веретенце подводной лодки, идущей на другую позицию. Выпрямился, взглянул на Людова.

— Все, что вы рассказали, капитан, похоже на фантастический роман.

— И тем не менее это действительность, товарищ командующий.

— Я не люблю вмешивать семейные истории в военное дело.

— Но это одна из тех ситуаций, когда семейные взаимоотношения перестают быть достоянием двоих, товарищ адмирал.

— Вы, капитан, любите отвлеченные формулировки.

— Простите, товарищ командующий, — отпечаток профессии. Я не военный, я доцент философских наук. Только кончится война — опять засяду в своем институте.

— Хорошо, капитан, продолжайте...

Вице-адмирал снова переставлял кораблики на карте. Только что пришло сообщение, что дивизион эскадренных миноносцев вышел в море конвоировать караван.

— Я уже докладывал, товарищ командующий: этот офицер страстно стремится в сопки — ваше согласие примет как подлинное благодеяние.

— Вы хотите сказать, — улыбнулся вице-адмирал, — что стремление в сопки у нас не такое уж частое явление?

— Да, — взглянул без улыбки Людов, — вы сами знаете, товарищ вице-адмирал, наши люди превосходно, самоотверженно дерутся на сухопутье, но мысленно всегда на своих кораблях. А тут — человек заболеет,

если не отпустить его. А условия операции трудны, командовать отрядом должен энтузиаст своего дела, если хотите — фанатик.

— Допустим... — задумчиво сказал вице-адмирал.

— Есть еще обстоятельство, — продолжал Людов. — Ни одного из подходящих офицеров разведки не могу сейчас снять с основной работы. Люди перегружены не менее важными заданиями. А старший лейтенант Медведев отважный, до конца преданный Родине и партии офицер. Он исполнителен, прекрасно развит физически, сможет перенести любые трудности похода. Полезно для дела то, что в первые дни Отечественной войны он, как и многие другие офицеры наших кораблей, был послан на сухопутье. Он командовал, правда недолго, отрядом морской пехоты и отлично проявил себя там.

— Я вспоминаю, — сказал вице-адмирал.— Возникла тогда даже мысль, не оставить ли его на Рыбачьем. Если бы не ходатайство капитана первого ранга... Но не думаете ли вы, что теперь мысли о семье...

Командующий замолчал, переставляя макет другого корабля.

— Меня самого тревожил этот вопрос, — медленно сказал Людов. — Но в Медведеве высоко развито сознание воинского долга. Не поколебался же он выйти в торпедную атаку, даже предполагая, что на борту вражеского транспорта может находиться его семья.

Вице-адмирал распрямился.

— Ваше мнение, подозревают немцы, что мы заняты этим объектом? Им не кажется подозрительным, что мы не потопили ни один из тех транспортов?

— Наоборот, они могли приписать это мастерству своих конвоиров. Мы же организовали ложную атаку подлодки на второй караван... Думаю, немцы пока ничего не подозревают.

— Хорошо, — сказал командующий, — пригласите старшего лейтенанта.

Людов открыл дверь, вошел Медведев.

— Товарищ командующий, старший лейтенант Медведев явился по вашему приказанию!

Медведев застыл у дверей, приветствуя вице-адмирала.

— Здравствуйте, старший лейтенант. — Командующий радушно протянул руку. — Поздравляю с успешны-

ми действиями в бою с самолетом. Награда вам уже вручена?— Он скользнул взглядом по ордену на кителе Медведева. — Ну, лиха беда начало... Теперь хотите прогуляться в сопки... Корабль оставить не жаль?

— Он в ремонте, товарищ командующий.

— Капитан Людов нуждается в вас... — Командующий сел за стол. — Что ж, не возражаю... Капитан, доложите смысл боевого задания.

— Несколько времени назад, — начал негромко Людов,— британской разведкой произведена в Южной Норвегии любопытная операция. В провинции Телемарк была сброшена на парашютах группа командос. Сброшенная в сопках, недалеко от Сингдаля, она имела задание уничтожить находящийся там завод секретного оружия...

— Подождите, капитан... — отрывисто сказал вице-адмирал. — Старший лейтенант! Если я вас не пошлю в сопки, найду нужным оставить на корабле, сможете ли, как раньше, отдавать все силы работе?

Медведев приподнялся в кресле.

— Сидите, Андрей Александрович, — сказал командующий, не поднимая глаз.— Отвечайте на вопрос сидя.

Медведев молчал, сжав пальцами ручки кресла.

— Отвечайте честно, как советский офицер и коммунист, — продолжал командующий. — Я знаю, зачем вы стремитесь в сопки. Но если понадобится Родине и партии, сможете ли отказаться от своей мечты? Согласны ли сражаться там, где принесете больше пользы?

Медведев склонился вперед. Вот снова вопрос, который он ставил сам себе не раз. Вопрос, на который должен ответить до конца откровенно.

— Слово коммуниста и офицера, — твердо, раздельно сказал Медведев. — Куда бы ни послало командование, на суше или на море, все силы и способности отдам делу нашей победы!

— Хорошо сказано, старший лейтенант!— Командующий вскинул свой острый взгляд.— Не забывайте об этом там, на вражеском берегу... Продолжайте, капитан.— Он опустил голову на сложенные ладони.

— Группе, под условным названием «Линдж компани», соединившейся с другим отрядом командос, — мерным голосом продолжал Людов, — удалось проникнуть на территорию завода и взорвать цех концентрации. По-

скольку завод оказался рассекреченным, из Германии пришло распоряжение демонтировать установки, перебросить их в другое место. Англичанам удалось подорвать транспорт, шедший от местоположения завода. По сведениям их разведки, завод ликвидирован полностью.

— А по сведениям нашей разведки? — нетерпеливо перебил вице-адмирал.

— По сведениям нашей разведки, основная часть установок завода благополучно проследовала к сопкам Северной Норвегии. Там немцы срочно соорудили новый укрепленный район. Туда доставлялись транспорты с техническим оборудованием и рабочей силой, состоящей из женщин и детей. Туда же на борту миноносца «Тигр» было отправлено несколько физиков со штатом лаборантов...

Далекий слитный гул донесся откуда-то извне, проникая сквозь толщу гранита.

Щелкнул и зашуршал громкоговоритель над столом.

— Говорит штаб противовоздушной обороны. Воздушная тревога! Внимание! Воздушная тревога!

Зазвонил телефон на столе. Служба наблюдения докладывала обстановку. Звонил стенной телефон-вертушка.

— Группа бомбардировщиков идет курсом на базу?— Командующий повесил трубку и надел фуражку.— Товарищи офицеры, прошу извинения.— Он встал, вышел из кабинета.

Всем в базе был известен обычай вице-адмирала: когда раздавался сигнал тревоги, корабельные сирены у причала поднимали душераздирающий вой, торопливо хлопали зенитки и все не занятые на боевых постах спешили в убежище, командующий выходил наружу, начинал медленно прохаживаться возле здания штаба с морским биноклем в руках...

Скала гудела и содрогалась. Что наверху? Бомбежка? Воздушный бой над базой? Это было неизвестно здесь, под каменной толщей. Но Медведев думал о другом. Он подошел к Людову, неподвижно сидящему в кресле:

— Скажите, капитан, вы только что говорили про детей и женщин. Я не понимаю... Они заставляют работать там наших жен и детишек?

— По-видимому, так, — взглянул на него Людов. — И знаете почему? Во-первых, ясно, боятся скопления большой массы мужчин, хотя бы ослабленных голодом и безоружных, в горах, недалеко от линии фронта. Кроме того, фашисты полагают, что женщины меньше разбираются в области точных наук. А дети — их используют, видимо, в лабораториях, на посылках, около самых секретных объектов. И вместе с тем, разве вы не понимаете,— это лучший способ держать в повиновении матерей. Ни одна из них не сбежит, не покинет своего ребенка. Чудовищный, чисто фашистский способ...

Медведев стиснул руки так, что хрустнули и побелели суставы.

— А что это за проклятые работы? Им, видимо, придается большое значение?

Людов снял, стал тщательно протирать очки.

— Да, им придается большое значение, очень большое значение. Вот это все, что я могу вам сказать пока...

Он помолчал, снова надел очки.

— Гибель фашистов близка. Гитлер пойдет на все, чтобы отдалить эту гибель. Помните одно: истребление этой лаборатории в сопках вырвет еще один шанс из рук врага, спасет тысячи, может быть, сотни тысяч людей от мучительной смерти. Это секретное оружие... Внимание!

Он вскочил с кресла. Вошел вице-адмирал, на ходу снимая фуражку.

— Самолеты прошли на ост, — сказал командующий. Весело поблескивая глазами, шагнул к своему столу. — Там их перехватят наши, а по дороге уже пощипали зенитчики — один бомбардировщик врезался в сопку... Итак, капитан, вы хотите сказать, что фашисты открыли по соседству от нас небольшое научно-производственное предприятие по выделке... ну, скажем... мыльных пузырей. И предлагаете старшему лейтенанту заняться розысками этого предприятия?

— Так точно, — подтвердил Людов. — До сих пор ни вылазки наших людей, ни авиаразведка не могли установить следов этого завода. Он, видимо, неплохо замаскирован в районе горных озер. Нужно направить постоянно действующий морской пост в глубокий тыл противника.

— Принято! — отрубил вице-адмирал. — Старший лейтенант назначен командиром поста. Возьмите с собой сигнальщика и радиста. На вражеском берегу встретит вас лучший наш разведчик Агеев. Слышали о нем кое-что?

— Слышал, товарищ командующий!

— Теперь увидите его в деле.

Вице-адмирал пригладил короткие, жесткие волосы над пересеченным морщинами лбом.

— «Где не пройдет горный олень, пройдет русский солдат» — это будто про него сказано!.. Подойдите сюда, товарищи.

Прошли к настенной карте — к изломанной береговой черте с цифрами высот на штриховке горных массивов.

— Здесь фашисты создали новый укрепленный район, — приложил вице-адмирал карандаш к карте. — Полагаю, его назначение — прикрывать с моря разыскиваемый нами объект. Здесь озера, горные вершины. На некоторые из этих вершин никогда еще не ступала нога человека... В этот фиорд,— карандаш вице-адмирала продолжал скользить по карте,— доставит вас наша «малютка». Даю вам отличного командира-подводника. Он пройдет мимо вражеских батарей, форсирует минные поля, высадит вас на берег. Таким образом сразу минуете основную линию вражеской обороны, окажетесь в тылу врага.

— Где установим морской пост, товарищ вице-адмирал? — спросил Медведев.

Командующий взглянул на него. Стоит спокойно, ни тени волнения, будто готовится к курортной прогулке. Хороший офицер! Пожалуй, капитан Людов действительно прав.

— Место для морского поста выберете с Агеевым на одной из самых мощных высот, чтобы контролировать берег и сушу. Возьмете с собой радиостанцию. Установите радиовахту — по часу в день. В эти часы будете докладывать важнейшие наблюдения поста, получать инструкции, сообщение о начале десанта... Когда начнется десант, обеспечите корректировку стрельбы... А главное — во что бы то ни стало установите координаты этого предприятия в сопках!

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЧЕЛОВЕК В ПЛАЩ-ПАЛАТКЕ

— Форсируем минное поле, Вася! — шепнул чуть слышно Фролов.

Кульбин напряженно кивнул.

— Только что, — сказал друг подводник, — обогнули северную оконечность Норвегии.

Теперь вошли в горло фиорда. Корпус лодки чуть слышно вибрировал, ровно горела лампочка под потолком отсека.

Незабываемый, душный, едва ощутимый запах работающих аккумуляторов и машинного масла стоял в воздухе — запах подводной лодки в походе.

Снаружи будто кто-то металлическим ногтем осторожно коснулся корпуса корабля. Нарастали поскрипывание, металлический скрежет. Казалось, кто-то неуверенно ощупывает лодку снаружи.

— Минреп! — так же тихо шепнул Фролов.

По влажным переборкам медленно стекали капли. И такая же капелька холодного пота нежданно покатилась по телу Фролова.

— Да замолчи ты, пожалуйста! — сказал досадливо Кульбин.

Они сидели втроем на узких банках за столом крошечной кают-компании. Только поскрипывание рулевого управления, шорох минрепа да заглушенные слова команды из центрального поста нарушали тишину.

Медведев сидел неподвижно, сжав пальцами ребро стола, пристально смотря в одну точку. Да, самое худшее на войне — сидеть вот так, без дела, без оружия, во власти собственного воображения.

Ясно виделось: вот лодка вслепую пробирается под водой, среди висящих кругом мин, руководствуясь только штурманской картой и чутьем командира. В любой момент минреп может притянуть к борту мину, ударник мины толкнется о металл, страшный взрыв вырвет часть корпуса и переборки, кипящие волны хлынут внутрь...

Царапанье прекратилось.

По-прежнему вибрировала палуба, стоял в воздухе металлический, душный запах.

Голова матроса в черной пилотке подводника просунулась в люк:

— Товарищ старший лейтенант, командир корабля просит вас в центральный пост.

Медведев встал. Протиснулся в круглый люк в переборке, разделяющей отсеки.

Командир лодки стоял у маслянистого стального ствола перископа, слегка расставив крепкие ноги, припав к окуляру глазом. Оторвался от перископа, повернул к Медведеву потное лицо с белокурой прядью из-под сдвинутой на затылок пилотки:

— Глядите, старший лейтенант. Узнаёте?

Медведев ухватился за рычаги перископа, припал к окуляру.

Лодка шла еще под водой, на перископной глубине. Сияла лунная ночь. Совсем близко, над серебряно-черной водой вставали голые скалы странно знакомого рисунка.

«Эти очертания... — соображал Медведев. — Да я ведь только сегодня тщательно изучал их на фотографиях в штабе флота».

— У-фиорд! — сказал тихо, не отрываясь от перископа.

— Так точно, У-фиорд! — с торжеством подтвердил подводник.— Поздравляю, старший лейтенант! Форсировали минное поле, доставили вас благополучно под носом у немцев. Слышали, как смерть к нам коготками царапалась? Ну, как говорится, приехали, собирайте пожитки... — И, повернувшись к боцману: — К всплытию приготовиться!

— Есть, к всплытию приготовиться!

— Комендорам в центральный пост!

Лодка всплывала. Откинулся отдраенный рубочный люк. Звеня каблуками, наружу выбежали комендоры.

Кружа головы, свежий морской воздух хлынул навстречу.

Неверными движениями три моряка-надводника тоже вскарабкались по трапу. Стояли на высоком стальном мостике только что всплывшего подводного корабля.

— Ну, как будто все в порядке! — сказал командир «малютки», опуская бинокль.

По обеим сторонам высились отвесные, молчаливые, залитые лунным светом скалы. Начинался отлив, море

чуть плескалось у смутных остроконечных камней. Берег казался безлюдным до самых дальних вершин, убегающих в темноту.

Почти весь корпус лодки был под водой, только рубка, как узкая скала, вставала, казалось, прямо из волн.

С покатой палубы еще стекала вода.

Волны пенились у самых ног комендоров, направивших на берег мокрый пушечный ствол.

А на палубе уже надували резиновый понтон, спускали его на воду возле рубки.

Медведев разглядывал берег в бинокль.

Приблизились граненые, окруженные отступающей водой скалы. Бинокль скользил по молчаливым расселинам, старался нащупать скрытую, затаившуюся опасность.

Нет, здесь не было признаков засады. За одной из скал мигнул, погас, снова мигнул бледный огонек... Медведев опустил бинокль.

— Боезапас не уроните, — тихо сказал Кульбин.

Он уже стоял в колышущемся широком понтоне, сохраняя равновесие, осторожно принимал подаваемые с палубы тюки:

— Куда рацию подаешь? Рацию потом.

— Она девушка нежная — ее поддерживать нужно. Правда, Вася? — Фролов перешагнул через надутый борт, тоже стал принимать и укладывать груз.

— Ну, — сказал, оборачиваясь к командиру лодки, Медведев.

Он был одет в ватник и стеганые штаны, через плечо — плащ-палатка в скатке, на голове — неразлучная морская фуражка.

Пожали друг другу руку. И вдруг Медведев шагнул по скользкой стали, крепко поцеловался с этим курносым вихрастым офицером, с которым провел всего несколько часов и расставался, быть может, навсегда.

— Счастливо! — сказал подводник. — В случае засада или что, падайте за камни — я им дам огоньку. Не уйду, пока не встретите своего человека.

— Спасибо, друг! — с чувством сказал Медведев.

Весла плеснули. Слегка перегибаясь, понтон сколь-

зил по ледяной серебристой воде к нависшим над берегом скалам, туда, откуда мигал огонек.

Скалы надвигались вплотную. Вокруг больших валунов шипела и качалась вода. Медведев прыгнул на камни, скинул с шеи ремень автомата. Подняв весло, одной рукой держась за камень, всматривался в берег Фролов.

— Пока подождите здесь! — прошептал Медведев.

Его окружили густые прямоугольные тени. Прошел по берегу в глубину, подойдя к подножию квадратной скалы, тихо свистнул два раза. Сбоку взвился такой же свист.

То, что казалось углом скалы, обернулось головой в капюшоне. Из-за скалы вышел укутанный в плащ-палатку человек.

— Пароль? — спросил Медведев.

— Мушка! — глубоким радушным голосом сказал человек в плащ-палатке. — Отзыв, товарищ начальник?

— Мушкель!

Медведев протянул разведчику руку.

Тот почтительно, крепко пожал ее:

— Старшина первой статьи Агеев. Согласно приказу, ждал вас, товарищ старший лейтенант.

— Вражеских часовых поблизости нет?

— Был один... Понтон обратно пойдет, товарищ начальник?

— Да, сейчас выгрузимся, и отошлю.

— Так прошу разрешения отлучиться на минутку. У меня тут посылочка есть — наложенным платежом — в штаб флота. Разрешите?

Он скрылся за скалой. Понтон вздымался и опадал у береговой черты, в нем сидели два гребца-подводника. Весь груз экспедиции уже лежал на камнях, у ног Кульбина и Фролова. Медведев вернулся к понтону.

— Подождите, товарищи, не отдавайте концы.

Из-за скалы появился Агеев. Он шел согнувшись, таща на спине какую-то бесформенную тяжесть. Подошел вплотную. Разрисованная желтыми листьями плащ-палатка прикрывала обвисшую фигуру; болталась длинная мертвенная рука.

— «Язык», — сказал тяжело дыша Агеев, — охранитель этого района. Я его легонько стукнул — для тишины, а вообще, все нормально. Ничего, оживет.

Он сбросил бесчувственное тело на дно понтона.

— Живой? — жадно спросил один подводник.

— Живой. Примите с рук на руки. Да смотрите, чтобы не задохся. Я ему в рот целый индивидуальный пакет забил.

— Вот это ловко! — Второй подводник откинул край плащ-палатки, взглянул на бледное лицо в густой черной щетине. — Ребята будут довольны! А то с начала войны сколько их издали потопили, а вблизи не видели ни разу. Когда их корабли ко дну пускали, мечтали мы: хоть бы одного за волосы вытащить, посмотреть, какие они, эти фашисты.

— Теперь налюбуетесь, — жестко сказал Агеев. — Смотреть особенно не на что. Вы только его в море не уроните по ошибке. Теперь он наш казенный инвентарь.

Подводники оттолкнулись от камней. Гребли в сторону подводной лодки, чуть видимой вдали.

— Ну, товарищ Агеев, — сказал Медведев, поднимая рюкзак, — теперь командуйте походом. Куда поведете нас? Задание вам известно?

— Так точно, известно... Хочу вас повести на высоту Чайкин Клюв по сопкам, горными оленьими тропками, куда фашистам, хоть они и горные егеря, вовек не добраться. Пока пустынными местами пойдем, можно и днем, а дойдем до опорных пунктов — нужно до темноты затаиться.

Он поднял голову, будто нюхая воздух.

— Ветер скоро переменится, туман разгонит. Да и солнышко уже встает. Здесь к десяти часам патруль с опорного пункта будет часового сменять. Так что, может, разберем вещи и... полный вперед?

— Полный вперед, — повторил Медведев.

Они шли по мокрым, скользким, опутанным морской травой камням.

Море вдали закипело — рубка подлодки скрылась под волнами.

Развилки колючей проволоки, как фантастический кустарник, вырисовывались в расселине между скал.

— Товарищ командир, прошу идти за мной след в след, — сказал, оборачиваясь, Агеев: — Берег, видишь ты, минирован, если куда попало идти, того и гляди кишки вырвет. Там, подальше, дохлый тюлень лежит: угораздило его на мину нарваться.

В проволочном заграждении был проделан узкий проход. Агеев осторожно расширил его, проскользнул сам, помог пролезть Медведеву. Светало все больше. Ржавые переплетенные шипы отовсюду протягивались к одежде.

— Проволоку лучше не дергать. — Агеев помогал пролезть Фролову, поддерживая его рюкзак. — Она, может, с минным полем связана, кто ее знает.

— Я теперь сам огнеопасный. — Фролов распрямился, поправляя гранаты на поясе. — Человек-торпеда! Видишь, весь боезапасом обвешан.

Он дружески и широко улыбнулся Агееву, но не встретил ответной улыбки.

Разведчик глядел холодно и будто свысока. Был раздосадован чем-то. Вынул из кармана маленькую трубку с прямым мундштуком. Не зажигая, вложил в рот, стал посасывать, отвернувшись от сигнальщика. Прошел вперед несколько шагов. Обернулся.

— Товарищ командир, теперь можно и не гуськом идти, дорога свободна. Только просьба в сторону не отбиваться.

Они шли болотной расселиной, вдоль бегущего по камням ручейка. Болотные кочки чавкали под ногами. Фролов тихонько чиркнул спичкой, закурил, догнал разведчика. Дима Фролов со всеми любил поддерживать хорошие отношения.

— Прикуривайте, товарищ путеводитель в пустыне! У вас, похоже, огонька нет.

Агеев резко обернулся к нему. Фролов чуть не отшатнулся, встретив холодный, уничтожающий взгляд.

— Вам кто разрешил курить, товарищ краснофлотец?

— Мне? Я думал, можно... Ты ведь трубку жуешь...— Фролов растерянно поглядел на Медведева.

— Сейчас здесь командует старшина! — строго сказал Медведев. — Нужно было спросить разрешения у него.

— А я хоть и брошу, товарищ старший лейтенант! — Фролов совсем расстроился, швырнул самокрутку на камни. — Я ему же хотел услужить.

С удивлением увидел, что разведчик нагнулся, подобрал самокрутку, сунул в карман. Но еще в большее изумление поверг его быстрый, резкий вопрос:

— Зажигалкой закуривали или спичкой?

— Ну, спичкой! — Фролов поправил автомат, досадливо сплюнул.

— Где спичку бросили?

Фролов смотрел с негодованием. Подумалось, что разведчик смеется над ним.

— Не знаю, где бросил... Может быть, сочтем инцидент исчерпанным, товарищ старшина?

Агеев обернулся к Медведеву:

— Товарищ командир, прошу вашего приказания краснофлотцу отыскать эту спичку.

Медведев тоже смотрел удивленно:

— Нужно ли это, старшина... в таком пустынном месте?..

— Нужно, товарищ командир. Идем на важную операцию: никто не должен знать, что мы высадились здесь. Прикажите отыскать спичку.

— Исполняйте приказание, Фролов, — сказал Медведев.

Медленно, всей фигурой выражая скрытое негодование, Фролов пошел вдоль мокрых камней. Где, в какую сторону он бросил проклятую спичку? Может быть, ее давно унес ручеек... Проклятый придира разведчик шел рядом, тоже всматриваясь в грунт.

Поиски продолжались долго.

Фролов негодовал. Но получил приказ — значит, нужно добросовестно выполнить его. Изо всех сил всматривался сигнальщик в острые расселины среди еще окутанных полутьмой темных камней, в серебристые пятна мха.

Может быть, старшина и прав. Предупреждали же их перед походом, что на вражеской территории нельзя оставлять никаких следов своего пребывания. Но крошечная спичка на этом пустынном берегу! Он вспоминал, что закурил осторожно, скрыв ладонями огонек, хотя знал, что единственный вражеский часовой, находившийся поблизости, обезврежен Агеевым. А спичку вот не предусмотрел.

Чем больше он искал, тем сильнее обвинял себя: «Плохой ты разведчик, Димка Фролов! Легкомысленный ты парень... Задал товарищам лишнюю работу...»

Агеев наконец разогнулся, подошел к Медведеву.

— Не найдешь в таких сумерках, товарищ командир, — горько сказал разведчик. — А задерживаться здесь больше нельзя. Что ж, может, как-нибудь обойдется... Разрешите двигаться дальше?

— Идем, старшина, — сказал Медведев.

Они шли вперед. Запах моря оставался сзади, сменялся запахом гниющих растений. Оранжевым мягким светом наливался край неба за грядой скал. Как будто освещенные изнутри, поднимались оттуда легкие облака.

Ущелье вело вверх, в хаос вздыбленных, нагроможденных друг на друга, отшлифованных ветрами камней. Далекие округлые хребты мягко вырисовывались в рассветном небе. Некоторые высоты будто дымились: их окутывали полосы голубого тумана.

Четверо моряков сгибались под тяжестью оружия и грузов. У каждого на груди короткий черный автомат, на спине туго набитый рюкзак, на поясе гранаты и пистолеты. Кульбин нес за плечами большой чемодан радиоаппарата, в руках запасные аккумуляторы. Его рюкзак и автомат вскинул себе на плечи Агеев.

Разведчик шел впереди мягким, скользящим шагом, наклонив голову, пригнув широкие плечи. «Будто тигр по следу», — с уважением и вместе с тем с неприязнью подумал Фролов.

Ему было тяжело. Непривычно оттягивал шею ремень автомата, вещевой мешок тянул назад; даже гранаты, которыми еще так недавно гордился, как будто прижимали к камням. Шагах в двух впереди, пошатываясь под тяжестью своего груза, шел молчаливый Вася Кульбин.

— Тяжело, Вася?

Кульбин только взглянул, продолжал идти, не отвечая.

— Помнишь, мы с тобой о сухопутье балакали? Выйдет теперь нам боком это сухопутье!

— О чем говорить! — Кульбин изловчился, грузно перепрыгнул с камня на камень. — Война! — Он тяжело дышал, его широкое лицо покрывал пот. — Пословицу знаешь: мужчина должен идти, пока не выбьется из сил, а потом пройти еще в два раза больше.

— Нехорошо с этой спичкой вышло, Вася. Намылил мне голову старшина.

— Сдается мне, я его знаю, — задумчиво сказал Кульбин. — А что насел на тебя — это он прав... Ведь в тылу врага находимся, не шутка!

— Чудной этот тыл! Я думал, к фашисту в самую пасть идем, только и придется что за камнями ползать, а тут шагаем в полный рост как у себя дома...

Фролов тихонько ухватился за ручку кульбинского багажа, старался идти с товарищем в ногу.

— Да... Только ты мне зубы не заговаривай. — Кульбин потянул к себе чемодан. — Тебе, Дима, самому тяжело... Нам еще далеко идти.

— Нет, у меня вещи легче! — Фролов стиснул зубы. Капля пота стекла из-под шерстяного подшлемника, за ней — другая. — Я, Вася, вполне могу!

Он чувствовал: еще десять шагов этой невозможной, гористой дороги — и оступится, покатится вниз со всем своим боезапасом. Но он шел рядом с другом, поддерживая будто свинцом налитой чемодан.

Медведев шагал тренированной упругой походкой. Совсем не так давно могла ли ему прийти в голову мысль, что по собственному желанию, по собственной настойчивой просьбе вновь расстанется с родным кораблем, как пришлось расстаться в первые дни войны?

В то недавнее, но уже кажущееся таким далеким время сошли на берег, по всему флоту, моряки-добровольцы, двинулись навстречу тяжелой гари, плывшей от мирных рыбачьих поселков, подожженных врагом. Они спешили вперед в грохоте пропеллеров воздушных вражеских армий, навстречу парашютным десантам врага, оседлавшим горные дороги, навстречу гитлеровским ордам, хлынувшим к нашим заполярным портам.

Тогда Красная Армия плечом к плечу с морской пехотой отбросила эти отборные фашистские части, заставила врага забиться в базальтовые щели, залечь под защитой скал. И он, командир катера Медведев, шагал с винтовкой-полуавтоматом в руках, сражался в сопках, делал все, что мог, для победы.

Но какое счастье было прочесть однажды, в тусклом свете землянки, приказ об отозвании его, старшего лейтенанта Медведева, обратно на корабли, хотя и на суше крепко сошелся он с новыми боевыми друзьями!

Счастьем было опять ощутить под ногами шаткую палубу, которая моряку кажется устойчивее гранита. И вот сызнова уходит он в сопки, все дальше и дальше от своего корабля...

— А ну-ка, Кульбин! — сказал Медведев, свободной рукой подхватывая чемодан из рук покачнувшегося от усталости радиста.

— Товарищ старший лейтенант... — слабо запротестовал Кульбин.

— Ладно, не рассуждать! Увижу, что вы отдохнули, тащить эту тяжесть не буду.

Он взял аккумуляторы из рук Кульбина.

Агеев вдруг остановился, откинул капюшон плащ-палатки, сдернул с головы подшлемник. Медведев тоже снял фуражку, опустив свою ношу на камни.

Рядом с чуть заметной тропой, полускрытая кустами черники, лежала измокшая, почти потерявшая форму бескозырка с выцветшей надписью на ленте «Северный флот», а немного поодаль — ржавый, наполненный водой германский стальной шлем. Широкий ребристый край второго, пробитого пулей шлема зеленел рядом.

Какая драма разыгралась на этих голых норвежских утесах? Как попала сюда бескозырка десантника-североморца? Где тлеют кости участников неведомой драмы? Загадка! Может быть, разведчик, проникший во вражеский стан, застигнутый врасплох, бился здесь с егерями, дорого продавая свою жизнь, и сорвался, упал в пропасть? Путники знали одно: он не мог сдаться в плен, поддержал честь воина Северного флота.

— Когда-нибудь после разгрома врага здесь памятник поставят неизвестному советскому моряку! — тихо, торжественно сказал Медведев.

Они снова взбирались по камням. Все круче становился подъем.

Как великанские ступени поднимался в небо заросший мхом гранит.

Возле большой нависшей скалы Агеев остановился:

— Товарищ командир, тут бы нам привал раскинуть. Дальше днем идти нехорошо. Обратный скат к немецким наблюдательным пунктам выходит. Впереди тундра — вся местность просматривается.

— Самое время для привала, — подтвердил Медведев.

Он тоже очень устал — струйки пота текли по худощавому, гладко выбритому лицу. Сложил оружие, вещевой мешок и чемодан радиста на камни. Присев на обломок скалы, пристально разглядывал знаменитого северного следопыта.

Агеев скинул плащ-палатку, сгрузил с себя вещи.

Стоял — высокий, очень широкий в плечах; из-под мягкого подшлемника, надвинутого почти до уровня тонких белокурых бровей, смотрело круглое лицо с зоркими желтоватыми глазами. Когда улыбался, было видно: среди ровных белых зубов не хватает двух сбоку — может быть, это делало улыбку суровой и немного грустной.

На краснофлотском ремне, стягивавшем просторный серый ватник, висели кобура с тяжелым «ТТ» и кинжал в кожаных, окованных медью ножнах.

— Кульбин, Вася, ты? — спросил Агеев, присматриваясь к прилегшему на камни радисту.

Кульбин приподнялся. Всматривался в лицо разведчика:

— Неужто Сергей? Ну и изменился ты, друг! Никогда бы не узнал.

Радость озарила смуглое лицо Агеева. Он шагнул вперед, потряс Кульбину руку:

— Говорят, если не признал, это к счастью. А мог бы узнать! Когда на флот пришли, в одном полуэкипаже были, из одного бачка борщ хлебали.

— Да ведь говорили, погиб ты... на «Тумане»...

— Я-то не погиб, — помрачнев, тихо сказал Агеев, — я-то, друг, не погиб...

Потом, будто отгоняя тяжелые мысли, повернулся к Медведеву:

— Может, глянете, товарищ командир, какой нам путь впереди лежит? Только подходите с оглядкой, чтоб нас фашисты не запеленговали.

Согнувшись, он пошел к верхним камням. Потом пополз, сделав знак Медведеву лечь тоже. Они осторожно посмотрели через перевал.

Там виднелся спуск вниз, крутой, рассеченный причудливыми трещинами и всплесками гранитных волн. Дальше начиналась тундра, кое-где покрытая тусклыми зеркалами болот, кровяными пятнами зарослей полярных растений.

И дальше вновь вздымались острые кряжи, окутанные туманом. Один пик, раздвоенный наверху, залитый утренним светом, казалось, уходил под самые облака бледного высокого неба. Прямо за ним лежала вздутая морская пелена; кольцо тумана вилось вокруг лиловеющей вершины.

— Высота Чайкин Клюв! — сказал Агеев. — Не знаю, как ее норвеги кличут, а наши поморы так окрестили. На эту высоту и поведу вас, товарищ командир...

Внезапно схватил Медведева за плечо, притиснул к камням.

На одной из окрестных высот сверкнул, погас, снова засверкал белый, ослепительный блик.

— Наблюдатель ихний, — почти шепотом сказал разведчик. — В бинокль или в дальномер местность просматривает. Стекло на солнце блеснуло. Им-то особо маскироваться здесь ни к чему. Кругом свои. Вот если бы нас обнаружили, устроили бы нам баню...

И возможно, как раз в эти минуты писалось донесение германской разведки, найденное впоследствии среди трофейных документов:

«...На береговом посту 117 исчез ночью рядовой Герман Брехт. Майор Эберс считает, что Брехт похищен русской подводной лодкой, перископ которой обстреляли на рассвете наши батареи у входа в У-фиорд. Возможно, лодка высадила группу русских разведчиков, ушедших в сторону района особого назначения. В этом направлении майор обнаружил спичку советской продукции, оброненную русским разведчиком за линией проволочных заграждений...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВЫСОТА ЧАЙКИН КЛЮВ

— Так до него рукой подать, до этого Чайкина Клюва! — сказал с облегчением Фролов, тоже взглянувший за перевал.

— А не так далеко, — безмятежно согласился Агеев. — Если всю ночь прошагаем на полную скорость, на заре, пожалуй, дойдем. Сопки, они всегда так: к ним идешь, а они отодвигаются, будто дразнят.

Фролов пригорюнился.

Отточенным, как бритва, кинжалом с цветной наборной ручкой Агеев пропорол тонкую жесть консервной банки.

Кульбин вынул галеты, разложил жирное мясо, пах-

нущее лавровым листом. Роздал каждому по куску шоколада.

Агеев сбросил ватник. Обнажились костлявые мускулистые плечи, охваченные узкими полосами заштопанной во многих местах тельняшки.

— Морская душа-то на вас поношена крепко, — пошутил Фролов. Пошутил не очень уверенно: еще чувствовал себя виноватым из-за ненайденной спички.

Разведчик не ответил. Кончив есть, вынул из кармана нарядную маленькую трубку с мундштуком, покрытым множеством однообразных зазубрин, не закуривая, сжал обветренными, жесткими губами.

Остальные закурили. Фролов радушно протянул Агееву свой кожаный, туго набитый кисет:

— Угощайтесь, товарищ старшина. Табачок мировой, до печенок пробирает.

— Не нужно, — отрывисто сказал Агеев.

— Закуривайте, у меня много. Чего зря воздух сосать.

Ему хотелось ближе сойтись с разведчиком. Но прямо-таки отшатнулся, увидев блеск ярости в белесых зрачках Агеева под смуглым нахмуренным лбом.

— Не приставайте, товарищ краснофлотец! — сказал будто ударил разведчик. — Не нужен мне ваш табак. Вы лучше следите, чтобы снова мусор не разбрасывать!

Резко встал, отошел, сося незажженную трубку.

— За что это он так на меня, Вася? — Фролов беспомощно взглянул на Кульбина.

— Не знаю... Может, чем обидел ты его раньше. — Кульбин тоже был удивлен.

— Да ничем не обидел. Только табачку предложил, уже второй раз. Просто придира и грубиян!

— Одним словом, боцман! — улыбнулся Кульбин. — Это он на тебя, видно, за ту спичку до сих пор сердится. Боцмана, они все такие. Для них главное — аккуратность.

— Да он разве боцман?

— Боцман. И на «Тумане» боцманом служил, и до этого еще, в дальних плаваниях, на кораблях гражданского флота.

— Так чего ж он на сушу пошел тогда?

— А это уж ты его самого спроси...

Кульбин замолчал. Агеев вернулся, накинул свой протертый на локтях ватник.

— Товарищ командир, придется нам до темноты здесь отдыхать. Только ночь падет — дальше пойдем. Может, соснем пока?

— Отдыхайте, старшина, — сказал Медведев. — Я первым вахту отстою. Потом разбужу вас...

Поверх ватника Агеев завернулся в плащ-палатку, прилег под тенью скалы.

Они отдыхали весь день, а ночью шли тундрой по лишайникам и мхам. Дул резкий ветер, чавкали болотные кочки, снова ныли плечи под тяжестью оружия и грузов. Пошел мелкий, косой дождь. Все кругом заволокло чернильной темнотой. Четверо шли, скорее угадывая, чем видя друг друга.

— Это для нас самая погода, — услышал Кульбин голос Агеева. — Чем гаже, тем глаже!

Разведчик взглянул на ручной компас — мелькнуло в темноте и скрылось голубое фосфорное пламя румбов.

— А мы так, вслепую, на немца не напоремся? — негромко сказал Кульбин в темноту.

— Нет, здесь не напоремся, — откликнулся Агеев. — Я сам, как первый раз по вражьим тылам пошел, удивлялся, что за чудеса! Думал, фронт — это сплошная линия, дзоты да проволока. Ползком крался, из-за каждого камня выстрела ждал. А потом вижу, где нужно ползком, а где и нормально пройти можно. Враги берег заняли, окрестности просматривают с командных высот, а тундра — она пустая...

Снова светлело небо, становилось травянисто-зеленым на осте, а казалось, пути не будет конца. Было видно: из всех четверых один Агеев идет своим обычным, легким, скользящим шагом. Совсем сгорбился под грузом рации Кульбин, то и дело оступался среди остроконечных скользких камней.

Медведев подошел, опять взялся за чемодан с аккумуляторами.

— Товарищ командир, не нужно... — Радист не отдавал чемодан.

— Не спорьте, Кульбин! — резко сказал Медведев. В этой излишней вспыльчивости тоже угадывалась боль-

шая усталость. — Что, если упадете? Вы сейчас не сами за себя — за рацию отвечаете. Ясно?

— Ясно, товарищ старший лейтенант. — Кульбин, молчаливый всегда, теперь окончательно потерял вкус к разговору.

— Старики сказывают, товарищ командир, — обернулся к Медведеву Агеев, — не было раньше в этих местах земли, бушевало здесь студеное Мурманское море. И ходили по тому морю разбойничьи чужеземные корабли, грабили мирных рыбаков, их барказы на дно пускали. И тяжко стало морскому дну, заволновалось оно, поднялось к небу застывшими волнами, а все разбойничьи корабли, что в море были, так в горах и остались. Еще сейчас, говорят, в сопках всякий такелаж можно найти.

— Как бы теперь эти горы от обиды назад не провалились, поскольку в них война началась, — подхватил Фролов, — а по мне хоть бы и провалились: совсем здесь ноги оттопал.

Он шутил больше по привычке — обычной веселости не было в голосе. Он тоже почти падал под тяжестью багажа.

Тундра кончилась, начался резкий подъем. Гладкие крутые граниты исполинской лестницей вели к светлеющему небу. Они громоздились слева и справа, образуя глубокое ущелье, по дну которого моряки шли выше и выше.

Легкие как лебяжий пух плыли вверху желтовато-розовые облака.

— Вот мы почти и дома! — сказал наконец Агеев.

Вдали поднимался рокочущий гул. Морской прибой? Он не мог быть слышен здесь, далеко от берега, на такой высоте...

Гул становился сильнее.

Вскарабкавшись на высокий гранитный барьер, Агеев остановился, поджидая остальных.

Быстрая горная речка, пересекая им путь, клубилась, взлетала каскадами пенных стремительных всплесков. Она мчалась под уклон, кувыркалась среди обточенных черных камней и шагах в десяти влево срывалась вниз белым ревущим водопадом.

Водопад фыркал, и гремел, и летел отвесным потоком на далекие мокрые скалы.

А прямо перед четырьмя моряками, по другую сторону речки, поднималась отвесная гранитная стена, поросшая от самого подножия ползучей березкой и кустиками черники.

— Ну, товарищи, — крикнул Агеев сквозь шум водопада, — сейчас пойдем туда, где нас днем с огнем не сыщут!

Пенная вода, обдавая влагой, прыгала и бесилась у самых ног. Речка была шириной метра в четыре. Три черных кривоугольных камня, как неправильно расположенные ступени, пересекали поток. И как всегда в таких случаях, людям, пристально смотревшим на камни, казалось: вода стоит неподвижно, а вперед несутся три точки, обрызганные тающей пеной среди кипящей взбудораженной реки...

— Вдоль речки пойдем, старшина? — крикнул Медведев.

Он не расслышал, что ответил Агеев. Разведчик наклонился к самому его уху:

— Зачем вдоль речки! Нам прямо, через стремнину, идти.

— Да ведь на том берегу сплошная стена.

— Было время — и я так думал, товарищ командир.

Агеев бросил пристальный быстрый взгляд на тот берег, ступил на первый камень, его сапог обдало пеной. Он пробалансировал по камням и в следующий миг точно растворился в отвесной зелени скалы.

Трое переглянулись. Каждый подумал одно и то же: поскользнется человек или закружится голова — и вода опрокинет, понесет к водопаду, бросит вниз с многометровой высоты...

Зелень зашевелилась. Агеев, уже налегке, без вещевых мешков, пробежал по камням, встал рядом со спутниками.

— Все нормально, — сказал, потирая руки. — Я этот тайник случайным делом нашел. Охотился на оленя, загнал его сюда — ну, думаю, крышка. А он через воду перепрыгнул и пропал. Ну, думаю, если несознательный зверь здесь прошел, человек тем паче пройдет... Ничего — это ступеньки надежные, только лучше на воду не смотреть.

Он глядел на спутников со странным выражением. Медведеву показалось, были в этих прозрачных дерз-

ких глазах и азарт, и скрытый вызов, и какое-то смутное опасение. Медведев шагнул к потоку.

Клокочущая снеговая пена рябила у самых ног, какая-то непреодолимая сила мешала шагнуть вперед. Занес ногу...

— Товарищ командир! — как сквозь сон, услышал он оклик разведчика.

Обернувшись, придал лицу спокойное, почти нетерпеливое выражение.

— Товарищ командир, мы это по-другому наладим. Конечно, без груза вы бы и так перешли, а с багажом лучше вам удобства создать. Держи, моряк! — разведчик передал Фролову конец белого манильского троса. — Сейчас будет у нас подлинный трап...

Не выпуская троса, легко перебежал на тот берег. Белый натянутый трос задрожал над потоком.

Медведев перешел свободно, придерживаясь за трос. Только слегка дрогнул, покачнулся под ногой первый камень. Следующим перешел Кульбин, как всегда неторопливый, с радиопередатчиком, вздувшимся под плащ-палаткой огромным горбом. Теперь лишь один Фролов, с концом троса в руке, еще не пересек стремнину.

Ему показалось, что, глядя на него, Агеев насмешливо щурит глаза. Стиснул зубы. «Покажу, на что способен настоящий моряк...» Отбросив ослабевший трос, шагнул на первый камень.

Камень шатнулся, но нога стала твердо. Хорошо! Прыгнул на второй острый выступ... Прекрасно.

И вдруг скользнула нога, рюкзак потянул вниз, что-то ударило под ноги, камни и пена завертелись в глазах. Все кончено. Сейчас захлестнет водопад, бросит вниз на скалы...

Но он не упал. В последний момент Агеев прыгнул, выгнулся, подхватил падающего Фролова. И оба уже стояли на берегу, с водой, хлюпающей в сапогах, с дрожью напряжения в каждой мышце. Яростные глаза разведчика в упор глядели на Фролова.

— Фанфаронить вздумал? Храбрее всех оказаться хотел?

— Я, старшина, как тот ирландец... — Фролов попробовал улыбнуться, провел ладонью по бледному лицу, борясь с головокружением.

— Какой еще ирландец? — удивленно смотрел на него разведчик.

— А вот тот, которого спросили, умеет ли он играть на скрипке. «Умею, отвечает, только никогда не пробовал...»

Попытался улыбнуться. Улыбка застыла под ледяным блеском трех пар глаз.

— Вот что, товарищ Фролов, — голос Медведева был сух, куда девались обычные дружеские интонации, — здесь у нас не Ирландия! Понимаете, что не только собой — всем успехом операции рисковали? (Фролов молчал, жалобно понурившись). Получайте выговор за бессмысленное лихачество... Старшине первой статьи Агееву выражаю благодарность!

Он торжественно пожал Агееву руку. Румянец удовольствия окрасил щеки разведчика. Но в следующий момент Агеев взглянул с прежним, бесстрастным выражением.

— Теперь, товарищ командир, покажу вам наш морской пост. Только прошу кусты не мять, чтоб не видно было, что мы здесь проходили.

Гранитная скала поднималась отвесно вверх. Из-под прильнувшей к камням листвы лиловели ягоды, продолговатые, крупные, как виноград. Агеев сорвал несколько веточек, сунул в рот.

— Прямо-таки огородная ягода, — провел ладонью по зарослям черники и голубики, и, раздвинув ветви березок, исчез за густой листвой.

— За мной идите, товарищи!

За гранитным выступом, скрытым снаружи, снова начиналось узкое, ведущее вверх ущелье. Моряки шли гуськом. Усиливался падающий сверху неяркий свет. Ущелье было похоже на почти вертикальный, бесконечно стремящийся вверх туннель. Казалось, он пробивал сопку насквозь, вел к ее недостижимо далекой вершине.

Вот он стал расширяться. Яснел свет наверху — туннель переходил в широкую ложбину.

Ложбина свернула в сторону, и свежий морской ветер хлестнул по лицам, чуть не сорвал с головы Медведева фуражку.

Они стояли на небольшой неровной площадке, только с одной стороны прикрытой скалой. С трех сторон были небо и ветер. Казалось, можно рукой дотронуться до висящих в небе молочных сгустков облаков.

Они прошли еще десяток шагов. Неровные скалы барьером огораживали площадку.

Невозможная, головокружительная пропасть развертывалась под ногами.

Высота, к которой подошли постепенным подъемом, здесь, с другой стороны, обрывалась отвесной стеной. До самого океанского прибоя, плещущего внизу, спускалась эта стена без наклона. Даже морской гул не доносился сюда.

Немые, отороченные белизной волны набегали на извилистый берег внизу. И видимость отсюда открывалась на три стороны света. И воющий ветер нордвестовой четверти качал, казалось, узкий гранитный утес.

— Да ведь это мировой наблюдательный пункт! Здесь хоть маяк строить! — крикнул Медведев. — Почему немцы здесь свой пост не открыли?

Ветер смял и унес слова. Только по движению губ угадал их Агеев.

— Они сюда дороги не знают. На этот пятачок снизу не вскарабкаешься, только разве если проход отыскать. А отыскать его не так просто. А теперь, товарищ командир, покажу вам мой кубрик.

Они отошли от края скалы. Кульбин и Фролов стояли возле сложенного груза.

— Пойдемте с нами, матросы!

Прошли несколько шагов в сторону, туда, где нависала козырьком вершина Чайкиного Клюва. Под этим козырьком громоздились плиты, будто стихийной силой поднятые одна на другую, образуя каменную переборку. Вторую переборку составляли ровные доски, так плотно пригнанные к камням, что даже вблизи казались продолжением скалы.

За досками темнела небольшая пещера.

— Прошу пожаловать! — молвил Агеев, как любезный хозяин, принимающий знатных гостей.

Медведев шагнул внутрь согнувшись. Кульбин и Фролов вошли в полный рост.

Они очутились в заправской каютке, пол и потолок которой состояли из смоляных, почерневших, местами покрытых пятнами морской соли досок. Камни стен были тщательно пригнаны друг к другу, прошпаклеваны надежно и крепко.

Дощатые широкие нары, покрытые пробковым матрацем, тянулись с одной стороны.

Стоял круглый стол, сделанный из бочонка.

Свет через входное отверстие и прямоугольное мутное стекло, вставленное между камней, падал на красно-белый спасательный круг с цифрой «12» и большой надписью «Туман».

— Да вы волшебник, товарищ Агеев! — Медведев подошел к столу, сел на койку, провел рукой по сухой морской траве.

Агеев широко улыбался.

— Это я помаленьку соорудил, пока в горах от немцев отсиживался... Недаром шесть лет боцманом плавал. С плотничьей и такелажной работой знаком...

Он радовался, как ребенок; гордостью светилось его обычно пасмурное лицо. Подмигнул на мутноватый прямоугольник маленького окошка:

— Откуда бы такое стекло взялось?

— Похоже на смотровое стекло самолета, — критически посмотрел Медведев.

— Ваша правда, товарищ командир. Смотровое стекло с бомбардировщика «Ю-88». Его наш истребитель сбил; этот «Ю» сейчас в норвежских скалах ржавеет.

— И академик, и герой, и мореплаватель, и плотник? — Фролов засмотрелся на оборудование кубрика. — Все сходится, кроме академика, товарищ старшина. А кончится война, можете и на академика учиться. Это у нас никому не заказано.

Агеев не отвечал.

Нагнулся, достал из-под нар медный примус, позеленевший от времени.

Плеснулся внутри керосин.

— И горючее имеется... Порядок! — Разведчик покачал насос, поджег керосин. — Разрешите, товарищ командир, чай приготовить?

— Чай чаем, — сказал Медведев, — а вот вы, Кульбин, установите сразу же передатчик, да пошлем в по-

ложенный час шифровку, что прибыли на место назначения и открываем морской пост.

Так была установлена радиостанция на высоте Чайкин Клюв.

А попозже, когда затрепетали в эфире позывные поста и первая шифровка помчалась среди ветров и туманов, в хаосе тысячи других звуков, чтобы быть принятой в скале штаба Северного флота, два руководителя германской разведки вели следующий разговор:

— В секторе района особого назначения запеленгована неизвестная радиостанция. Только что перехвачена часть шифрованной телеграммы. Прослежены те русские, что высадились в У-фиорде?

— Пока русских проследить не удалось, но приняты меры...

И взятый впоследствии в плен телефонист гестапо особенно ясно запомнил слова, сказанные вслед за этим одним гестаповцем другому:

— Еще раз напомните майору Эберсу, что дело его чести и служебной карьеры — как можно скорее разыскать этих русских.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ТРУБКА РАЗВЕДЧИКА

Далеко на весте, за сизым барьером скал, видна была полоска бегущей в неизвестность дороги. Дорога выбегала из крутого ущелья и вновь терялась в горах, отделяющих океан от болотистой тундры. И бескрайняя океанская рябь представлялась неподвижной студенистой массой, отгороженной от берега снеговой каймой. Но это был не снег, а пена неустанно ревущего внизу океана.

А над Чайкиным Клювом вечно свистели ураганы, будто Роза ветров расцвела именно здесь, на неприступной вершине. И нужно было старательно придерживать карту руками, со всех сторон прижимать ее осколками скал, чтобы один из налетающих вихрей не подхватил и не унес ее прямо в море.

Рано утром, закутавшись поверх ватника плащ-палаткой, Фролов подползал к пахнущему морем и горной сыростью краю скалы и, осторожно выглянув, устраивался поудобней.

Нужно было отстоять («вернее — отлежать», — шутил Фролов) четырехчасовую вахту, обследуя в бинокль каждый метр береговых просторов. Первое открытие Фролов сделал утром на следующий день.

— Товарищ командир, смотрите!

Медведев лежал рядом, ветер бил в лицо, свистел вокруг линз морского бинокля.

— Видите, у высоты шестьдесят, слева, курсовой угол сорок!

Медведев смотрел неотрывно. Как выросла в полукружиях бинокля эта рябая плоская скала! Скала как скала. Ничего необычного не замечалось в ней...

— Глядите, товарищ командир, глядите!

И Медведев увидел. Скала медленно двинулась. Стала вращаться вокруг собственной оси.

— Орудие береговой батареи! — крикнул сквозь ветер Фролов.

Да Медведев и сам видел: это не береговой гранит, это — орудие, замаскированное вращающимся щитом, покрашенным под цвет камня. Медведев сделал отметку на карте берега, полученной в штабе.

Только на первый взгляд берег казался необитаемым и безлюдным. Он жил тайной неустанной жизнью. Укреплена была каждая высота.

— Значит, не зря заставили нас сюда такой путь прошагать, — сказал Фролову Кульбин. — Попробовали бы мы высадиться прямо здесь — задали бы нам жару!..

Это было после вахты Фролова, когда сигнальщик отогревался в кубрике, пил горячий, припасенный Кульбиным чай. Радист не договорил. Стремительный гул самолетных моторов надвигался снаружи. Сигнальщик выглянул осторожно из-под скалы.

Мелькнули темные очертания крыльев, замерцали пропеллеры. Самолет прошел над скалой так низко, что Фролову показалось: увидел очки летчика под прозрачным колпаком кабины.

Фролов ударил кулаком по колену:

— Жалость какая, Вася, что в секрете сидим. Я бы его из автомата угадал — он бы как миленький в ска-

лы врезался. Знаю, как их бить, — взял бы на три фигуры вперед.

С необычайной суровостью Кульбин поглядел на друга:

— С тебя станется — ты и из секрета выстрелишь. Эх, Димка, еще, может быть, вспомним мы ту твою спичку! Не зря с самого рассвета сопки, как улей, гудят. Ведь это они нас ищут.

И впрямь, немецкие разведчики с утра шныряли низко над сопками. Весь день Агеев пропадал где-то в горах, вернулся лишь к вечеру. Весь день Медведев пролежал над картой у среза скал, а когда стемнело, устроил в кубрике совещание.

— Кое-чего сегодня добились...

Он смотрел на свежие отметки, появившиеся на карте.

— Но наша задача — не только обследовать берег. Мы должны найти важный военный объект, скрытый в этих горах. Видите, как подступы к нему защищены с моря. Но координаты самого объекта? Их нужно установить как можно скорей!

— Разрешите, товарищ командир? — Присев на корточки, Агеев посасывал незажженную трубку.

— Слушаю, старшина.

— Товарищ командир, понаблюдайте дорогу на весте. Я нынче, от нечего делать, туда все утро глазел. Когда в разведку ходил, к этой дороге подобрался. Не заметили: по ней будто мураши ползут? Это люди, вернее, фашисты. А точки побольше — это, понятно, грузовики.

Агеев нагнулся над картой, провел по ней загорелой рукой:

— Заметил я, когда машина идет на норд-вест, никого не подбирает, не останавливается. А когда на обедник, то бишь на зюйд-вест, — останавливается, прихватывает пешеходов. Вопрос — почему?

— Объект на зюйд-осте, ясно! — не удержался Фролов. — Ловко подмечено!

— Быстро и неверно, — хмуро взглянул Агеев. — В норд-вестовом направлении нужно искать. Почему туда машина никого не берет? Потому что идет с грузом. А возвращается порожняком, подбирает попутчиков! В норд-вестовом направлении загвоздка.

— Прав старшина... — задумчиво сказал Медведев. — Что ж, надо на практике догадку проверить. Завтра с утра, товарищ Агеев, снова идите в разведку — посмотрите, что за район, можно ли туда проникнуть.

Его голос дрогнул. Может быть, так близко разрешение всех сомнений и страхов? Если добыть точные координаты...

Он старался не мечтать напрасно, не тешить себя несбыточными, быть может, надеждами. Резко свернул карту, встал с койки:

— Ну, товарищи, отдыхать. Сейчас сам встану на вахту, за мной Кульбин. Ложитесь, Василий Степанович, отдыхайте. И остальным советую, пока есть возможность.

Он вышел наружу. Кульбин лег на нары, укрылся плащ-палаткой. Густая темнота заполняла кубрик.

— Сергей, может, прилег бы тоже? Нары широкие, места хватит...

Агеев не откликнулся: его не было в кубрике.

— А ты, Дима?

Фролов молчал.

— Ну, не хотите, как знаете... Мое дело — предложить...

И Кульбин быстро заснул; спокойное дыхание слышалось из темноты.

— Спишь? Ну спи! — пробормотал досадливо присевший на банку сигнальщик.

Ложиться не хотелось. Было беспокойно на сердце, все больше чувствовал себя виноватым перед товарищами. Эта проклятая спичка! Не зря лучший друг — Вася Кульбин — тоже бросил ему упрек. И не зря так сурово ведет себя с ним старшина Агеев. Конечно, Агеев презирает его, Димку Фролова, балтийского матроса, компанейского парня. Почему бы иначе дважды отказался от перекура? Впрочем, странно: старшина, похоже, не курит совсем, только сосет свою неизменную трубку.

Фролов вышел из кубрика, присел на обломок скалы. Ветер переменил румб, из-за серого кружева облаков сверкали, переливались огромные беспокойные звезды, далеко на осте вспыхивали тусклые отсветы артиллерийского боя...

— На заре, похоже, падет туман, — раздался сзади негромкий, задумчивый голос. — Шалоник подул, и звезды дюже мерцают...

Фролов сидел, не поворачивая головы. На его плечо легла широкая ладонь Агеева.

— Ты, матрос, не сердись, что я тебя в работу взял. Парень ты лихой, только иногда раньше шагнешь, а потом уже подумаешь. А у меня такая боцманская привычка... Ну, давай лапу.

Фролов встал. Высокая фигура Агеева недвижно стояла в темноте, покачивалась протянутая рука. Фролов вспыхнул от радости: столько душевности, дружеской теплоты было в этих простых словах. Сама собой левая рука опустилась в карман за кисетом.

— Только перекурку не предлагай, — быстро, почти испуганно сказал Агеев, — наверняка поссоримся снова.

— Да почему же, товарищ старшина?

— Во-первых, ночью — никаких огней, а во-вторых, всю душу ты мне переворачиваешь этим. Я курильщик заядлый, мне твое угощение — соль на открытую рану. Как думаешь, зарок дал, так выполнять его нужно?

— Зарок? — Фролов был очень заинтересован. Вот когда наконец откроется секрет старшины!

— Зарок! — повторил Агеев. — Да ведь это целая история. Давай посидим, расскажу. Очень уж накипело на сердце...

Он расстелил под скалой плащ-палатку. Звезды сверкали вверху, внизу ворочался океан. Старший лейтенант Медведев сидел у гребня огромной высоты, погруженный в невеселые мысли, в то время как боцман Агеев стал рассказывать историю своего родного корабля прилегшему рядом с ним на плащ-палатке Фролову.

— Ну, как начать? — сказал, помолчав, Агеев. — Чудно́ мне, что ты о «Тумане» ничего не слыхал. Правда, ты на Севере не с начала войны, других геройских дел насмотрелся... Так вот, плавал у нас в Заполярье сторожевой корабль «Туман», тральщик номер двенадцать. И я на нем с начала финской кампании боцманом служил.

Экипаж у нас дружный подобрался, хорошие ребята. А война еще больше сдружила. С тех пор как первый немец на нас бомбой капнул, как мы матросский десант у горной реки Западной Лицы высадили, а потом в ледяной воде под минометным огнем раненых на борт таскали, стали мы все как один человек. А больше всех подружился я с котельным машинистом Петей Никоновым.

Главное, человек он был безобидный. И, как я, не военный моряк — с торгового флота. Такой безобидный человек! И больше всего любил всякое рукоделье мастерить. В свободное время засядет в уголок и вытачивает какую-нибудь зажигалку-люкс. Особые крышечки выточит, цепочки... А в последнее время, как началась война, стал с какой-то особой яростью работать.

Корабль наш день и ночь по заданиям ходил: то мины тралит, то десант поддерживает, то дозорную службу несет у острова Кильдина. Днем и ночью на боевых постах, а спать никому не хотелось. Очень тоскливо и муторно было, мысли одолевали: немец по России пошел, города жжет, народ угоняет, режет, будто татарское иго вернулось. Здесь-то знали: выстоим, нам пути назад нет, матрос в скалу упрется — и сам как скала, а как там, в России, на равнинах?

И тоска грызла. На фронт бы, под огонь, в самое пекло, чтоб в бою душу облегчить! А тут тяпаешь малым ходом, в дозоре, у голых скал, и кажется, твоя вина в том, что враг вперед прется...

И вот ночью, часов около трех, ходим как-то в дозоре на выходе в океан, и гложут меня эти самые мысли.

Знаешь нашу летнюю ночь — светло что днем, только свет будто помягче и облака на небе как разноцветные перья. Нес я вахту на верхней палубе. На корабле порядок, палуба скачена, трапы начищены. В другое время боцману жить бы и радоваться, а в те дни и чистота была не в чистоту.

И вот выходит на палубу Никонов, как сейчас вижу, голубоглазый, из-под бескозырки мягкие волосы вьются, над тельняшкой жиденькая бородка торчит (мы его за эту бородку козлом дразнили). Выходит и держит в руке нарядную новую трубку — только что

собрал, даже не успел табаком набить. И видно, очень своей работой доволен.

«Смотри, Сережа, ювелирную вещь смастерил!»

А трубка правда любительская: эбонитовый мундштук с прозрачной прокладкой, чашечка красноватого цвета, отполирована.

И вдруг злоба меня прямо в сердце укусила.

«Эх ты, трубочник! — говорю. — В России народ гибнет, Гитлер по крови шагает, а ты вот чем занят!»

И так бывает: скажешь что-нибудь сгоряча — и сразу готов свои слова проглотить обратно. Вижу, пальцы его затряслись, худые пальцы, машинным маслом запачканные, а в глазах тоска так и плеснула.

«Как ты можешь так говорить, Сергей! Душа неспокойна, руки дела просят. Два месяца из дому писем нет, и немец в нашем районе. В этой трубке кровь моего сердца горит».

Эдак чудно́ сказал. Тихо, без задора. Лучше бы он прямо меня обругал... И как раз в это время боевая тревога: колокол громкого боя по кораблю загремел.

Петя в машину бросился, а я на свой боевой пост — к пулемету, на мостик.

Навстречу мне дублер рулевого, что по боевому расписанию у орудия стоял:

«Три корабля противника! Идут курсом на нас!» — И скатился вниз по трапу.

Взбежал я на мостик. А на корабле будто никто и не спал. Стоят с биноклями командир «Тумана», помощник, комиссар. Морскую гладь серая дымка подернула. С зюйда сопки нашего берега сизой гранью встают.

А со стороны океана, кабельтовых в пятидесяти от нас, три длинных силуэта боевых кораблей показались. Взглянул я в дальномер — немецкие эсминцы.

Низкотрубные, чуть темнее морской волны, раскинули широкие буруны, полным ходом идут. И длинные стволы орудий поворачиваются прямо на нас. А что можно против них с нашими двумя пушчонками-мухобойками сделать?

Но слышу, командир говорит — разве чуть громче, чем всегда: «Орудия к бою изготовить! Поставить дымовую завесу!»

Какой-то восторг меня охватил. Взглянул я на-

верх — длинный наш бело-голубой, краснозвездный флаг широко развернулся по ветру, шлет вызов врагам. Как будто и впрямь мы не тихоходная посудина, а крейсер — гроза морей.

Однако еще не стреляем. При такой дистанции наши пушки ни к чему. Думаю, укроемся дымовой завесой, подпустим их ближе, тогда и ударим. Полным ходом идем к береговым батареям. И нужно же быть такому делу: только распустился дым от кормы — ветер переменился, завесу отнесло в сторону, гитлеровцам нас как на ладони видно.

И стали они «Туман» изо всех своих орудий громить.

И наша кормовая пушчонка в ответ ударила. Но конечно, снаряды ее почти на полпути к эсминцам ложились. А фашисты, хоть моряки они никакие, наконец пристрелялись к нам. Один снаряд у самого нашего борта лопнул. Я прямо оглох. А командир опустил бинокль, прислонился к рубке. Из-под козырька — струйка крови.

«Ранены, товарищ командир?»

Отмахнулся досадливо:

«Ничего, боцман...»

И снова корабль тряхнуло. Рулевой Семенов, вижу, не может штурвал держать. «Туман» наш зарыскал.

«Товарищ командир, рулевое управление выведено из строя...» — докладывает вахтенный офицер.

«Перейти на ручное управление!» — приказывает командир.

Вижу, кровь ему глаза заливает. Он ее вытирает. платком, а платок весь алым набух — хоть отжимай. Нужно бы, смекаю, перевязать командира, за индивидуальным пакетом сбегать, да будто прирос к палубе.

В ушах свистит, палуба в желтом дыму, дым этот с кормы встает все гуще. А сквозь него огонь нашей пушчонки сверкает.

Зато германец затих, не стреляет, хотя подходит все ближе.

И тут крикнул кто-то:

«Командир убит!»

И другой голос тут же:

«Флаг! Флаг!»

Взглянул я на гафель и обомлел.

Осколком перебило фал — флаг наш больше по ветру не вьется. Потому, стало быть, и не стреляли фашисты, что думали: «Туман» пощады запросил!!

— И что же? — не удержался Фролов. Его захватил рассказ. Он плотно придвинулся к Агееву, всматривался в смутно белеющее из мрака лицо.

— Что? — строго переспросил боцман. — А вот что! Не успел лейтенант команду подать: «Поднять флаг!», как уже несколько матросов у гафеля были.

Рулевого Семенова в руку ранило.

«Помоги, Агеев! — говорит он сквозь зубы и тянет оборванный фал. — Видишь ты, фал травить двумя руками нужно, а у меня одна сплоховала...»

И радист Блинов тут же у гафеля помогает сращивать фал.

Мигом подняли мы флаг — вновь он забился под ветром. И тотчас опять снаряды вокруг засвистели.

— А как наши комендоры стреляли? — вновь не удержался Фролов.

— Этого не скажу, — бросил нетерпеливо Агеев. — В тот час все передо мной, как при шторме, ходило. Первый ведь мой бой был... Потом сказывали ребята: у кормовой пушки прямым попаданием оторвало ствол, из носовой стрелять трудно было: сектор видимости не позволял. Так что немец нас бил как хотел: и бронебойными и шрапнелью.

И комиссар погиб. Вижу: лежит он на палубе, у боевой рубки, шинель стала лохматой, что твоя бурка, — так ее осколками порвало.

И заслужил в этом бою наш корабль себе вечную славу. Трудно сказать, кто из экипажа больше отличился, — все героями были. В трюме, в угольном бункере, пробоина была — так старшина второй статьи Годунов ее собственной спиной зажал, пока пластырь не завели. И флаг все-таки над кораблем развевался!

Перед смертью командир дал приказ: секретные документы уничтожить.

Вбежали мы в штурманскую рубку, а из трещины в переборке высокое пламя бьет. Рвем карты, в пламя бросаем.

И очень запомнилось, что тогда рулевой Семенов сказал:

«Пелевин Сашка помер... Шибко ранен был, я ему

фланелевку разрезал, перевязал его. А он весь побелел, обескровел. Шепчет: «Костя, попить дай...» Я в камбуз, за водой, а там все разбито... Бросился в кают-компанию. От графина одни осколки блестят... Возвратился к другу. «Нет нигде воды, Саша...» Отвернулся он и помер... Такое дело — на воде находимся, а дружку стакана воды не достал...»

И, как сказал это Семенов, вспомнил я, что нигде Никонова не видно.

Уже давал крен «Туман», трудно было на палубе стоять. Смотрю, матросы шлюпки спускают... Бегу в машинное отделение.

Здесь электричества уже нет, под ногами море плещется. Машинисты, по колено в воде, еще борются за жизнь корабля. Никонова меж них нет... Смотрю, он, прислонясь к трубопроводу, лежит, и вода ему под горло подходит.

«Петя!» — кричу.

Открыл он глаза... Жив! Подхватил его, еле взобрался по трапу. «Туман» уж совсем на бок лег.

«Ты, дружба, со мной не возись. Спасайся сам...» — шепчет Петя.

«Мы еще, Петр Иванович, поживем, повоюем», — говорю ему и несу к шлюпкам.

Но только хотел друга в шестерку спустить, лопнул рядом снаряд — меня вконец оглушило, Никонов у меня на руках обвис. Раздробило ему голову осколком. Так я его на палубе и оставил...

И лишь отошли шлюпки от корабля, длинный темный нос «Тумана» стал из воды подниматься. Никак он потонуть не хотел. Уже корма целиком в воду ушла, в пробоины волны рвутся, кто в шлюпки сесть не успел, прямо в воду бросается, а корабль наш все форштевнем в небо смотрит, полукруг им описывает. И потом вскипел водоворот — исчез наш «Туман». Я даже глаза зажмурил — такая грусть охватила!

А когда открыл глаза, вижу: по морю только наши шлюпки плывут, матросы за них цепляются, а кругом опять снарядные всплески — эсминцы и по шлюпкам стреляют.

И поклялись мы друг другу: лучше всем в воду попрыгать и потонуть, а в плен не сдаваться...

Но загудели от берега наши самолеты — фаши-

сты, понятно, наутек. Пришли мы в базу живыми... И осталась мне только вот эта память о друге...

Агеев шевельнулся — и на ладонь Фролова легла маленькая, легкая трубка. Она была теплой на ощупь: боцман только что вынул ее из кармана или, может быть, все время держал в руке. Как живое спящее существо, лежала она на ладони сигнальщика.

— Эту трубку, — прозвучал тихий голос боцмана, — и выточил перед смертью Петя Никонов. Не помню, как она у меня очутилась. Верно, когда заиграли тревогу, я сам ее в карман сунул. Пришли в базу, гляжу — она.

И дал я в тот день великую клятву. Поклялся перед матросами в полуэкипаже не курить, покамест не убью шестьдесят врагов! Втрое больше, чем погибло на «Тумане» друзей-моряков. Проведи-ка пальцем по черенку.

Фролов пощупал мундштук. Он был покрыт двусторонней насечкой, множеством глубоких зазубрин.

— Пятьдесят девять зазубрин! — с силой сказал Агеев. — Пятьдесят девять врагов уже полегло от моей руки. Еще одного кончу — и тогда накурюсь из Петиной трубки. А сейчас, видишь ты, какое положение: нельзя бить врага, чтобы себя не обнаружить. Даже того часового в фиорде я не прикончил, в штаб как «языка» отослал. Может быть, потому и хожу такой злой.

Он бережно взял трубку у Фролова.

— Один только спасательный круг, что ты в кубрике видел, да эта трубка остались мне от «Тумана». Круг к этому берегу океанским прибоем принесло. И все, что у меня в кубрике видишь, это мне наше море подарило. И койку, и всякую снасть, и даже одежу с потопленных немецких кораблей на берег выносило, как будто для того, чтобы мог я свой кубрик построить — в тылу врага, как в собственном доме, жить.

И когда смотрю на красную чашечку, на эбонит, на эту трубку с нашего «Тумана», снова видятся мне и корабль, и Петя Никонов, и родная земля, кровью залитая, города и села в горьком дыму. И каким бы усталым ни был, сызнова ведет в бой матросская ярость...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Туман пришел исподволь и бесшумно, но скоро стал полным хозяином побережья. Он поднялся с моря на рассвете, заволок берег густой пеленой, его синеватые щупальца тянулись все выше.

Казалось, огромное сумеречное существо, лишенное формы, вышло из океана, цепляясь за скалы, проникает повсюду...

«Прав был боцман», — подумал, проснувшись, Фролов. Он вышел было с биноклем на вахту, но только досадливо махнул рукой.

Несколько окрестных вершин еще плавали в тускнеющем небе. Затем туман затянул и их.

Только Чайкин Клюв парил над молочными, желтоватыми слоями. Но цепкие полосы, как стелющийся по камням дымок, потянулись и сюда.

Туман густел. От края скалы трудно было рассмотреть вход в кубрик.

Утром плотный рокочущий звук возник издалека. Он надвинулся на высоту. Усиливался. Прогремел где-то сбоку. Стал быстро стихать.

— Самолет! — сказал Кульбин. Даже на его спокойном лице отразилось глубокое удивление.

— Какой это сумасшедший в такую погоду летает? — Медведев всматривался туда, куда удалялся гул, катящийся по скалам. Но туман висел непроницаемый и равнодушный — нельзя было разобрать ничего.

— Он при такой видимости в любую сопку врезаться может... Летит на малой высоте... — Кульбин тоже всматривался в пространство.

— Ну, врежется — туда ему и дорога... Здесь наши летать не должны. Какой-нибудь пьяный фриц с тоски высший пилотаж крутит...

А в это время в десятке миль к весту шел по оленьим тропам Агеев, пробираясь в засекреченный вражий район.

Он ушел с поста еще в темноте, перед рассветом. После рассказа Фролову старшина прилег было отдох-

нуть на дощатой палубе кубрика, сразу заснул, как умеют засыпать фронтовики, используя любую возможность.

Но он спал недолго. Проснулся внезапно, будто кто-то толкнул или окликнул его. Лежал на спине, в темноте, и сердце билось тяжело и неровно. Ему приснился «Туман», рвущиеся кругом снаряды, ветвистые всплески воды... Текла кровь товарищей, косая палуба уходила из-под ног... Он сам не ожидал, что так разволнуется от собственного рассказа.

Предупредив Медведева, что уходит, он спустился к водопаду. И теперь карабкался по крутым переходам, в слоях душной мглы, оставив в стороне широкую горную дорогу.

Он решил пробраться в секретный район другим, высокогорным, обходным путем. Горы становились все обрывистей и неприступней. Здесь уже не было кустарника, даже черничные заросли попадались реже, даже мох не покрывал обточенные неустанными ветрами утесы. Только шипы каких-то безлиственных колючек торчали из горных расселин.

Под покровом тумана он крался мимо немецких постов. Однажды два егеря прошли совсем близко; тяжелый солдатский ботинок скользнул по склону; мелкие камешки покатились, чуть не попав Агееву в лицо; желтизну полутьмы прочертил огонек папиросы...

Дальше он прополз у самого сторожевого пункта. У колючей проволоки топтался часовой, кутаясь в короткую шинель, напевая жалобную тирольскую песню. Рука Агеева потянулась к кинжалу. Прикончить бы и этого, как в прежних походах приканчивал не одного врага... Но он замер, позволил часовому пройти. Здесь, в глубине вражьей обороны, можно переполошить все охранные части.

Нет, не так легко было сделать последнюю отметину на трубке!

И вот он полз над самым обрывом гранитного перевала, распластавшись, как кошка на карнизе многоэтажного дома.

Он знал: обогнешь вон ту трехгранную скалу, и откроется спуск в низину, куда ведет автодорога.

Он полз над самой пропастью, где туман лип к камням, точно составлял их плотное продолжение... Вдруг

рука скользнула по влажной скале, потеряла опору. Боцман застыл на месте.

За поворотом тропка резко обрывалась. Топорщились острые кристаллические грани. Не было сомнений: перевал здесь искусственно разрушен — саперы уничтожили чуть видную оленью тропу через вершину.

Агеев лежал, собираясь с мыслями. Значит, проникнуть дальше нельзя. А именно туда нужно проникнуть — недаром враги закрыли дорогу. Он вытянул шею. В головокружительном провале клубился рыжий рассвет. Подул ветер, сперва приятно обдувая лицо, затем пробирая дрожью.

Агеев облегченно вздохнул. Терпеливо ждал, расслабив под сырым ветром усталое тело, щурясь на солнце, заблестевшее сквозь туман.

Он знал старую морскую примету: если ветер дует по солнцу, будет тихая погода, а повернет свежун против солнца, значит, начнет дуть сильнее, может прогнать туман. И как раз ветер повернул навстречу косым солнечным лучам.

И точно — туман рвался на полосы, уходил облаками. Солнышко крепче грело спину. Только мерзла грудь: насквозь просырел протертый ватник.

Агеев оглянулся. Если бы податься хоть немного за поворот, краем глаза взглянуть на запретный район!

Продвинулся вперед еще немного — одна рука свешивалась, не находя опоры; всем телом чувствовал огромный ветреный провал внизу.

Дальше, Сергей, дальше! Может быть, удастся проползти по краю обрыва, снова выбраться на тропу. Уже вся верхняя половина тела свешивалась над провалом. Там, внизу, снова скоплялся туман, казалось, небо опрокинулось, висит под ногами скоплением грозовых облаков.

Продвинулся еще — и из-под руки покатился камень. Агеев заскользил с обрыва, пытаясь ухватиться за торчащие из расселин шипы...

На Чайкином Клюве этот день тянулся долго.

— Видимость — ноль, товарищ командир, — уже в который раз докладывал Фролов, — до горизонта рукой достать можно...

— Идите отдыхайте, — приказал наконец Медведев.

Он сидел на скале, у входа в расселину, ведущую вниз, к водопаду, положив автомат на колени, всматриваясь в зыбкую стену тумана.

— Да я уже отдыхал, товарищ командир, дальше некуда. Как отстоял ночью вахту, улегся в кубрике, только недавно глаза протер. Минуток пятьсот проспал.

— Идите спите еще. Вам за всю войну отоспаться нужно. Ложитесь на койку: там удобнее.

— А вы, товарищ командир? Пошли бы вздремнули сами. Больше всех нас на вахте стоите.

— Ничего, захочу спать — сгоню тебя с койки, — улыбнулся через силу Медведев.

Фролов знал: спорить с командиром не приходится. Медленно пошел в землянку. Кульбин возился у гудящего примуса.

— Ну, кок, что на обед приготовишь?

Как всегда, Кульбин не был расположен к болтовне:

— Что там с видимостью?

— Видимость — ноль... Давай помогу тебе. А ты ложись отдохни. На этой койке, думаю, особенно сладко спится.

Кульбин задумчиво взглянул на него:

— Тебя только подпусти к еде — ты такого наворочаешь!.. Ложись отдыхай. Нужно будет — я тебя сгоню.

— Ладно, я только глаза заведу...

Фролов лег, укрылся ватником и тотчас заснул крепким сном.

В полдень Кульбин вышел из кубрика с двумя манерками в руках. Туман стоял по-прежнему. Согреваясь, Медведев прохаживался за скалой.

— Проба, товарищ командир.

Старший лейтенант повернул к нему утомленное, заострившееся лицо:

— Что сегодня сочинил? На первое — суп из морских червей, на второе — гвозди в томате?

Кульбин глядел с упреком. Ко всякому выполняемому делу он относился с предельной серьезностью. Теперь, когда стал по совместительству завхозом и коком отряда, болезненно переживал шутки над своей кулинарией.

— На первое — суп из консервов, на второе — концентрат гречневая каша, — веско сказал Кульбин. — Прошу взять пробу.

Старый флотский обычай — перед каждой едой приносить пробу старшему помощнику или командиру корабля. И здесь положительный Кульбин не отступал от корабельного распорядка.

— Ну давай!.. Много наварил?

— Хватит... Это для вас, товарищ старший лейтенант.

Медведев зачерпнул ложкой суп. Вдруг почувствовал сильный голод. Вычерпал с полбачка.

— Отличный супец, Василий Степанович! Будто вы в нем целого барана сварили...

Из другой манерки съел несколько ложек каши. Положил ложку, вытер губы.

— И каша адмиральская!.. Вы, Василий Степанович, в жизни не пропадете. Если инженером не станете, как демобилизуетесь, можете шеф-поваром в ресторан пойти.

— Нет, инженером интересней, товарищ командир.

Такой разговор бывал уже у них не раз и не два. Но сегодня Медведев шутил рассеянно, больше по привычке...

— Идите обедайте, — сказал он, укутываясь в плащ-палатку.

Кульбин не уходил.

— Агееву бы вернуться пора...

— Давно пора, — отвел глаза Медведев. — Говорил, обязательно до полудня обернется.

— Так я оставлю расход... — Хотел сказать что-то другое, но осекся, звякнул котелком о котелок.

— Конечно, оставьте... — Медведев помолчал. — Пока особенно беспокоиться нечего. Старшина — опытный разведчик.

— Я, товарищ старший лейтенант, в Сергея Агеева верю. Да ведь туман: мог на засаду нарваться...

Оба помолчали.

— Разрешите идти?

— Идите.

Кульбин будто растворился в облаках тумана. Медведев снова сел на скалу...

Он то сидел, то прохаживался напряженно, нетер-

пеливо. Один раз даже спустился по ущелью вниз, почти до самого водопада... потом снова сидел у скалы.

И вот расплывчатая высокая фигура возникла со стороны ущелья, подошла вплотную.

Медведев вскочил. Разведчик подходил своим обычным скользящим, упругим шагом. Остановившись, приложил к подшлемнику согнутую горсточкой кисть:

— Старшина первой статьи Агеев прибыл из разведки.

Медведев схватил его за плечи, радостно потряс. Что-то необычное было в лице старшины: широкие губы, десны, два ряда ровных зубов — в лиловатой синеве, будто в чернилах.

— Черникой питались, старшина? — Медведев медлил с вопросом о результатах разведки, будто боялся ответа.

— Так точно, товарищ командир! — Голос разведчика звучал четко и весело, разве чуть глуше обычного. — Черники, голубики кругом — гибель! Как лег в одном месте, так, кажется, на всю жизнь наелся.

— А разведка? — Медведев подавил дрожь в голосе. — Выяснили что-нибудь?

— Зря гулял, товарищ командир. В тот район пробраться не мог.

— Не могли пробраться? Никаких результатов разведки?

— Так точно, никаких результатов.

Медведев молча смотрел в бесстрастное лицо Агеева, на губы, окрашенные ягодным соком. Разочарование, застарелая тоска стеснили дыхание.

Он знал, что боцман старался добросовестно выполнить задание. Но после многочасового ожидания, тревоги за жизнь товарища, бессонной ночи получить такой лаконический рапорт! Спокойствие Агеева приводило в ярость, так же как этот ягодный сок на губах. Но сдержался, заставил свой голос прозвучать спокойно и ровно.

— Хорошо, старшина, идите. Не этого, правда, я от вас ожидал... Отдыхайте.

— Есть, отдыхать! — раздельно сказал боцман. Снова приложил к подшлемнику руку.

Он стоял, не спуская с командира прозрачных, ястребиных зрачков. Медведев увидел: поперек мозолистой

ладони бежит широкий кровяной шрам, материя ватника на груди свисает клочьями.

— Постойте, что это у вас с рукой, старшина?

— А это я, товарищ командир, когда ягодами лакомился, сорвался немного, за куст уцепиться пришлось...

Он резко повернулся, исчез в тумане.

Когда Медведев вошел в кубрик, боцман сидел на койке, расстелив на коленях свой старый, защитного цвета, ватник: размышлял, как приступить к его ремонту. При виде Медведева встал.

— Сидите, сидите, старшина. — Медведев говорил мягко, глядел с застенчивой, виноватой улыбкой. — Вы что же не отдыхаете? Поспать нужно после вашего трудного похода...

Он особенно подчеркнул последние слова. Боцман глядел исподлобья.

Медведев сел у радиоаппарата.

— Я спать не хочу, товарищ командир. Вот прикидываю, как ватник мой штопать.

— Ладно, я вам не помешаю...

Агеев снова сел на койку, вынул из кармана штанов плоскую коробочку, вытряхнул на колени моток ниток с иголкой. Расправив ватник ловкими пальцами, делал стежок за стежком.

— Меня, товарищ командир, если неряшливо одет, всегда будто червь точит...

Помолчали. Медведев бродил глазами по кубрику. Агеев старательно работал.

— Нет, товарищ командир, я бы не в море упал, я бы о скалы разбился.

— Да?.. — рассеянно сказал Медведев. И потом удивленно: — О чем это вы? Я же вам ничего не сказал.

— А подумать, подумали?

Агеев продолжал зашивать ватник.

Медведев не отводил от разведчика взгляда.

— Действительно подумал... А вы, похоже, умеете угадывать мысли?

— Угадка здесь, товарищ командир, небольшая. Когда я словечко «червь» бросил, заметил: вы в угол кубрика взглянули, где Фролов свои сигнальные флаги

держит. Тут я решил, вы о флажном семафоре подумали. Ведь для каждого моряка «червь» — это сигнал «Человек за бортом». А потом посмотрели вы на меня, на руку, что я поцарапал, и беспокойно головой качнули. Значит, подумали: не удержись я — пошел бы на обед к рыбам. Ну я вам и возразил, что там внизу не море, а скалы.

— Занятный вы человек, боцман!

Агеев методически делал стежок за стежком.

Медведев усмехнулся:

— Вы о Шерлоке Холмсе что-нибудь слыхали?

— Нет, не приходилось. Это кто — иностранец?

— Это такой знаменитый сыщик был, тоже мысли угадывал.

— Нет, о Шерлоке не слышал, — задумчиво сказал Агеев. — А это наш капитан учит нас к людям присматриваться. Сам он не такие загадки отгадывает. Голова!

— Капитан Людов?

— Так точно.

Медведев встал, прошелся по кубрику. Волна беспокойства, затаенной тревоги снова захлестнула его.

— Слушайте, боцман, уже третий день мы здесь, а вперед идем самым малым. Капитан Людов ждет информации, координат этого объекта в горах. В вестовом направлении, куда дорога ведет, вы уже дважды были. И результаты? На десять миль район этот — белое пятно. Неужели невозможно туда пробраться?

— Невозможно, товарищ командир. — Агеев отложил ватник, снова смотрел исподлобья.

— Моряк — и невозможно! Разве нас не учили никогда не ставить этих слов рядом?

— Так точно, учили. А только в этот район я никак проникнуть не мог. — Агеев взял со стола карту, развернул на койке. — Здесь вот автострада в туннель уходит. Кругом сплошные патрули, дзоты, по скатам проволока Бруно, на высотах пулеметные гнезда. И все под цвет скал камуфлировано. Враги каждый метр просматривают. А по сторонам — пропасти, отвесные скалы. Оленья тропа через перевал взорвана, там тоже обрыв.

Он замолчал. Медведев хмуро разглядывал карту.

— Нужно снова идти в разведку, старшина!..

— Есть, снова идти в разведку! — Обида прозвучала в голосе боцмана.

Медведев вдруг подошел к Агееву вплотную, положил ему на плечи ладони, взглянул разведчику прямо в глаза:

— Слушай, друг, ты на меня не сердись, не обижайся! Верю, что сделал все возможное. Только помни — главная надежда на тебя. Попробовал бы я сам пойти, а что пользы? На первую же пулеметную точку нарвусь и все дело закопаю. Да ведь такой важности дело! Сам командующий известий ждет... Вице-адмирал приказал добиться успеха, этот объект обнаружить. Там против нашей Родины новое оружие куется, там советские люди томятся в фашистском рабстве...

Он замолчал, волнение схватило за горло:

— А для меня... Может быть, в этой горной каторге моя жена и сын погибают!..

Резко оборвал, сел, облокотившись на стол, закрыл лицо руками. Агеев застыл над картой:

— Ваша жена и сын? Здесь, в сопках?

— Да, подозреваю, — их привезли сюда с другими... рабами...

Агеев медленно надел ватник, снял со стены пояс с тяжелым «ТТ» в кобуре, с кинжалом в окованных медью ножнах. Тщательно затягивал ремень.

— Разрешите, товарищ командир, снова идти в разведку.

Медведев поднял голову. С новым чувством боцман всматривался в лицо командира. Так вот почему так обтянуты эти свежевыбритые скулы, таким лихорадочным блеском светятся впалые глаза под черными сведенными бровями. Медведев глядел с молчаливым вопросом.

— Я, товарищ командир, с собой трос прихвачу, попробую спуститься с обрыва. Может быть, и вправду пойти нам вдвоем? Только я бы не вас, а хотя бы Фролова взял. Если вы не вернетесь, пост без головы останется...

В кубрик заглянул Кульбин.

— Товарищ командир, время радиовахту открывать.

— Открывайте.

Кульбин придвинул табурет, снял бескозырку, нахлобучил наушники, включил аппарат. Мир звуков хлы-

нул в наушники, шумел, рокотал, кричал обрывками приказов, звенел ариями и мелодиями. Кульбин настраивался на нужную волну...

Медведев с Агеевым сидели на койке, опять рассматривали карту. Кульбин ближе наклонился к аппарату, напряженно вслушивался. Придвинул было карандаш и бумагу... Отложил карандаш... Вслушивался снова.

— Товарищ старший лейтенант!

Медведев оторвался от карты.

— Принимаю сигнал бедствия по международному коду... И дальше — текст... Не пойму, на каком языке... Только не по-немецки...

Медведев встал. Кульбин передал ему наушники.

Медведев вслушивался, опершись о стол. Придвинул бумагу. Стал быстро записывать.

— Радируют по-английски, открытым текстом. Видишь ты, английский летчик приземлился в сопках. Вышло горючее, сбился с пути в тумане. Просит помощи.

Он передал наушники Кульбину, порывисто встал. Из наушников шел сперва однообразный настойчивый писк — сигнал бедствия, потом шелестящие, наскакивающие друг на друга звуки английских слов. И опять однообразный жалобный призыв.

— Только места своего точно не дает... Сел на берегу фиорда... А где?

— Где-то поблизости, товарищ командир.

Кульбин вслушивался снова, что-то записывал, опять вслушивался с величайшим вниманием.

— Старшина, — сказал Медведев,—нужно союзнику помочь... Если немцы его найдут, плохо ему будет.

Агеев пристально глядел на доски палубы, покрытые соляными пятнами и высохшей смолой.

— Чего ж он тогда в эфире шумит? — хмуро сказал Агеев.

— А что ему делать остается? Может быть, думает, что в русском расположении сел... Ведь он в тумане сбился...

— Поблизости у нас три фиорда. Если все обойти, на это несколько дней уйдет.

Кульбин сдернул наушники. Вскочил с табурета. Необычайное возбуждение было на широком рябоватом лице:

— Товарищ командир, установил его место. Я ра-

диопеленги взял. Он вот у этого фиорда сел, совсем от нас близко.

Нагнулся над развернутой картой, решительно указал точку.

— А вы не ошиблись, радист?

— Не ошибся! На что угодно спорить буду!

— Придется помочь, — твердо сказал Медведев. — Лучше вас, боцман, никто этого не сделает.

— А что, если пост рассекречу?

— Пост рассекречивать нельзя. Действуйте смотря по обстановке. Если враги его уже захватили, тогда, ясно, ничего не поделаешь... Объясниться-то, в случае чего, с ним сможете?

— Я, товарищ командир, как боцман дальнего плавания, на всех языках понемногу рубаю, — отрывисто сказал Агеев.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ТРОЕ

И вправду, самолет сел в том месте, которое запеленговал Кульбин.

Самолет лежал на небольшой ровной площадке, окруженной хаосом остроконечных вздыбленных скал. «Ловко посадил его англичанин в тумане!» — с уважением подумал Агеев. Ошибка в несколько десятков метров — и врезался бы в эти плиты, мог разбить вдребезги машину.

Правда, и теперь самолет был поврежден: одна плоскость косо торчала вверх, другая уперлась в камень. На темно-зеленом крыле ясно виднелись три круга, один в другом: красный в белом и синем, на хвосте — три полоски тех же цветов. Опознавательные знаки британского военно-воздушного флота.

Но Агеев не подошел к самолету прямо. Подполз на животе, по острым камням. «Опять ватник порвал, зря зашивал...» — мелькнула неуместная мысль. Лег за одной из плит, наблюдая за самолетом.

На покатом крыле, в позе терпеливого ожидания, сидел человек в комбинезоне. Дул полуночник, клочья-

ми уходил туман. Ясно виднелись высокая плотная фигура, румяное лицо в кожаной рамке шлема. Длинноствольный револьвер лежал рядом на крыле.

Вот летчик встрепенулся, подхватил револьвер. Вспрыгнул на крыло, шагнул в открытую кабину.

Стал постукивать передатчик в кабине. Летчик снова посылал сигнал бедствия. И опять он спрыгнул на камни, сел неподвижно, держа руку на револьвере.

— Хелло! — негромко окликнул боцман.

Летчик вскочил, вскинул револьвер.

— Дроп юр ган! Ай эм рашн! — Эти слова боцман долго обдумывал и подбирал. Будет ли это значить: «Положите револьвер. Я русский»?

По-видимому, он подобрал нужные слова.

Поколебавшись, летчик положил револьвер на плоскость.

Боцман вышел из-за камней. Трудно передать тот ломаный, отрывистый язык — жаргон международных портов, с помощью которого боцман сообщил, что здесь территория врага, что он послан оказать англичанину помощь. Говоря, подходил все ближе, встал наконец у самого крыла самолета. Агеев закончил тем, что, несмотря на протестующее восклицание летчика, взял с крыла револьвер, засунул за свой краснофлотский ремень.

Летчик протянул к револьверу руку. Агеев радостно ухватил своими цепкими пальцами чуть влажную, горячую кисть.

— Хау ду ю ду? — произнес он фразу, которой, как убеждался не раз, начинается любой разговор английских и американских моряков.

Летчик не отвечал. Высвобождал руку, кивая на револьвер, протестуя против лишения его оружия, будто он не союзник, а враг.

Агеев пожимал плечами, примирительно помахивая рукой.

— Донт андестенд![1] — сказал он, засовывая револьвер глубже за пояс.

И летчик перестал волноваться. Он весело захохотал, хлопнул боцмана по плечу. По-мальчишечьи заблистали выпуклые голубые глаза над розовыми щеками,

[1] Не понимаю! (англ.)

маленькие усики, как медная проволока, сверкнули над пухлыми губами. Махнул рукой: дескать, берите мой револьвер. Он казался добродушным, покладистым малым, смех так и брызгал из его глаз.

Но боцману было совсем не до смеха в тот критический момент. Десятки раз в пути с морского поста обдумывал он, как должен поступить, если найдет незнакомца, и не мог ни на что решиться. Больше всего не хотелось приводить постороннего на Чайкин Клюв.

Не найти самолета? Пробродить по скалам и доложить, что поиски не привели ни к чему? Эта мысль забрела было в голову, но он отбросил ее с отвращением. Во-первых, приказ есть приказ, а во-вторых, боцман был уверен: захвати фашисты англичанина — убьют, несмотря на все международные правила, а может быть, примутся пытать...

Следовательно, первая мысль исключалась.

Нельзя было и отправить летчика одного через линию фронта. Это значило опять-таки отдать человека в руки врага. Ему не миновать всех патрулей и укреплений переднего края. И, еще не найдя самолета. Агеев сознавал: не бросит он летчика на произвол судьбы.

Но летчик, видимо, совсем не был уверен в этом. Может быть, за его внешней веселостью скрывалась тревога. Он заговорил раздельно и убедительно.

— Уиф ю! Тугевер![1] — неоднократно слышалось в этой речи.

— Ладно, — сказал Агеев. — Кам элонг![2]

Он стремительно обернулся.

В кабине что-то зашевелилось. Агеев отскочил в сторону, выхватывая из кобуры свой верный короткоствольный «ТТ».

Под полупрозрачным колпаком, тяжело опираясь на козырек смотрового стекла, стояла женщина в белых лохмотьях. Золотистые волосы падали на бледное лицо.

Так странно и неожиданно было это появление, что боцман потерял дар речи. Смотрел на женщину, не выпуская летчика из виду, и она глядела на них обоих большими серыми глазами; тонкие губы вздрагивали, как у ребенка, готового заплакать.

---

[1] С вами! Вместе (англ.)

[2] Пойдем! (англ.)

Единственное, что пришло Агееву на ум, — произнести по-английски какую-то вопросительную фразу.

— Я русская, — сказала женщина глубоким, испуганным голосом и прижала руки к груди. — Помогите, ради бога, я русская...

Легким движением, как-то не соответствовавшем его массивной фигуре, англичанин шагнул на крыло. Женщина отшатнулась.

— Вы-то как оказались здесь? — спросил Агеев.

Англичанин мягко и бережно взял незнакомку за локоть, помог выбраться из кабины. Бросил ей вполголоса несколько добродушно-недоумевающих слов.

— Я не понимаю, что он говорит. — Губы женщины снова задрожали, сухо блестели огромные глаза.

Летчик все еще поддерживал ее под локоть.

— Как вы попали на этот самолет? Откуда он взял вас? — спросил Агеев.

— Он даже не знал, что я в его самолете, — быстро произнесла женщина.

— Не знал, что вы в его самолете? — только и мог повторить Агеев.

— Это случай, это только счастливый случай, — почти шептала незнакомка. — Когда он сел недалеко от бараков, я пряталась в скалах. Слышу — шум мотора, опускается самолет. Летчик выбрался из кабины, ушел за скалы. Смотрю — английские цвета на хвосте. Такие самолеты нас бомбили в дороге. Что мне было делать? Все равно погибать! Подкралась, забилась в хвост. Лежу. Слышу — снова загремел мотор, все зашаталось, меня стало бить о стенки. Потом перестало. Потом опять бросило... Самолет опустился... — Шепот женщины стал совсем беззвучным.

— Кто вы такая? — отрывисто спросил Агеев.

Женщина молчала, стиснув бледные губы, будто не поняла вопроса.

— Кто вы такая, как ваша фамилия? — повторил Агеев.

— Я... — Она переводила с Агеева на летчика огромные светлые глаза. — Я жена советского офицера, он служит на Севере... Медведев...

— Вы жена старшего лейтенанта Медведева? — почти вскрикнул Агеев. Обычная выдержка изменила ему.

— Да, я жена Медведева, — повторила женщина как эхо.

Она зашаталась. Боцман бережно подхватил ее, опустил на камни. Она была необычайно легка, с тонкой морщинистой шеей, с ввалившимися щеками.

— Хэв сэм дринк![1] — сказал заботливо англичанин. Развинтил висевшую на поясе фляжку, большой ладонью приподнял голову женщины, влил ей в рот несколько капель. Она проглотила, закашлялась, оттолкнула флягу. Села, опершись худыми руками о камни.

— Уведите меня! — умоляюще посмотрела она на Агеева. — Они нагонят, убьют вас, меня будут мучить снова...

Летчик быстро заговорил. Боцман вслушивался изо всех сил. Ждал услышать, как попала в самолет эта женщина — жена старшего лейтенанта.

Но летчик говорил совсем о другом: он тоже торопил идти.

— Джермэн, джермэн![2] — произнес он несколько раз, указывая на скалы.

— Идти-то вы можете? — с сомнением взглянул на женщину Агеев.

— Я могу идти, я могу! — вскрикнула она. Вскочила, пошатнулась, запахивая халат на груди.

Это был именно халат — из грубой дырявой холстины.

Напряженный свет излучали ее широко открытые глаза.

«Никогда не видел раньше таких глаз, — рассказывал потом Агеев. — Прямо они меня по сердцу резанули...»

Да, положение становилось невероятным, как в сказке. Он приведет на пост не только летчика, приведет жену командира. Такое совпадение! Кому-нибудь рассказать — засмеют, скажут: «Трави до жвака галса!»

— Ну, что же, идти так идти! — сказал наконец боцман.

Но он решил возвращаться не прежней дорогой. Повернул к берегу фиорда, неловко подхватив женщину под руку. Она торопилась, скользя по камням. Англичанин шел размашистым твердым шагом.

---

[1] Выпейте немного! (англ.)
[2] Немцы, немцы! (англ.)

Из-за скал доносился шелест волн. Они вышли к синей, вскипающей пенными барашками воде за лаковой, черной линией камней. Туман рассеялся, светило высоко поднявшееся солнце, блестело на серой скорлупе раковин, на мокрой морской траве, опутавшей камни.

В одном месте осушка вдавалась глубоко в берег. Здесь море в час прилива билось, видно, в самое подножие отвесных утесов. Летчик стал огибать мокрые камни.

— Хелло! — окликнул Агеев.

Летчик оглянулся.

— Прямо! — Агеев искал нужные английские слова. — Стрэйт эхед!

Уже начинался прилив, небольшие волны, белеющие пеной, набегали все ближе. Агеев сделал знак идти прямо по обнаженному дну водной излучины.

Но теперь летчик потерял, казалось, способность понимать разведчика. Пошел, тщательно огибая излучину, карабкаясь по скалам.

— Ну, мистер, если боишься ноги промочить, нам с тобой не по пути, — пробормотал Агеев.

Отпустил руку женщины, взял своими сильными пальцами летчика за предплечье. Повел его, слегка сопротивлявшегося, прямо по мокрым камням. Женщина шла следом.

— Так-то лучше. — Боцман выпустил руку летчика. — А теперь прибавить шагу надо. Вода зажила, как мы говорим — по-поморски...

Он почти бежал по неглубокой впадине вдоль отвесного темного утеса.

Волны плескались все ближе, они почти прижали трех пешеходов к камням. Казалось, сейчас ударят под ноги — придется идти уже по воде...

— Вот и порядок! — сказал наконец Агеев.

Он ухватился за выступ утеса, подтянулся, поднялся на выступ. Подхватил женщину, поставил рядом с собой.

Брызги волн хлестнули по мохнатым унтам летчика. Англичанин подтянулся тоже, встал рядом с Агеевым, с улыбкой глядя вниз.

В излучине, которую только что пересекли, плескались темно-синие беспокойные волны, пузыри пены лопались на камнях.

— Олл райт! — сказал летчик.

— То-то — «олл-райт!» — ответил боцман.

Снова подхватил женщину, подтянул на следующий выступ утеса. Подсадил англичанина, легко подтянулся сам.

Так они карабкались все вверх и вверх. Англичанин тяжело дышал и уже не улыбался. Женщина бледнела все больше.

Они добрались до самой вершины утеса. Утес свешивался прямо над морем, уходил подножием в волны. Прилив продолжался.

— Вот и прошли по морскому дну, — взглянул боцман на женщину. — Маленькая предосторожность... Литтл каушен... — повернулся он к летчику. — Не понимаете, в чем дело? После, может быть, поймете...

Он пересек утес, лег у его противоположного края. Подал знак спутникам сделать то же самое.

— Теперь можем и отдохнуть. Только за скалы прошу не высовываться.

Сам осторожно выглянул из-за скалы.

Ничего не осталось кругом от недавнего промозглого тумана.

Высоко в небе стояло полярное неяркое солнце. Небо было чистым, будто омытым морской водой. И лилово-синими красками играло море, принимало те глубокие, непередаваемые оттенки, которые навсегда пленяют сердце северного моряка.

Дул свежак, пахнущий морем и солнцем.

Далеко внизу, направо, среди однообразных камней был виден маленький, беспомощно приподнявший крыло самолет.

Летчик, лежа рядом с Агеевым, расстегнул желтый комбинезон на груди, снял шлем. Ветер шевелил мягкие волосы на затылке.

Женщина явно мерзла в своем рваном халате.

Агеев скинул ватник:

— Наденьте, товарищ Медведева.

— Мне не холодно... — Она сделала слабый протестующий жест.

Агеев набросил ватник на ее узкие плечи.

Англичанин медленно вынул из кармана вместитель-

ный портсигар. Взял в рот сигарету, протянул портсигар Агееву.

— Спасибо, — отвернулся боцман.

Летчик не опускал портсигара. Сигареты дразнили своим нарядным, свежим видом, так и просились в рот.

— Спасибо, фэнк, — повторил Агеев. Он резко отвел руку летчика, чуть не рассыпав сигареты.

Англичанин пожал плечами. Чиркнул зажигалкой, закурил.

— Теперь, — боцман старался не смотреть на вкусно вьющийся дымок, рассеиваемый ветром, — расскажите-ка поподробнее, товарищ Медведева, как вы на этот самолет попали?

Он решил пока ничего не говорить ей о муже. Пускай сюрприз будет полным для обоих. Холодело сердце, когда взглядывал на страшно худое лицо, на меловые нити в густых растрепанных волосах. Конечно, не такою хотел бы увидеть командир свою супругу... А мальчик, сын?.. Какое-то чувство стыдливости удержало от расспросов об этом. Пусть сама обо всем скажет мужу...

— Что мне вам рассказать? — Она взглянула и тотчас отвела глаза. — Сама не знаю, как мне посчастливилось... Здесь, в горах, они что-то строят, какой-то завод... Нас там много — замученных женщин... Я бетонщица, вчера провинилась, не выполнила нормы... Не выполнила нормы, — повторила она, будто вслушиваясь в музыку русских слов. — И вот меня должны были наказать сегодня утром. Сечь перед всеми, перед строем рабынь.

Она села, прижала ко лбу маленькую, морщинистую, темную от въевшейся грязи руку.

— Меня должны были сечь! Вы не знаете, что это такое! Они засекают до смерти... На днях убили одну женщину, она умерла под розгами. Так страшно... Я не могла вынести ожидания. Убежала ночью из барака, прокралась возле проволоки, мимо пулеметных гнезд. Но все равно идти некуда, только разве броситься в море... Вокруг стройки охрана, в горы не убежишь, поймите! Знала — утром все равно отыщут с собаками: решила не даваться, лучше головой о камни. Так было страшно, поймите!

Она говорила это «поймите», вскидывая на Агеева

глаза, прижимая ко лбу руку снова и снова, как будто смиряя острую головную боль.

— И вот — чудо! Крадусь между камней, в тумане, и вдруг будто занавес разорвало, тумана нет — и самолет и все, что я вам рассказала. Когда лежала в хвосте, думала: а может, все это сон, сейчас проснусь в нашем бараке, и все по-прежнему, и нет никаких надежд. А потом услышала русскую речь — вас услышала. Тогда выбралась наружу...

Она замолчала.

— Чудно̀... — протянул Агеев.

Англичанин лежал, сосредоточенно курил, ничего не понимая в их разговоре. Когда женщина замолчала, повернул лицо к Агееву, приподнял вопросительно брови.

Боцман попытался передать ему рассказ женщины. Нет, ничего не выходило. Летчик вежливо слушал, старался помочь сам, но Агеев так и не смог растолковать ему, в чем дело, а кстати разузнать, как попал самолет к врагам, в самую засекреченную зону.

«Ладно, — решил Агеев, — доставлю их командиру, там выясним все...»

Время от времени он взглядывал с обрыва туда, где они проходили полчаса назад, от самолета к береговым камням. Вдруг тронул летчика за плечо, сделал знак не высовываться из-за камней.

Увидел: из-за скал, окружающих площадку с самолетом, мелькнуло приземистое верткое существо. За ним другое, будто связанное с первым... Еще одна фигура появилась из-за скал...

Агеев провел языком по обветренным твердым губам.

Два горных егеря в темно-зеленых коротких шинелях подошли к самолету. Огромная ищейка извивалась и прыгала впереди, натягивая длинный ремень. Она обнюхала крылья, камни около самолета и рванулась вперед, по следу, ведущему к береговым камням.

Англичанин тоже смотрел осторожно вниз.

Совсем близко от Агеева розовело его приподнятое над камнями лицо.

Агеев сделал знак пригнуться ниже.

— Понимаете, мистер, зачем мы по морскому дну шагали?

Егеря подошли к самым волнам фиорда. Они остановились перед излучиной, там, где Агеев провел своих спутников по обнаженным отливом камням. Ищейка металась вправо и влево, словно принюхиваясь к волнам. Эти волны смыли следы троих, глядящих теперь вниз с вершины утеса.

Летчик повернулся, сел на камнях; его пухлая горячая рука крепко сжала пальцы Агеева. Восхищение и благодарность были разлиты на его добродушном лице.

— Фэнк ю вери мач![1] — Он снова крепко пожал Агееву руку.

— То-то — «фэнк ю», — ворчливо сказал Агеев.

Он отполз от края обрыва, сделал знак следовать за собой.

— А теперь, граждане туристы, продолжим осмотр достопримечательностей полярного края.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЖЕНЩИНА ИЗ НЕВОЛИ

Утром они подходили к Чайкину Клюву.

Водопад гремел, и фыркал, и летел отвесным потоком на далекие острые скалы. Мчалась горная речка, кувыркаясь среди черных камней.

Один лишь Агеев видел этот громыхающий горный поток. Двое других только слышали нарастающий грохот воды.

— Би кээфул... Рок...[2] — говорил то и дело разведчик, поддерживая летчика под локоть.

Летчик трудно дышал, шел напряженным, неверным шагом слепца. Женщине было легче: Агеев взял ее под руку; она покорно следовала за каждым его движением. И у нее и у летчика лежали на глазах плотные повязки — об этом позаботился боцман. Они не должны были знать путь к Чайкину Клюву.

Всю ночь, весь последний отрезок пути боцман про-

---

[1] Большое спасибо! (англ.)

[2] Осторожнее... Камень... (англ.)

вел в колебаниях, в напряженном раздумье. Они заночевали среди скал, защищавших от ветра. Агеев ни на минуту не сомкнул глаз.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло», — говорил он впоследствии, рассказывая про эту ночевку.

Он был без ватника, поверх тельняшки укутался в плащ-палатку, и сырая осенняя ночь пробрала его до костей. Он то бегал в темноте, то, пытаясь согреться, свертывался в комок на камнях, но от холода болели все кости.

И в то же время его томили сомнения, уйти от которых было невозможно.

С самого начала он решил провести посторонних на Чайкин Клюв, не раскрывая тайны прохода. Завязать им глаза? Простейшее дело! Но тут начинались главные колебания.

Завязать глаза союзнику — выразить явное недоверие... Ну, своя девушка — она поймет... Но иностранец... Просто взять с него слово, что забудет тайну прохода? По-джентльменски, как они говорят.

«А какой я для него джентльмен? — думал угрюмо разведчик. — Будет он данное матросу слово держать? Еще вопрос!»

А потом — разве они смогут перейти речку с завязанными глазами?

Уже подходя к водопаду, принял он решение — действовать начистоту. Пусть потом жалуется как хочет! «В крайнем случае отсижу на губе, а тайны прохода не выдам...»

Но никаких осложнений не произошло. Сперва летчик качнул было надменно головой, а потом улыбнулся, послушно присел на камень. Даже сам вынул из кармана большой белоснежный платок.

— Вэри уэлл! — сказал он хладнокровно, подставляя повязке свое розовое лицо.

«Вот какой покладистый», — подумал с удовлетворением боцман, поверх платка заматывая, для верности, глаза англичанина бинтом из индивидуального пакета.

Женщина тоже покорно согласилась на эту процедуру. И когда, подойдя к стремнине, боцман подхватил ее на руки, нес сквозь грохот воды, обняла его за шею тонкими руками, легкая, как десятилетний ребенок.

Боцман поставил ее перед входом в ущелье, вновь

пересек поток. Англичанин ждал, слегка сгорбив плечи, выставив большое, пересеченное марлей лицо.

— Ай кэрри ю![1] — сказал отрывисто боцман. Он все больше восхищался своим знанием английского языка.

Летчик отшатнулся, поднял руки к повязке. Казалось, в следующий момент сорвет ее с глаз. Дружески бережно боцман стиснул его запястья.

— Би кээфул. Ай кэрри ю![2]

Почудилось, румяное лицо под повязкой немного побледнело.

«Подниму ли? — подумал боцман. — Такой здоровый дядя! Еще сорвусь... Оба — головой о камни...»

Напрягаясь, схватил англичанина в охапку, почувствовал вокруг шеи его тяжелые, длинные руки. «Только три шага, только три шага», — думал боцман, примеряясь, как бы ловчее ступить на первый камень. В лицо бил смешанный запах кожи, пота и каких-то удушливо-сладких духов...

Он ступил на первый камень, пошатнулся, тяжелые руки летчика плотнее сжались на его шее. Внизу прыгала и ревела яростная пена. «Не смотреть, а то упаду...» — подумал Агеев... И в следующий момент был уже на том берегу, тяжело поставил летчика на ноги.

— Олл райт! — хрипло сказал англичанин, оправляя комбинезон.

Агеев раздвинул листву — они очутились в ущелье. Осторожно вел своих спутников узкой расселиной вверх. Сердце его стало биться все чаще и прерывистее — он сам не понимал почему. «Неужели от физкультуры над стремниной?»

И вдруг вспомнились вчерашний разговор с командиром, темное от тоски лицо, внезапно прорвавшаяся просьба. И он осуществил мечту командира, привел ему жену! Но в каком виде... И где остался их сын? Вот от каких мыслей все быстрее и быстрее билось сердце, и стало трудно дышать.

Он уже видел яркое небо, сверкнувшее в треугольнике наверху. Расселина расширялась, пахучий морской ветер дул в лицо. Уже Фролов, скинув с шеи автомат, вышел из-за скалы, бежал навстречу, сияя глазами.

---

[1] Я вас понесу! (*англ.*)

[2] Будьте осторожны. Я вас понесу! (*англ.*).

Они обнялись порывистым крепким объятием.

— А мы заждались! — Фролов тряс руку Агееву. — Молодец, что вернулись, товарищ боцман! И вижу, с двойным результатом... — В изумлении он глядел на женщину.

— Позови командира! — быстро сказал Агеев и сам не узнал своего будто отсыревшего голоса.

Женщина рядом с ним ждала неподвижно. Она и не предчувствует своего счастья! Летчик ждал тоже, в спокойной, непринужденной позе.

— Снимэ повязку, снимэ! — сказал ему Агеев. В волнении забыв все английские слова, перешел на тот по-детски искажаемый невольно язык, которым некоторые пытаются говорить с иностранцами.

Но затем, взяв себя в руки, отыскал нужное выражение:

— Тэйк офф кэрчиф!

Летчик сбросил повязку, стоял, щурясь в ярком солнечном свете. Женщина осторожно сняла свою. Ее золотистые, с белыми нитями, волосы рассыпались по плечам.

Она раскраснелась при подъеме и в этот момент казалась молодой и красивой.

Медведев вышел из-за скалы, прикрывающей кубрик. Подходил широким торопливым шагом, прыгая с камня на камень.

— Ну, старшина, с успехом! А мы уже думали искать вас идти...

Агеев молчал. Вот сейчас командир бросится к жене... Нужно отойти, не мешать...

— Кто это? — быстрым дружеским шепотом спросила женщина. — Ваш начальник?

— Это?.. — Агеев изумился. — Это? Или не узнали?.. Старший лейтенант Медведев, ваш муж...

— Кого вы привели к нам в гости, боцман? — спросил Медведев, устремив на женщину темные тоскующие глаза.

Все с минуту молчали.

— А это... — боцман отступил на шаг, он говорил медленно и раздельно, — а это гражданка Медведева, жена русского офицера, как они говорят... Бежала из немецкого рабства. Разрешите доложить, товарищ командир, операция окончена. Доставил летчика в со-

хранности. А почему эта гражданка назвалась вашей женой — пусть сама расскажет...

Он не скрывал негодования.

«Будто она по моей душе сапогами прошла», — признавался он потом в разговоре с друзьями.

Женщина молчала, летчик вопросительно смотрел на Медведева.

— Спасибо за службу, боцман! — отрывисто сказал Медведев. — С гражданкой поговорим отдельно.

Шагнул к летчику, взял под козырек, заговорил по-английски бегло, только, подумалось Агееву, слишком отчетливо выговаривая слова.

Так говорят русские, даже хорошо знающие английский язык.

— Добро пожаловать! — сказал Медведев, протягивая руку. — Вы офицер британского воздушного флота?

Летчик, широко улыбаясь, потряс руку Медведева.

— Я командир звена с авианосца «Принц Уэльский». Имею честь говорить с морским офицером?

— Да, я советский морской офицер, старший лейтенант Медведев.

— Приятно убедиться, что советские офицеры так хорошо владеют нашим языком, — любезно сказал летчик. — Черт возьми! Я, капитан О'Грэди, не рассчитывал встретить такое культурное общество в этих проклятых горах. Даже матрос смог объясниться со мной.

— Нас обучают языку в морском училище, — холодно сказал Медведев. — Извините, сэр, но для нас это еще не признак большой культурности... Кроме того, у меня лично была кое-какая практика. Еще будучи курсантом, имел удовольствие пойти в Портсмут с нашим военным кораблем, был в Лондоне на празднике коронации.

— Да здравствует его величество король! — Летчик вытянулся, торжественно приложил руку к шлему. — Так вы видели Лондон?.. О, Лондон, Лондон! — мечтательно затуманились голубые глаза, он вынул из кармана платок, вытер потное лицо. — Но у меня есть к вам и претензия, старший лейтенант.

Они подошли к кубрику. — Летчик и Медведев впереди, немного поодаль, сзади — женщина рядом с молчаливым, настороженным Агеевым.

— Ваш матрос...

— Он не матрос, он старшина, боцман, — поправил Медведев.

— Так вот, ваш боцман, — летчик заволновался, толстое добродушное лицо налилось кровью, — он отобрал у меня револьвер, как у военнопленного. Я протестую против такого обращения, прошу вернуть мне оружие.

— Старшина! — позвал Медведев.

Агеев подошел, взял руки по швам.

— Капитан О'Грэди жалуется на вас. Вы отобрали у него револьвер.

— Так точно, отобрал, — виновато сказал боцман. — Да я его потерял, товарищ командир.

— Как потеряли?

— Вернее сказать, обронил, когда вот их через поток переносил. Сам не знаю, как это револьвер у меня из-за ремня выпал. Его водой унесло.

Они смотрели друг другу в глаза. Медведев хмурился, но явное одобрение почудилось боцману во взоре командира.

— Теперь я сам понимаю, что промахнулся, — развел руками Агеев. — Да ведь что пропало — не вернешь...

Медведев повернулся к О'Грэди:

— Я должен извиниться перед вами. Боцман потерял ваше оружие в пути. На него будет наложено строгое взыскание.

О'Грэди все еще вытирал платком лицо; выпуклые голубые глаза блеснули гневом. Он сунул платок в карман.

— Платочек уронили, господин офицер, мимо кармана сунули. — Боцман услужливо нагнулся, протянул летчику платок.

Англичанин спрятал платок. Широкая улыбка опять засияла на его лице.

— Очень неприятно. Но не могу сердиться на парня. Как-никак вырвал меня из этой горной пустыни. Ценой пистолета, правда, но, если будет бой, вы снабдите меня оружием, не так ли? Прошу вас не наказывать моего друга боцмана.

Медведев рассеянно кивнул, уже явно думая о другом, обернулся к женщине, окинул ее суровым пристальным взглядом. Под этим взглядом она сделалась как будто еще меньше. Медведев не сказал ей ни слова.

У входа в кубрик стоял Кульбин.

— Василий Степанович, нужно покормить гостей.

— Есть, покормить! — четко отрепетовал Кульбин.

— Проведите гражданку в кубрик, угостите, чем можете... Сейчас подойдем и мы.

Медведев взял летчика под руку, отвел в сторону:

— Простите, капитан, на минутку. Мне не совсем понятно, как с вами очутилась эта женщина.

— Не совсем понятно? — хохотнул англичанин. Все его природное добродушие, видимо, вернулось к нему. — Скажите лучше — совсем непонятно! Ставит вас в тупик! Я готов съесть собственную голову, если что-нибудь понимаю в этой истории.

Он присел рядом с Медведевым на скалу.

— Видите ли, я вылетел в разведку с нашего авианосца, когда еще не было тумана. Наш авианосец базируется... — Он замялся. — Конечно, у союзников нет тайн друг от друга, но, предполагаю, вы информированы сами, где мы базируемся... — Медведев утвердительно кивнул. — Так вот, этот проклятый туман лишил меня ориентировки. Что-то такое произошло с приборами, кончался бензин... Решил приземлиться в горах, чтобы не упасть в море... Мне казалось, что я над вашей территорией.

— Понимаю, — сказал Медведев.

— Раза два по мне ударили зенитки. Потом ветром немного разорвало туман. Увидел группу построек, удачно сел на небольшой площадке. До построек, помоему, было с полмили... Я пробирался в тумане... Напомните мне потом, я вам расскажу анекдот о тумане. Вдруг слышу немецкую речь. Боши болтают: слышали шум самолета, он сел где-то рядом... «Проклятие, — подумал я, — ты попал в скверную историю, О'Грэди!» — «Зондер-команда, — говорили боши, — пошла на поиски самолета, который подбит зенитчиками...»

— Вас действительно подбили?

— Нет конечно. Немцы стреляют отвратительно. Это, — О'Грэди хлопнул Медведева по колену, — еще в воздухе должно было насторожить меня. Я знаю, ваши зенитчики бьют хорошо и в тумане! Так вот, я забрал ноги в руки, бросился к самолету. Мы знаем кое-что о судьбе людей, попадающих в плен к фашистам. Добежал до самолета, запустил мотор. Полетел наугад на

восток. спланировал, когда горючего не оставалось ни капли. Удалось не сломать себе шею...

— Вам казалось, что вы перелетели линию фронта?

— Да, я пролетел изрядный кусок в остовом направлении. Спросите, как я решился радировать о помощи? А что мне оставалось делать в этих проклятых горах? Питаться собственными сапогами? Или съесть вашу маленькую соотечественницу? — О'Грэди снова густо захохотал. — Нет, я предпочел поделиться с ней аварийным пайком.

Он вынул портсигар, щелкнул по крышке, предложил Медведеву сигарету. Закурили.

— Но женщина?.. Как она попала к вам в самолет?

— Говорю вам — это сказка Шехерезады! Она, конечно, забралась туда, пока я бродил в тумане. Лежала тихо, как мышь... Когда выбралась наружу, я почти испугался, даю вам слово!

Медведев нервно курил.

— Еще один вопрос. Когда вы снизились в первый раз, обратили внимание на характер зданий?

О'Грэди задумчиво покачал головой:

— Боюсь, что не рассмотрел ничего ясно... Был очень густой туман. Мне казалось, что обычные домики опорного пункта.

— Могли бы вы указать на карте, где находится это место?

— Боюсь, что нет... Говорю вам, я блуждал в тумане... Разве только очень приблизительно...

— Хорошо, — встал Медведев. — Очень благодарен за рассказ... Думаю, не откажетесь закусить и отдохнуть...

Они прошли в кубрик.

Женщина сидела за столом, передатчик был отодвинут в сторону. Робкими движениями она подносила ложку ко рту.

Сидя на койке, Кульбин глядел на женщину полными сочувствия глазами. При виде офицеров она вскочила, поправила свой безобразный халат.

— Продолжайте, прошу вас, — мягко сказал Медведев. Его уколола жалость при виде этого порывистого движения, этой униженной позы.

— Нет, спасибо, я уже поела. — Женщина смотрела исподлобья, попыталась улыбнуться. — Меня так хоро-

шо накормили... Не помню, когда так пировала... Теперь должна рассказать вам все, все. — Она умоляюще сложила руки.

— Тогда выйдемте отсюда, — не глядя на нее, сказал Медведев. — Василий Степанович, устройте капитану покушать и поспать... — И вполголоса: — Глаз не спускайте с него...

Посторонился, пропуская женщину вперед, вышел следом.

Над Чайкиным Клювом плыли легкие облака, солнце стояло в зените. Летящая вверх скала подпирала, казалось, небесный свод. Кругом была огромная тишина, только настойчивый ветер рвал и трепал холстину халата.

Медведев увел женщину за скалу, в подветренное место. Стоял, не зная, как начать разговор:

— Позвольте, я сяду, — слабым голосом сказала женщина. — Очень устала в дороге.

Но она не садилась, ждала разрешения. Медведев кивнул. Она присела на камень.

— Мне казалось, если вырвусь из плена, будет такое счастье — сердце не выдержит... А теперь... — Она неуверенно притронулась к руке Медведева. — Не сердитесь на меня. Я так страдала в последнее время.

— Я не сержусь, — отрывисто сказал Медведев. Ее пальцы соскользнули с его рукава. — Может быть, сообщите свою настоящую фамилию?

— Меня зовут Рябова... Маруся Рябова...

— Почему вы назвались Медведевой? — Изо всех сил стиснул он в кармане зажигалку, металл врезался в ладонь, но он не чувствовал боли. — Разве вы знали какую-нибудь Медведеву, жену офицера?

— Знала, — тихо сказала женщина.— Нас везли вместе морем, на пароходе. Я постоянно встречалась с ней. Все знали: она жена офицера с Северного флота. Поэтому с ней обращались хуже, чем с другими... Но она держалась молодцом... Мы все восхищались Медведевой, любили ее. И когда я убежала, когда этот моряк спросил меня, кто я такая, подумала: нужно назваться женой офицера, Медведевой... Тогда мне лучше помогут... — быстро, почти скороговоркой прибавила она и взглянула испуганно. — Но ведь вы все равно поможете мне?

— Не бойтесь... — Сердце Медведева прыгало в груди. — Когда вы в последний раз видели Настю?

— Настю? — переспросила женщина.

— Ну да, Медведеву, мою жену... И сына... Ведь они были вместе...

— Да, она с мальчиком...— Маруся глядела со странным выражением. — Но после парохода я почти не видала ее. Она работала во внутренних помещениях.

— А мальчика, Алешу?

— Вашего сына? Я его не видела ни разу, как и своего. Они сказали, что держат детей заложниками, чтобы мы вели себя хорошо. Но мы их не видели. Только знали: они где-то близко, они отвечают за нас.

— И все-таки вы убежали?

С угрюмым упреком она подняла глаза:

— Я не могла не убежать. Меня все равно засекли бы насмерть. Меня должны были наказать перед строем. Вы не знаете, что такое наказание перед строем.

Каждая черточка ее лица вдруг задрожала.

— Я все равно не увидела бы моего мальчика...

Она смотрела вниз, перебирая край халата. Медведев отвел глаза.

— Что это за место, где вы работали?

— Не знаю, — вяло сказала женщина. — Мы только месили бетон. Носили щебень и воду. Потом бетон увозили. Наш барак был на наружных работах.

— Вы хотите сказать, что другие работали под землей, в скалах?

— Так у нас говорили... Мы не ходили в ту сторону.

— И вы ни разу не видели Настю? Или моего сына? Это невероятно.

Ее большие глаза с прежним странным выражением остановились на нем.

— Мы не могли видеть никого из них... Между нами была колючая проволока... За проволокой такие странные треугольные горы... Никто никогда не показывался оттуда... Никогда не забуду одного случая...

Она вдруг замолчала, осеклась, неподвижно смотря вниз. Медведев молча ждал.

— Один мальчик... Это был не ваш и не мой мальчик... подкрался к решетке, наверно, хотел увидеть свою маму... Может быть, думал пролезть под проволокой. Охраны не было поблизости. Я как раз проходила там...

Он схватился ручонками за проволоку. И вдруг его начало трясти: держится за проволоку и трясется. И не может крикнуть. Хотела броситься к нему. Испугалась. Он уже почернел и трясется все сильнее. Я подняла крик... Прибежали солдаты, оттащили его длинными крюками, унесли... Не знаю, что с ним было дальше.

— Проволока под высоким напряжением. Палачи! — сказал сквозь зубы Медведев.

Он ходил взад и вперед нервным, порывистым шагом. Вынул папиросу и спрятал, не закурив.

— Малыши там вымирают, — шепотом сказала Рябова. — Я слышала, они работают под землей. Я никогда не увижу моего мальчика...

Медведев будто не слышал, только шагал все быстрее и быстрее. Внезапно остановился перед ней:

— Вы не нашли бы на карте это место?

— Как я могу? — растерянно сказала она. — Здесь все скалы одинаковые. Я могу ошибиться... Конечно, ошибусь.

—Вас привезли прямо туда на транспорте, на пароходе?

— Нет, сначала высадили в маленьком заливе, потом погрузили в машины...

— Может быть, припомните ориентиры... Очертания местности вокруг?

— Там одинаковые, совсем одинаковые скалы... Кроме тех треугольных холмов... — Она помолчала: — Да, еще вот что... Наш лагерь был в таком странном месте... В кольце скал, точно в высохшем озере... Точно на дне высохшего озера... И сверху и по гребню — колючая проволока... За нее схватился тот мальчик... И второй ряд проволоки внизу, вокруг землянок. И в этой клетке, глубоко внизу, — все мы, русские женщины...

— Значит, вы жили вместе с моей женой?

Она вскочила. Подняла руку беспомощным отрицающим движением. Не сводила с него светлых, мучительно светлых глаз.

— Вы сказали, что все женщины жили в одном котловане. Как же вы могли ни разу не встретиться с Настей?

— Я не встречалась с ней, — тихо произнесла женщина. — Вы меня не поняли. Я с ней не встречалась.

— Но ведь вы сказали...

— Дайте мне отдохнуть. — Она тяжело села на камень. — Уверяю вас: я ничего не скрываю... Но я так устала. Дайте мне отдохнуть...

— Хорошо, — сказал Медведев.— Идите отдыхайте...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

БОЦМАН ДАЕТ КООРДИНАТЫ

Медведев лежал у края высоты, сжимал ледяными пальцами бинокль, вновь и вновь просматривал пустынный далекий берег.

Нечеловеческая тоска сжимала сердце, лишала дыхания и сил. Когда кончил разговор с Марусей, взглянул на окрестные скалы. Солнечный свет показался черным. Что-то, как грохот близкого прибоя, шумело в ушах.

Так вот, он узнал, наконец о семье. Увидел женщину, вышедшую из фашистского ада, — призрачное, тусклое подобие прежнего человека. Неужели Настя тоже стала такой?.. Если еще жива... И Алеша... «Малыши вымирают», — сказала эта женщина.

Может быть, сейчас Алеша, заброшенный, голодный, не понимающий, за что такая мука свалилась на него, лежит где-нибудь в каменной пещере, в холодном темном углу. И невозможно прийти на помощь... А эта женщина путает, недоговаривает чего-то...

Медведев скрипнул зубами, ударил кулаком по скале. Боль пронзила руку. Опомнился, снова стиснул пальцами гладкие раструбы бинокля.

Сейчас не время тосковать и ныть, нужно что-то предпринять, и как можно скорее...

Он лежал, раскинув ноги, укутанный в плащ-палатку, глядя на берег, на бесшумный океан с ободком пены у скал.

И по мере того как он всматривался в берег и море, будто темная пелена спадала с глаз, шум в ушах прекратился, мысли текли спокойнее. Море, любимое, ни с чем не сравнимое, как будто входило в душу, просветляло, захватывало в свой вечный безбрежный простор.

Солнце спускалось за скалы. Небо было в нежнейших, налитых мягким сиянием перьях желтого, жемчужного, алого, розоватого цвета. Вода, лиловая у линии рифов — они казались сверху черным, еле видным пунктиром, — к горизонту светлела, горела металлическим глянцем, отливала золотом и изумрудом. И, по сравнению с этим сиянием, берег казался темно-синим, затянутым мглистой пеленой.

Красноватые пятна, как запекшаяся кровь, были на дальних склонах. Может быть, Настя и Алеша смотрят оттуда... И не только они! Сотни других пленников фашизма, на помощь которым должны прийти советские моряки!

И он работал опять: засекал новые точки — по блеску бинокля, по вращению ложной скалы, — заносил их на карту.

Таких новых точек было немного. Больше подтверждались прежние наблюдения...

Наконец он свернул карту. Окоченевший, пронизанный ветром насквозь, отполз от края высоты.

Обстановка очень осложнилась. На Чайкином Клюве два посторонних человека... Мог ли он избежать этого, мог ли Агеев не приводить их сюда? Нет, нужно было оказать помощь потерпевшему бедствие, нельзя было покинуть его и эту женщину в горной пустыне...

Документы летчика в порядке, рассказ женщины подтверждает его слова. Но теперь каждое мгновение необходимо быть начеку... Радировать обстановку в штаб, немедленно запросить указаний...

Выполнение задания... Думать сейчас только об этом. Не достигнута еще главная цель — старшина доказал, что невозможно преодолеть подступы к секретному району. Но может быть, этот О'Грэди, эта Рябова все же помогут уточнить координаты. Рябова явно недоговаривает чего-то — нужно еще раз, в присутствии Агеева, поговорить с ней...

— Старшина! — подозвал боцмана Медведев.

Агеев подошел своей обычной, скользящей походкой. Увидев лицо командира, стал сильнее посасывать незажженную трубку.

— Как дела, боцман?

— Все нормально, товарищ командир. Гости наши отдыхают: девушка — в кубрике, летчик под скалой

устроился, снаружи. Я с ним еще побалакал. Он мужчина ничего, добродушный, слышали: даже револьвер свой мне простил...

— Постоянные вахты, как я сказал, установили?

— Так точно. Кульбин от передатчика не отходит. Фролов — на вахте, возле ущелья. Скоро время их подсменять.

— Видишь, старшина, дело какое... — Медведев вынул папиросу, но глянул на боцмана, на его незажженную трубку и сунул папиросу в карман. — Нужно бы десант вызвать, ударить по этому гнезду. Только вот неизвестно расположение самого объекта. Место его радировать не можем...

Агеев стоял, чуть потупив круглое, обветренное лицо.

— Насчет его места, товарищ командир, я кое-что смекаю.

Медведев вскинул голову:

— Вы же сказали, что разведать ничего не смогли?

— Разведать не смог, а координаты его теперь назову точно. Мне этот летчик и девушка все разъяснили.

— Они же не могут ничего уточнить.

— А все-таки сообщили все, что нужно. Разрешите карту, товарищ командир.

Он отвел Медведева под скалу, развернул на камнях карту.

— Летчик, я слышал, сел в первый раз там, где туман рассеялся. Потому и самолета не повредил.

Говоря, он аккуратно обкладывал карту обломками камней, разгладил ее края.

— Верно, — сказал Медведев.

— А девушка, Маруся эта, говорила: по опознавательным знакам издали определила, что самолет английский, потому в него и забралась. Помните, товарищ командир?

Медведев кивнул.

— Туман весь вчерашний день на скалах жил, только к вечеру разошелся. Ветер дул из-за гор, что берег повсюду прикрывают. Только один раз туман уходить стал, это когда я в горах бродил утром. Тогда подул побережник с моря. И так с полчаса дул. А объект этот, девушка говорила, в береговой черте...

— Разве она говорила? — сомнительно взглянул Медведев.

— Не раз говорила: чем там оставаться, лучше в море броситься. Значит, было там море.

— Да, правильно. — Медведев провел ладонью по лбу. — Вы, старшина, все замечаете.

— Так вот, если даже ветер с моря здесь дует, туман еще долго в низинах живет, они там хребточками прикрыты. Только одно место в том районе есть повыше, ровное — туман оттуда сразу уходит. Стало быть, здесь он самолет и посадил.

Агеев уверенно обвел пальцем одно место на маленькой карте:

— Сюда вот автострада ведет, дальше путь закрыт. Вот здесь возвышенность вроде площадки, где можно самолету сесть... А вам она про треугольные холмы говорила?

— Говорила.

— Эти холмы рядом с заброшенным никелевым рудником — вынутая порода... А рудник глубоко в сопку идет; там могли подземный завод раскинуть... И породу не нужно рвать: шахты глубокие. Сам в прежние времена видел.

— Да вы разве там бывали, боцман?

— Бывал в старые времена. Я мальчишкой на норвежском рыбачьем судне служил. Мы за гренландским тюленем ходили, треску ловили по всему побережью. Я тут каждый мысок, каждую приглубость знаю.

Медведев встал. Его глаза блестели.

— Так, думаете, можем радировать координаты?

— Думаю, не ошибетесь, товарищ командир.

Медведев раскрыл планшет, стал быстро писать.

— Я вот что сообщу, старшина: «Визуальным наблюдением установили точки орудий береговой обороны, зенитных батарей...» Тут выпишу все наши записи на карте... Дальше: «Предполагаемые координаты объекта X...» Дам указанное вами место... «Прошу инструкций о дальнейшей работе поста. Имею двух посторонних...» Составлю шифровку. Пусть Кульбин немедленно передаст.

Он склонился над бумагой и картой.

Агеев ушел, как обычно, бесшумно и быстро...

Ветер шелестел картой, рвал бумагу из рук, но Медведев не менял положения, хотелось скорее отправить шифровку.

Чье-то деликатное покашливание заставило его оглянуться.

— Хелло!

Английский летчик стоял в нескольких шагах, дружески улыбаясь. Подошел, присел на камень.

Медведев спрятал карту и бумагу в планшет. Улыбалось рядом розовое толстощекое лицо; подстриженные усики отливали отблеском меди.

— Хелло, камрид, я вам помешал? Но здесь чертовская скука, на этой площадке под облаками. Хотел бы узнать о своей дальнейшей судьбе. Знаете, в разгар войны, когда прямо с боевого самолета переселяешься в орлиное гнездо над океаном, хочется иметь некоторые перспективы на завтра.

— Перспективы у нас одинаковые, мистер О'Грэди. Пока мы находимся здесь, думаю иметь вас своим гостем.

— Я в восторге от такого хозяина! — поклонился летчик. — Но сколько времени это может продлиться? Простите за солдатскую прямоту вопроса.

— Этого не могу сказать вам точно. Может быть, два дня, может быть, месяц.

— Но, черт возьми! — Летчик хлопнул по колену ладонью. — Я не могу пробыть здесь месяц. Меня призывает мой долг. Я прошу вас, старший лейтенант, дать мне возможность перейти линию фронта, пробраться к своим.

Медведев холодно взглянул на него:

— Вы представляете себе, где мы находимся, капитан О'Грэди?

— Представляю! — крикнул летчик. — У черта в зубах, в самой пасти врага! Но вы-то проникли сюда? Если дадите мне провожатого или хотя бы карту местности, путь, которым вы шли...

— Провожатого я не могу вам дать: вы сами видите, сколько у меня людей. А отпустить вас одного... это значило бы отправить вас на смерть.

— Но если я хочу рискнуть жизнью, чтобы пробраться на корабль?

— За вашу жизнь отвечаю сейчас я: вы мой гость.

— Может быть, вернее, пленник? — Летчик резко поднялся.

— Но почему же пленник, мистер О'Грэди?

— Я чувствую себя пленником, — угрюмо сказал англичанин. — Я в таком возрасте, что не нуждаюсь в няньке. А этот ваш боцман ходит за мной по пятам. У меня отобрали оружие...

— За утерю вашего пистолета боцман понесет наказание, если вы настаиваете на этом.

— Нет, не настаиваю, — пожал плечами О'Грэди.

— А другой пистолет, к сожалению, я выдать вам не могу. У каждого из нас имеется только личное оружие — расставшись с ним, совершим воинское преступление. Что же касается няньки, я скажу боцману, чтобы не досаждал вам своим присутствием.

— Спасибо, старший лейтенант! — Летчик вдруг весело расхохотался; усики запрыгали на пухлой губе, над ровными зубами. — Что ж, будем считать дипломатические переговоры оконченными. Будем надеяться, все идет к лучшему. Хотя у нас есть пословица: «Надежда — хороший завтрак, но плохой ужин...»

Он повернулся, неторопливо пошел за скалу. Медведев снова склонился над шифровкой.

Несколько времени спустя старший лейтенант вошел в кубрик.

Женщина вскочила с койки, словно захваченная врасплох.

Она что-то кроила: перед ней лежали полосы материи, лоскутья.

— Вот, Василий Степанович, передайте сейчас же! — протянул Медведев шифровку Кульбину.

Потом взглянул на женщину:

— Да сидите, пожалуйста. Зачем встали?

Она продолжала стоять, смотря с каким-то испугом.

— Садитесь! — повторил Медведев.

Она села на самый кончик койки, поджав ноги.

Кульбин начал радировать, склонившись над столом. Аппарат тонул в вечернем полумраке. Медведев вышел наружу.

Агеев стоял возле кубрика, задумчиво глядя вдаль. Синеватые длинные тени от вершины скалы пересекали площадку.

Медведев подошел к боцману. Отсюда видны были спуск в ущелье, стоящий на вахте Фролов с автоматом в руке. Недалеко от Фролова — летчик.

Медведев взглянул на Агеева:

— Слушайте, старшина, мне на вас этот англичанин жаловался. Правда, вы за ним по пятам ходите?

— Никак нет, товарищ командир. Просто площадка здесь маленькая, разминуться трудно, вот ему и мерещится.

— Так вот что: вы все-таки старайтесь разминуться. Чтоб он себя здесь пленным не чувствовал. Правда, сам я отдал приказ глаз с него не спускать и не отменяю приказа. Да ведь тонкое это дело... — Медведев испытующе глядел в строгое лицо боцмана: — Парень он как будто хороший, простой, незачем ему жизнь отравлять. А?

Агеев молчал.

— Вы что молчите, боцман?

— Я, товарищ командир, с чего-то папашу-покойника вспомнил. Был он рыбак, помор, человек малосознательный, в Соловки на богомолье Белым морем ходил. Так он мне всегда образок Соловецкой божьей матери показывал — копию с иконы, что висит у соборных ворот. А на том образке два кругленьких отверстия прорезаны, там, где ядра с английских кораблей соловецкую икону пробили.

— Вы это к чему?

— А к тому, что папаша, по своей малосознательности, всегда мне говорил: «Хоть и англичане, видно, не те стали и мир у нас с ними, а все-таки нужен глаз да глаз». А потом, бывало, помолчит и добавит: «С медведем дружись, а за топор держись». Это у нас такая пословица есть.

— Дельная пословица, старшина!

— И против этого летчика я хоть ничего не имею, но пришла мне чудна́я мысль.

— Какая мысль? — насторожился Медведев.

— Кажется мне, что он в чужом платье ходит. Не видели, как он платочек мимо кармана сунул? Будто к этой одеже не привык.

Медведев беспокойно провел рукой по лицу:

— Фантазируете, боцман. Странные у вас мысли...

— Точно, товарищ командир. Мне после всех этих походов скоро зеленые черти мерещиться начнут. Разрешите идти отдохнуть?

— Идите... Впрочем, подождите, боцман.

Агеев остановился.

— Хоть и странные у вас мысли, а все-таки береженого и бог бережет. Так ведь, верно, папаша ваш говорил?

Агеев сдержанно улыбнулся.

Медведев продолжал без улыбки:

— Конечно, лучше бы совсем этих посторонних здесь не было. Но уж если они здесь, нужно и вправду к ним быть поближе. Только без навязчивости, боцман... Вы Фролову приказали, чтобы тоже наблюдал за О'Грэди?

— Так точно, сказал.

— Тогда сейчас вам отдохнуть можно... Кстати, не знаете, что эта женщина кроила?

— Новый костюм подгоняет. У меня лишняя матросская роба была — еще давно морем сюда целый морской чемодан прибило... Я ей и предложил. Тошно ей в этом халате...

Они вернулись в кубрик. Женщина снова предупредительно вскочила. Помедлив, скользнула к выходу с темным свертком под мышкой.

— Хотел вас предупредить, — сказал Медведев, — к краю площадки подходить нельзя: могут увидеть снизу.

— Хорошо, — слабым голосом сказала Маруся.

— Огня зажигать нельзя. У вас есть спички?

— У меня нет спичек. Я не буду зажигать огня.

Агеев словно не слышал разговора, прилег, свернувшись в углу под плащ-палаткой. Маруся помедлила, будто хотела сказать что-то... Вздохнула отрывисто, исчезла в дверях.

Агеев встал, неслышно вышел за ней.

Кульбин быстро писал у аппарата.

— Товарищ командир, ответная радиограмма.

Протянул смутно белевшую бумажку.

— Это десант, товарищ командир? — спросил шепотом. — Может быть, на рассвете!

— Да, это десант, Василий Степанович, милый! — Глаза Медведева смеялись, он как будто помолодел. Давно Кульбин не видел таким своего командира. — Завтра решится все. Может быть, последнюю ночь здесь проводим. Может быть, завтра...

Он не договорил. Радость светилась в его глазах, но взял себя в руки, подавил рвущийся наружу порыв. Суше, отрывистее стал голос.

— Теперь, в последнюю ночь, нужно нам чего-нибудь

не прошляпить. Идите, смените Фролова, он уже давно вторую вахту стоит. На всякий случай установим постоянный пост здесь, у рации, и у спуска в ущелье... Наблюдайте за нашими гостями — оттуда, где вахту несем, вся площадка видна... Через четыре часа вас сменит боцман. Вы-то сами ужинали?

— Так точно.

— Так вставайте на вахту.

Кульбин взял автомат, подхватил плащ-палатку. Медведев остался один.

Он прошелся по кубрику взад и вперед. Больно, беспокойно замирало сердце, хотелось что-то делать, не откладывая, сейчас же...

В кубрик вошел Агеев.

— Товарищ командир, девушка за скалой, похоже, новый костюм примеряет. Англичанин с Фроловым.

— Добро. Отдыхайте.

Агеев лег, натянул на себя плащ-палатку. Медведев шагал по кубрику. Взглянул на Агеева, отвернувшего к стене бронзовое лицо. Агеев дышал глубоко и ровно.

— Молодец боцман! — не мог удержать восклицания Медведев.

Боцман шевельнулся, открыл глаза, будто и не спал, вопросительно глядел на Медведева.

— Ничего, старшина, спите...

Боцман снова закрыл глаза.

В кубрик вошли Фролов и О'Грэди.

Сигнальщик, как всегда порывистый, быстрый, внес с собой наружную свежесть, запах океана и ветра.

— Отбарабанили вахточку... Разрешите присесть, товарищ командир? — Смутно различимый в полумраке, сел на койку, вынул из-за уха сигарету. — Теперь и закурить не мешает. Меня мистер О'Грэди угостил, еще на вахте. Так я ему говорю: «На вахте курить нельзя, а после вахты — за милую душу...» Закурим, мистер?

Он взял сигарету в зубы, потянулся за спичками. О'Грэди наклонился, внезапно отобрал сигарету.

— Да что вы! — подскочил Фролов. Летчик сунул сигарету в карман. — У нас так с людьми не обращаются, мистер!

— Каушен! Нот лайт![1] — сказал летчик раздельно.

---

[1] Осторожно! Не нужно света! (*англ.*)

Улыбаясь, поднял толстый палец.

Медведев с упреком взглянул на Фролова.

— Капитан О'Грэди совершенно прав. Уже вечер, не должно быть никаких вспышек. Всегда у вас какие-то недоразумения со спичками, Фролов!

— Да ведь мог по-другому предупредить. Не рвать прямо изо рта. Он не у себя дома, ему здесь холуев нет...

— Ладно, я ему скажу... — Медведев не мог сдержать улыбки: так откровенно проявлялась обида Фролова. — Поужинайте и ложитесь спать. Завернитесь потеплей: вам придется снаружи, под скалой, лечь пока. Здесь нам нужно женщину уложить, англичанина... И видите, боцман отдыхает.

Но англичанин не захотел спать в кубрике. Объяснил, что одет достаточно тепло, может лечь снаружи, не хочет стеснять хозяев помещения. Уговоры не помогли... Медведев дал ему свою плащ-палатку.

О'Грэди вышел.

Медведев минуту спустя выглянул наружу. Летчик устраивался под скалой, в стороне от входа. Завертываясь в плащ-палатку, дружески кивнул Медведеву. Затих на камнях...

— Боцман! — тихо позвал Медведев.

Агеев приподнялся.

— Вам свежим воздухом не хочется подышать? Гость наш снаружи лег. Составьте-ка ему компанию.

Агеев вышел, захватив ватник.

Так быстро сгустилась осенняя ночь, что трудно уже было рассмотреть Марусю, в новом матросском костюме, похожую на стройного юнгу.

— Ложитесь на койку, — мягко сказал Медведев. — Там одеяло, укройтесь.

Она молча скользнула к койке, завернулась в одеяло.

Медведев сидел около передатчика. Почти полная тьма была в помещении, лишь тусклым прямоугольником виднелся наружный выход, чуть вырисовывалось окошечко наверху. Снаружи свистел ветер.

Женщина спала неспокойно, приподнималась, простонала несколько раз.

То и дело Медведев взглядывал на светящийся циферблат ручных часов...

Как медленно тянется время... Мысли о Насте, об

Алеше, воспоминания, мечты о будущем, как искры, кружились в мозгу...

В полночь он разбудил Агеева, лежащего рядом с летчиком, у скалы. Боцман встал беззвучно, ушел сменить Кульбина. Кульбин вошел в кубрик, притопывая ногами.

— Холодно, Василий Степанович?

— Так-то не холодно, только ветром продувает насквозь.

— Хорошо. Значит, завтра тумана не будет... Вахта спокойно прошла?

— Вахта нормальная, товарищ командир.

— Ложитесь, согревайтесь. Когда нужно будет, я вас разбужу.

Кульбин лег рядом с Фроловым, сдерживая судорожную зевоту. Снова Медведев сидел у рации, смотрел в темноту широко открытыми глазами... То и дело выглядывал наружу, видел смутные очертания по-прежнему спящего О'Грэди.

Уже перед рассветом разбудил Кульбина. Сперва хотел поднять Фролова, но сигнальщик спал как убитый. Кульбин проснулся без труда.

— Посидите, Василий Степанович, у рации. Я сейчас сюда боцмана пришлю.

Он вышел наружу. Ветер шуршал по камням, снизу доносился глухой гул океана.

Площадка наклонно шла вниз, ко входу в ущелье.

— Приставить ногу, — послышался из темноты голос Агеева. И мгновение спустя: — Подходите, товарищ командир.

Медведев не различал боцмана, как ни всматривался в темноту.

— Вы разве видите меня, старшина? В такой тьме?

— Нет такой тьмы, товарищ командир, в которой ничего бы не было видно. К тому же у вас небо за спиной, ваш силуэт ясно вижу.

— Никаких происшествий на вахте?

— Все нормально. Один раз будто кто подошел со стороны кубрика, я окликнул — молчок. Может быть, ветер... Он по камням так и скачет.

— Спать очень хотите, старшина?

— Да не особо... Как-то тревожно на душе, товарищ командир.

— Тогда пусть Кульбин еще поспит. Посидите у рации. Ему завтра работы много, пусть отдохнет хорошенько.

— Есть, — ответил, уходя, боцман.

Старший лейтенант прислонился к шершавому, влажному граниту, поправил на шее ремень автомата. Зубчатый гребень обрыва стал вырисовываться яснее; небо из темно-синего становилось серым. Четче выделялись длинные полосы черных облаков...

Ветер шуршал по камням. Утих было совсем. Потом стал дуть сильнее, пронизывая до костей.

Уже было совсем светло, небо наливалось розовым и зеленым, когда из-за скалы показался Фролов, застегивая на ходу ватник, поправляя подшлемник. Вытянулся, не доходя двух шагов:

— Разрешите принять вахту, товарищ командир?

— Как выспались?

— Сон и выпивка, товарищ командир, такое дело: их всегда не хватает. Но парочку снов просмотреть успел.

— Умойтесь, закусите и сменяйте меня.

Фролов встал у ручейка на колени, умылся, утерся полотенцем, вынутым из кармана.

— Кушать не хочется, товарищ командир, а вот мне бы перекурить перед вахтой. Чтобы сон отбить окончательно.

— Как летчик?

— Проснулся только что, глаза протирает и уже свой портсигар в пальцах крутит. Поздоровался, как виноватый...

— Ладно, идите курите. И Кульбину скажите, чтобы у боцмана вахту в кубрике принял.

— Мы в один момент. — Фролов исчез за скалой.

Теперь, когда рассветная роса блестела на скалах, и клочья синеватого тумана нерешительно качались в каменных складках, и все ярче разгорался горизонт, Медведеву нестерпимо захотелось спать. Под веками был словно насыпан песок, автомат казался необычно тяжелым.

С трудом дождался Фролова, передал ему вахту, пошел к кубрику.

Летчик, розоволицый, как видно отлично выспавшийся, дружески кивнул ему, докуривая сигарету.

Женщина сидела на камне, в стороне. Она казалась тоньше, стройнее в своем наспех сметанном матросском платье. Ее волосы были распущены. Откинула их назад, неподвижно смотрела вдаль...

Медведев еле добрался до койки. Показалось, заснул, стал падать в глубокий блаженный мрак еще не успев опустить голову на подушку...

Он проснулся от чьих-то настойчивых прикосновений. Над ним стоял Агеев.

— Пора вставать, старшина?

— Вставать-то не пора: вы только минут десять как глаза завели... Выйдемте, товарищ командир.

С удивлением Медведев увидел: боцман держит в руках серовато-белый сверток.

Вышли наружу.

Агеев отвел Медведева почти к самому гребню. Развернул рваный халат.

— Этот халат, товарищ командир, что наша гостья носила, был в расселину, за обрывом, одним концом засунут. По ветру, как флаг, развевался. Мне на него наш мистер указал.

— О'Грэди?

— Так точно... Я, перед тем как ложиться, в обход по камням пошел. Боцманская привычка — палубу осматривать, все ли в порядке. Вдруг он меня догоняет, указывает на скалу. А оттуда будто чайка крылом машет. Глянул я через борт — этот халат болтается. Хорошо еще, недавно светать стало, может быть, нас запеленговать не успели.

— Кто же это сделал? — У Медведева перехватило дыхание.

— Думаю, не англичанин. Зачем бы ему самому себя выдавать?

— А где эта женщина?

— Сидит у кубрика как ни в чем не бывало.

Медведев взглянул. Женщина задумчиво сидела на камне. Летчика не было видно. Но вот он шагнул из кубрика, неторопливо пошел за скалу, туда, где стоял на вахте Фролов.

— Маруся! — позвал боцман.

Женщина вскочила с камня. Пошла к ним суетливым, неуверенным шагом.

— Может быть, и его позвать, товарищ командир?

— Не спеши, боцман, сперва поговорим с ней.

Летчик скрылся за скалой. Маруся подошла. Остановилась, глядя робко и вопросительно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

КОГДА ЗАМОЛЧАЛ ПЕРЕДАТЧИК

Маруся молчала, глядя на халат в руках боцмана. Он, казалось, привлекал ее взгляд как магнит. Только мельком посмотрела в лица Агеева, Медведева и снова неотрывно глядела на светлые лохмотья.

— Где вы оставили вчера ваш халат? — тихо спросил Медведев.

— Не помню точно, — отрывисто сказала Маруся. — Я отнесла его подальше, спрятала между камнями. Не могла я больше смотреть на него... Я поступила неправильно? — Она вскинула и тотчас опустила глаза.

— Ваш халат был повешен за скалами, как флаг! — Голос Медведева звенел сталью. — Зачем вы сделали это?

Теперь женщина смотрела на него в упор. Ее черты были неподвижны.

Только глаза, широкие и светлые, жили на мертвенно-бледном лице.

— Кто вы такая? — продолжал Медведев. Ярость охватила его. Бессонная ночь, затаенное горе, страх за исход дела усиливали эту ярость. — Кто вы такая? Вы действительно русская?

— Я русская, — пролепетала Маруся. Она стиснула ладони; маленькие смуглые пальцы с обломанными ногтями побелели. — Я не понимаю... Я его свернула в комочек, в плотный комочек, засунула глубоко в трещину... — Ее губы запрыгали, но глаза оставались сухими.

— Зачем вы хотели выдать нас немцам? — спросил Медведев.

— Выдать вас немцам?... — повторила она, будто не веря собственным ушам. — Выдать вас немцам? Это я-то могу выдать вас немцам? Это я-то? Я?

Ее дыхание пресеклось. Она молчала, подняв руку, глядя на Медведева с невыразимым упреком.

Ее измученное, страшно худое, когда-то бывшее молодым и красивым лицо все трепетало от горя и обиды. В этом лице не было больше робости, приниженности, как вчера.

Она не могла говорить: слезы хлынули из ее глаз, покатились по впалым, сморщенным щекам...

Агеев внезапно повернулся, пошел, почти побежал к кубрику.

Маруся закрыла пальцами лицо, упала на камни.

— Что они сделали с нами!.. — повторяла она среди рыданий.

Холодный пот тек по лицу Медведева.

— Товарищ командир! — раздался голос Агеева.

Нечто настолько необычное, зловещее было в этом голосе, что оглянулась даже Маруся. Медведев бросился в кубрик.

Кульбин сидел у стола в странной неестественной позе, опустив голову, одной рукой охватив передатчик. По стриженой голове текла струйка крови. Агеев поддерживал радиста, низко склонившись.

— Что? — крикнул Медведев, подбегая.

— Похоже, помер!.. — со стоном ответил Агеев. Выпрямился. Его жесткая ладонь была испачкана кровью. — Скорей идем!

Он бросился из кубрика.

Медведев бежал за ним.

— Там Фролов... Не пропустит...

Агеев молчал. Одним рывком расстегнул кобуру. Они обогнули скалу, заслоняющую спуск к ущелью.

— Тоже убит? — задохнулся Медведев.

Фролов сидел, скорчившись, у самой расселины. Он уронил голову на колени, крепко сжав в руках автомат. Агеев добежал первый, тряхнул его за плечо, сигнальщик стал клониться набок, не выпуская автомата. Агеев приподнял его, расстегнул ватник.

— Ран, похоже, нет...

Фролов тяжело дышал, его невидящие глаза были полураскрыты.

Агеев бережно опустил Фролова на камни.

— Он отравлен, товарищ командир! Этот шпион обоих их одурманил. Сигаретами. Когда утром я к ним подошел, как раз втроем перекурку кончали... Товарищ командир, я его еще у потока настигну!

Распрямился, рванул из кобуры пистолет. Медведев сгибался над Фроловым.

— Идите... Нет, подожди, брат! — Только в моменты большой задушевности, наивысшего напряжения Медведев переходил, сам того не замечая, на «ты», с подчиненными. — Как бы он и тебя не подстерег. Какое у него оружие?

— Пистолет и две гранаты — он их у Кульбина забрал. Я его нагоню, кончу...

— Смотри, как бы не подстерег... — снова повторил Медведев. Он растерялся, может быть, первый раз в жизни: слишком неожиданно свалилась беда.

— Ему меня подстерегать не резон! — уже из ущелья крикнул боцман. — Он, поди, как заяц, по скалам скачет!..

Медведев поднял Фролова. Сигнальщик был страшно тяжел. «У мертвых и лишившихся сознания, — мельком подумал Медведев, — вес почему-то вырастает, всей своей тяжестью они тянутся к земле...» Пошатываясь, нес Фролова в кубрик.

Все произошло так мгновенно. Он остался на посту один — теперь, когда так нужна помощь каждого... Кульбин убит, Фролов отравлен, боцман тоже, возможно, пошел на смерть. А может быть, Василий Степанович еще жив?

Он опустил Фролова на койку.

Сигнальщик по-прежнему трудно дышал; всегда румяное, свежее лицо было сейчас тускло-синеватого цвета.

Маруся склонялась над Кульбиным у стола.

— Что с ним? Вправду мертв? — В голосе Медведева теплилась робкая надежда.

— Я ничего не могла сделать... — Маруся подняла залитое слезами лицо. — У него раздроблена голова...

— Понимаете что-нибудь в медицине? Простите, я вас обидел, но это потом... Может быть, поможете Фролову?

— Я... до плена... училась на санитарных курсах... Хотела в армию пойти. — Ее голос был тихим, как вздох. — Можно, посмотрю, что с ним?

— Конечно, разумеется... Если бы вы могли помочь ему... Вот походная аптечка.

Медведев поднял Кульбина, вынес наружу.

Василий Степанович похолодел. Медведев отнес его в сторону, уложил на камнях, с головой укрыл плащ-палаткой. Присел рядом, стараясь сосредоточиться.

Наступил солнечный, ветреный день. Дул норд-ост.

«Верно, море свежеет», — подумал Медведев, — глухой гул морского прибоя доносился снизу.

Что делать? Сегодня начнется десант, корректировка необходима... Закрыл глаза — и вдруг из мрака надвинулось лицо виновника катастрофы, веселое, хохочущее, с круглыми глазами в кровяных жилках и медной щетинкой над верхней губой. Доверился ему, как дурак!.. Вспоминал все происшедшее шаг за шагом...

Конечно, это переодетый гестаповец — не англичанин... Недаром боцман говорил: носит чужой костюм... Вот почему он отнял вчера сигарету у Фролова: хотел отравить его во время вахты, а потом побоялся выдать себя. А сегодня отравил разом двоих, отвлек от себя внимание развешенным халатом... Ровно на столько времени, чтобы успеть убить радиста, испортить рацию... А рация? Конечно, сломал ее.

Он бросился обратно в землянку.

Маруся склонялась над Фроловым, стараясь удобнее уложить на койке...

Медведев нагнулся над передатчиком, сдвинутым в сторону, забрызганным каплями крови.

Торчала порванная проволока, блестели осколки стекла. Но запасной комплект? Успел его поломать диверсант?

Нет, вот он стоит, тщательно упакованный. Запасливый Кульбин спрятал его в углу, за койкой. Медведев нетерпеливо развернул запасные части, стер с рации кровь, стал чинить передатчик.

Он оторвался от работы, только чтобы взглянуть на Фролова. Сигнальщик спал, его дыхание стало ровнее и тише. Маруся сидела на койке, глядя Фролову в лицо.

— Он должен скоро очнуться... Я сделала все, что могла...

— Спасибо, — мягко сказал Медведев.

Он мгновение подумал. Взял со стола свой заряженный автомат.

— Хочу вам дать поручение... Из автомата стрелять не умеете? — Она покачала головой. — Тут особой науки не нужно.

Подошел к койке, показал, как обращаться с автоматом.

— Вот, возьмите его, встаньте там, где нес вахту Фролов. Если кто покажется из ущелья, стреляйте прямо очередью, чтобы предупредить меня. На близком расстоянии не промахнетесь.

Опять уловил в ее глазах то прежнее непонятное выражение. Но робости, неуверенности не было теперь в ее движениях.

— Вы... больше не подозреваете меня? — тихо спросила Маруся.

— Конечно, нет... — он досадливо нахмурился. — Это было хитро разработано тем фашистом. Ему нужно было отвлечь внимание от себя: он знал, что боцман все время следит за ним.. Только как он отыскал в скалах этот халат?

— Когда засовывала его среди камней, мне показалось, кто-то смотрит сзади. Оглянулась — никого. Я думала, может быть, вы...

Она замолчала. Медведев видел: у нее на губах дрожит какая-то невысказанная фраза. Она стояла у выхода, как бы ожидая, будто собираясь что-то произнести....

Молча она вышла из кубрика.

Он снова нагнулся над рацией. Заменял часть за частью, соединял порванные провода. А в глазах стояло лицо Маруси, лицо девушки-старухи. Все они прошли сквозь эту муку. Неужели и Настя?.. Он старался отвлечься, думать о другом и снова представлял себе лицо Насти, изуродованное месяцами страшного рабства.

Но образ Насти затерялся где-то в сознании... Сейчас он мог думать только о деле, только о том, что нужно противопоставить диверсии врага!

И в то же время все яростнее и торопливее восстанавливал рацию. Утратил представление о времени. Ужаснулся, взглянув на часы...

Почему не вернулся Агеев? Нет ли в видимости кораблей десанта?

Он вышел из кубрика.

Подполз к верхнему гребню скал, выглянул.

Как всегда, берег был дик и безлюден с виду, океан грозно гудел, рос прибой, увеличилась пенная линия вдоль береговых извилин. Четкой, будто приподнятой над морем чертой вырисовывался горизонт.

«Свежая погода идет!» — подумал привычными мыслями опытного морехода. Но небо еще было чисто, скалы теплы от прямых солнечных лучей.

Снова вернулся в кубрик, согнулся над аппаратом. Основные части уже заменены. Но аппарат молчит — он так же мертв, как его хозяин, лежащий снаружи.

Все пропало, пост не сможет давать корректировку. По собственному легкомыслию, из-за преступной доверчивости он, командир поста, сорвал всю операцию, обманул доверие флота... Правда, мог бы быть еще один выход.

Услышал глубокий вздох за спиной, шуршание сухой морской травы.

Фролов, поднявшись на койке, смотрел с недоумением, с испугом.

— Что это, товарищ командир? Неужто на вахте заснул? В голове жернова ворочаются...

Медведев коротко рассказал все.

— Вася!.. — только и мог вымолвить Фролов. — Вася погиб!.. Разрешите, взгляну на друга...

Он вышел шатающейся, неверной походкой. Медведев опять склонился над рацией...

Нет, он не может исправить аппарат...

Через несколько минут вернулся Фролов.

Вошел сгорбленный, сразу постаревший, глаза ушли глубоко под длинные ресницы.

— Лежит, будто спит.

Фролов всхлипнул, закусил пухлую губу. Крепился изо всех сил, но две прозрачные слезинки вдруг скатились из-под ресниц, оставляя полоски на смуглой пушистой коже.

— Товарищ командир, это ведь он говорил: «Слезы матроса наравне с кровью ценятся...» Я бы за него, верьте слову, всю кровь отдал... Закадычный мой дружок... А боцман? Неужто и он... погиб?

— Нет, я думаю, Агеев вернется. Он за диверсантом погнался... За летчиком этим... — глухо сказал Медведев.

Фролов горестно взглянул на него.

— Вот ведь какой хитрый волк! Утром подъехал ко мне, будто извинялся за вчерашнее: «Хэв эй сигаретт!» Ну, почему же не взять? Закурили мы с Васей... — Внезапное недоумение скользнуло по его лицу. — Но ведь и он с нами курил, из одного портсигара!

— Значит, знал, какие папиросы вам дать... — Медведев порывисто встал. — Разговорами делу не поможешь. Рация испорчена, не можем принимать сигналов, давать корректировку... Пойдем взглянем, — пожалуй, наши корабли уже на горизонте.

Они вышли наружу. Тени от скал удлинялись, ветер дул все резче, день подходил к концу.

Подползли к краю обрыва. Легли рядом, с биноклями в руках. В радужных ободках линз выросли однообразные темно-синие с пенными барашками валы.

Проплывала зазубренная колышущаяся линия горизонта.

Над ней висели продолговатые облака. Все сильнее дул ветер.

— Товарищ командир! — почему-то шепотом сказал Фролов.

— Ну что вам?

— Как же с Васей?.. — Он замолчал, с трудом перевел дух. — Его хоронить нужно.

— Мы его к ночи похороним, друг. Сейчас нельзя вахту бросать. Десант в любую минуту подойти может.

— А как корректировать будем... без рации?

— Как?..

Медведев глядел на лежащего рядом моряка, на его стройные юношеские плечи, загорелую шею, румяное лицо под шерстяным подшлемником — видел его как будто впервые.

Мысль, что пришла в голову недавно, показалась дерзкой, неисполнимой. Должен ли он, смеет ли послать на верную смерть и этого красивого, полного жизни парня?

— Есть один выход, Фролов... — медленно сказал он. Сигнальщик смотрел на него широко открытыми карими глазами.

— Видишь ли, если не наладим корректировку, весь наш пост ни к чему. Корабли не смогут громить укреплений — тех, что мы запеленговали. Рация не работает. Остается флажной семафор.

Фролов молча слушал. Медведев помолчал.

— Не знаю, что из этого получится. Но может быть, что-нибудь и вышло бы. Чайкин Клюв высоко над морем: его далеко видно и с берега и с кораблей. Я решил было сам сигнализировать, да скорости дать не могу.

Фролов понял. Глаза блеснули обидой.

— А мне разве не доверяете? Я сигнальщик первого класса — семьдесят знаков в минуту пишу.

— Знаю... Да ты понимаешь, за что возьмешься? Должен стать на открытом месте, над самым обрывом. По тебе, как по мишени, все их орудия и пулеметы бить будут.

— Авось промахнутся, — просто сказал Фролов. — Товарищ командир, это вы здорово придумали!

Он приподнялся на камнях, густой румянец залил щеки. И вдруг напрягся, вытянулся, прижал к лицу окуляры бинокля:

— Наши боевые корабли на горизонте!

Медведев смотрел тоже. Плескался в линзах бесконечный океанский простор. Длинной изогнутой клешней вдавался в воду берег. Мерцал и переливался рубчатый горизонт.

— Справа, курсовой угол десять, товарищ командир!

И точно, в указанном направлении мелькнули по волнам еле видные зазубренные полоски.

— Дадим корректировку, товарищ командир! — Фролов не отрывал бинокля от глаз. — Вы за меня не бойтесь. Вася Кульбин любил говорить: «Матрос пули глотает, бомбы руками хватает...»

Он взглянул на Медведева и осекся.

Ни тени растерянности и колебаний не было больше на исхудалом, строгом лице под козырьком офицерской фуражки. Вдаль вглядывался, чуть нахмурясь, сдержанный, подтянутый командир, каким Фролов привык видеть его на мостике катера в часы боевых походов. Взгляд Медведева был ясен и тверд, экономными и быстрыми стали движения.

Старший лейтенант достал из планшета карту. Ветер трепал и сворачивал легкие кальковые края. Медведев разложил карту в углублении, прижал с боков осколками гранита.

— Принесите ракетницу и сигнальные флаги!

Фролов бросился в кубрик, вернулся с большим, старинной формы, пистолетом. Вложил в ствол картонный патрон ракеты. Из клеенчатого футляра вынул два красных флажка.

Корабли приближались. Уже различались в бинокль очертания широких скошенных труб, углы орудийных надстроек. Но берег затаился, точно и не было в скалах настороженных, направленных в море батарей.

— Ракету! — приказал Медведев.

Фролов вскинул ракетницу. Узкая дымовая лента взвилась над высотой, высоко в небе вспыхнул алый лоскут дыма. Мгновение спустя такая же ракета поднялась над флагманским эсминцем.

— К корректировке приготовиться! — приказал Медведев, не отрывая бинокля от глаз.

Фролов шагнул вперед — в каждой руке по развернутому флажку. Стоял теперь на самом краю ветристой бездны, ясно видимый и с моря и с берега. И, улучив момент перед началом сигнализации, сделал то, что делал не один краснофлотец, смотря смерти в глаза, никогда не сгибаясь перед врагом.

Он сорвал и бросил на камни свой шерстяной подшлемник и, бережно достав из-за пазухи, расправил, лихо надел набекрень старую, пропитанную солью бескозырку с золотыми литерами и ленточками, вьющимися на горном ветру.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПОЕДИНОК

«Ему меня подстерегать не резон!» — крикнул Агеев Медведеву, бросаясь вслед за диверсантом к выходу из ущелья.

Такова была первая мысль. Конечно, мнимый англичанин постарается не упустить ни мгновения, использует преимущество во времени, чтобы, затерявшись в скалах, уйти к своим. Но тотчас родилось другое соображение.

Неверно! Может быть, неопытный враг сделал бы

именно так, но испытанный разведчик, конечно, оценит особенность местности, затаится где-нибудь за скалой, чтобы, дождавшись преследователей, наверняка расправиться с ними.

«Точно! — думал на бегу боцман. — Где он будет ждать? Конечно, у перехода через стремнину. Придется мне там помедлить, выйти на открытое место. Там он и ударит, как на охоте».

И вместо того чтобы одним духом перемахнуть пенную воду, Агеев, пробежав ущелье, лег, подполз к заросли у потока и, не раздвигая зелени, выглянул наружу.

Сквозь кружево листвы, пронизанной солнцем, чернели мокрые камни, сверкали брызги потока.

Молчаливо сгрудились на том берегу бурые, ребристые скалы. За одной из них и ждет, вероятно, мнимый О'Грэди...

А на этом берегу — Агеев знал — вдоль отвесной стены на уровне скрытого входа в ущелье, где он задержался сейчас, идет трещина, узкий выступ, тоже скрытый зеленью снаружи.

Не шевельнув ветки, боцман пополз этим выступом вдоль стремнины до того места, где обрыв сворачивал в сторону и делала поворот речка.

«А может, зря теряю время, немец давно уже уходит к своим?» — терзала неотступная мысль.

— Неправда! Торопитесь медленно! — пробормотал он свою любимую поговорку.

Напрягся, перепрыгнул поток, стал возвращаться ползком, распластавшись по камням.

И против входа в ущелье, за первым же поворотом, лицом к лицу столкнулся с затаившимся врагом.

Диверсант лежал, держа наготове гранату, смотрел на зеленое горло ущелья. Совсем не такое, как у «капитана О'Грэди», напряженное, обтянувшееся лицо с полуоскаленными зубами под приподнятой верхней губой глянуло на Агеева.

Боцман прыгнул вперед.

Граната покатилась на камни. Агеев поднял пистолет. Но с проворством, почти невероятным для жирного, тяжеловесного человека, мнимый О'Грэди схватил его за руку. Они зашатались над самой водой. Враг рванулся, вывернулся, как змея, исчез за скалой.

И потом — минуты стремительного карабканья по скалам, бег по камням, под солнцем и ветром... И наконец Агеев лег ничком, жадно напился студеной воды, золотящейся в мшистом углублении.

Он вытер обильный пот, слепящий глаза, и, осторожно приподняв голову, окинул взглядом окрестность.

Теперь перед ним была плоская лощина, похожая на высохшее океанское дно. Ни деревьев, ни высокого кустарника. Тот же пейзаж, как и всюду, в этой области вечной мерзлоты: гранитные валуны, нагроможденные друг на друга, остробокие шиферные плиты. Кое-где желтоватые ветви ползучей березы плотно прижимались к камням.

За этой лощиной, охватывая ее полукольцом, вилась далекая линия горной автострады — той самой дороги, что вела к заброшенным никелевым рудникам.

Боцман лежал за большим, обточенным ветром валуном; от камней шел легкий морской аромат: запах водорослей и соли.

Сверху грело солнце, но снизу ледяной холод уже проникал сквозь одежду.

Успел ли он перерезать врагу дорогу, преградить ему путь? Агеев взглянул на циферблат плоских ручных часов — эти часы подарил ему адмирал за одну из разведочных операций...

После того как диверсант, вырвавшись, скрылся за скалой, боцман не стал преследовать его по пятам, а бросился наперерез, по одному ему известному кратчайшему пути.

И вот теперь он лежал за большим валуном, просматривая всю лощину. Знал, если враг не добрался еще сюда — а по времени не мог добраться: боцман прошел к валуну прямиком, по обрывистым оленьим тропам, — не сможет, гад, пересечь лощину, не подставив под выстрел свое большое тело.

Агеев лежал задыхающийся, потный, держа наготове гранату и тяжелый пистолет.

Солнце сверкало над камнями, вися в бледно-голубом небе.

Великая тишина пустыни стояла кругом.

И вот Агеев снова увидел врага.

Тот полз по краю лощины, распластавшись так, что почти не выделялся за линией шиферных глыб. Полз

метрах в сорока от боцмана, и всего десяток шагов отделял его от дальнего края лощины.

Агеев выстрелил три раза подряд и, приподнявшись, тут же метнул гранату.

Он промахнулся. Диверсант вильнул в сторону скользким, торопливым движением змеи.

Промахнулся!.. Бешеный бег по камням, волнение, усталость от бессонных ночей сделали свое дело.

Агеев взглянул на часы. Улегся ничком. Высоко в небе стояло солнце, спина была теплой, но живот леденел, легкий озноб пробегал по телу... Что ж, он будет ждать, пока враг не выглянет из-за камня, сколько бы времени ни ушло на это ожидание.

На это ожидание ушло почти восемь часов...

Уже солнце пересекло небосвод, уже не раз Агеевым овладевала неодолимая дремота, голова опускалась к камням.

Боцман взял остроконечный осколок, поставил острием вверх... И когда голова падала сама собой, резкая боль укола снова приводила его в себя, прогоняла дремоту.

Из-за зеленоватого камня выставилось круглое кожаное плечо.

Боцман не стрелял.

Плечо шевельнулось, исчезло, высунулось снова. Агеев хмуро смотрел. Усмехнулся, выстрелил. Дернувшись, плечо скрылось за скалой.

Агеев не вставал из-за камня.

Он знал все тысячу и одну хитрость первобытной горной войны. Ставкой в этом поединке была не только его собственная жизнь.

Он поднял ветвистый желто-бурый, будто отшлифованный рог оленя, лежавший среди камней. Засунул рог стоймя полунаклонно между двумя камнями. Привязал к нему длинный и тонкий шкертик, который всегда носил с собой в кармане. Снял свой круглый шерстяной подшлемник, расправил, надел на верхние развилки рога.

Разматывая шкерт, он отползал в сторону, плотно прижавшись к земле, не показываясь из-за укрытий. И только отползши шагов на десять, взял на прицел

дальнюю скалу, где исчезло плечо врага, и осторожно потянул бечевку.

Испытанная хитрость северных снайперов!

Рог шевельнулся. Подшлемник, как живая голова, высунулся, кивнул из-за камня.

Агеев увидел: из-за скалы взметнулась рука с пистолетом — подшлемник дернулся, пробитый навылет.

Пистолет разведчика громыхнул дважды. Оружие врага взлетело в воздух, упало на плоские плиты.

— Вот ты какой хитрый! — пробормотал Агеев. — Вместо плеча пустой комбинезон подставил! А теперь что будешь делать с простреленной лапой?

Сонливость прошла, сердце колотилось, сразу заострились все чувства. Теперь гибель врага — решенное дело.

Перележал фашиста, перехитрил его, нужно ждать результатов.

Но он радовался недолго. Из-за скалы, где лежал раненый диверсант, потянулась тонкая, нерешительная струйка дыма.

Она расширялась, густела; изогнутый бурый столб вырастал, медленно качался над камнями.

— Своих подзываешь, гад?! — удивленно, с яростью пробормотал Агеев.

Сжался в комок. Сердце стучало больно и бешено. Нужно пойти на риск, нельзя терять ни минуты! Огромными прыжками, не скрываясь больше, Агеев кинулся к укрытию врага.

Навстречу, крутясь, вылетела граната, брошенная нетвердо, левой рукой. Агеев припал к камням.

Когда громыхнул взрыв и просвистели осколки гранаты, вновь вскочил на ноги. Делая зигзаги, достиг укрытия. Два выстрела миновали его.

Перед ним, без комбинезона, в розовой трикотажной рубахе, обтянувшей жирную грудь, стоял мнимый О'Грэди, поддерживая левой рукой окровавленную кисть правой. Страшная ненависть была на толстом серовато-бледном лице, в широко открытых, воспаленных глазах.

Они выстрелили одновременно. Агеев, может быть, на секунду раньше. Диверсант качнулся, выронил пистолет, упал навзничь, головой к дымящемуся костру.

На потрескивающих березовых ветвях тлел обгорелый комбинезон. Враг лежал, готовый, казалось, крик-

нуть; медные усики топорщились над приоткрытым ртом; белки, испещренные кровяными жилками, смотрели в тускнеющее небо.

Боцман тщательно затоптал костер, огляделся, сунул в кобуру пистолет.

Солнце по-прежнему блестело на камнях, по-прежнему стояли кругом безлюдье и тишина каменной пустыни. После грохота боя эта тишина казалась еще чудеснее и полнее.

Агеев глубоко вздохнул. Сел на камень. Осторожно достал из кармана свою заветную трубку.

Он обнажил кинжал и прежде всего сделал на мундштуке последнюю, шестидесятую зарубку. Знал, что должен уходить, но именно сейчас, хоть несколько минут, хотелось насладиться победой.

Он выполнил зарок. Уничтожил убийцу Кульбина, шпиона. Имеет наконец право покурить в свое удовольствие.

Из заднего кармана стеганых штанов он извлек плоскую маленькую жестянку, полную табаку. Как долго, как бесконечно долго носил ее с собой, не раскрыв ни разу! Как бережно набивал теперь полированную чашечку трубки, старался не просыпать ни крошки. С удивлением заметил: широкие узловатые пальцы дрожат мелкой дрожью.

— Эх, боцман, боцман, нервы у тебя подгуляли!

Вложил в рот рубчатый мундштучок, чиркнул зажигалкой, затянулся глубоко, до сладкого головокружения.

Именно тогда наступил миг, рассказывая впоследствии о котором, Агеев сразу терял хорошее настроение и дар речи.

Он охотно, с неостывающим удивлением рассказывал об ощущениях, сопровождавших первую затяжку.

Необъяснимо, странно, но ему сразу расхотелось курить. Он сидел с трубкой, зажатой в зубах, чувствуя лишь неожиданную слабость в коленях, боль в теле, избитом камнями.

Табак потерял для него прежний вкус. Может быть, слишком долго и часто мечтал он об этих затяжках... Остро захотелось вернуться на Чайкин Клюв, к друзьям, узнать, не произошло ли еще что-нибудь дурное в этот невероятный день. На сегодня приключений

достаточно, более чем достаточно для простого человека...

Может быть, этому минутному упадку духа был обязан боцман тем, что его так неожиданно захватили враги.

Они подкрались по горному склону со стороны дороги. Агеев говорил потом, что их было не меньше пяти. «Иначе им бы меня не взять!» — добавлял он с несвойственным ему мрачным хвастовством.

Это были горные егеря, здоровые и ловкие парни. Они накинулись на него так быстро, что он даже не успел до конца сдернуть кольцо с ручной гранаты, которую бросил под ноги себе и врагам...

«Живыми в плен не сдаваться!» — это девиз советских военных моряков. А Агеев не успел сдернуть кольца и уже валялся, скрученный по рукам и ногам, на платформе фашистского грузовика. Его встряхивало и швыряло на поворотах... У самого лица видел он тяжелые, подкованные сталью ботинки горных егерей.

Грузовик мчался на вест. Сидя на бензиновых баках, держась друг за друга, егеря взволнованно обсуждали только что совершившееся событие — пленение русского моряка.

Несколько раз были произнесены слова «майор Эберс». Агеев, знавший по-немецки два десятка слов, понял: речь идет о застреленном им диверсанте. Так, значит, майора Эберса, знаменитого офицера немецкой разведки, удалось ему отправить на тот свет!.. Но такая тоска, такой стыд, что дался в руки врагам!

Платформа взлетала и наклонялась. Иногда пленнику, будто при вспышках в темноте, приоткрывался клочок мчавшегося мимо ландшафта.

Проносились по краю дороги столбы линии высокого напряжения — приземистые, наполовину обложенные грудами камней. Возникал нежданно мшистый курган сторожевого дзота. Ажурные витки колючей проволоки тянулись по склонам, прикрывающим дорогу.

И вновь боцман видел только грязные доски платформы, бился головой в дребезжащую перегородку, задыхался от терпкого запаха бензина.

Почему не наступало то, чего ждал уже давно, о чем мечтал как о возможном средстве спасения? Почему не начиналась высадка десанта?..

Но вот тяжелые гулы смешались с тарахтеньем грузовика. В небе с дьявольским свистом пронесся снаряд. Приятнее сладчайшей музыки показался боцману этот свист.

Глухой взрыв раскатился по ущельям.

Снова раздались свист и мощное уханье с моря.

«Наша, корабельная, бьет!» — чуть не крикнул Агеев.

Он знал посвист этих голосистых орудий. Верил — по звуку угадает, не только бьет ли наша или вражеская батарея, но даже пушки какого корабля вступают в дело. «Громовой» бьет — подумалось в ту минуту. И точно, эсминец «Громовой» первым начал разгром немецких батарей.

Словно от удивления грузовик замедлил ход, потом снова помчался с бешеной скоростью. Немцы кричали, указывали на море, подскакивали на гремящих баках.

Затем машина остановилась. Еще явственнее вырос гром канонады. Били корабли. Отвечали береговые батареи.

Егеря прыгали через борта. Прозвучала команда. Немцы ушли куда-то беглым шагом.

И уже опустилась бурой пеленой ночь. Рев стрельбы рос в отливающем багрянцем небе, а боцман лежал скрученный, всеми забытый, тщетно пытаясь распутать стягивавшие его узлы. Раза два егерь, оставленный на страже, взглянул на платформу. Снова начинал шагать снаружи...

Потом боковая стенка откинулась. Два солдата, с жестянками эдельвейсов на помятых кепи, схватили пленника с двух сторон, опустили на камни. Агеев лежал неподвижный, закрыв глаза, решив не подавать признаков жизни.

— Это он убил майора Эберса, — сказал один голос, и сапог ударил боцмана в бок. — Он знает о десанте.

— Доктор его оживит, — ответил другой. — Пока бросим его в третий сектор.

— Там англичанин.

— Ничего. Англичанин уже подыхает. Для допроса возьмем внутрь.

Подняли, пронесли несколько шагов, тяжело швырнули снова на камни.

Боцман открыл глаза.

Темнота. Но это — не закрытое помещение. Колючая сетка темнеет недалеко от глаз. Она искрится кое-где, сухо потрескивает; деревянные столбы обмотаны изоляционной прокладкой. Ограда под высоким напряжением, такая, о которой рассказывала Маруся.

Сбоку раздался стон. Агеев молчал. Стон повторился.

— Кто там? — еле внятно спросил голос по-английски.

Это был настоящий английский язык. Чем-то неуловимым отличался от языка, на котором говорят небританцы, но Агеев знал — это настоящий английский...

— Кто там? — повторил умирающий голос, и после паузы: — Если спасетесь, товарищ, передайте нашим: я капитан О'Грэди, из Дублина. Я летчик британского королевского флота... Заблудился в тумане... Разбили голову, раздели... Два дня истекаю кровью... Может быть, больше... Я капитан О'Грэди...

Голос прервался, послышалось невнятное бормотанье. Агеев лежал, прислушиваясь. Так вот он, подлинный капитан О'Грэди, самолетом которого воспользовался диверсант.

— Капитан! — окликнул он тихо.

Темнота молчала. По-прежнему плыл отдаленный гул канонады. И вот, совсем вблизи, настойчиво зачастили пулеметы, лопнула граната, забили пулеметы с другой стороны.

Агеев напрягся, изогнулся всем телом — узлы немного ослабли. Нащупал грань острого камня, стал перетирать стягивающий руки шкерт. Раза два шкерт срывался, острый край скользил по пальцам, но Агеев не чувствовал боли.

Это работали наши пулеметы!

Он перетирал веревки и вслушивался и вглядывался в озаряемый тусклыми вспышками мрак. Что-то изменилось кругом. Что-то произошло с проволокой: она перестала потрескивать, искриться. А кругом пробегали враги, падали, стреляли, бежали снова.

Где-то на склоне замигал быстро-быстро красный огонек автомата.

Боцман перепилил шкерт. Сел, разминая затекшие пальцы. Развязать ноги было совсем легко. Припал к

земле — пулеметная очередь, разрывая проволочную ограду, лязгнула над самой головой.

Он подполз к неподвижному телу дублинца. Пальцы Агеева скользнули по белью, жесткому от засохшей крови. Капитан О'Грэди, подлинный капитан О'Грэди был мертв — сердце его не билось...

Большой дырой зияла проволока, рассеченная пулеметной очередью. Агеев шагнул наружу. Да, в проволоке не было больше электротока.

Посвистывали над головой пули, летели медленно самоцветы трассирующих снарядов и огненный пунктир пулеметных очередей.

Боцман снова припал к камням. Смерть носилась над головой. Нужно перехитрить ее снова, проползти туда, откуда — он определил это по звуку — били наши пулеметы и автоматы. Быстро полз по темным, скользким камням.

Все его избитое, измученное теле болело и ныло, во рту был солоноватый привкус крови, жгучим по́том, а может быть, кровью заливало глаза.

— Кто идет? Полундра! — прозвучал впереди резкий вопрос.

— Свой! — крикнул Агеев. Я свой Сергей Агеев!

— Боцман?

Агеев узнал голос друга — разведчика сержанта Панкратова. Увидел его коренастую фигуру, распластавшуюся на камнях у ручного пулемета.

— Он самый, сын своего отца! — Агеев крепко стиснул руку сержанту.

— С кем это вы, Панкратов? — послышался, как всегда, негромкий, глуховатый голос Людова.

— Боцман, Агеев, товарищ капитан, откуда-то взялся!

— Боцман? — Людов подполз ближе, из-под капюшона плащ-палатки блеснули круглые стекла. — Вы почему не на Чайкином Клюве?

— Так вышло, товарищ капитан... Я майора Эберса убил. Меня немцы в плен взяли... — Последнюю фразу Агеев произнес с трудом, много тише, чем первую.

— Ага, — сказал Людов хладнокровно. — Следовательно, полагаю, вы без оружия? — Никогда, ни при каких обстоятельствах капитан Людов не показывал, что удивлен тем или другим фактом.

— Так точно, без оружия...

— Панкратов, передайте ему автомат Тер-Акопяна... Тер-Акопян только что погиб, боцман... — На мгновение Людов замолчал. — Панкратов, нужно проверить, вырублен ли ток.

— Ток вырублен, товарищ капитан, — доложил Агеев.

Он сжимал в руках автомат павшего товарища. Кровь бушевала в теле, не было и следа недавней слабости.

— Прекрасно! — сказал Людов. — Тогда займемся спасением женщин и детей, орлы матросы!

Как же очутились орлы капитана Людова здесь, в самом сердце секретного вражеского района?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЖЕНА ОФИЦЕРА

Когда Фролов с вершины Чайкина Клюва увидел наши корабли, на одном из этих кораблей был капитан Людов со своими бойцами. Но разведчики шли не на эсминце — они толпились на палубах двух катеров-охотников.

Маленькие корабли плыли мористее, почти застопорив ход. Обстрел берега не входил в их задачу.

Между ними и береговыми высотами скользила грозная линия эсминцев, вздымающих белоснежные буруны. Широкие военно-морские флаги и змейки вымпелов вились на их мачтах. А над «Громовым» — флагманским кораблем — алый флаг командующего флотом: три белые звездочки возле краснозвездного поля. И на высоком мостике стоял сам вице-адмирал, не отводя от ястребиных глаз черные окуляры бинокля.

— Есть позывные с Чайкина Клюва?

— Нет позывных, товарищ командующий...

Корабли сближались с берегом. Все яснее были видны зубчатые отвесные скалы.

Гудел ветер, бился в брезент ветроотводов. Мерно вибрировал турбинами корабль.

Комендоры, направив на берег длинноствольные

пушки, тоже всматривались в молчаливые скалы. Сигнальщики, опершись на холодные поручни, не отрывали биноклей от глаз.

— Есть позывные корректировочной группы?

— Нет, товарищ командующий...

Уже ясно виден был Чайкин Клюв: раздвоенная, уходящая в бледное небо вершина. Дымовая нить ракеты взлетела над ней — вспыхнул в небе красный дымок.

— Ракету! — приказал вице-адмирал.

С мостика «Громового» взвилась ракета.

— Вижу человека на Чайкином Клюве! — взволнованно крикнул сигнальщик. — Пишет по нашему семафорному коду: «Готов к началу корректировки».

Офицеры смотрели. Крошечная фигура на обрыве огромной скалы неустанно махала флажками.

— Дайте ответный, — приказал адмирал: — «Начинаю обстрел берега».

Развернув сигнальные флажки, писал ответ сигнальщик «Громового».

И первые громовые раскаты послышались с моря, первые снаряды разорвались около тайных береговых батарей.

— Заметили нас! — крикнул в восторге Фролов. — Приняли семафор, товарищ командир!

Медведев склонялся над картой берега, распластанной на камнях. Смотрел, как перестраивались корабли, как первые бледные вспышки рванулись от их бортов, первые снаряды прочертили воздух.

— Объект номер первый — перенести огонь на полкабельтова вправо... Объект номер второй — недолет... Объект номер третий — накрытие... — диктовал Медведев.

И флажки молниеносно летали в руках Фролова.

И вот рявкнул берег: из-под маскировочных щитов, из-под камней, с окрестных высот заговорили вражеские батареи — и первые пули чиркнули по граниту Чайкина Клюва. Пулеметная очередь лязгнула о камни...

— Товарищ командир, — Фролов кричал, не прекращая сигнализации, — если подстрелят меня, как бы мне вниз не свалиться!.. Нехорошо будет...

— Я тебя удержу! — крикнул Медведев в ответ. — А ты не стой на одном месте! Дал корректировку — и прячься... И перебегай на другой край...

Он сам вытянулся над камнями, не берегся пуль. Это был бой — стихия военного моряка! То чувство, что захватывало целиком, вытесняло все посторонние мысли.

— Дают шквал огня! — кричал старший лейтенант сквозь ветер и грохот орудий. — Прямое попадание в первую батарею... А ну, перенесем огонь глубже!

Вновь свистнула пулеметная очередь над самыми их головами.

— Перейди на ту сторону площадки: там тебя не достанет!

Фролов бесстрашно стоял над обрывом. И непонятно было, ветер ли режет лицо или пули свистят возле самых ушей. Вдруг споткнулся, взял флажки в одну руку, провел пальцами по лицу.

— Ранен Фролов? — рванулся к нему Медведев.

— Ничего, пуля погладила по щеке...

Все скалы пылали огнем, клубились дымовыми волнами.

Водяные черные всплески взлетали вокруг маневрирующих кораблей.

Наступал вечер — дымный, неверный свет мерцал в темнеющем небе. И неустанно сигналил еще четко видимый с кораблей и с берега Фролов.

Но вот он схватился за грудь, шагнул к обрыву. Флажок упал на камни.

Медведев успел подбежать, подхватил тяжело обвисшего моряка.

— Ранен, брат? Куда!

— Угадали, дьяволы! Как будто в плечо, осколком... Рука онемела, не могу сигналить...

Кругом свистели трассы, лопались на камнях мины.

Фролов бледнел, голова откинулась на камни. Набухала кровью тельняшка под бушлатом.

Медведев вспомнил: «Маруся!» Бросился ко входу в ущелье.

Маруся стояла, прислонившись к скале, опустив автомат. Молча глядела на Медведева.

— Фролов ранен! — крикнул Медведев. — Вам здесь больше стоять не нужно... Помогите ему!.. Идите в кубрик. Принесу его туда.

Кинулся обратно. Маруся бежала следом, бледная, держа в руках ненужный теперь автомат.

— Идите в кубрик! — повторил Медведев. — Видите, здесь стреляют. Подождите там...

Фролов старался приподняться на локте:

— Эх, обидно: сигналить больше не могу...

— Ничего, ты уже свое сделал. Теперь они сами могут бой вести. Засекли все точки...

Опять лопнула мина вблизи. Медведев припал к камням. Оглянулся — Маруся стояла на коленях рядом с Фроловым.

— Уйдите, здесь вас подстрелят! — крикнул Медведев.

Она будто не слышала. Ее густые волосы рассыпались по плечам, лицо тонуло в полумраке. Она вынула из ножен финку Фролова, разрезала тельняшку, разорвала индивидуальный пакет.

— Это ничего... — Она стирала ватой кровь. — У него плечо прострелено, мякоть... Сейчас остановлю кровь... Так... Так... Нужно его в землянку отнести...

Медведев подхватил раненого.

В скрежете и чавканье мин пронес в кубрик, положил на койку; здесь, под защитой козырька скалы, безопасно.

Стер с лица пот, взглянул на ладонь — она была в горячей, липкой крови.

— Вот кончите с Фроловым, и я к вам записываюсь на прием! — бодро сказал он через плечо. И тут только заметил: Маруси нет в кубрике.

Выбежал наружу. На камнях темнело распростертое тело.

— Вы ранены?

Она чуть шевельнулась. Лежала ничком, фланелевка была разорвана на спине, кровь капала на камни.

— Да, немножко, в спину... Это ничего, это хорошо, мне не больно. Только трудно дышать... — Замолчала, чуть слышно заговорила снова: — Очень я устала от той жизни... Ваша жена... Настя... была права — лучше смерть...

— Моя жена?.. — Медведев близко нагнулся к ней, не чувствовал, не слышал свиста осколков вокруг.

— Да, — шептала Маруся. — Не увидите больше ее... Она умерла героем... Когда нас заставляли работать здесь, в горах, она отказалась с тремя другими женщинами. Она не хотела строить этот завод... Бро-

силась на эсэсовца, схватила за горло... Ее застрелили... Она умерла хорошо... Мы боялись так умереть...

Ее шепот стал совсем невнятным, затих. Медведев сжал ее тонкие пальцы. Маленькая рука упала на камни...

— Настя, — сказал Медведев, — Настя...

Ничего не сознавая, будто во сне, подошел он к краю обрыва. То, что увидел, заставило его прийти в себя.

Уже наступила ночь, но весь берег был озарен зеленоватым дрожащим светом.

Корабли били осветительными снарядами. Низкий желтовато-багровый дым стлался над скалами. То там, то здесь вспыхивало бурое пламя: рвался боезапас батарей.

А вдали по-прежнему пенили воду корабли, озаренные молниями залпов.

Прямой, высокий, не в силах оторвать от этого зрелища глаз, стоял Медведев на краю высоты... Потом вернулся в кубрик.

Навстречу блеснул горячий взгляд раненого.

Старший лейтенант присел на край койки.

— Как дела, товарищ командир?

— Лежи, брат, лежи... Хороши дела... весь берег наши разворочали — слышишь?..

— Значит, семью вашу выручим скоро?

— Молчи! — быстро сказал Медведев. — Тебе вредно говорить... Будем думать, как тебя теперь на берег доставить. Здесь служба наша кончилась.

Как раз в это время катера с разведчиками капитана Людова разом легли курсом на берег.

Они не участвовали в бою. Два маленьких корабля лениво покачивались на высоких волнах. Но теперь наступило их время.

Был отлив: тише бились у скал океанские волны. Два «охотника» влетели в небольшую губу, подошли к скалам, перебросили сходни на обнаженные мокрые камни.

Сходни вздымались и опускались, и раскачивались в темноте, но один за другим люди в плащ-палатках

сбегали на берег. Несли ручные пулеметы, боезапас, большие ножницы-кусачки.

Одним из первых спрыгнул с катера, поскользнулся на гладком камне, но ловко удержался на ногах невысокий человек, тоже укутанный в плащ-палатку. Из-под капюшона блеснули круглые очки.

— Осторожно, товарищ капитан, — сказал коренастый разведчик, почтительно поддерживая Людова под локоть. — Если эта штука об камни ахнет, останется от нас мокрое место.

— Она не взорвется, — спокойно ответил Людов. Под плащ-палаткой он нес небольшой, но очень тяжелый предмет. — Эта бомба умная. Она молчать будет, пока мы ей не прикажем.

Уже все разведчики выбрались на скалы. Катера отвалили от берега. Пока высадка шла хорошо — их не заметили: все внимание береговых батарей было обращено на бой с эсминцами.

Все было договорено заранее. Разведчики делились на два отряда.

— Старшина, — сказал Людов, — прежде всего проникаете на электростанцию, вырубаете ток. Берете «языка», узнаете, где содержатся дети. В бой не ввязывайтесь: бой будем вести мы, отвлечем на себя все внимание охраны.

Отряд старшины Суслова ушел в темноту.

Разведчики карабкались по скалам. Над головами, чертя высокие дуги, проносились корабельные снаряды. Грохот взрывов, багровое зарево оставались сбоку и сзади. Впереди была затаившаяся тьма.

— Вер да?[1] — крикнул из темноты испуганный голос.

Разведчики молчали... Один бесшумно пополз вперед.

— Вер... — громче начал часовой и захлебнулся.

Отряд снова полз в темноту.

Шипы проволочного заграждения темнели над головами. Это была простая, неэлектрифицированная проволока...

Внезапно забил из тьмы пулемет. Бил торопливо, лихорадочно, пули лязгали по камням. В ответ застучали пулеметы разведчиков.

---

[1] Кто там? (нем.)

С обеих сторон, как разноцветный пунктир, летели трассирующие пули. Все новые пулеметы вступали в дело с обеих сторон...

Разведчики прорвались на территорию секретного завода. То там, то здесь мелькали тусклые полосы — желтый свет из распахнутых дверей. Черные торопливые тени взметывались и припадали к камням...

Нестерпимый сверкающий свет хлынул вдруг сверху. С одной из ближних вершин сияла ослепительная звезда, шаря лучом по окрестным скалам. И второй голубой луч протянулся с другой вершины, побежал по камням.

— Боевые прожекторы включили! — сквозь зубы сказал кто-то. — Теперь дадут нам жару...

Прожекторы осветили все: и странные треугольные холмы справа, и какие-то причудливые резервуары, и грузовики, стоящие среди скал. Как огромные щупальца бежали лучи по камням и вдруг застыли, скрестившись на группе людей в плащ-палатках.

— Отползать за скалы! — скомандовал Людов.

Теперь немецкие пулеметы и минометы били увереннее со всех высот... А затем прожекторы погасли так же неожиданно, как зажглись. Опять шел бой в темноте. Только вспышки пулеметов и автома̀тов, разноцветные паутины трасс блестели во мгле, да с моря доносился нестихающий орудийный гул.

Это и было то время, когда, освободившись из плена, боцман встретился с боевыми друзьями.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ОРЛЫ КАПИТАНА ЛЮДОВА

— Ребят разыскали, товарищ капитан, — торопливо докладывал голос из темноты. Они все в трех землянках, за проволочной сетью были... Ох, и замученные же мальчишки! Некоторые чуть живы...

— Доставить на берег!.. — быстро приказал Людов. — Вам что, их «язык» указал?

— Так точно, товарищ капитан, вот он здесь к услугам...

Что-то в темноте завозилось, замычало.

— Отлично!.. — Людов всматривался в темноту: — Пусть ведет нас к женским баракам... Суслов, доставите на берег детей! Выйдете на берег, до прихода катеров займете круговую оборону... Пошли, товарищи, наших женщин выручать.

Снова зажглись скалы кругом. Шипя, висела в небе зеленая лампа ракеты.

Немецкие пулеметы били из отдаления — охрана завода, видимо, отступала.

Короткими перебежками разведчики продвигались к синевато-черной цепи скал, похожей на неровную стену. Высокий егерь, без кепи, со связанными руками, указывал путь.

Ракета погасла — снова наступил мрак.

— Нужно эти скалы перевалить! — крикнул Людов.

Он почти бежал. Агеев еле успевал за ним, слышал прерывистое дыхание капитана.

Разведчики, одолевшие высоту, задержались: шипы проволочных заграждений выросли на дороге.

— Этой проволокой лагерь огорожен! — крикнул Агеев: он вспомнил рассказ Маруси. — Это с электротоком проволока была!

— Теперь-то она безопасна... — ответил Людов. — Саперы, вперед!

Послышался скрежет разрезаемого металла.

Опять вспыхнула в небе зеленая медуза ракеты.

Сбоку застучал пулемет, и резавший проволоку маленький разведчик выронил кусачки, упал головой на камни...

Людов, Агеев, другие разведчики прошли сквозь проволочную сеть, легли на камни вершины.

Перед ними в мертвенном мерцающем свете, в кольце скал, как в огромном сухом водоеме, распростерся лагерь рабынь, окруженный пулеметными гнездами, затянутый сверху маскировочной серой сетью.

Внизу еще одна плетеная стальная ограда замыкала скопление каменных землянок. Между этими землянками, в проволочном кольце металась толпа в светлых халатах, резко выделявшихся на фоне темных камней.

— Сюда!.. — крикнул, вставая во весь рост, Агеев.

Он поднял руку, его голос затерялся в огромных каменных просторах.

— Сюда, товарищи! Идем вам на помощь!

Сотни пленниц растерянно метались внизу. Хлестнул пулемет. Агеев едва успел спрятаться за камень.

Разведчики стреляли по пулеметным гнездам фашистов.

— Погаснет ракета — спустимся вниз, — сказал Людов. — Они...

Он не договорил.

Вдали громыхнул взрыв — разлетелась одна из скал, огораживающих дно котлована. На ее месте возникла другая — зыбкая бушующая стена, сверкающая кипением пены.

В котлован рвалась черная гудящая вода, вливался океан сквозь огромную пробоину в утесах.

Оцепенев, разведчики смотрели, как вода катилась по камням, подхватывала женщин в белом, заливала землянки. Слепая стихия бушевала внизу, в зеленом, фантастическом свете. Агеев рванулся вниз.

— Куда? — схватил его за руку капитан.

— Может, спасу кого...

— Никого не спасти! — глухо сказал Людов. — Там проволочный забор. Они предусмотрели все...

Ракета погасла. Внизу шумела и плескалась вода. Пулеметы замолчали, точно и фашистов потрясло увиденное. Только со стороны моря по-прежнему вспыхивали белые зарницы залпов.

— Сержант, — окликнул Людов.

— Есть, товарищ капитан, — отозвался сдавленный голос Панкратова.

— Вы и Фомин остаетесь со мной. Остальным отходить к берегу, вызвать катера, отправить ребят. Командует отправкой Агеев... Разнесем это чертово гнездо... Если не придем через полчаса, сами грузитесь на катера. Уходите без нас... Ясно, товарищи?

— Товарищ капитан, может, кого другого назначите на берег? — Я с вами... — Боцман старался разглядеть сквозь мрак лицо капитана.

— Командует отправкой Агеев... — повторил непреклонный голос. — Вам, боцман, со мной остаться нельзя.

Вам еще на Чайкин Клюв возвращаться за старшим лейтенантом... Погрузите ребят, возьмите в подмогу кого хотите — и на Чайкин Клюв! Все ясно?

— Все ясно, товарищ капитан!

Молча стали спускаться со скал. Миновали проволочную ограду. До сих пор боцман не мог поверить собственным глазам. Вот зачем они держали пленниц в котловане! Чтобы уничтожить одним движением руки...

Людов с двумя разведчиками затерялся в темноте. Остальные шли в сторону берега.

— Куда идти, кто знает? — спросил Агеев.

— Иди, боцман, за мной в кильватер. Прямо по компасу выведу, — откликнулся старшина Соколов.

Они выходили к морю. Нарастал плеск прибоя; в просвете скал блестели черные, вспыхивающие фосфором волны.

— Полундра! — окликнули из темноты.

— Свои, — сказал Агеев.

— Проходите, товарищ боцман.

У самой линии прибоя, среди молчаливых разведчиков, еле различимых во мраке, темнели маленькие фигурки. Их было много; они тесно прижимались друг к другу.

Боцман наклонился, взял на руки одного мальчика. Костлявые легкие ручонки обхватили его шею. Худая щечка доверчиво прижалась к груди.

— Сынок старшего лейтенанта Медведева здесь есть? — окликнул боцман.

Дети пугливо молчали.

— Есть Алеша Медведев?

— Я Алеша... — Голос мальчика был нерешительный и слабый.

Боцман подхватил на руки второе легкое тельце.

— К папаше своему хочешь?

Мальчик не отвечал, только ухватил крепко боцмана за плечо.

— Ну, ребята, кончились ваши мучения! Теперь мы вас домой, на родину, доставим... Григорий, давай катерам сигналить.

Замигал карманный фонарик в руках Суслова. Все ждали. Залив казался безлюдным. Волны, фосфоресци-

руя, катились из темноты, вспыхивали на камнях гребешками пены.

Кровавое тусклое зарево по-прежнему вставало из-за скал.

Из темноты донеслось чуть слышное постукивание мотора.

— На берегу! — раздался голос из мегафона.

— Есть, на берегу! — крикнул Агеев в сложенные рупором ладони.

— Ближе подойти не могу: разобьюсь о камни...

Уже видны были очертания катера-охотника, его рубка, люди, стоящие у обращенных к берегу автоматов.

— Будем вам пассажиров передавать!

Агеев хотел войти в воду.

Рядом блеснули черные глаза Суслова.

— Подожди, Сергей, тебе на берегу оставаться, ноги промочишь...

Суслов вошел по колени в волны, протянул руки. Вода била его под ноги, волны нарастали и убегали, но он стоял неподвижно. И уже с борта катера скользнул высокий краснофлотец, ушел по грудь в ледяную морскую глубь.

— Давай сюда парнишек, Сергей! — сказал Суслов.

Одного за другим мальчиков передавали на катер...

Катер отошел, исчез в темноте.

Боцман взглянул по привычке на кисть руки — забыл, что часы отняли у него при пленении.

— Полчаса-то уже прошло, — сказал Суслов. Присев на камень, он выливал из сапога воду. — Думаю, второй катер вызывать рановато. Капитан еще не вернулся.

— Самое время вызывать... — сказал из темноты голос капитана Людова. — Ребят всех погрузили?

— Так, точно, товарищ капитан! — Забыв про воинскую субординацию, Агеев шагнул вперед, нащупал и крепко сжал тонкую руку Людова. — Вот спасибо, товарищ капитан, что невредимым вернулись!..

— Ладно, ладно, боцман!.. — застенчиво пробормотал капитан. — Видно, пока наши инициалы на немецких пулях не вырезаны... Вызывайте катер, да погрузим сначала этих «языков».

Не трое, а шесть человек стояли в темноте. Троих, крепко связанных, с кляпами во рту, привел с собой из своей экспедиции капитан Людов...

И когда катер-охотник уже вышел из залива, дав полный ход, летел от вражеского берега по огромным темным волнам, сзади, среди скал, выросла небывалая вспышка.

Она была похожа на дымящийся радужный шар, улетающий в ночное небо. Золотой, пурпурный, лиловый, зеленый, синий оттенки кипели и переливались в нем.

Ярчайшим светом озарил он бесконечную пустыню волн, деревянную палубу «охотника», командира рядом с рулевым, трех пленников, скорчившихся около рубки. Потом налетел сильный вихрь — высокая береговая волна подняла катер, бросила в клокочущую бездну.

Вот все, что я узнал о причинах удивительного света в горах.

Я записал последнюю фразу рассказа Агеева, когда наш бот миновал сигнальный пост у входа в главную базу, прошел линию противолодочных бонов и разведчики, сидевшие в кубрике, уже выбирались на палубу, готовясь сойти на берег.

— Разрешите быть свободным, товарищ капитан? — спросил Агеев, мельком, в двух словах рассказав, как вернулся он на Чайкин Клюв, как с помощью Медведева и друзей разведчиков доставил к своим раненого Фролова...

Капитан Людов вопросительно взглянул на меня.

— Мне непонятно одно, — сказал я, пряча в карман карандаш, — как мог так рисковать этот майор Эберс? Пробраться, одному к врагам, в чужой форме...

— Да, конечно, Эберс рисковал... — задумчиво сказал Людов. — Но не забудьте: он был их лучшим разведчиком, его дальнейшее продвижение прямо зависело от исхода этого дела. И начал он так удачно: найдя спичку, напал на след отряда, прекрасно использовал возможность попасть на Чайкин Клюв...

— Но такая цепь совпадений... — протянул я.

— А разве мы отрицаем роль случайности? — взглянул на меня капитан. — Диалектика говорит: необхо-

димость прокладывает себе путь сквозь толпу случайностей.

— Эта дерзость безрассудна. Как мог опытный диверсант отдаться, по существу, прямо в руки врагам?

— Вы не совсем правы, — вежливо улыбнулся Людов. — Конечно, майору нельзя было отказать в сообразительности. Когда англичанин сел, заблудившись, на площадке строительства, майор понял, что случай сам идет к нему в руки. Но не забывайте, что риск у него был, по существу, минимальный.

Я смотрел на Людова с недоумением.

— План его был значительно проще, чем получилось на деле, — продолжал капитан. — У самолета в засаде ждали егеря с ищейкой. Они должны были идти за Эберсом по пятам, до самого Чайкина Клюва. Первое поражение майор потерпел, когда боцман, чтобы замести следы, прошел по морскому дну — избавился от ищейки. Помните, как раз тогда майор в первый раз решил пустить в ход свои отравленные сигареты. Но, как вы знаете, боцман не курил. Что было делать? Агеев проявил бдительность, майор остался без оружия: нужно было, так сказать, перестраиваться на ходу. И Эберс перестроился неплохо. Даже совсем непредвиденный случай — появление в самолете этой несчастной — он сумел повернуть в свою пользу...

Людов снял свои круглые очки, начал медленно, старательно протирать их.

— Но заметьте, именно на основе рассказа Эберса о том, как приземлился английский самолет, боцман сумел установить координаты завода. А вся история с Чайкиным Клювом учит нас быть еще более бдительными, стараться предусматривать любые козни врага...

— Видите ли, при всех своих хороших качествах старший лейтенант оказался в отдельные моменты, я бы сказал, слишком прямодушным человеком. Зато наш друг боцман с самого начала не спускал с Эберса глаз. И тому пришла в голову последняя блестящая идея: одурманить своими папиросами сразу двоих наших людей, а с помощью халата хотя бы на пять минут отвлечь от себя внимание, чтобы выполнить превосходно разработанный план. И, нужно сказать прямо, в этом плане было предусмотрено все, кроме самого основного...

Капитан Людов положил свою узкую руку на широкое плечо Агеева.

— Он не предусмотрел, — почти нежно сказал Людов, — что вступает в поединок с лучшим разведчиком Северного флота. И не только с лучшим разведчиком, но и с русским, советским моряком, которым движет не жажда наград и повышений, а безграничная любовь к Родине и священная ненависть к врагу...

Наш бот подходил к причалу.

Все у́же становилась отливающая радугой нефтяных пятен полоса воды между дощатым пирсом и бортом старого корабля.

Из кубрика на верхнюю палубу поднимались разведчики, потягивались, поеживались под сырым ветерком. Глядя на берег, поправляли оружие, обдергивали ватники, подтягивали черные краснофлотские ремни.

Матросы на палубе мотобота готовили для подачи на стенку гибкие стальные швартовы, пододвигали к фальшборту ступенчатые длинные сходни.

Разведчик с квадратными усиками сладко зевнул, передвинул на поясе плоскую деревянную кобуру трофейного пистолета, стал помогать матросам.

Вечер еще не наступил. Холодный свет невидимого солнца озарял сопки и городские дома. Из печных труб стелились кое-где над крышами медленные лиловатые дымы.

Агеев отошел от нас, встал возле трапа. Таким и запомнился он мне навсегда: стройный, высокий, с зоркими желтоватыми глазами, блестевшими из-под светлых бровей. Круглое обветренное лицо улыбалось; простреленный Эберсом подшлемник был сдвинут на затылок; заветная трубочка торчала изо рта. Видно, боцман все же не потерял вкуса к курению...

Несколько дней спустя я встретил старшего лейтенанта Медведева.

Я шел по главной улице нашей североморской базы — по гранитному проспекту, ведущему к мосту у стадиона, откуда открываются море, стальные мостики и легкие вымпелы кораблей.

Старший лейтенант вышел из деревянного двухэтажного дома верхней линии, как всегда прямой, немного медлительный, надвинувший на брови свою старую, тщательно отглаженную фуражку с эмблемой, позеленевшей от морской воды.

Он был не один. Он осторожно вел за руку тоненького, бледного мальчика в новом краснофлотском бушлатике, в бескозырке, надвинутой на глаза.

Отец и сын шли по улице, занятые каким-то увлекательным разговором. Проходя мимо меня, Медведев коснулся козырька фуражки своей широкой смуглой рукой. И тем же движением поднял руку маленький Медведев — мальчик с недетски серьезными, грустными глазами, спасенный из фашистской неволи, видевший там много удивительных и страшных вещей.

Они шли по улице тихого полярного городка подтянуто и чинно, будто ничего исключительного не случилось с ними.

И мирно светило над ними неяркое сентябрьское солнце, и плескались на ветру алые вымпела кораблей, и морские волны мерно набегали на скалы. Так же бьются они в безлюдный норвежский берег, где в каменных глубинах кипела тайная напряженная жизнь, а теперь лежат груды развалин; пенная вода ходит на месте уничтоженного вражеского объекта X.

И я знал: ни на секунду не прекращается героическая работа наших людей.

Опять шли корабли в океан сражаться с врагами Родины.

С горных аэродромов взлетали наши летчики перехватывать мчащегося на бомбежку врага; бойцы морской пехоты умирали среди голых скал, кровью добывая уже недалекую великую победу.

И герои-разведчики шли в новые походы, вступая в единоборство с разведкой врага, противопоставляя свое мужество, проницательность, энтузиазм ее зловещей искусной работе. Но только о некоторых эпизодах этого единоборства смогу я, быть может, рассказать читателю в дальнейшем.

— Молчание — ограда мудрости, — любит говорить мой друг, капитан Людов.

Северный флот — Москва
1943—1946

ПОВЕСТЬ О ДВУХ КОРАБЛЯХ

П Р О Л О Г

Туман рассеивался и редел. И вдалеке, за цепью остроконечных дымчатых скал, отделявших нас от внутреннего рейда одного из скандинавских портов, ясней проступали очертания американского военного корабля.

Как длинный ступенчатый остров, лежал он раньше в тумане, заслонив готические городские дома. Теперь мы увидели стальную многоярусную мачту, поднятые к тучам дальномеры, протянутые над палубой грозные орудийные стволы. Пропеллеры и крылья боевых самолетов мерцали на верхней палубе. С бронированных высоких бортов сбегали косые трапы.

— Техника! — задумчиво сказал молодой матрос нашего ледокола.

— Коробка ничего, — ответил с обычным своим снисходительным видом водо-

лаз Костиков, стоявший с ним рядом. — Только нам нечему тут особенно дивиться... Если начать считаться, в нашем советском флоте посильнее есть корабли...

Он помолчал, зорко всматриваясь в американский тяжелый крейсер.

— А ты знаешь, что точно такому зверю из гитлеровского флота ледокольный пароход «Ушаков» один на один дал бой в Ледовитом океане?

— Вздор, старшина! — вмешался в разговор помощник штурмана Воробьев. Он принадлежал к тому типу еще встречающихся у нас молодых людей, которые считают возможным всегда и по всякому поводу высказываться с предельной резкостью и апломбом. — Не может быть, чтобы ледокольный пароход дал бой тяжелому крейсеру!

— В ту войну, товарищ второй штурман, все могло случиться, — сказал Костиков, покосившись на Воробьева. — Да вот боцман Агеев подтвердит, если не верите...

Агеев молчал. Сидя на кранце — плетеном из ивовых прутьев грушеобразном вальке, употребляемом при швартовке кораблей,— он смотрел в океанскую даль своими яркими желтоватыми глазами. Как всегда, он был занят делом, — его коричневые сильные пальцы ритмично двигались, плетя матик из пенькового троса. Мысли его были, видимо, далеко.

— Боцман! — окликнул его Костиков.

— Товарищ второй штурман, может статься, этого и не знает, — осторожно сказал Агеев.— В то время о таких вещах в газетах не писали. Не велено было говорить о таких вещах.

Занятый своими мыслями, он все же, оказывается, слышал весь разговор. Он сделал короткое движение — потянулся в карман за трубкой и сразу

отдернул руку: мы принимали топливо у танкера, пришвартованного с другого борта. Все кругом было пропитано легкими маслянистыми испарениями нефти.

— А вы, боцман, разве имели отношение и к этому делу? — спросил я.

— Я-то не имел, — сказал Агеев, вставая. — Я только один намек командованию подал. А вот друзья с «Громового» об этом рассказывали много. «Громовой» тоже в той операции участвовал, у Тюленьих островов... Капитан-лейтенант Ларионов...

Я вынул свой блокнот. Речь зашла о событиях, которые давно интересовали меня. Лучший мой друг военный корреспондент Калугин был на борту «Громового» во время боя у Тюленьих островов.

— А об «Ушакове» вы можете что-нибудь рассказать, боцман?

— Об «Ушакове», — сказал Агеев,— вам лучше всего наш капитан расскажет... Он старый полярник, как раз в то время поблизости был.

Держа в пальцах свою знаменитую трубочку, он двинулся вдоль палубы легкой и быстрой походкой, ища, где можно спокойно покурить...

В эти дни, шагая по палубе медленно шедшего на север ледокола, припоминал я свои записи и впечатления военных лет, рассказы Калугина, удивлялся странному сплетению человеческих судеб.

Беседа с капитаном Потаповым внесла новые звенья в созревающий сюжет «Колоколов громкого боя».

— Сергей Севастьянович,— спросил я за обедом, когда окончился разговор о текущих делах похода,— правда, что вы были у Тюленьих островов во время рейда «Геринга»?

— Был,— сказал капитан Потапов, пристально и, как всегда, чуть испытующе взглянув на меня

из-под приподнятых узких бровей.— Я тогда из высоких широт пришел на ледоколе «Чириков»... Подождите!

К счастью, на этот раз он оказался общителен. Уйдя в свою каюту, он вернулся с небольшой фотокарточкой на ладони. Два парохода, до мачт заросшие льдом, два смутных подобия кораблей, будто целиком вылепленных из снега, вырисовывались на белесом арктическом фоне.

— Это я стою рядом с «Ушаковым».

Меня не удивила странно построенная фраза. Я давно привык к манере моряков отождествлять себя со своими кораблями.

— Мы тогда борт к борту в Арктике зимовали. Ну, вечерами и балакали о разных приключениях. Ведь меня самого «Геринг» чуть не потопил. Я шел на траверзе Тюленьих островов, у меня на борту было пятьсот пассажиров — семьи зимовщиков. А «Ушаков» вез смену с Большой земли. Я, как принял радио о рейдере,— сейчас же на новый курс и самым полным к полюсу!

— А «Ушаков» выдержал бой с тяжелым крейсером? — спросил кто-то из сидевших за столом.

— «Ушаков» стоял в бухте Тюленьих, ему некуда было податься. Он, точно, дал «Герингу» бой.

— Как же ледокольный пароход мог биться с тяжелым крейсером? Неужели «Геринг» не потопил его?

— Это целая повесть,— медленно сказал капитан Потапов.— Повесть о морской дружбе, если хотите... о моральных качествах наших людей... Если без всяких подробностей кому-нибудь рассказать, пожалуй, не поверит.

Мне пришла в голову неожиданная мысль:

— Вы, может быть, и Ольгу Петровну Крылову встречали, если бывали в Полярном?

— А что вы знаете о гибели капитана третьего ранга Крылова? — вмешался в разговор офицер-североморец, обедавший с нами.— И если знаете, скажите — правильно ли, с вашей точки зрения, поступил капитан-лейтенант Ларионов?

Разговор стал общим. Легендарный бой у Тюленьих островов оказался известным почти всем присутствующим. Как героическая симфония встали в нашей памяти дела и люди Великой Отечественной войны.

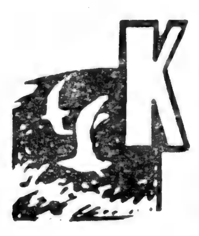
И лирической мелодией вплелась в эти воспоминания необычайная история капитан-лейтенанта Ларионова и Ольги Петровны Крыловой.

Думая о ней, я всегда вспоминаю ветреную полярную ночь, тонкую световую щелку в затемненном окне двухэтажного деревянного дома с высоким обледенелым крыльцом...

ЧАСТЬ 1
МОРЕ

Сопки, цвета потемневшей меди,
Погрузили в океан бока,
Будто на гигантском постаменте
Дремлют снеговые облака...
В эти исполинские скрижали
Врезать бы простые имена
Тех, кто здесь в сраженьях
Воскрешали
Сказочных героев времена,
Чтоб они в столетиях блистали,
Чтобы памятник бессмертный встал
На гранитном, вечном пьедестале
Поднятых над океаном скал.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Калугин толкнул стальную тяжелую дверь, выбежал наружу. Скользкая палуба шатнулась под ногами, ветер хлестнул по лицу пригоршней острых стремительных брызг.

Со всех сторон гудела ледяная темнота. Он ничего не видел, только слышал грузный топот многих людей по палубе и по трапам.

— Лодка! — деловито крикнул кто-то, пробегая мимо.

В уши больно ударил звонкий, раскатистый гул, будто огромный стеклянный шар лопнул над морем. Калугин ухватился за поручни, всматривался изо всех сил. Очки покрылись изморозью, извилистыми потеками. Он протер стекла пальцами. Некогда было доставать платок.

Теперь видимость стала лучше. То, что после яркого света каюты показалось

сперва полной тьмой, обернулось сумерками наполненного летящим снегом и плещущего волнами простора. Быстрые покатые волны набегали спереди и с боков и уносились бесшумно под киль «Громового».

Ни топота, ни голосов не было слышно теперь. Экипаж встал на боевые посты. Кругом, на шкафуте, не было никого; корабль заносило то вправо, то влево, он шел противолодочным зигзагом; плоская лужица мутной воды перекатывалась на рельсовой дорожке под ногами.

Подводная лодка? Что происходит вокруг? Опять вокруг разносились мучительно звонкие гулы, непохожие на обычные взрывы. Калугин держался за поручни, за обледенелые узкие перила, бегущие над бортом эсминца, всматривался вдаль и не видел ничего, кроме пустынной, бугристой, кое-где вскипающей белыми гребешками воды. Началось, наконец началось! Но здесь стоять бессмысленно, нужно подняться на мостик.

Снежинки падали редко, проносились под косым углом. Маслянистой медью желтели ступеньки трапа. Шагнув на трап, Калугин взбегал, как по отвесным качелям, в неустанном гуденье вентиляторов и свисте ледяного ветра.

Первый подъем... Здесь дежурил расчет зенитчиков, у автомата, задравшего к тучам черное рыльце расширяющегося кверху ствола. Краснофлотцы застыли, как скульптурная группа, стоя у казенной части, сидя на низких кожаных креслицах у прицельных механизмов, на вращающейся круглой платформе.

Еще выше! Опять подъем по медному, усеянному снежинками трапу.

Теперь Калугин вышел будто под самые облака, где покачивались обледенелые снасти стройной фок-мачты и ветер гремел обмерзшим брезентом обвесов.

На левом крыле мостика, глядя напряженно вдаль, стоял худощавый, укутанный в мех полушубка матрос.

— Что случилось, товарищ краснофлотец?

Обычно на каждый подобный вопрос он получал четкий, дружелюбный ответ.

Но краснофлотец молчал.

Краснофлотец как будто даже не слышал вопроса. Очень высоко подняв локти, прижав к глазницам би-

нокль, он вытянул над черным лохматым воротником юношески тонкую шею.

— «Свирепый» бомбит лодку, товарищ капитан, — сказал стоящий рядом приземистый старшина. — Не туда смотрите. По правому борту, двадцать.

По правому борту... Значит, как раз за спиной смотрящего в бинокль краснофлотца! Но тот не оборачивался, глядел вперед, высоко подняв локти и напряженно вытянув шею. Калугин перебежал к другому борту.

Сперва он не видел ничего, кроме того же тускло-глянцевого бугристого моря. Потом вдалеке вздулся, стал медленно опадать черный ветвистый столб с пенными краями. Там скользил эсминец «Свирепый»— длинный и низкий силуэт, похожий на зазубренную пластинку. Водяной столб опадал в его кильватерной светлой струе. И снова лопнул стеклянный невидимый шар, больно толкнув в уши. И снова пенистый столб вырос за кормой мателота.

«Вот оно, началось!» — думал Калугин, стиснув пальцы в сырой варежке на шершавом металле кронштейна.

Встреча с противником лицом к лицу! Бомбежка подводной лодки. Началось то, чего страстно ждали и в то же время именно сейчас больше всего опасались на корабле. Едва ли здесь одна лодка. Немецкие подводники ходят волчьими стаями, может быть вторая, необнаруженная лодка уже выходит в атаку на один из транспортов охраняемого эсминцами каравана. Недаром сигнальщики не отрываясь смотрят по всем направлениям. Нужно сделать все, чтобы не допустить врага к каравану...

Жаль, что мое дело — только наблюдать. На войне самое плохое — стоять вот так, без оружия, не иметь точного боевого задания. Но разве у меня нет боевого задания? Я, конечно, смогу найти свое место в бою. Но прежде всего должен быть в курсе дела, уяснить себе самому всю картину.

Он перешел ближе к группе офицеров, стоявших между штурвалом, продолговатой тумбой машинного телеграфа и куполом репитера гирокомпаса.

Здесь ветер свистел еще сильнее. Как всегда в боевой операции, застекленные рамы, прикрывающие лоб мостика, были сняты, снежинки влетали на мостик, оседали и таяли тотчас на одежде и на металле механизмов.

Разрывы и всплески прекратились.

Длинный силуэт «Свирепого» стал сокращаться, превратился в высокий ромб.

Все офицеры на мостике были похожи друг на друга: в прорезиненных, подбитых мехом, горчичного цвета куртках и таких же штанах, вправленных в оленьи унты. Остроконечные колпаки капюшонов прикрывали лица и тульи фуражек. Но вот один, отойдя от машинного телеграфа, откинул капюшон, и он лег за спиной горбом бурого короткого меха. Капитан-лейтенант Ларионов, командир «Громового», смотрел вдаль, в сторону «Свирепого».

Лаковый козырек его фуражки был надвинут на выпуклые надбровья, на глубоко запавшие, воспаленные глаза. Снежинка села на гладко выбритую, медно-желтую щеку, он не смахивал ее, и она медленно таяла, превращаясь в прозрачную круглую каплю.

— Гордеев! — позвал командир корабля.

У него был глуховатый, негромкий голос, но коренастый старшина, стоящий у фок-мачты, тотчас повернул к нему смуглое внимательное лицо:

— Запросите «Свирепый», что с лодкой.

— Есть запросить, что с лодкой! — крикнул Гордеев сквозь ветер.

— Напишите прожектором. Флагами при этой мути могут не разобрать, — сказал стоявший рядом с сигнальщиком Бубекин.

— Есть написать прожектором!

Гордеев поднял над крылом мостика большой, наглухо закрытый фонарь, быстро щелкал задвижкой, открывая и закрывая свет. На мостике «Свирепого» замелькала золотая расплывчатая звездочка ответного сигнала.

— «Лодки больше не слышу! — громко и раздельно читал Гордеев. — Торпеда прошла у меня под носом. Продолжать ли поиски? Слышите ли вы лодку? Командир».

Ларионов несколько мгновений стоял неподвижно. Потом поднял руку в меховой рукавице, вытер щеку.

— Напишите: «Лодку не слышал и не слышу. Продолжайте новый заданный курс».

Гордеев снова замигал прожектором.

Командир пригнулся к машинному телеграфу — к двум плоским металлическим ручкам, торчащим над тумбой, со звоном переставил одну из них.

За мостиком, над огромной овальной трубой, покрашенной в белое с черной каймой, дрожал раскаленный, струящийся, как прозрачный ручей, воздух бездымного хода. Но большой клуб бурого бархатистого дыма вырвался вдруг из трубы, вытягиваясь над волнами в остроконечное облако, поплыл к горизонту.

— Вахтенный, свяжитесь с постом энергетики! — приказал Ларионов.

Один из офицеров поднял тяжелую телефонную трубку, бросил в нее несколько слов, передал трубку командиру корабля.

— Инженер-капитан-лейтенант? — сказал Ларионов.— Передайте в котельное: если еще раз увижу дым из трубы, потребую наложения взыскания. Ладно, дробь... Оправданий не принимаю.

Он вернул трубку вахтенному офицеру, склонился над мерзлым металлом переговорного аппарата.

— Штурман, продолжаем идти заданным курсом.

— Есть продолжаем вновь заданный курс, — донесся глухой, отдаленный голос штурмана.

— На румбе?

Рулевой в меховом долгополом тулупе, нагнув голову, широко расставив ноги, стоял за прямой рукояткой штурвала.

— Тридцать шесть градусов на румбе!

— Так держать!

Калугин глядел, прислонясь к брезентовому обвесу; он глубоко засунул в карманы замерзшие руки, вобрал голову в плечи, чтобы ветер не задувал за воротник.

Значит, боя не будет! Значит, опять продолжается этот однообразный, бесконечный конвой! Грузно поднимаются и опускаются на волнах смутные громады медленно идущих транспортов. Их охраняют военные корабли — английские и наши...

Но ни одного транспорта нет на горизонте... Кроме «Свирепого», в видимости ни одного боевого корабля!

И лишь сейчас Калугин осознал: взят совершенно новый курс! Противоположное вчерашнему направление!

Он наклонился к репитеру гирокомпаса. Оранжевая звезда трепетала в верхней прорези медного колпака. Плывущая в звезде цифра резко отличалась от той, что видел в последний раз. Тридцать шесть градусов на румбе. Совершенно противоположный вчерашнему курс!

— Сигнальщики, ищите дым! — сквозь гул ветра и свист вентиляторов донесся до него голос вахтенного офицера.

Калугин снял с гака футляр с запасным биноклем, накинул ремешок на шею. Тщательно просматривал море. Да, ни одного транспорта нет в видимости. Нет и английских кораблей конвоя.

Только один «Свирепый» был, казалось, теперь совсем рядом. Он качался на мерцающих в линзах бинокля волнах — низко сидящий в воде корабль цвета морских волн и ледяных полей. Крестообразная мачта над высоким мостиком, откинутая назад дымовая труба. Стволы орудий смотрят вперед и назад с полубака и с кормовых надстроек. Светлое полотнище военно-морского флага вьется на второй от носа мачте.

«Вот точно на таком корабле стою я сейчас», — думал Калугин.

«Свирепый» оставался сзади. Вот он вновь стал поворачиваться, сокращался, превратился в четкий треугольник, увенчанный снастями сдвоенных мачт.

Видимо, он входит «Громовому» в кильватер. Необычный строй для конвоирования транспортов. Необходимо узнать, в чем дело!

Калугин еще ближе придвинулся к группе офицеров. Ему навстречу из-под козырька фуражки блеснули острые черные глаза старпома.

Как и все окружающие, Калугин уже привык называть помощника командира «старшим помощником» — «старпомом», хотя знал — такой должности нет на кораблях этого класса.

Старпом Бубекин, чем-то похожий на сказочного гнома в своем остроконечном меховом колпаке, молча отошел к поручням мостика и, облокотившись на них, стал смотреть вдаль. Он явно не желал вступать в разговор.

Командир «Громового» по-прежнему стоял возле рулевого, с виду простой и доступный, но будто окруженный незримым кольцом почтительности и общего повиновения. Калугин выжидательно остановился.

Капитан-лейтенант отошел от штурвала. Со звоном перевел ручку машинного телеграфа. Потянулся к переговорной трубе.

— Штурман, прибавили сто оборотов!

— Есть прибавили сто оборотов! — донесся глухой голос снизу.

Командир корабля шагнул к поручням, вынул мундштук и пачку сигарет.

Вот подходящее время для вопроса.

— Товарищ капитан-лейтенант!

Ларионов взглянул отсутствующим взором.

— Мы оторвались от конвоя? — Калугин попытался сформулировать вопрос возможно профессиональнее и короче.

— Так точно, — рассеянно сказал Ларионов.

— В чем же смысл операции теперь?

— Мы перешли в дозор, — сказал командир корабля.

Калугин ждал продолжения разговора. Но капитан-лейтенант молчал, аккуратно вставляя замерзшими пальцами сигарету в разноцветный наборный мундштук.

— Перешли в дозор, — неторопливо повторил он, будто эта фраза должна была объяснить все. Став таким образом, чтобы дым не шел в сторону Калугина, курил глубокими затяжками, предупредительно-любезно глядя журналисту в лицо.

Калугин ждал. Что-то в манерах командира корабля мешало продолжать расспросы. «Сейчас заговорит сам», — думал Калугин.

Но Ларионов молча докурил сигарету и сунул мундштук в карман.

— Прошу прощения! — негромко, слегка наклонив голову, сказал он. Отойдя к поручням, подняв бинокль, стал медленно вести им по дальним волнам.

Калугин остался на месте. Что ж, выждем удобного случая. Поговорим с кем-нибудь еще... Повернувшись так, чтобы не очень продувал неустанный, свищущий в снастях ветер, глядя в широкую спину капитан-лейтенанта, до мельчайших подробностей вспомнил свое первое знакомство с Ларионовым как раз перед началом похода.

Он тогда впервые вступил на палубу «Громового», и его провели к командирской каюте — в узкий и жаркий коридорчик, где громоздились на вешалке черные шинели с золотыми нашивками на рукавах, желтые прорезиненные куртки, бараньи полушубки, шапки-ушанки с

кожаными верхами и меховыми отворотами — все эти атрибуты дальних морских походов за Полярным кругом.

Снимая шинель, одергивая полы кителя и протирая запотевшие очки, Калугин заглянул в полураскрытую дверь каюты.

Худощавый, среднего роста человек, в свежей сорочке с блещущим белизной отложным крахмальным воротничком и в тщательно отглаженных брюках, стоял перед зеркалом, примеряя фуражку. Фуражка была щегольского фасона, с очень узкими, туго отглаженными полями, с длинным лаковым козырьком, нависающим над носом, как клюв.

— Ну что, Гаврилов, нахимовский козырек?

Стоявший перед зеркалом с явным удовольствием рассматривал свое обмундирование.

Вестовой — белокурый большеголовый краснофлотец — стоял рядом, держа на деревянных плечиках черную отглаженную тужурку с золотыми кольцами нашивок на рукавах.

— Подходящий козырек, товарищ капитан-лейтенант,— солидно подтвердил Гаврилов. Он помог Ларионову надеть тужурку.

— Свежий подворотничок на китель нашить не забудьте, — сказал капитан-лейтенант.

— Есть нашить свежий подворотничок!

Вестовой подал ему белоснежный носовой платок. Командир корабля поправлял перед зеркалом галстук.

Калугин слегка постучал в металлическую, покрашенную под светлый дуб дверь.

Капитан-лейтенант Ларионов оглянулся.

— Войдите!

Калугин шагнул в каюту. Капитан-лейтенант снял фуражку, положил на край стола.

— Свободны, Гаврилов!

У него был очень ровный голос, бледно-голубые глаза под выпуклыми надбровными дугами на загорелом лице, белый высокий лоб, пересеченный алым следом от фуражки.

— Я военный корреспондент Калугин, командирован редакцией на ваш корабль.

Капитан-лейтенант, став, казалось, еще прямее, пожал Калугину руку, мельком глянул в удостоверение.

— Добро́. Прошу пройти к моему заместителю по политчасти. Он займется с вами.

— Сперва я хотел бы поговорить с командиром корабля, с вами, — сказал, дружелюбно улыбаясь, Калугин.

Ему явно везло. Не так-то легко, предупреждали в редакции, застать командира корабля в свободную минуту. А у командира «Громового» сейчас, очевидно, как раз свободное время.

Нетерпеливое, досадливое выражение мелькнуло на лице капитан-лейтенанта. Молча он указал на узкий диванчик, примыкающий к столу, сам сел в кресло.

— Хотел бы побеседовать с вами о боевых делах «Громового», — сказал Калугин, садясь и раскрывая блокнот. — Так сказать, получить установки для работы.

Он положил блокнот на стол, посмотрел, хорошо ли отточен карандаш. Собирался фиксировать каждый интересный факт, каждое типичное выражение. Он привык к радушным встречам в воинских частях, привык, что при любой возможности бойцы и командиры охотно отвечали на вопросы, сами вступали в разговор.

Командир корабля молчал. Сидя за столом-конторкой в полированном, обитом кожей кресле, смотрел усталыми, даже как будто сонными глазами.

— Прошу курить! — Он пододвинул Калугину раскрытую коробку с сигаретами.

— Спасибо, потом... — сказал Калугин.

Отношение капитан-лейтенанта смутило его. Он машинально отчеркнул верх пустой странички. Было все неудобнее сидеть перед молчаливо ждущим моряком.

— Я, кажется, помешал вам, товарищ капитан-лейтенант?

— Нет, ничего, — сухо произнес Ларионов. — Хотел пройти по боевым постам, заглянуть в кубрики, в машину... Успею...

Конечно, это было явной неправдой: заглянуть в машину в крахмальной сорочке и только что отглаженном костюме!

Нет, капитан-лейтенант, очевидно, собирался сойти на берег, отдохнуть, и стесняется почему-то сказать откровенно... «Я помешал ему сойти на берег... Но дело есть дело... Очень важно поговорить с ним в первую очередь», — думал Калугин.

— Если бы вы могли хоть вкратце рассказать о выдающихся делах «Громового»...

— К сожалению, «Громовой» ничем особенным себя не проявил, — помолчав, с извиняющейся улыбкой сказал Ларионов.

Он провел рукой по мягким, зачесанным набок волосам, вставил сигарету в разноцветный прозрачный мундштук.

Калугин видел у многих моряков такие мундштуки, мастерски вытачиваемые краснофлотцами из алюминия, эбонита, небьющегося стекла — из обломков сбитых вражеских самолетов. Но в тонких пальцах капитан-лейтенанта мундштук казался особенно изящным и аккуратным.

Не глядя на Калугина, Ларионов сжал эбонит обветренными губами, щелкнул зажигалкой и выпустил сизое дымовое кольцо.

— Ничем особенным себя не проявил... Надеемся, еще покажем себя в дальнейшем...

Он нахмурился и затянулся снова. Выговорить эти несколько слов стоило ему такого напряжения, что на покрасневшем лбу исчез алый след от фуражки.

— Но у вас были бои с самолетами. Шесть сбитых фашистских самолетов... обстрелы берегов!

— Обстрелы берегов, — вяло сказал Ларионов, — в этом интересного мало. Станешь на якорь где-нибудь в губе и палишь по заданной цели...

Он немного оживился.

— Вот напишите о комендорах — как сокращают время подготовки залпа. Но об этом они сами расскажут вам лучше, чем я.

— Мне нужно побеседовать об этом и с вами, — не сдавался Калугин. — В обстреле берегов «Громовой» сыграл большую роль.

— Точно, сыграл. Бывало, сидишь в обороне, егеря так наседают — камни под ногами горят. А пойдут наши эсминцы грохать с моря — фашисты разом по щелям...

— Разве вы сражались на сухопутье?

— Было такое... — отрывисто сказал капитан-лейтенант. Он помолчал снова. — Об обстрелах, о боях с самолетами вам лучше меня расскажут зенитчики и комендоры. Поговорите с людьми... Потом, если будут какие вопросы, прошу ко мне снова...

Он приподнялся, протягивая руку. Но Калугин еще сохранял надежду.

— Есть поговорить с людьми! — Он провел в блокноте вторую черту. — А теперь, товарищ капитан-лейтенант, может быть, расскажете что-нибудь о себе самом, о собственных переживаниях?

Он тотчас понял, что не должен был задавать такого вопроса. Командир почти враждебно глядел из-под сдвинутых бровей.

— Что именно обо мне?

— Что хотите, — удивленно сказал Калугин. — Вот вы командуете боевым кораблем, сражались на суше...

— Обо мне прошу не писать ничего! — резко и раздельно сказал командир. — Тема неинтересная, товарищ корреспондент. А о корабле — пожалуйста. Пройдите к заместителю — он назовет вам людей, отведет место для работы. Народ у нас золотой...

Он встал, взялся за козырек фуражки. Калугин встал тоже.

«Вот так беседа! Пустой разговор. Что это — скромность, дошедшая до абсурда? Нежелание дать материал в газету? Конечно, отчасти виноват сам — не смог найти к человеку нужного подхода, помешал ему отдохнуть...»

Калугин спрятал в карман кителя блокнот и карандаш.

Молча, не глядя на него, Ларионов вертел в руках фуражку.

— Скажите, это в вашей редакции работает Ольга Петровна Крылова?

— У нас, — сказал Калугин.

Такого вопроса он ожидал меньше всего. Он смотрел на командира корабля. Возможно, теперь удастся завязать разговор? Но Ларионов молчал.

Много раз впоследствии, припоминая эту сцену, Калугин пытался представить себе, какой вихрь образов и чувств вызвало в Ларионове одно упоминание об Ольге Крыловой. Может быть, в эти мгновения капитан-лейтенант вспомнил пустынный пирс на рассвете, силуэт молодой женщины, тоскливым движеньем протянувшей руки вслед уходящей подлодке.

Может быть, перед ним возникло ее заплаканное, пылающее негодованием и гневом лицо...

Может быть, ему припомнилась Ольга Петровна, когда она поспешно отпирала дверь своей комнаты в поздний вечерний час — и отшатнулась, увидев не того, кого вопреки всему ждала за месяцем месяц...

Но что бы ни думал командир корабля в эти минуты первой встречи с Калугиным, на его лице не отразилось ничего, кроме вежливого нежелания продолжать затянувшуюся беседу. Надев фуражку, он молча стоял рядом с недоумевающим журналистом.

— Разрешите идти? — спросил наконец Калугин.

— Если ничем больше не могу быть полезным... — любезно сказал командир, двигаясь к двери. Он пропустил Калугина вперед, сам шагнул через комингс, прикрыл за собой дверь.

Вот какой была единственная беседа Калугина с капитан-лейтенантом Ларионовым перед самым уходом корабля в море. С тех пор они встречались лишь мельком: на ходовом мостике, в кают-компании, снова на ходовом мостике, где Ларионов, казалось, проводил почти круглые сутки.

И теперь вот он опять ходит взад и вперед, взад и вперед по неширокому пространству мостика, с одного крыла на другое. Он уже не держится так прямо, как тогда, при разговоре в каюте. Он снова затянул вокруг фуражки меховой капюшон, с его шеи свешивается футляр морского бинокля. Иногда он останавливается, подняв бинокль, долго разглядывает море — человек, от быстроты и правильности решений которого зависит жизнь каждого на корабле.

— На румбе? — спросил вахтенный офицер.

— Тридцать шесть! — четкий ответ рулевого.

— Так держать!

В мерцающей звезде репитера гирокомпаса трепетала все та же черная цифра. Неустанно сигнальщики всматривались в горизонт. Всматривались во все четыре стороны света — на каждом углу мостика по краснофлотцу, у каждого краснофлотца сектор обзора 90°. Что бы ни случилось, каждый из них должен смотреть только в заданном ему направлении...

Зазвенели ступеньки трапа. Высокий румяный офицер в черном кожаном реглане и шапке-ушанке прошел

по мостику, дружески улыбнулся Калугину. Тщательно протерев свой бинокль, тоже стал медленно вести им по горизонту.

— Степан Степанович! — окликнул его Калугин.

Притронулся к закованному черной кожей, высоко поднятому локтю. Снегирев опустил бинокль.

— Может быть, вы сообщите мне, почему мы изменили курс?

— Мы были в конвое, теперь перешли в дозор, — сказал заместитель командира по политической части старший лейтенант Снегирев.

Но, заметив разочарованный, недоумевающий взгляд Калугина, Снегирев вдруг приблизил к нему свое подвижное широкоскулое лицо.

Вздернутый крепкий нос и приподнятые брови придавали этому лицу какой-то очень жизнерадостный, немного лукавый вид.

Карие глаза Снегирева округлились, он пригнулся так близко, что его горячее дыхание касалось щек Калугина.

— Принято радио: фашистские корабли готовятся к рейду в наши высокие широты. Перед нами поставлена задача: запеленговать их, не выпускать из виду, попытаться задержать до подхода главных сил нашего флота.

— Сигнальщики, ищите дым! — глуховатым, негромким голосом вновь сказал капитан-лейтенант Ларионов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Лейтенант Лужков бренчал на пианино, придерживая крышку левой рукой. Со своего места за столом Калугин видел малиновые пальцы на черно-белой клавиатуре, юношески круглую щеку только что сменившегося с вахты лейтенанта...

Калугин отодвинул дневник. Трудно было сосредоточиться в ожидании близкого боя.

Он пробыл на мостике, пока не промерз до костей, пока не перестал чувствовать онемевших в варежках пальцев. Его веки горели, он почти непрерывно смотрел в бинокль, искал дымы вражеских кораблей. Но ледяное, сизое море оставалось пустынным. Однообразно прости-

ралась рубчатая линия горизонта, упорный ветер дул словно со всех сторон сразу, невозможно было от него укрыться...

Он спустился в кают-компанию, только чтобы согреться, даже не стал снимать полушубок. Кстати, хотелось записать последние впечатления в дневник.

Он сунул в карман полушубка ледяную непослушную руку, достал пухлую бумажную пачку.

Вот отдельные листки: уже обработанный материал. Выполненное — и как будто неплохо — редакционное задание. Беседы с комендорами о борьбе за первый выстрел. Результат многочасовых наблюдений работы у пушки, длительных разговоров с краснофлотцами и командиром орудия... А вот потрепанный блокнот: дневник похода.

Все тот же продолговатый, многостраничный, с изломанной картонной обложкой блокнот, который лежал перед ним во время незадавшейся беседы с командиром «Громового». На клетчатых, как в школьной арифметической тетради, страничках, теснятся, перебивая одна другую, дневниковые записи, конспекты бесед, наброски для будущих очерков и рассказов.

«Успех боя решают секунды. Не может быть мелочей. Первое орудие — Старостин», — прочел он одну из последних заметок в блокноте.

Пересеченные торопливым, прыгающим почерком странички... Почти стенография, записи на ходу, некоторые слова с трудом разбирает сам... Рядом со связными записями отдельные, отмеченные для памяти слова и фразы.

«А я смотрю на нее и улыбаюсь, как майская роза». Это из рассказа одного краснофлотца за перекуркой... «Землю спустить, поднять люди!» — своеобразная команда, морской язык, использую где-нибудь к месту. «Если чайка сядет в воду, жди хорошую погоду. Чайка бродит по песку — моряку сулит тоску». Старые морские приметы... «Вот дают дрозда!» — любимая поговорка старпома... «Не свисти на палубе — насвищешь ветер!» — афоризм боцмана Сидякина...»

«Какие мелочи! — подумал Калугин. — Мелочи корабельного быта. Их ли нужно записывать в эти трагические дни, когда решается судьба родины на протянувшихся всюду, залитых кровью фронтах!».

Уже несколько месяцев длится небывалое сражение на Волге. Немцы, наконец, остановлены там, видимо выдохлись в беспрестанных атаках. Инициатива, видимо, уже переходит к нам, но огромные армии еще бьются на разоренных приволжских равнинах, в дымных развалинах городов. На Кавказе немцы еще рвутся вперед, хотя уже проскальзывают в сводках первые сообщения о наших контратаках.

Что изменилось на суше в дни похода? Сквозь атмосферные разряды, сквозь сводки погоды, сквозь позывные и шифровки множества радиостанций радистам «Громового» удается улавливать лишь отрывочные фразы последних известий.

Вновь и вновь Калугин заходил в радиорубку, где, часами не отрываясь от наушников, отдыхая здесь же, на коротком диванчике, поочередно несут непрерывную вахту его новые друзья Амирханов и Саенко.

«...В заводской части города идут тяжелые бои... Возле Моздока мы перешли в контратаки, но противник вводит в бой новые части... Под Новороссийском наши морские пехотинцы...»

Амирханов так и не мог поймать окончания фразы... И, наконец, еще одно сообщение без начала и конца:

«...Нашими войсками занят населенный пункт Ковачи...»

Ковачи. Неизвестный городок, еле видной точкой отмеченный на карте. Но как просияло угрюмое лицо радиста, когда торопливо и тщательно он записывал это название. И Калугин тоже сразу почувствовал прилив счастья, хотя лишь впервые узнал о существовании такого городка. Но это победа, первый результат нашего нового наступления после стольких недель упорной, отчаянной обороны.

Это результат нового изменения в соотношении сил. Результат выдержки и умения наших бойцов и командиров.

«Спокойствие командира — для нас лучший бальзам», — вспомнил Калугин отзыв одного из краснофлотцев о капитан-лейтенанте Ларионове.

Калугин писал, опершись локтями на стол, в чуть вздрагивающем ярком электрическом свете.

«Командир корабля... Этот незаурядный человек все больше интересует меня. При первом знакомстве пока-

зался мне щеголем и немного тяжелодумом. Но почему его так любят на «Громовом»? Его несомненно любят, отзываются о нем с большой теплотой и с каким-то сочувственным уважением.

Любопытно, что после того разговора со мной он действительно не сошел на берег, а занялся придирчивым обходом всего корабля, от верхней палубы до котельных отделений и трюма.

Разряженный как на парад, он тщательно осматривал приборы и механизмы, проводил носовым платком под трубами отопления в кубриках, по шкафчикам с вещами краснофлотцев и, если платок пачкался, произносил всего одно-два осудительных слова. Зато потом темпераментный Бубекин долго стыдил и распекал — «драил с песочком», как здесь говорят, виновных...»

Лейтенант бренчал на пианино. Неслышно ступая, вестовой Гаврилов шел от двери к столу. Калугин закрыл блокнот, приподнялся, отодвигая кресло. Кресло не отодвигалось. Он забыл, что на время похода мебель намертво прикрепляется к палубам корабельных помещений.

И вдруг фантастичность всего происходящего пронизала его, как электрический ток.

Будто впервые увидел он это просторное помещение, уставленное мягкой мебелью, озаренное мягким сиянием люстры.

Люстра с круглым шелковым абажуром слегка покачивается над обеденным длинным столом, застланным синим сукном. Вокруг стола — широкоспинные, обитые кожей кресла. Такие же кресла по стенам кают-компании, украшенным живописью палешан — эпизодами из русских народных сказок.

В одном из углов, рядом с пианино, диван. И зеркало над полированной крышкой пианино — как овальное, вертикально поставленное озеро в позолоченной раме.

Все как в хорошо обставленной гостиной зажиточного дома. Разве похоже это на фронтовую обстановку в самые суровые, напряженнейшие дни войны?

Все как в гостиной... Только пол... Нет, не пол, а палуба кают-компании неустанно вибрирует, покачи-

вается под ногами. Скрипят, потрескивают в углах металлические переборки, покрашенные под светлый дуб. Зеркало крест-накрест проклеено бумажными полосами, чтобы не дало трещин при стрельбе корабельных орудий.

Гостиная плывет в океане, за Полярным кругом, гостиная — отсек боевого корабля. Как раз под ней расположен снарядный погреб. Широкая лакированная колонна возле буфета — это стальная тумба дальнобойного орудия, установленного на верхней палубе, на полубаке.

«Мы переживаем легенду, — записывал Калугин в блокнот. — И это не громкая фраза. Я пишу это в дневнике, не предназначенном к опубликованию. Пишу в боевом походе, из которого, может быть, не вернусь. Мы ищем вражеские корабли, нас подстерегают фашистские подводные лодки...

Один из поэтов-декадентов когда-то сказал: «Беру кусок жизни грубой и простой и творю из нее легенду». Товарищи по редакции говорят иногда в шутку: «Берем легенду и творим из нее кусок прозы — грубой и простой»... Но мы мечтаем создать произведения, достойные людей и подвигов, наблюдаемых нами...

На сухопутье все было проще, обычнее для меня. В этом морском коллективе, в мире, полном самобытных традиций, мне труднее, чем где бы то ни было, найти свое рабочее место. А я, журналист, в чине армейского капитана, никогда до войны не бывавший на палубе боевого корабля, обязан рассказать читателям о повседневной героике Северного флота. Для этого нужно хорошо знать корабль. Изучить его сложнейшие механизмы, глубже понять людей, которые ими управляют...»

Калугин поднял глаза от блокнота.

Противоположный край стола был покрыт теперь чистой крахмальной салфеткой.

Вестовой расставил на салфетке тарелки с хлебом, маслом и ветчиной, держал на весу стакан чаю в металлическом подстаканнике.

— Можно кушать, товарищ лейтенант!

Лейтенант захлопнул крышку пианино, повернул ключик. Из-под припухших век глянули на Калугина воспаленные бессонницей и ветром глаза.

— Закусим, товарищ капитан?

Калугин качнул головой. Во время похода его не привлекала еда, особенно здесь, в душном и жарком поме-

щении... Лейтенант, присев к столу, намазал хлеб маслом, с чувством приладил сверху жирный ломоть ветчины. Поднес к розовым, полным губам взятый из рук вестового стакан.

«Вот хотя бы Лужков,— думал Калугин. —Этот юноша — командир торпедных аппаратов эсминца. Сын балтийского матроса, советский офицер новой формации. Уже немало испытал в этой войне. Может быть, вот так же сидел он в кают-компании точно такого же эсминца, за таким же точно столом, когда бомба с «Юнкерса» расколола корабль пополам...

Кают-компания встала дыбом, коридор очутился над головой, пенистая, злая вода хлынула на пианино, оказавшееся вдруг под ногами... Нужно быть человеком большой выдержки, превосходным пловцом, чтобы не растеряться, нащупать верное направление, затаив дыхание, подняться сквозь водяной столб по вертикальной трубе коридора, нащупать дверь, вырваться на поверхность, когда корабль, может быть, уже достигал дна...»

Калугин согрелся теперь окончательно, ему становилось жарко. Прошелся по кают-компании; подойдя к пианино, глянул в зеркальный овал.

Хмурый, не очень знакомый человек в светлом дубленом полушубке, в кожаной черной ушанке, надвинутой на брови. Над широкими очками — эмблема зеленоватого серебра с маленькой алой звездочкой сверху. Звездочка новее эмблемы. Он прикрепил ее к шапке только на днях. Прежнюю звездочку выпросил кто-то из английских матросов во время посещения нашими журналистами британского корвета... За мехом расстегнутого воротника ярко блестит начищенный якорь на верхней пуговице кителя.

«Я слишком мрачен,— подумал Калугин.— Я не должен хмуриться. Я должен пользоваться каждым удобным случаем для разговоров с людьми».

Быстро пройдя в коридор, он скинул полушубок и шапку, вернулся в кают-компанию, присел рядом с лейтенантом. Дружески улыбнулся Лужкову, сооружавшему второй бутерброд.

Лужков улыбнулся тоже, мальчишеские ямочки возникли на покрытых нежным пушком щеках.

— А может быть, все же закусите со мной? Еще чаю, Гаврилов!

Он протянул пустой стакан вестовому, держа подстаканник в согнутой над столом руке.

— Не каждый день в кают-компании ветчина. Подарок новосибирцев Северному флоту. Очень советую. Обед еще не так скоро... Скомандую вам чаю?

— Нет, спасибо,— сказал Калугин.— Лучше побеседуем... Тогда, на мостике, помните, рассказывали мне, как выплыли с «Могучего»...

Вестовой принес новый стакан чаю.

— У меня после вахты всегда дьявольский голод, — как бы извиняясь, сказал Лужков. Он будто не слышал слов Калугина.

— Может быть, расскажете поподробнее о том бое?

Калугин по привычке уже вертел в пальцах карандаш.

— О каком бое? — спросил Лужков. Его лицо сразу осунулось и постарело, приобрело недоброе выражение.— Что тут рассказывать... Тогда «Юнкерсы» сплошными волнами шли, вываливались из-под сопок. Мы, пока стрелять могли, три бомбардировщика сбили... Недешево и им обошелся тот бой...

Он замолчал. Снова, уже без прежнего удовольствия прихлебывал чай.

— Вы ведь с комендорами первого орудия беседовали? Командир орудия Старостин раньше служил на «Могучем». Старостин — старшина первой статьи. Тогда помог мне на берег выбраться. Мне уже ноги сводило... Поговорите с ним поподробнее...

— Я говорил со Старостиным. Но не знал, что он служил на «Могучем»...

В памяти встало жесткое, обветренное лицо с прямым, настойчивым взглядом, стойкая, широкогрудая фигура. Этот старшина выделялся каким-то спокойным достоинством в каждом движении, веской, неторопливой речью.

— Поговорите с ним о «Могучем». — Лужков быстро допивал чай. — Очень он на фашистов зол, как, впрочем, и все мы. Торпедисты мои даже во сне видят, как бьются на море с врагом. А вот наяву что-то не получается.

— Вот, может, скоро встретим гитлеровцев, отведем душу, — с чувством сказал Калугин.

— Может быть, и встретим! — оживляясь, согласился Лужков. — Эх, хорошо бы... Правда, наше дело только запеленговать их, вызвать подкрепление. Разве только в ночных условиях сможем сами завязать бой, выйти в торпедную атаку...

Ночная торпедная атака в океане!

Калугин невольно ощупал пустой верхний карман кителя. Здесь обычно носил бумажник. Теперь, уходя в первый свой морской поход, оставил бумажник на берегу — на сохранение Кисину, лучшему редакционному другу. Если случится что здесь, Кисин отошлет бумажник домой... Он первый раз шел в боевой океанский поход.

Небрежно вертя карандаш, Калугин улыбнулся Лужкову.

— Между прочим, вы слышали? Мистер Гарвей говорил, что немцы едва ли выйдут из Альтен-фиорда.

— А мы не очень-то беседуем с мистером Гарвеем! — На лице лейтенанта проступило отвращение. — Знаете, это такой жук, мистер Гарвей!

— Жук? — удивился Калугин.

— Точно, жук! — Лужков глянул на дверь и понизил голос. — Знаете, когда в первый раз пришел к нам на корабль, ни слова не говорил по-русски. Выйдет, бывало, в кают-компанию к чаю с бутылкой рому. Сидит, тянет ром, иногда только перекинется парой фраз по-английски с командиром или со старпомом. Потом скучно, что ли, ему стало — вдруг заговорил по-русски. И прекрасно заговорил! Я не выдержал, бухнул ему: «У вас, мистер Гарвей, удивительные способности к языкам». — «Да, — отвечает и смотрит нахально прямо в глаза, — у меня большие способности к языкам». А вы говорите — не жук!

Лужков нахмурился, в его тоне Калугин ясно уловил скрытую горечь.

— Только и мое мнение — пожалуй, проходим зря. Немцы боятся выскакивать в океан. Не первый раз ходим в дозоре.

— Но вот ведь встретили подводную лодку...

— А может быть, и лодки не было никакой,— неожиданно зло сказал лейтенант.

Он встал из-за стола; ему хотелось уйти, но неловко было оборвать разговор.

— Не было лодки? Но ведь «Свирепый» бомбил ее.

— Бывает, и бомбят, а лодки нет. Увидит сигнальщик плавник косатки или льдину, а то акустик прослушает косяк сельдей, ну и пойдет тарарам... Насчет лодок наш командир мастак. Сам с подплава. Была бы лодка — поводили бы мы ее...

— Разве капитан-лейтенант Ларионов подводник?

— Точно, с подплава, — повторил Лужков, но как-то осекся, озабоченность промелькнула в его глазах. — Только вот что, товарищ капитан, вы с ним лучше не заговаривайте об этом.

— О чем? — приподнял брови Калугин.

— Да вот о том, что он подводник. — Лужков замялся, подбирая фразу.— Это, знаете, для него тяжелый разговор... — Он снова осекся, глянул на Калугина в упор, искорки смеха неожиданно блеснули в глубине глянцевитых черных глаз. — Да, кстати, о лодке. Мне, знаете, пора идти подводную лодку слушать. Так сказать, долг офицера. Извините.

Калугин улыбнулся. Он уже знал это выражение. Слушать подводную лодку — значит попросту поспать. «Хорошо. Думаешь разыграть меня?»

— Хорошо, лейтенант, идите. Не смею отрывать вас от вашего долга. Я сам слушал подводную лодку всю ночь и теперь чувствую себя превосходно.

Ему показалось, что выражение веселого одобрения мелькнуло на лице четко повернувшегося, скрывшегося в дверях лейтенанта. «Да, здесь, на флоте, любят розыгрыш, веселую шутку, но пусть знают, что я уже не из тех новичков, кого посылают пить чай на клотик и фотографироваться в таранном отсеке».

Задумчиво он подошел к распластанной на переборке большой карте заполярного морского фронта: морского театра, как выражаются тут.

Бледная океанская синева, окаймленная рваными зигзагами суши. Внизу Кольский полуостров: полукруглый массивный выступ. Выше, к западу — бесчисленные скандинавские фиорды. Еще дальше и выше — зеленое пятно Исландии, Гренландия — крупнейший остров земного шара, извивы берегов Шпицбергена.

С другой стороны, к востоку — зубчатый полумесяц Новой Земли, прорезанный голубой жилкой Маточкина Шара, островки наших зимовок...

Где-то здесь, между Шпицбергеном и островом Медвежий, встречаем мы идущие с запада караваны...

Здесь, в Баренцевом море, в необъятной водной пустыне, идет сейчас «Громовой», откуда-то из каменных щелей Скандинавии должны выйти в море вражеские корабли. В каком-то пункте этого морского театра в любой момент может вспыхнуть бой...

Широко и нетвердо шагая (палубу начинало покачивать сильней), Калугин вышел в коридор, надел полушубок и шапку.

Ковер в коридоре был отвернут по краям — обнажены кольца кингстонов для затопления артпогребов. Тут дежурили краснофлотцы аварийной группы. А в буфете, рядом с кают-компанией, вестовые в белых курточках уже звенели обеденной посудой.

Калугин шел мимо задернутых потертыми бархатными портьерами дверей офицерских кают. Одна портьера была задернута неплотно, коричневый вельвет, позванивая кольцами, мерно колыхался от качки. Офицер связи мистер Гарвей, лежа на нижней койке, ел что-то из жестяной банки в ярко раскрашенной обертке. Черная борода — как рамка — охватывала его бледное, неподвижное лицо.

— Гуд дей, мистер Гарвей! — сказал Калугин.

— Здравствуйте, добрый день! — Гарвей быстро прикрыл банку раскрытой газетой. — Ну, что мы имеем хорошего, господин журналист?

Он говорил по-русски, очень четко и тщательно выговаривая слова, только слегка смягчая некоторые звуки.

— Ходим в дозоре, мистер Гарвей.

— О да, ходим в дозоре... — Гарвей лежал по-прежнему, закинув ноги в толстых шерстяных гетрах и огромных, подбитых каучуком ботинках на кожаный валик койки. — Я немного удивлен изменению курса. Караван с нашими кораблями ушел вперед, а мы болтаемся здесь... — как это у вас говорится? — как телка в колесе.

— Как белка в колесе, мистер Гарвей.

— О да, белка в колесе, вы совершенно правы. И долго, товарищ корреспондент, мы будем изображать эту колесную белку?

Калугин пожал плечами.

— Это дело командира, мистер Гарвей.

— О да, это дело командира... Обнаружить вражеский рейдер... Сказать вам мое ощущение сейчас? В колледже, когда имеешь вину, тебя вызывает учитель... как это сказать по-русски... э... для порки... И вот, пока ждешь своей очереди снимать штаны... — Он захохотал резко и коротко. — Только знаете, чем наше положение лучше? Тут еще можно сделать какой-нибудь... как это говорится по-русски... манипулэйшн...

— Маневр?

— Вот именно — маневр. А там уже никаких маневров. Стоишь и ждешь, пока придет время спускать штаны...

«Странный юмор, — подумал Калугин. — Странный, неприятный юмор». Он шел дальше по коридору, залитому электрическим светом. Уже одиннадцать часов... Даже здесь, в этих широтах, сейчас должен быть полный день. Нужно пройти по кораблю, поговорить с людьми на боевых постах, наметить место, где быть во время боя, чтобы увидеть как можно больше.

Он нажал ручку, толкнул грузную, обитую резиновой прокладкой дверь в конце коридора.

Свет в коридоре погас. Свет выключался автоматически каждый раз, когда открывали дверь. Ветер почти выбросил Калугина наружу.

Действительно, уже совсем рассвело. Усеченный полукруг осеннего, тускло-красного солнца лежал на рубчатой водной черте горизонта. На лиловатом безоблачном небе белой пленкой проступала луна.

Мимо бортов неслись длинные, пологие волны, шум воды и свист ветра сливались с гудением корабельных турбин. Надвинув шапку еще ниже и подняв воротник, Калугин ухватился за поручень трапа, ведущего к первому орудию, на полубак.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

С трапа, ведущего на полубак, было видно, как остроконечный, высокий нос корабля мерно вздымается и снова зарывается в волны. Когда нос поднимался, он врезался темным треугольником в ветреное небо, будто стремясь взлететь в лиловатую голубизну. Когда опускался, брызги волн долетали до самого орудийного ство-

ла, впереди открывалась дымчатая, бугристая, беспредельная вода.

Рядом с огромными клешнями двух якорей у извивов неестественно толстых цепей, уходящих под палубу, в овальные клюзы, чернела вьюшка с намотанным на нее тонким стальным тросом. Здесь, когда «Громовой» стоял у стенки и Калугин впервые вступил на его борт, развевался на флагштоке огненно-красный гюйс.

Здесь, знакомя Калугина с кораблем, задержавшись около гюйса, рассказал ему замполит Снегирев о подвиге комсомольца Михайлова, погибшего на посту, поднося к орудию снаряды, в бою с торпедоносцами в океане...

Теперь гюйс был убран.

Прямо вдаль, возвышаясь одна над другой, глядели две длинноствольные пушки, с кубическими стальными кабинами, защищающими их механизмы.

Снег вокруг орудий был счищен. Три краснофлотца в меховых полушубках навалились на поручни по бокам кабины-щита нижней пушки.

Пушка медленно поворачивалась на собственной оси.

Четвертый матрос стоял, широко расставив ноги, медленно вел по горизонту раструбами большого бинокля. Ветер трепал и завивал влажные полы его тулупа; смотрящий вдаль так глубоко вобрал голову в плечи, что сзади был виден лишь верх его шапки-ушанки над поднятым воротником.

Орудийный ствол сделал медленный полукруг, вернулся в исходное положение.

— Порядок! — сказал, распрямляясь, один из моряков.

Он повернулся к ветру спиной, расправляя широкие плечи. Увидев Калугина, четко вытянулся.

Его смуглое, резко очерченное лицо было разгорячено, из широко раскрытых век смотрели пристальные светлые глаза.

— Здравствуйте, товарищ Старостин! — сказал Калугин. — Вот пришел вас проведать. Да вы продолжайте работать. Подожду, пока освободитесь...

Старостин смотрел с исполнительным и в то же время настойчиво-вопросительным выражением.

— Я сейчас не занят, товарищ капитан. Вот тренировались, орудие проворачивали вручную... Теперь порядок... Отойдемте-ка сюда, здесь говорить легче...

Они отошли под укрытие щита, к брезентовому обвесу, прикрывающему казенную часть пушки. С другой стороны щита тоже стоял неотрывно смотрящий вдаль комендор. Калугин заглянул под обвес, где мерцали циферблаты и смазанные маслом детали; сидя в кожаном креслице, наводчик склонялся к оптическому прицелу.

Калугин откинул воротник. Здесь было теплее, ветер сразу стих, только яростно хлопал сбоку обледенелым брезентом.

— Ну, как на корабле живется, товарищ капитан?

Теперь Старостин говорил как радушный хозяин. Спокойное, гордое достоинство и в то же время дружеская почтительность были в каждом его движении и в тоне.

— Превосходно! — сказал, улыбаясь, Калугин. — Давно не чувствовал себя так хорошо! А у вас, я вижу, все к бою готово.

— Все «на товсь»... Новостей никаких нет, товарищ капитан?

— Видите, ходим в дозоре. Чтоб немцы не прорвались в Арктику, к нашим зимовкам и базам. Потому и оторвались от каравана.

— Это слыхали, — по-прежнему веско сказал Старостин. — Старший лейтенант Снегирев приходил, беседовал тут. Жалко, наше дело не драться, только запеленговать их да ждать подкрепления.

— Они сами могут завязать бой.

— Если тяжелый корабль, он нас не нагонит, у него хода́ не те. Другое дело — эсминцы. Эти могут завязать бой! — сказал из глубины щита краснолицый коренастый наводчик. Глянув через плечо, он вновь нагнулся к своему механизму.

— Только бы встретиться! — с тяжелой яростью вымолвил Старостин. — Мы, товарищ капитан, как война началась, все мечтаем их корабли встретить. Есть за что рассчитаться.

— Вы и так много для победы делаете, — сказал Калугин. — Вот хотя бы конвои. Подумайте: сколько человеческих жизней, сколько грузов сберегаете каждый раз! Разве это не большая боевая работа? Разве не заслужил себе вечную славу краснофлотец Михайлов?

— Оно точно, — протянул Старостин. Ему, видно, были приятны эти уверения, но прежнее настойчивое

выражение жило в глазах. — А еще бы лучше — выйти корабль на корабль. Пустить фашиста ко дну, отвести матросскую душу.

— Точно! — страстно подтвердил стоящий рядом комендор. Но сразу застеснялся своего вмешательства в разговор, добавил с шутливой усмешкой. — А еще наш товарищ старшина своей девушке показаться с орденом хочет.

Он осекся под строгим, укоризненным взглядом Старостина. И с этим комендором — замочным Сергеевым — Калугин подробно беседовал вчера.

Сергеев был очень высок, полушубок едва достигал ему до колен, из овчинных рукавов высовывались сизые от холода кисти. В гнездах холщового пояса, обхватившего полушубок, тускло желтели медные столбики запальных трубок.

— А у вас, товарищ Сергеев, тоже есть невеста? — так же шутливо спросил Калугин.

Сергеев молчал, опустив глаза. Улыбка исчезла с его широкого веснушчатого лица, сменилась какой-то мучительной гримасой.

— Да ты им расскажи, — с неожиданной мягкостью сказал Старостин. — Они корреспондент, им все нужно знать. Видишь, они матросскую жизнь проверяют.

Высокий комендор стоял неподвижно. Старостин шагнул, наклонился, откинул заснеженный брезент, прикрывавший возвышение на палубе.

На веревочном матике плотно, один возле другого лежали длинные, крутобокие снаряды. На первом с краю снаряде большими меловыми буквами было выведено: «За Фросю».

— За Фросю? — вслух прочитал Калугин. Переводил взгляд с одного лица на другое.

— Это его девушка, которую фашисты в неволю угнали, — тихо сказал Старостин. — Он перед самой войной домой собрался, в бессрочный, она его ждала. Теперь под фашистами их район. — Старостин тщательно прикрыл брезентом снаряды. — Пришло через партизан письмо: всех девушек гады переловили. Кто покрасивее, тех отправили в публичный дом, в какой-то Франкфурт-на-Майне.

Сергеев глядел в сторону. Веснушки резко желтели на его побледневшем лице.

— Неправда, не взял ее немец. Она девчонка быстрая, умница, комсомолка. Она скорей всего сама к партизанам сбежала.

Старостин и Калугин молчали. Над их головами белел ствол второго орудия. Взлетала и опускалась, взлетала и опускалась влажная палуба под ногами.

Комендоры с биноклями не оборачивались, просматривая море и небо. Старостин и Сергеев тоже стали всматриваться в море, закипающее редкими беляками.

Калугин отошел в сторону.

Он был глубоко взволнован, больно сжималось сердце. Какие слова утешения сказать этому тоскующему моряку? Нужно правдиво и ярко рассказать о его горе читателям, таким же советским бойцам. Рассказать правдиво и ярко, не упустить ни одной интонации, ни одного характерного выражения этих леденеющих под арктическим ветром людей.

Он писал, пока не онемели пальцы. Хотелось закрепить на бумаге все, что видел и слышал кругом. Вдруг ветер рванул листки, ударил по лицу ледяной влагой: корабль изменил курс, подветренная сторона стала наветренной.

Калугин перешел к другому борту, непослушными пальцами закрывая блокнот.

— Разрешите обратиться, товарищ капитан!

Старостин стоял рядом с ним, глядя в упор обычным своим ясным, немигающим взором.

— Слушаю вас, товарищ Старостин!

— Я, когда свободны будете, в каюту бы к вам зашел. Есть один разговор, о жизни.

— Обязательно приходите, — сказал горячо Калугин.

Он уже собрался уйти. Может быть, его присутствие отвлекает комендоров от вахты? Но приостановился, натягивая рукавицы.

— Кстати, и у меня к вам есть разговор. Оказывается, начало войны вы встретили на «Могучем»?

— Точно, — сказал Старостин. Тень пробежала по его лицу.

— Хочу попросить вас рассказать о его гибели, о ваших переживаниях.

— Не было никаких переживаний, — хмуро произнес старшина. — Вели огонь, пока палуба была под ногами... А попал я в воду — стало быть, надо плыть. В этом море

долго не поныряешь — сразу немеет сердце. Ну и стал выгребать к берегу самым полным.

— И помогли спастись лейтенанту Лужкову.

— А как не помочь? Моряк моряка в беде не оставляет.

Он вдруг улыбнулся чуть извиняющейся короткой усмешкой.

— Да что вы, товарищ капитан, все «гибель да гибель». Мы не о смерти — о жизни думать хотим. Вот если уделите время...

— Обязательно жду вас, старшина! — повторил Калугин, надвигая ушанку на брови.

Пора было уходить. Даже здесь, под укрытием щита, его начинал пробирать морозный и влажный в то же время воздух.

Вот так и несут они верхнюю вахту: при любой погоде, четыре часа подряд!

Все тепло, набранное в кают-компании, стремительно покидало его. Начинала тяжелеть голова. Подымался и опускался, подымался и опускался нос корабля — огромные стальные качели.

Калугин сошел с полубака.

Закругленные по краям, густо покрытые золотистой смазкой, лежали прикрепленные к переборке огромные запасные торпеды. На шкафуте качало меньше, но отчетливее был свист вентиляторов, рокот механизмов.

Он решил еще раз пройти весь корабль от носа до кормы. От полубака до юта, как говорят здесь.

В первое время это путешествие вызывало неизменное опасение, легкий внутренний протест.

В центре корабля, на шкафуте, узкой стальной дорожкой бегущем мимо надстроек, борт не огорожен поручнями, гладкая палуба срывается прямо в воду.

Даже тонкий проволочный трос, при стоянке в порту или на рейде натянутый вдоль борта на невысоких штоках, в дни похода снят, или срублен, как говорят здесь; ничто не отделяет палубу от несущихся мимо волн.

Раньше Калугин очень осторожно проходил по шкафуту. Но теперь уже привык. Придерживаясь за штормовой леер — крученую проволоку, натянутую высоко над головой параллельно борту, — легко пробежал от полубака к торпедным аппаратам.

Он шел в шелесте волн и шипении пара, мимо темно-зеленых труб торпедных аппаратов, мимо надстроек, с плоских крыш которых смотрели вверх длинные черноствольные зенитки и пулеметы.

В одной из надстроек был пост энергетики. Через полураскрытую металлическую дверь виднелись светящиеся разноцветными лампочками распределительные щиты. Около двери, в рабочем кителе, испачканном маслом, в ушанке, немного сдвинутой на затылок, стоял невысокий пожилой человек. Усики черным полумесяцем лежали над гладко выбритым морщинистым подбородком.

— Здравствуйте, мичман! — сказал Калугин.

С мичманом Куликовым он спускался перед началом похода в котельное отделение — по узкой квадратной шахте, уводившей в недра корабля, ниже уровня моря.

Калугин знакомился тогда впервые с людьми этой боевой части.

От первого знакомства сохранились в памяти мощный оглушающий гул, ветер вентиляции в котельном отделении, а в турбинном — сухая жара, сразу, как кипяток, пропитывающая одежду насквозь.

Там внизу: ажурные стальные площадки, соединенные высокими трапами одна с другой; желтое гудящее пламя в глазах топок; в отблесках этого пламени, в белом свете ярких потолочных ламп — потные, темные лица, обнаженные, играющие мускулами руки котельных машинистов. Пропитанные пóтом спецовки турбинистов, движущихся в соседних отсеках, у округлых кожухов пышущих жаром турбин...

— Снова к нам в котельную, товарищ капитан?

— Обязательно зайду, товарищ мичман! — с жаром сказал Калугин.

Ему совсем не хотелось снова спускаться туда, в этот раскаленный, грохочущий мир. Слов там почти не было слышно, приходилось не говорить, а кричать в самые уши.

Командир боевой части — смуглый, веселый гигант Тоидзе сразу понял его ощущения, предложил вызывать людей для бесед в каюту Снегирева. Но Калугин отказался.

Решил встречаться с моряками запросто, на их боевых постах...

Около световых люков сидели матросы. Они прильнули к толстым горячим стеклам на подветренной стороне. Встали, когда подошел Калугин.

— Может, присядете с нами, товарищ капитан? Погрейтесь. Вот тут Зайцев речь ведет насчет морской пехоты, — сказал один из матросов. — Сам он разведчиком был. А рассказывает — как пишет.

— Так же коряво! — подхватил другой, смуглый и чернобровый, с твердо очерченным ртом. Его веки были обведены полосками въевшейся копоти, отчетливо блестели белки живых глаз с синеватым отливом.

Калугин присел возле люка.

— Ладно, посмотрим, какую ты речь поведешь, — ответил чернобровому Зайцев.

У него было очень круглое, обветренное лицо с небольшим облупленным, задорно вздернутым носом. Его пухлые, свежие губы приоткрылись, обнажая ряд мелких, ровных зубов. Все это придавало лицу какое-то уютное, домашнее выражение.

Он деликатно присел рядом с Калугиным. Полушубок Зайцева был полурасстегнут, из-под меха проступал бело-голубой край поношенной, но очень чистой тельняшки.

«Где я его видел? — подумал Калугин. — Да, он стоял внизу, в котельном отделении, у щита контрольных приборов. Котельный машинист Зайцев. Недавно вернулся с сухопутья на корабль».

— Так вот, матросы, в ту ночь вышли мы на двух ботах из Полярного, — приятным, немного певучим голосом начал Зайцев. — Прорабатываем в походе задачу: нужно высадиться у маяка Пикшуев, вывезти зарытые снаряды и пушки. Их наши красноармейцы схоронили, когда отходили, в первые дни войны. А на Пикшуеве — немцы. Понятно?

— Ладно, все понятно. Разворачивайся дальше,— лениво сказал присевший рядом на корточках матрос.

— Шел с нами Людов, капитан. Щупленький такой, в очках, а котелок у него, оказывается, работает неплохо. На море штормит. Переночевали в порту, а на другой день к ночи опять вышли. Высаживаемся со шлюпок, чуть нас о камни не побило. Ну, сразу же заняли оборону, в первую очередь уничтожаем связь. Москаленко наш залез на столб, снял провода, а внизу мы их на

камнях кинжалами перерубили. Ладно. Где же снаряды? Кругом темень, снегопад. Вдруг — стоп! Запеленговали катер, вытащенный на берег, весь снегом засыпанный. В нем под брезентом два пушечных ствола, снаряды, запчасти.

— Стало быть, фрицы уже отыскали, приготовились вывозить, — сказал один из слушателей.

— Точно. Перегрузили мы все на бота. В это время неподалеку и лафеты нашли. Как их взять на борт? Тяжелые, нескладные, на шлюпке не переправишь. Тогда капитан Людов, этот природный пехотинец, придумал, к стыду всех моряков: зачалить концами за лафет и отбуксировать на глубину, а там талями выбрать на борт. Так и сделали. Быстро проавралили. Еще не рассвело, как отошли от берега, легли на курс в базу.

— Вот тебе и пехота!

— А ты что думал? По-боцмански развернулись.

— Смирно! — скомандовал, вскакивая, Зайцев.

Широким, торопливым шагом шел мимо них старший помощник командира, широкоплечий, низкорослый Бубекин.

Краснофлотец, сидевший на корточках, и другой, прильнувший сбоку к теплому стеклу люка, вскочив, пятились к платформе торпедного аппарата.

— Ну, что за митинг? — спросил старпом, глядя из-под густых, сросшихся на переносице бровей. Вы почему здесь, Зайцев?

— Скоро на вахту заступать в котельной, — отрапортовал Зайцев. Его голос сразу стал по-военному отчетлив. — А «готовность один» недавно сняли. Вот и задержался на палубе, чем в кубрике киснуть.

— Так! — сказал старпом. Несколько секунд смотрел на Зайцева, перевел глаза на стоящего рядом. — А вы, котельный машинист Никитин? Что вам здесь — парк культуры и отдыха?

— Мне, товарищ старший лейтенант, тоже скоро на вахту заступать, — сказал чернобровый матрос. Он стоял в положении «смирно» и вместе с тем сохранял какую-то изящную непринужденность позы. — Вот вышел проветриться перед котельной.

— Отдыхать перед вахтой нужно, а не проветриваться, — буркнул Бубекин. — Тоже придумал — киснуть в кубрике! — Выставив нижнюю челюсть, снова уперся

взглядом в Зайцева: — Вы, Зайцев, известный травило, любого заговорите так, что ему чайка на голову сядет! — Он бросил косой взгляд на матросов у аппарата. — Ну, марш обратно в кубрик, прилягте до обеда!

— Есть прилечь до обеда, — отчеканил Никитин. Калугин заметил, что оба матроса смотрят на Бубекина открытым, добродушным взглядом. — Разрешите идти, товарищ старший лейтенант?

Как будто лишь в этот момент Бубекин увидел Калугина, отошедшего к торпедному аппарату.

— Если товарищ капитан не возражает...

— Не возражаю, — с улыбкой сказал Калугин.

— Не идти, а бежать! — рявкнул старпом.

Он смотрел вслед обоим кочегарам, бегущим, гремя каблуками, к люку в кубрик.

Потом вновь с подчеркнутой предусмотрительностью обернулся к Калугину:

— Извиняюсь за вторжение, товарищ корреспондент. Ничего не поделаешь, служба!

С изысканной вежливостью притронувшись к козырьку фуражки (так же, как командир, он носил в походе не шапку, а фуражку), старпом повернулся, вобрал голову в воротник и, не держась за штормовой леер, зашагал по шкафуту.

— Боцман! — слышался издали его голос, заглушающий свист вентиляторов и гудение машин. — Что у нас здесь землянка или военный корабль? Почему не счищен снег с ростр?

Калугин прошел к кормовой надстройке. Опершись на поручни, глядел, как за низким срезом кормы крутится, расходясь в стороны, снежно-белая, пушистая, бурно бушующая кильватерная струя корабля. Далеко сзади медленно вздымался и опускался на волнах высокий силуэт «Свирепого».

— Разрешите пройти, товарищ капитан?

Сзади, с двумя дымящимися ведрами в руках, ждал разрешения пройти краснофлотец в холщовой спецовке.

— Проходите, — сказал Калугин поспешно.

Краснофлотец, покачивая ведрами, окутанными паром, пробалансировал к самому концу юта, где, перехваченные железными полосами и цепями, лежали двумя шеренгами черные, обледенело поблескивающие цилиндры глубинных бомб.

Облака пара окутали краснофлотца. Он вылил одно ведро на крепление бомб, затем второе. Стал тщательно протирать ветошью отогретый металл.

Он склонялся над самой кормой, вместе с ней взлетал и опускался над сплошным полем бушующей пены. Потом медленно распрямился, вытирая лицо. Ветер раздувал штанины холщовых брюк, под расстегнутым воротом синели полосы тельняшки. Он зябко съежился, подхватил ведра, скользя по гладкой палубе, как по катку, побежал к надстройке.

И долго жил потом в памяти Калугина этот «хозяин глубинных бомб», под ледяным ветром отогревающий стеллажи, — жил как символ повседневного героического труда военных моряков нашего непобедимого флота.

Но сейчас другая мысль занимала его. Он думал о помощнике командира.

Видимо, не зря старший лейтенант Бубекин вспомнил сейчас о землянке!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первая встреча Калугина со старшим лейтенантом Бубекиным была красноречиво короткой. Перед походом, выйдя из каюты заместителя по политической части, он пошел представляться помощнику командира корабля.

— Фаддей Фомич Бубекин — старший офицер, хозяин кают-компании, — сказал ему Снегирев. Он прикажет поставить вас на довольствие, отведет вам место за столом.

Низенький широкоплечий человек сидел в своей каюте спиной к двери, что-то записывал в большой журнал.

Он был в расстегнутом кителе, его коротко остриженный затылок щетинился над воротником; Бубекин близко пригнулся к широкому развороту журнала. Когда старпом обернулся, Калугин увидел глубоко сидящие под густыми бровями колючие, краснеющие кровяными прожилками глаза.

Под кителем, из-под тельняшки, виднелась волосатая грудь Бубекина.

Старпом встал, быстро застегивая китель. Молча пожал Калугину руку, внимательно прочел удостоверение,

командировку и аттестат. Взглянул на Калугина снова, как бы сравнивая его лицо с фотокарточкой на удостоверении.

— На довольствие вас зачислю, товарищ капитан... Кушать будете в кают-компании, вместе со всеми офицерами. Только, сожалею, постоянного места за столом предоставить не могу. Будете сидеть на свободных местах вахтенных офицеров... Очень сожалею.

Он резко оборвал, не сводя с Калугина неотступный вопросительный и действительно будто извиняющийся взгляд.

— Что ж, превосходно, — весело сказал Калугин. — Вы напрасно волнуетесь, товарищ старший лейтенант. Знаете, на передовой, в землянке, иногда и просто на полу ели, из одного котелка...

Но, еще не договорив фразы, он понял, что она не произвела желаемого эффекта.

— Ценим лишения и подвиги сухопутных друзей, — сказал Бубекин. — Ценим и восхищаемся и счастливы были бы разделить их сами... — Горечь, прозвучавшая в его тоне, сменилась неожиданным раздражением. — Однако разрешите вам доложить, товарищ капитан, теперь будете кушать не в землянке, а в кают-компании эскадренного миноносца... Со всем флотским гостеприимством привыкли принимать гостей... Хоть и не до гостей нам сейчас.

Он смотрел вызывающе, словно ждал, что посетитель тотчас уйдет возмущенно на берег.

— Но я же не гость, Фаддей Фомич! Я такой же офицер, как и вы. Как видите, командирован к вам для работы, — сказал примирительно Калугин.

Недоверчивое выражение пробежало по лицу старпома. Будто удержавшись с трудом, чтобы не возразить что-то, он тщательно разгладил и положил на стопку документов листок аттестата.

— С ночевкой устроились?

— Прекрасно устроился, — сказал Калугин.—Старший лейтенант Снегирев пригласил меня в свою каюту.

— В таком случае прошу отдыхать. Вестовой принесет вам белье. Чем еще могу служить, товарищ капитан?

— Да нет, как будто все, — поспешно сказал Калугин. — Спасибо за содействие, Фаддей Фомич.

— Прошу отдыхать... А на кораблях, простите, товарищ капитан, принято обращаться не по имени-отчеству, а по воинскому званию...

Бубекин резко отвернулся к столу, взял в руки журнал, давая понять, что разговор окончен.

Когда в обеденное время Калугин вошел в кают-компанию, Бубекин среди нескольких других офицеров рассматривал истрепанную географическую карту, распластанную на боковом столике, возле дивана.

Почти все офицеры были в сборе. Снегирев тоже склонился над картой. Лейтенант Лужков и доктор Апанасенко — медлительный рябоватый юноша с белыми погонами лейтенанта медицинской службы — играли в шахматы, то и дело поправляя фигуры, сползающие от качки на соседние клетки.

Лейтенант Саблин — полный, черноволосый командир службы наблюдения и связи — и лейтенант Лузгин — с нервным, почти не тронутым загаром лицом — тянулись через плечо Бубекина, вглядываясь в карту.

Мистер Гарвей — английский офицер связи, ходивший в море на «Громовом» для встречи союзных караванов, — стоял, опершись на спинку кресла доктора; золотая завитушка нашивки блестела на рукаве его тужурки.

В дверях вырос рассыльный. Изогнутая дудка на груди матроса покачивалась в такт быстрому дыханию.

— Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант!

Старпом оторвался от карты. Необычно доброе выражение разгладило его брови.

— Ну что, рассыльный?

— Товарищ старший лейтенант, командир корабля на мостике. Просит начинать обед без него.

— Хорошо, свободны, — сказал Бубекин.

Рассыльный исчез. Немного вразвалку старпом прошел к креслу во главе стола, остановился, опершись рукой на скатерть.

— Товарищи офицеры, прошу занимать места.

Все садились за стол. Калугин стоял в нерешительности. Куда садиться на этот раз? Бубекин указал на одно из кресел:

— Прошу вас сюда. Артиллерист на вахте, придет позже.

Калугин сел между Снегиревым и Лужковым. Напротив него был мистер Гарвей. Кресло во главе стола рядом с Бубекиным — командирское место — оставалось свободным.

Вестовой двигался вокруг, наливая в стоящую перед каждым стопку «наркомовские сто граммов» — паек боевых походов. Каждый придерживал стопку рукой, чтобы не расплескалось ни капли.

Старпом вынул из кармана головку чесноку, делил ее на дольки, молча перебрасывал по коготку каждому из сидящих.

— Вам? — сказал он Калугину.

— Спасибо, с удовольствием! — Калугин протянул руку. Здесь, в Заполярье, чеснок считался одним из величайших лакомств. Он стал снимать с остроконечной дольки кожицу, похожую на твердый розоватый шелк.

— Мистер Гарвей? — спросил Бубекин.

— О, весьма благодарен, — холодно сказал Гарвей. Он взял чеснок двумя пальцами, как неведомое, опасное насекомое, положил рядом с вилкой и ножом.

— Это подарок жены, мистер Гарвей, это жена мне из эвакуации прислала... Вы слышали эбаут ауэ нью виктори — о нашей новой победе?

— О нет, не слышал! — Гарвей предупредительно повернул к нему свое окаймленное бородой лицо.

— Уи эдванс...[1] Радисты приняли сводку... Нашими войсками занят населенный пункт Ковачи... В десяти милях от моего родного поселка... Ниэ май нейтив таун...[2]

«Как он преобразился! — думал Калугин, глядя на старпома. — Он просто счастлив, ему сейчас хочется всем делать приятное. Он и с Гарвеем говорит по-английски, чтоб сделать ему приятное».

Бубекин натирал чесноком хлебную корочку, она золотисто отливала в его коротких пальцах.

— Выпьем, товарищи, за нашу победу!

— Я понимаю вашу радость, — как всегда не спеша и отчетливо выговорил Гарвей. Он взял стопку в одну

---

[1] Мы наступаем (англ.).

[2] Вблизи моего родного города (англ.).

руку, поднял два вытянутых пальца другой. — Знаете этот международный символ? Победа — виктори...

Он опустил пальцы, поднял рюмку, его борода запрокинулась, дрогнул сизый бугор кадыка. Вестовые разносили тарелки с супом.

Суп в тарелке Калугина угрожающе раскачивался в такт крену корабля, чуть не выплеснулся на скатерть.

— Ложку в тарелку положите, товарищ капитан, — и порядок, — сказал над ухом Калугина Гаврилов. Каждый раз Калугин забывал сделать это, и каждый раз Гаврилов напоминал, тихо, но очень значительно наклоняя к Калугину свою большую белокурую голову.

Проглатывая водку, борясь с суповой тарелкой, Калугин отвлекся от разговора. В громкоговорителе загремел вдруг под резкий аккомпанемент рояля металлический самоуверенный голос:

Он выпил шесть стаканов квасу,
Твердил, влюбленный, каждый раз,
Когда платил монеты в кассу:
— Какой у вас прекрасный квас!

— Вот дает дрозда, — сказал Бубекин. Он улыбнулся от неожиданности, но тотчас нахмурился, бросил быстрый взгляд на Гаврея. — Вестовой, рассыльного в радиорубку! Прекратить этот бред! Пусть поставят хорошую пластинку. Чайковского пусть дадут.

Но едва вестовой дошел до двери, голос оборвался так же внезапно, как возник.

Вокруг стола звучал разговор. Штурман Исаев говорил, не поднимая глаз от тарелки:

— Какие корабли выйдут в рейд, можно только гадать, лейтенант Лужков. Фашистских кораблей на нашем театре хватает. Линкоры «Тирпиц» и «Шарнгорст», тяжелые крейсера «Шеер», «Геринг», еще легкие крейсера и эсминцы. Вернее всего, в рейд пойдет один из тяжелых крейсеров.

— Вот тут бы нам и развернуться! — блеснул глазами Лужков. — Если позволит погода, всадить бы ему порцию торпед, не дожидаясь никаких подкреплений!

— А погода, как известно, сочувственно относится к большевикам. — Хитро прищурившись, доктор Апанасенко подмигнул Лужкову. — Так что тут, товарищ торпедист, вам бы и проявить ваши таланты.

— Ничего нет смешного, доктор, — подался к нему Лужков. — Конечно, дело командования решать вопрос, но если бы мне дали возможность выйти в атаку...

Румяное лицо Снегирева обернулось в сторону спорщиков.

— Да, кстати, лейтенант Лужков в своем пристрастии к торпедам может опереться на самого Энгельса. Ну-ка, что по этому поводу скажет нам лейтенант?

— По моим сведениям, Степан Степанович, Энгельс не высказывался о действии торпедного оружия, — отпарировал шутливо Лужков.

— Нет, высказывался, товарищ лейтенант! — Голос Снегирева стал серьезным, он начал размеренно, будто читая: — Соперничество между панцирем и пушкой доводит военный корабль до степени совершенства, при которой он сделается столь же неуязвимым, сколь негодным к употреблению...

Снегирев помолчал, старательно припоминая цитату.

— Уязвимость любой корабельной брони, пишет далее Энгельс, по-видимому, будет достигнута усовершенствованием самодвижущихся торпед — последнего дара крупной промышленности морскому военному делу. Громаднейший броненосец побеждался бы тогда маленькой торпедой... Из «Анти-Дюринга», — после паузы добавил Снегирев.

Вновь зашелестело в громкоговорителе, полилась широкая оркестровая музыка из «Ивана Сусанина».

— Ит'с аур грэт опэрэ![1] — торжественно сказал Бубекин Гарвею, внимательно слушавшему разговор, — Ит'с Глинка!

— Глинка — русская земля?—Гарвей отрывисто захохотал, вычерпывая суп из тарелки. — Между прочим, мистер Бубекин, мне кажется, что первый... э... — как это сказать по-русски? — опус... больше подходит для пищеварения. . . И еще я хотел вас попросить: говорите со мной по-русски. Мне нужно. . . э. . . тренироваться в языке, который так успешно изучаю на вашем корабле... Чем больше я буду знать ваш язык, тем дороже буду стоить.

— Дороже стоить? — вмешался Калугин. — Это, кажется, американское выражение, мистер Гарвей?

[1] Это наша великая опера! (англ.).

— Да, американское выражение. — Гарвей отдал вестовому пустую тарелку и стал разрезать жаркое. — Мы его взяли у Соединенных Штатов вместе с другими хорошими вещами, например с лимонным соком, который ежедневно выдается на наших кораблях вместо таких вот... — как это сказать по-русски? — витаминов... — небрежным щелчком он отбросил коготок чеснока от своей тарелки.

Калугин увидел, как старший офицер, наклонив голову, старательно и монотонно водит ножом по тарелке. Видел, как напряглись челюсти Бубекина, как он старается удержать на лице прежнюю широкую улыбку. Почувствовал, как с другой стороны наклонился, словно для прыжка, старший лейтенант Снегирев.

— Да, мистер Гарвей, нам удается обходиться без американского лимонного сока, — с обычной своей веселостью сказал Снегирев. — Свое любим больше всего,— что родина нам дает.

— А что такое родина, мистер Снегирев? — Пергаментные веки Гарвея были слегка прищурены, он благодушно откинулся на спинку кресла. — Есть хорошая русская пословица: «Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше». Я канадец, подданный Британской империи... Но скажу откровенно в нашем дружеском кругу: после этой злосчастной войны думаю перебраться в Соединенные Штаты... Как это говорится по-русски? Да, переменю подданство. После этих безумных походов у меня будет маленький капитал... Э... сделаю хорошие деньги... И смогу открыть собственный оффис... Как это называется по-русски?

— Предприятие, что ли? — отрывисто бросил Бубекин. Не поднимая глаз, он продолжал водить ножом по тарелке.

— О да, предприятие! — сказал Гарвей. Мечтательное выражение появилось на его испитом, угловатом лице. По-прежнему прищурив глаза, он смотрел куда-то вдаль сквозь слоистые дымовые кольца. — Это будет мне наградой за риск. Мне кажется, мистер Бубекин, когда наступит мир, только в Соединенных Штатах можно будет вести приятную жизнь. К сожалению, в этой злосчастной войне Англия и Россия потеряли свое положение великих держав. Посмотрите на карту...

— Война еще не кончилась! — звонким, негодующим голосом сказал лейтенант Лужков.

— О да, война еще не кончилась, — благодушно подтвердил Гарвей. — Вы держитесь хорошо, вы мужественные, сильные люди. Я не жалею, что сделал ставку на вашу победу. Когда наши политики предсказывали, что вы не продержитесь и двух недель, я пересек океан, нанялся в королевский флот и сам вызвался идти в русские воды. Оказывается, я не проиграл. Оказывается, я выиграю небольшое доходное предприятие в Нью-Йорке. Но, если немцы стоят на Волге и на Кавказе, вряд ли вам удастся отбросить их за Вислу.

— Не только отбросим за Вислу, но и пройдем всю Германию, поднимем советский флаг над Берлином! — сказал тихо, но очень твердо и отчетливо Снегирев. Во время речи Гарвея он неотрывно смотрел на канадца, слегка наклонившись вперед.

С тем же ленивым благодушием Гарвей перевел на него свои сумрачные глаза.

— О, вы фантазер и пропагандист! Пропагандист должен быть фантазером. Но я хотел бы знать: с какого времени большевики верят в чудеса?

— Мы не верим в чудеса, — так же тихо сказал Снегирев. — Верим в наш народ! Мы нашей партии и советскому правительству верим!

Последние слова Снегирев произнес с огромным чувством, и горячий блеск его карих живых глаз как будто отразился на лицах всех сидевших за столом. Торжественно кивнул Лужков, не отрывая глаз от Гарвея. Штурман Исаев, откинувшись в кресле, тоже глядел на Гарвея. Инженер-капитан-лейтенант Тоидзе положил на край скатерти свой огромный кулак и дружески улыбнулся Снегиреву.

— Впрочем, будущее покажет, кто прав, — сказал Гарвей после маленькой паузы.

— Да, будущее покажет, — подтвердил Снегирев. Он встал из-за стола. — Я, Фаддей Фомич, схожу на мостик, уговорю командира пообедать.

— Иди, Степан Степанович, — сказал старпом.—Лейтенант, вы бы пошли подсменили вахтенного офицера.

— Есть подсменить вахтенного офицера, — сказал, вставая, Лужков.

— Прошу разрешения выйти из-за стола, — одновременно приподнимаясь, сказали штурман и доктор.

Бубекин кивнул. Несколько других офицеров тоже вышли из кают-компании. Теперь за столом остались только Бубекин, Калугин и мистер Гарвей.

— Кажется... э... вашему комиссару очень не понравились мои слова? — сказал, помолчав, канадец.

— Не будем об этом говорить, — отрывисто сказал Бубекин. Он играл хлебным шариком, не глядя на Гарвея.

— Мне бы не хотелось, чтобы политика испортила наши дружеские отношения, — не унимался Гарвей. Его хорошее настроение тоже, видимо, прошло, он покусывал тонкую губу, подтягивая бороду к зубам. — Наши офицеры не принимают политику так близко к сердцу. Политика — не дело военных...

— Не будем об этом говорить, мистер Гарвей, — снова повторил Бубекин.

Но Гарвей был задет за живое.

— Интолеренс... э... нетерпимость ваших людей удивляет меня. Я спокойно выслушал все, что говорилось здесь, даже самые детские, наивные вещи...

— Наивные вещи? — сдвинул брови Бубекин.

— О йес... Сѐтнли...[1] — Волнуясь, Гарвей все чаще прибегал к английскому языку. — Зачем заниматься напрасной... как это сказать по-русски?.. похвальбой... например, о встрече с немецкими кораблями...

Он замолчал. В кают-компанию вошел Гаврилов, поставил чистый прибор перед креслом командира, бесшумно вышел.

— Я не хотел говорить при матросе, но неудобно офицерам болтать о бессмысленных вещах... — снова заговорил канадец. — Немцы пошлют в рейд по меньшей мере тяжелый крейсер. Если самостоятельно завяжем с ним бой — попадем на обед акулам...

— Косаткам, мистер Гарвей, — поправил Бубекин.

— О да, косаткам по-русски. Гарвей горячился все больше. — А в лучшем случае нам придется проводить последующие обеды в фашистской кают-компании, что мне лично крайне несимпатично, так как я не люблю немцев.

— А как это может произойти, мистер Гарвей? — с подчеркнутым любопытством спросил Бубекин.

---

[1] О да... Конечно... (англ.)

— А вы не догадываетесь сами, мистер Бубекин? Если, на свое несчастье, мы сойдемся с ними на дистанцию орудийного выстрела, нас подобьют сразу. Немцы — прекрасные артиллеристы, они доказали это еще в Ютландском бою против Гранд Флита. Но я надеюсь, что наш милый «Громовой» не пойдет сразу ко дну, мы успеем спустить шлюпки, а немцы все же не такие звери, чтобы не подобрать терпящих бедствие.

В кают-компанию быстро вошел командир. Потирая замерзшие руки, он сел на свое место. Гаврилов подал ему на тарелке большой, отливающий желтым жиром, окутанный паром, мосол. Ларионов стал срезать с кости ломтики мяса.

— Да, вы так рассчитали? — сказал Бубекин. При входе командира он встал, сел только тогда, когда командир опустился в кресло. — Вы плохо рассчитали, мистер Гарвей. Как старший офицер заверяю, что никогда, ни при каких обстоятельствах экипаж «Громового» не сдастся в плен! Если мы будем подбиты, уверен, — поступим так, как вел себя экипаж русского крейсера «Варяг» в бою с японцами, как вел себя наш североморский тральщик «Туман», когда встретился с тремя эсминцами фашистов. Уверен, что наши офицеры и матросы вели бы стрельбу до последнего мгновения и ушли бы под воду с развернутым флагом на гафеле «Громового».

Он замолчал. Были слышны только дробные удары волн в стенки кают-компании, скрип переборок, тиканье стенных часов.

Гарвей встал, засовывая в карман кителя свой пестрый жестяной портсигар.

— Вот что будет, мистер Гарвей, если командир «Громового» решит дать самостоятельно бой немецким кораблям и нам не повезет в этом бою, — продолжал, глядя на него исподлобья, Бубекин. — А любого труса и паникера, если такой найдется на корабле, застрелю собственноручно на месте.

— Что ж, — сказал Гарвей. Его большая белая рука, сжавшая недокуренную сигарету, не дрожала. — Восхищаюсь фанатизмом русских моряков.

— Фанатизм совсем не то слово, — возмущенно вмешался Калугин. — Когда русские приняли на себя удар гитлеровских армий, спасая от порабощения Европу, вы не называли нас фанатиками, мистер Гарвей!

Гарвей бросил на него хмурый взгляд и вновь устремил глаза на Бубекина.

— Что же касается меня, старший лейтенант, уверяю вас, меня не придется расстреливать на месте. Я догадывался, куда иду, когда подписывал договор на службу в России.

— Он шутит, мистер Гарвей, — неожиданно сказал Ларионов. — Вы еще плохо знаете нашего старпома. Наш старпом большой шутник.

Бубекин сидел насупившись, снова катал хлебный шарик.

— К тому же, Фаддей Фомич, — продолжал командир корабля, — насколько я слышал теоретическую часть разговора, мистер Гарвей по-своему прав. Как правило, два эсминца не могут самостоятельно дать бой тяжелому крейсеру.

— Прошу разрешения выйти из-за стола, — сказал канадец, в точности копируя интонацию русских офицеров.

— Пожалуйста, мистер Гарвей! — любезно привстал Ларионов.

Гарвей вышел, держась очень прямо и напряженно.

Несколько времени командир молча ел суп.

— Ну зачем связался с ним? — вяло произнес Ларионов. — Нехорошо получилось.

— За душу он меня взял, холодный гад, — сказал Бубекин, как бы извиняясь. — Вы всего не слыхали, товарищ капитан-лейтенант. Он тут разговорился, что ставку делал на нас, будто в очко играл. Что на деньги с русских походов откроет какое-то предприятие в Нью-Йорке. Снегирева чуть не стошнило.

— Нехорошо, вроде хвастовства получилось, старпом, — сказал капитан-лейтенант Ларионов.

— Сам чувствую, что нехорошо, — покосившись на Калугина, пробормотал Бубекин.

— И разговоров таких не нужно допускать в кают-компании.

— Есть не допускать таких разговоров, — четко сказал Бубекин.

Он вышел из-за стола, подошел к никелированному кругу барометра, постучал ногтем по стеклу.

— Как барометр, Фаддей Фомич?

— Падает, товарищ капитан-лейтенант.

— Второе, Гаврилов! — крикнул Ларионов, вытирая губы салфеткой.

— Разрешите выйти из-за стола, — приподнялся Калугин.

— Прошу! — сказал задумчиво смотревший на него Ларионов.

Кают-компанию покачивало сильнее. Стараясь ступать как можно более твердо и широко, Калугин прошел в каюту Снегирева и, сбросив валенки, забрался на отведенную ему верхнюю койку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В коридоре раздался дружный смех нескольких людей, задержавшихся у двери в каюту.

— Этот рассказ про фашистскую трусость я на переднем крае от разведчиков слышал, — донесся голос Снегирева. — При случае, за перекуркой, расскажите матросам... Ну, товарищи партбюро, повторяю: главная задача на сегодняшний день — готовность к бою всех механизмов и наблюдение. Наблюдение не только для сигнальщиков — для всего личного состава на верхней палубе. Пусть агитаторы напоминают почаще: кто в море первый увидел врага — наполовину уже победил. Свободны, товарищи. Мичман Куликов, зайдите ко мне.

Калугин лежал в полудремоте. Поскрипывали переборки, звякали кольца портьеры, отделяющей койку от письменного стола. Белый плафон мягко светил с потолка. Как всегда в походе, иллюминаторы над столом были туго задраены стальными крышками. Громко тикали стенные часы рядом с телефонным аппаратом.

Портьера слегка сдвинулась от качки. Из-за ее края было видно, как мичман Куликов присел на диванчик, напряженно глядя на Снегирева.

— Огорчил ты меня своим высказыванием, Василий Кузьмич, — сказал старший лейтенант. — Пойми как коммунист: при таких установках морально-политическое воспитание людей запустить недолго.

— Да что их агитировать, товарищ старший лейтенант! — упрямо произнес мичман. — И так все понимают. Зубами фашистов готовы загрызть.

— А дым почему допустили?

Мичман молчал.

— Вот тебе результат твоей теории, Василий Кузьмич. Ишь, сказал: «Моя партийная работа — держать механизмы в полном порядке». Не только в этом твоя работа. Механизмы у вас в исправности?

— Так точно, в исправности, — вздохнул мичман.

— А дым все-таки допустили? Могли демаскировать корабль? Пойми ты, Василий Кузьмич: повседневно, ежечасно с людьми нужно работать, тогда и из механизмов выжмешь все, что потребует командир.

Снегирев сел рядом с Куликовым.

— Ты вот что: поговори с партийцами своей смены, да и составьте статейку о важности обеспечения бездымного хода котельными машинистами корабля. Поубедительнее составьте, с душой. Кстати, будет тебе чем газету заполнить.

— Насчет газеты, товарищ старший лейтенант... — умоляюще начал мичман.

— Это обсуждать не будем, — мягко, но непреклонно перебил Снегирев. — Партийное задание. Точка.

Наступило молчание. Тикали часы, в умывальнике хлюпала вода. Умывальник то издавал низкий, сосущий звук, то громко фыркал, выбрасывая пенный фонтанчик.

— Разрешите идти, — снова вздохнув, сказал Куликов.

— Идите, товарищ мичман.

Куликов вышел из каюты. Снегирев сел за стол. Задумчиво чертил карандашом по листку бумаги. На его румяном, налитом здоровьем, почти всегда улыбающемся лице было сейчас какое-то новое, сурово-сосредоточенное выражение.

Калугин закрыл глаза. Поспать еще полчасика, а потом опять на палубу, на боевые посты. Вопреки своему бодрому заявлению в разговоре с Лужковым, он не спал всю прошлую ночь, бродя по кораблю, делая все новые записи в блокноте. «Не буду мешать Снегиреву, — дремотно думал Калугин. — Пусть считает, что сплю, пусть чувствует себя совершенно свободно. Здесь, в корабельной обстановке, человек редко бывает наедине с собой... А потом не забыть узнать, что это за разговор о газете...»

Снегирев встал, прошелся по каюте. Щелкнул держатель телефонной трубки.

— Вахтенный? Говорит старший лейтенант Снегирев.

Пришлите ко мне минера Афонина. Он недавно сменился с вахты. Да, ко мне в каюту.

Тяжелая трубка со стуком вошла в зажим.

Калугин пробовал заснуть. Но сон уже прошел, качало сильнее, тело то прижималось к упругой поверхности койки, то становилось почти невесомым. Он открыл глаза.

Опять сквозь просвет между бортовой стенкой и краем портьеры он видел задумчивое круглощекое лицо заместителя командира по политической части, склонившегося над бумагой.

На листке был рисунок. Старший лейтенант набросал дерево: большое, раскидистое дерево с ветвями, завивающимися кверху, как дым. И рядом — острый мальчишеский профиль. И снова дерево с ненормально широким стволом и роскошно раскинутыми ветвями.

«Как раз такие деревья, каких нет в Заполярье, — подумал Калугин. — Здесь, в Заполярье, только и увидишь ползучие березки, низко стелющиеся по скалам. А мальчик — это его сын. Его старший сын, фотокарточку которого показывал мне недавно».

Снегирев отбросил листок, придвинул раскрытую книгу, стал читать, слегка шевеля губами. На его лице было то же выражение суровой сосредоточенности.

В дверь стукнули — костяшками пальцев по металлу.

— Войдите, — сказал Снегирев.

— Краснофлотец Афонин по вашему приказанию явился.

— Садитесь, Афонин. Вот сюда, на диванчик. Курите!

Надорванная папиросная пачка лежала на краю стола.

Снегирев тряхнул пачку, высунулось несколько папирос. Протянулась обветренная юношеская кисть, узловатые пальцы ухватили папиросу. Прямо, не опираясь на спинку, Афонин сидел на краю дивана.

Высокий остролицый матрос с большими темными глазами. «Совсем еще молоденький, — глядя из-за портьеры, думал Калугин, — один из самых молодых краснофлотцев. Тот самый краснофлотец, которого я окликнул во время бомбежки лодки, а он не ответил, так напряженно вглядываясь в даль».

— Десятый день на корабле, товарищ Афонин? — спросил Снегирев, щелкая зажигалкой.

— Десятый день, товарищ старший лейтенант.

— До этого на берегу были? Кончили школу специалистов?

— Сперва в школе специалистов, а потом на переднем крае.

— Это вы из разведки немецкий пулемет притащили?

— Было такое дело, товарищ старший лейтенант, — равнодушно сказал Афонин.

Снегирев раскуривал папиросу.

— Тяжко на корабле, Афонин, после твердой земли? Все плывет, все качается?

— Я сам на корабль просился, товарищ старший лейтенант, — с каким-то вызовом ответил Афонин.

Снегирев будто не слышал его слов. Встал с кресла, прошелся по каюте, заговорил негромко и задушевно:

— Страшновато на корабле с непривычки. Кругом волны, полярная ночь, мороз. Ляжешь отдохнуть на койку, и хоть устал, а сна нет. Слышно, как волна царапается в переборку над головой. Вот затопали на верхней палубе — может быть, лодка выходит на нас в атаку. Вот что-то хрустнуло — может быть, мина толкнулась в борт. Случится что — и на палубу выскочить не успеешь. Вот и лежишь с открытыми глазами, слушаешь всякие шорохи, чавканье волн, что ходят снаружи, — и невозможно заснуть. Сутки не спишь, другие не спишь, а чем дальше, тем хуже.

Старший лейтенант говорил как будто сам с собой, задумчиво играя папиросой.

— Лежишь на койке и думаешь: черт меня дернул проситься на этот корабль. В любую секунду все здесь может случиться. Как же спать, если сердце прыгает, что твой кузнечик? Эх, гулял бы на берегу с девушками, нес бы вахту на твердой земле... Сам себе все дело испортил!

Афонин застыл с папиросой в пальцах, на его лице мелькнула бледная полуулыбка. Потом рванулся с дивана.

— Разрешите идти, товарищ старший лейтенант!

— Куда идти, Афонин?

— Разрешите возвратиться в кубрик. Не для меня такой разговор.

— Значит, не хотите поговорить по душам? Разве не думаете такое про себя ночами?

— Думать я что угодно могу, это никому не заказано.

— А почему говорить заказано? Потому что друзья по кубрику на смех подымут? Трусом назовут, паникером? Смотрите, у вас папироса погасла.

Он чиркнул зажигалкой, поднес Афонину желтый огонек с голубыми краями.

— Знаю, что тебя мучает, друг. Сам себя днем и ночью поедаешь, думаешь: «Не матрос я, а тряпка, и поделать с собой ничего не могу. Стыдно с настоящими моряками вахту править, стыдно в глаза им взглянуть. Не морской я, стало быть, человек».

— Не может быть у морского человека тех слов, что вы сказали, — почти прошептал Афонин.

— И у морского человека всякие мысли бывают, — раздельно и веско произнес Снегирев. — Только знаешь, друг, что́ бы тебе каждый советский моряк сказал, если б ты с ним своими страхами поделился?

Афонин взглянул исподлобья и снова опустил глаза. Калугину почудилось: страстное ожидание, надежда сменили прежнее болезненное выражение в глубине этих больших глаз. Извилистый голубой дымок поднимался от стиснутой в пальцах папиросы.

— Вот что тебе любой наш советский моряк ответит, — сказал Снегирев. Его плечи раздвинулись, он гордо закинул голову, выдвинул подбородок, прежние милые задорные ямочки появились на щеках. — «Я в коллективе живу, в геройской матросской семье, о подвигах которой песни поют! Двум смертям не бывать, а одной не миновать, говорят русские люди. Смерть такая штука: к каждому придет, а когда придет, ты ее и не заметишь. Значит, и нечего о ней думать. Борись со стихией и с врагом, как боролся на переднем крае!»

Снегирев положил руку на плечо краснофлотца.

— Смотрите, Афонин! Сколько уж месяцев сражается наш «Громовой» в океане, и ничего с ним не случилось. И сигнальщики вовремя опасность заметят. И борт у нас хоть тонкий, а сделан из крепчайшей броневой стали, из лучшей в мире советской стали. А случится что, так советские люди — лучшие в мире товарищи. Друга в беде не оставят. Слышал ты это выражение — «морская дружба»?

Афонин молча смотрел на Снегирева. Но Калугин видел, что напряженность его позы исчезла, на обтянутых

щеках проступил румянец, острый нос не так резко выступает над юношеским ртом.

— А еще учтите, Афонин, — продолжал Снегирев. — Кубрик ваш полон людей, и все спят, норму свою отсыпают — только бы до койки добраться. А кое-кто и лишних сто минуток оторвать рад. А с другой стороны — один мой дружок в мирное время поехал на курорт, и его землетрясением придавило... Так что трудно сказать, где выиграем, а где проиграем.

Снегирев прошелся по каюте.

— Одно точно: если в бессоннице глаза таращить, можно и в тихую погоду, на рейде, за борт свалиться и камнем ко дну пойти. Скверная вещь бессонница. Всего тебя выматывает, от нее все тело ватное, голова как котел. Нужно вахту править, все кругом замечать, а глаза слипаются, дремота клонит. Правда, Афонин?

— Точно, товарищ старший лейтенант, — каким-то новым, окрепшим и посвежевшим голосом сказал Афонин.

— Большое доверие тебе оказал командир корабля, — с силой продолжал Снегирев. — Стоишь ты на мостике у кнопочного замыкателя. Сойдемся с врагом для торпедного залпа — твое дело нажать замыкатель, торпеды в море послать. Здесь все должно быть «на товсь» — и нервы, и мозг, и внимание, чтобы мгновенно приказ исполнить... Выйдешь потом на берег, пойдешь в Дом флота, девушки станут спрашивать: «Кто этот моряк с геройским взглядом?» А друзья твои скажут — они травить мастера: «Это тот матрос, что собственноручно фашистский крейсер ко дну пустил!» Тут же любую приглашай на танцы, ни одна не откажет!»

Он рассмеялся опять, Афонин смеялся тоже.

— Так вот, друг Афонин, обдумай разговор. А еще захочешь поговорить по душам — прямо, без вызова, приходи ко мне в каюту.

Снегирев протянул свою широкую кисть. Афонин вскочил, сжал руку старшего лейтенанта. Снегирев высыпал из пачки горсть папирос.

— Вот возьми, покурите с друзьями.

— Спасибо, товарищ старший лейтенант... Разрешите идти.

— Свободны, Афонин.

Матрос вышел, плотно прихлопнув дверь. Несколько

секунд Снегирев стоял неподвижно. Он провел по лбу рукой, снова лицо его приобрело строгое, задумчивое выражение.

— Может быть, и придется списать... Посмотрим...

Задергивая портьеру плотнее, он взглянул на верхнюю койку. Калугин лежал с открытыми глазами.

— Слышали разговор, товарищ капитан?

Калугин кивнул, приподнявшись на локте.

— Коммунисты, соседи его по кубрику, докладывали: не спит парень по ночам, мечется, вздыхает. На вахту выходит осовелый, носом клюет. А на берегу, по характеристике, парнишка был ничего, стойкий.

— Я думал, вы своим разговором его еще больше расстроите... Страхов ему наговорили.

Снегирев покачал головой.

— Он с этими страхами сколько дней жил, таил их ото всех. Правду сказал мне: никому про них и не заикался. А я их теперь на свет вынес. Самая страшная мысль — затаенная мысль. Она в тебе гниет, душу тебе заражает. А вытащишь ее на солнышко, проветришь партийным разговором — глядишь, всем-то страхам цена две копейки. Настоящий человек свою ошибку поймет.

«Нет, он совсем не так прост, как мне казалось вначале, — подумал Калугин. — Это глубокая философия — о загнивании затаенных мыслей». Он дружески улыбнулся Снегиреву:

— Сложная ваша работа, Степан Степанович!

— Не такая уж сложная, — задумчиво сказал старший лейтенант. — Я с нашим человеком всегда общий язык найду. Не то что с этим Гарвеем.

Он прошелся вдоль коек, тряхнул головой, потянулся всей своей крепкой фигурой. Его карие, полные золотистых искр глаза блестели, румянец играл под смуглой глянцевой кожей.

Опершись на край койки, прямо и доверительно глянул Калугину в лицо.

— Говорите, сложная наша работа. . . Правда, теперь, когда партия и правительство упразднили институт военных комиссаров, ввели полное единоначалие, некоторые додумались до того, что заместитель по политической части на корабле — мертвая душа. А я так понимаю: что это нам указание углублять политработу, к массе стать еще ближе.

Прислонившись к койке, положив подбородок на смуглые крепкие пальцы, он говорил, как будто думая вслух:

— Видел я одного комиссара, который на корабле только и знал, что ходить командиру в кильватер, советы ему подавать, выправлять политическую линию. Вроде как Фурманов за Чапаевым. У Фурманова-то с Чапаевым это хорошо получалось. Да обстановка изменилась, институт комиссаров отменили, и мне, например, незачем тенью за командиром ходить. Мы оба коммунисты, оба волю партии выполняем. Он единоначальник, а я ему должен помогать по своей линии, где могу: в кубриках, на боевых постах, в офицерских каютах.

Он усмехнулся открытой и в то же время немного лукавой улыбкой.

— Вот тут-то, пожалуй, главная трудность работы нашей и есть. Везде быть родным человеком. В кают-компании — с офицерами, в кубрике — с матросами... Сейчас вот думаю пройти в кубрик... Хотите со мной?

— Обязательно! — сказал Калугин, спрыгивая с койки.

На «пятую палубу», в самый большой кубрик «Громового», путь был мимо ростр и торпедных аппаратов, сквозь четырехугольный люк, под которым мерцал, отвесно уходя вниз, желтеющий надраенными медными поручнями трап.

— Смирно! — скомандовал дежурный по кубрику, как только старший лейтенант, звеня ступеньками, сбежал вниз.

Калугин спустился следом. Не мог не вспомнить сейчас разговор Снегирева с Афониным.

Сбоку, над головой, шуршали и чавкали волны, кубрик был ниже уровня моря.

Фонари, забранные толстыми проволочными решетками, бросали белый качающийся свет на вытянутые рядами широкие коричневые рундуки — они же нижние койки.

Над рундуками взлетали, подвязанные к переборкам, верхние сетчатые койки с заброшенными на них тугими свертками пробковых матрацев.

На квадратной колонне посредине, на тумбе орудия главного калибра, установленного над «пятой палубой», белели листки расписаний. Сквозь прикрытые решетками

люки, под палубой кубрика, в глубине блестели ряды снарядов.

Краснофлотцы стояли вытянувшись — там, где их застало появление Снегирева. На рундуках, укрывшись полушубками, продолжали спать сменившиеся с вахты.

— Вольно! — сказал старший лейтенант.

Кубрик снова зажил обычной жизнью. Кто-то продолжал бриться, подвесив маленькое круглое зеркальце к переборке. В глубине помещения кто-то читал газету, рядом другой матрос, привалившись на рундук, писал письмо.

— Садитесь, товарищ старший лейтенант! — сказал один из краснофлотцев, освобождая место на ближнем рундуке.

— Сейчас посидим, Фомочкин, — сказал Снегирев. Он глядел туда, где несколько человек за столом ели из алюминиевых мисок.

— Ну, орлы, как обед сегодня? — спросил Снегирев.

— На второе — мясо, на третье — компот, поели так, что бросило в пот, — скороговоркой ответил юркий парнишка с всклокоченными волосами. — На харч жаловаться не можем, товарищ старший лейтенант, только водочки маловато.

— Наркомовские сто граммов получили?

— Так точно, получил. Да мне это как слону дробинка.

— Видно какая вам дробинка, — сказал Снегирев. — Иного только подпусти — он весь корабельный запас выпьет. Согрелся — и порядок... Маяковского любите?

— Трудноват, товарищ старший лейтенант, — удивленный неожиданностью вопроса, сказал краснофлотец.

— Значит, целиком еще не прочли Маяковского. А у него про вас тоже есть. Помните, матросы: «Причесываться? На время не стоит труда, а вечно причесанным быть невозможно».

Кругом засмеялись.

Встрепанный краснофлотец стал смущенно приглаживать волосы.

Снегирев шагнул к сидящим за столом.

— Ну, а подвахтенные обедом довольны?

— Компот слабоват, товарищ старший лейтенант, — сказал один из обедающих.

— Слабоват?

— Точно, — подтвердил другой. — В нем Рязань с Калугой видны. Одна вода.

Голос Снегирева стал жестким.

— Бачковой! Сходите на камбуз, скажите кокам, чтоб налили настоящий компот. Скажите, что сменившимся с вахты стыдно давать остатки. Позор! Предупредите: если не дадут хорошего компота, сам приду на камбуз поговорить с ними вплотную!

— Есть сходить на камбуз! — весело крикнул один из краснофлотцев. Схватив медный бачок, быстро исчез в люке.

Снегирев присел на рундук. Вокруг него собирались моряки.

— Ну, а как вообще настроение, народ?

— Плоховато, — тихо сказал кто-то сзади.

— Что так? — Снегирев приподнялся, всматриваясь туда, откуда раздался голос.

Прислонившись к койке, стоял высокий, худой матрос. Его расстегнутый полушубок был накинут прямо на тельняшку, копна рыжих волос горела над угрюмым лицом.

— Плоховато, товарищ старший лейтенант. Болтаемся в море взад-вперед, а дела не видно. Скучает народ.

Снегирев встал и шагнул к рыжеголовому матросу. Они стояли друг против друга. Качающийся свет играл на их лицах. Читавший газету отложил ее в сторону. Сидевшие за столом перестали есть. Калугин увидел, как в каждом, устремленном на Снегирева взгляде вспыхнул какой-то невысказанный вопрос.

— Покажи им письмо, Ваня! — сказал читавший газету.

— Лучше ты свое покажи.

— Нет, ты, покажи, Ваня! — повторил краснофлотец с койки.

Рыжеголовый вынул из кармана брюк, протянул Снегиреву небольшой, сложенный треугольником листок. Знаменитый фронтовой треугольник, письмо, пришедшее откуда-то из далекого тыла. Все глядели на расправляющие листок пальцы старшего лейтенанта.

— «Ваня, — начал громко читать Снегирев, — мы сейчас живем, слава богу, хорошо, чего и тебе желаем. Кланяются тебе мама, и сестра Маша, и Марья Сидоровна, и все те, кто от фашистов в лес убежали, а теперь верну-

лись домой и строиться начали, потому что дома̀ у всех Гитлер пожег. А родитель твой Демьян Григорьевич привет передать не может. Забрали его фашисты, когда стояли в нашем селе, и ставили на горячее железо голого и босого и все спрашивали, где партизаны.

А Демьян Григорьевич ничего не сказал, только очень стонал, когда стоял на горячем железе, и ругал фашистов. А потом привязали его к танку и уволокли неизвестно куда, так что и могилки его мы не отыскали. Одну только шапку его подобрали на улице. Теперь ты один у меня остался, ненаглядный сыночек Ваня...»

Снегирев читал все громче и громче, и пока он читал, к нему все ближе придвигались матросы. Это была незабываемая сцена: низкое, раскачиваемое волнами помещение, угловатые, утомленные молодые лица, близко сдвинувшиеся со всех сторон, блекло-голубые матросские воротнички, полосы тельняшек, мех полушубков и грубая холстина голландок, а посредине черный блестящий реглан и взволнованное лицо офицера, громко читавшего измятый листок.

— Душа горит, товарищ комиссар, — угрюмо сказал рыжеголовый, когда Снегирев дочитал последние строки и опустил руку с письмом. — А что отвечу мамаше? Что ходим в море взад и вперед, а врага в лицо не видим? Или что дали бой немецкому флоту, потопили тройку кораблей, отвели по-матросски душу?

— Я отвечу твоей матери, Максимов! — раздельно сказал Снегирев.

— Что ответите-то, отвечать-то нечего, товарищ старший лейтенант! — Максимов бережно сложил и спрятал листок в карман.

— Я отвечу твоей матери, — повторил Снегирев с силой. — И вот товарищ корреспондент, который с нами в операцию пошел, чтобы о нашем корабле рассказать в газете, напишет, и, может быть, твоя мамаша это прочтет. Я отвечу, что уже много месяцев бьются северные моряки, отдают здоровье и кровь, чтобы уничтожить фашистского гада. Ты думаешь, наш корабль мало делает для победы? А я вот долго в сопках, на сухопутье, служил, я знаю, что там про вас говорили. «Громовой» обстрел берегов вел, поддерживал фланг армии? Вы, Максимов, тогда «мессершмитт» сбили, помогли товарищам высшую скорострельность дать!

— Ну, сбил, — тихо сказал Максимов.

«Как он изучил корабль! — мельком подумал Калугин. — Он здесь не так давно, а всех знает, знает, кто чем отличился...»

— Я вам расскажу, матросы, что фронт о вашей стрельбе говорил, — продолжал Снегирев. — Бойцы добрым словом вас поминали, «ура» кричали, когда вы разворачивали вражеские дзоты и батареи, когда фашистские кишки вверх летели. А как морские пехотинцы, посланцы наших кораблей, сами сражались на суше? Песни будут писать об обороне высоты Дальней, где не дали мы фашистам ни мили пройти от границы. Стеной встали там рядом бойцы армии и военные моряки, вколачивали егерей в землю, а когда кончились у матроса патроны, бросал себе и врагам под ноги последнюю гранату, чтобы умереть, но не пропустить фашистов вперед! А здесь, на море, разве не держим мы на крепком замке северные границы? Вот почему всходит сейчас над страной солнце славы Северного флота!

Снегирев остановился, обвел глазами еще теснее сдвинувшиеся, разгоряченные, посветлевшие лица. Хотел сказать что-то еще, но длинные, настойчивые звонки колокола громкого боя покрыли его слова. Воздух дробили сигналы, равномерно следующие один за другим. И тут произошло то, что тоже навсегда запомнил Калугин.

Еще сходя в кубрик по высокому, отвесному трапу, он подумал: как трудно выбегать отсюда по боевой тревоге, когда дорога каждая секунда, когда матросы и старшины должны мгновенно разбежаться по своим боевым постам.

Теперь он увидел, как это происходит. У трапа не создавалось никакой давки. Матросы взлетали по ступенькам, исчезали в люке один за другим, с согласованностью, достигаемой лишь продолжительной тренировкой. Каждый, казалось, только раз хватался за поручень, только раз касался ступеньки ногой и уже исчезал в люке.

В несколько мгновений опустел весь кубрик, казавшийся теперь очень просторным. Только люди аварийной группы стояли на своих местах и в нижних люках мелькали фигуры хозяев пороховых погребов.

А колокол громкого боя звенел и звенел — настойчивый, грозный, и его звуки смешивались с тяжелым топотом ног на верхней палубе и неустанным, ровным гудением корабельных механизмов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Он выскочил на палубу последним.

Перед самым лицом мелькнул, на верхней ступеньке трапа, клочковатый олений мех снегиревских унтов, но когда Калугин поднялся на палубу, старшего лейтенанта уже не было видно.

Снова на корабле была та удивительная, грозная тишина, которая в минуты боевых тревог сменяла длинные, пронзительные звонки колокола громкого боя и топот множества людей, разбегавшихся по боевым постам.

В лицо летела водяная пыль, море казалось очень потемневшим, хотя холодное, неяркое, темно-красное солнце еще висело высоко над горизонтом.

Матросы снимали прикрывавший торпеды жесткий темно-серый обледенелый чехол. Калугин стоял у самого торпедного аппарата, опершись на площадку. Один из матросов что-то закричал, наклоняясь к нему. Площадка стала уходить из-под рук, широкие торпедные трубы двинулись на Калугина.

Он едва успел отскочить к кормовой надстройке, как аппарат встал поперек палубы; огромные, смотрящие из стальных раструбов сигары нависли над водой.

«Останусь пока здесь, буду смотреть отсюда, — думал Калугин. — Если дадим торпедный залп, лучше всего увижу его здесь». Он стоял, крепко держась за поручни надстройки, и увидел, как длинные стволы кормовых орудий тоже медленно двинулись, застыли под острым углом по направлению хода корабля. Пробки, закрывавшие дула, теперь были сняты, стволы задраны вверх, за белизной кубических щитов мелькали фигуры комендоров.

Волны стремительно пролетали мимо, всплескивали сильней, их рыжевато-серые горбы то там, то здесь вспыхивали изогнутыми гребешками.

«Значит, все-таки встретили немцев. Значит, все-таки будет бой», — думал Калугин. Он ухватился за поручни еще крепче, их ледяной холод проникал сквозь толстую шерсть варежек; сердце билось медленно и тяжело. Он ждал начала стрельбы, оглушительного залпа. Но «Громовой» мчался вперед как обычно, шуршала вода вдоль низких бортов, гудели вентиляторы, вибрировала палуба под ногами.

Горсть круглых тяжелых брызг взлетела вдруг из-за борта, хлестнула по валенкам и по полушубку, пенистой пленкой покатилась по маслянистой стали. Ветер, только что казавшийся не очень сильным, задул как бешеный прямо в лицо.

«Видно, ускорили ход... Ускорили ход и изменили курс». Снова взлетела раздробленная волна и рассыпалась пенными брызгами под ногами.

«Если останусь здесь, не смогу охватить всей картины, — подумал Калугин. — Нужно пройти на мостик, узнать обстановку... Потом на первое орудие, к Старостину. Я обещал быть там во время боя. Видимо, если начнется бой, сперва пойдет в ход артиллерия, потом уж торпеды... Но если отпущу поручни, побегу по шкафуту, может ударить волной, смыть за борт, никто даже не заметит, что меня смыло за борт...»

Он вспомнил правило опытных моряков пробегать подветренной стороной, в то время как крен идет на противоположный борт. По боевой тревоге бежать от кормы к полубаку можно только по правому борту, но сейчас ветер как раз с правого борта, все люди на боевых постах, никто не встретится по дороге.

Было трудно заставить себя оторвать руки от надежной, так удобно расположенной надстройки. Но, когда корабль стало класть на правый борт, Калугин оторвался от поручней, обогнул площадку торпедного аппарата. Ухватившись за крученую проволоку штормового леера, промчался к полубаку, взбежал по первому, по второму трапу, был теперь уже у самой фок-мачты. Только раз по дороге ему плеснули в лицо тяжелые капли выросшей из-за борта волны.

Возле поручней мостика вытянулся перед Гарвеем английский сигнальщик, вместе с офицером связи пришедший на «Громовой».

Шерстяная шапочка матроса была натянута на уши, из-под воротника его широкой походной шинели виднелась зеленая резина надувного спасательного жилета.

Гарвей кончил отдавать сигнальщику приказ, пошел с мостика, и англичанин ступил на трап вслед за своим офицером, скользнув по Калугину взглядом выпуклых, слезящихся от ветра глаз.

Снегирев стоял на мостике, заложив руки в карманы, улыбаясь всем своим разгоряченным лицом. Сигнальщи-

ки «Громового» поднимали на фалах разноцветные флаги. Запрокинув внимательное лицо, Гордеев тянул длинный шнур, и флажок, трепеща под ветром, взлетал к вершине мачты.

— «Ушаков» желает счастливого плавания, товарищ командир, — звонким голосом, покрывая все шумы, докладывал старшина Гордеев. — Повернул на прежний курс.

— Напишите: «Желаю счастливого плавания», — негромко сказал капитан-лейтенант Ларионов.

«Ушаков»? — подумал Калугин. — Значит, встретили не вражеские корабли, а наш ледокольный пароход, который совсем недавно стоял в базе, принимал грузы и пассажиров для арктического плавания».

Калугин снял с гака запасной бинокль, повел им по горизонту.

Плоское черное облако, как длинный остров, тянулось вдали над волнами. Это дымит «Ушаков»... Значит, опять напрасная боевая тревога?

Нет, не напрасная... Он вспомнил основное правило боевых походов. Любой встречный корабль считай за врага, пока не даст опознавательных. Будь готов первым открыть огонь по любому встречному кораблю.

Он подошел ближе к рулевой тумбе, где, стоя рядом, тоже глядели в бинокли командир и старпом.

— Вот шарахнулись от нас, всеми котлами газанули! — сказал Бубекин.

— Черт их дернул выходить в такое время, — тихо произнес Ларионов.

Калугин поймал наконец «Ушакова» в двойной круг отливающих радугой линз. Маленький черный силуэт скользил на горизонте, оставляя за собой узкую дымовую струю. Покачивался на далекой ряби, стал укорачиваться, видимо ложась на новый курс.

«Жаль, что не рассмотрел его, когда был ближе к нам», — подумал Калугин.

Конечно, он пожалел бы об этом еще больше, если бы мог предугадать, при каких трагических обстоятельствах в ближайшее время сплетутся судьбы этих двух кораблей, случайно сошедшихся на океанских путях...

Ларионов опустил бинокль, вложил его в кожаный потертый футляр, повесил за ремешок на тумбу машинного телеграфа.

— Вахтенный офицер, определите примерную дистанцию до «Ушакова».

— Дальномерщик! Дистанцию до «Ушакова»! — крикнул лейтенант Лужков.

— На глаз, лейтенант, на глаз! — чуть повысил голос Ларионов. — Практикуйтесь в определении расстояний на глаз. Помните, адмирал Макаров утверждал: «Человек, не обладающий морским глазом, никогда не сможет управиться со своим кораблем».

Лужков несколько мгновений колебался.

— Двадцать кабельтовых, товарищ капитан-лейтенант!

— Полагаю, вернее — кабельтова двадцать два,— откликнулся Ларионов.

— Двадцать два кабельтова до «Ушакова», — доложил матрос, пригнувшийся к дальномеру.

— Неплохо, лейтенант, — сказал командир корабля. — Но все же, учтите, вы допустили ошибку почти на четверть мили. Адмирал Макаров в своих «Вопросах морской тактики» пишет: морской глаз есть качество врожденное, но воспитанием и практикой нужно совершенствовать его постоянно... Старпом! Играть готовность номер два!

— Есть! — отозвался Бубекин.

— Пойду прилягу у штурмана. В случае чего немедленно разбудить.

В каюту бы пошли, товарищ капитан-лейтенант. Что в рубке валяться? — отрывисто сказал Бубекин, вбирая голову в поднятый капюшон.

— Я в штурманской рубке прилягу, — повторил капитан-лейтенант Ларионов.

— Есть приляжете в штурманской рубке, — сказал Бубекин, становясь к машинному телеграфу.

Ларионов сбежал вниз по трапу.

На боковом крыле мостика стоял штурман Исаев.

Он держал в руке блещущий стеклом и никелем секстан. Прильнул правым прищуренным глазом к его тонкой смотровой трубке, направленной на тускловатое солнце. Губы штурмана неслышно шевелились, он что-то быстро записал на бумажке, сбежал по трапу вниз, через минуту снова вернулся на крыло мостика, опять взглянул на солнце в секстан.

Калугин подошел ближе. Ему давно хотелось разговориться со штурманом. Штурманское хозяйство казалось самым романтическим и непонятным на корабле. Например, эти измерения скорости ветра, когда матрос из штурманской боевой части, низко нахлобучив шапку, ухватившись одной рукой за кронштейн, высоко поднимает над головой вертушки с крутящимися лопастями, ведет по секундомеру отсчет...

В другой раз Калугин наблюдал, как в туманную, облачную погоду, выйдя на самый нос эсминца, штурман бросил в воду маленькое полешко и взглянул на секундомер... «Уточняем место по скорости в условиях большого сноса», — отрывисто сказал Исаев, останавливая секундомер в тот момент, когда принял сигнал, что полешко прошло линию кормового среза.

Сейчас штурман опустил секстан и, вновь сделав на бумажке быструю запись, повернул к Калугину костлявое лицо с большими обветренными губами.

— Так вот определяем место корабля... Смотрели когда-нибудь в секстан?

— Не приходилось, — признался Калугин.

— Желаете взглянуть? — Он протянул Калугину инструмент. — Не уроните, товарищ капитан... За трубку не беритесь, держите за раскосины лимба... Вот за эту дугу... Теперь ловите светило.

Расставив ноги, опершись на поручень, Калугин старательно водил секстаном в стороны, вверх и вниз, пока в смотровом стеклышке не мелькнул лимонно-желтый кружок под серебристо-синей рябью воды. Покачивалась палуба, руки дрожали от напряжения, желтое солнце металось в смотровом стекле на матовом фоне неба, и серебристо-синие волны призрачно катились сверху.

— Ухватились за светило? — спросил штурман. — Теперь вращайте вот этот винт. Если, допустим, хотим измерить высоту солнца, нужно, чтобы в секстане оно коснулось краем видимого горизонта... Покачивайте немного секстаном...

Калугин осторожно покачал секстаном. Да, это интересно, это необходимо понять, но сейчас его волновало другое. «И штурман смотрит на меня как на гостя, — с горечью думал Калугин. — Он дружески предупредителен, все они дружески предупредительны ко мне — именно как к постороннему человеку... А я добьюсь, чтобы

они приняли меня в свою боевую семью... Между прочим, сейчас как раз подходящий момент возобновить наш разговор».

Он опустил секстан. С торопливой осторожностью штурман взял инструмент из его рук.

— А как по поводу моей просьбы, товарищ Исаев? — спросил Калугин.

Будто не расслышав вопроса, Исаев сбегàл по трапу. Калугин спустился следом...

Капитан-лейтенант Ларионов лежал в штурманской рубке на узком кожаном диванчике, подогнув ноги, повернувшись лицом к переборке.

На переборке рокотал указатель глубин — эхолот четко отсчитывал мили лаг, тикали большие корабельные часы. Может быть поэтому не было слышно дыхания командира. Он лежал как мертвый, в расстегнутой меховой куртке, прикрыв лицо жестким рыжим воротником.

Штурман стоял у высокого стола над распластанной картой Баренцева моря с густо нанесенными на нее цифрами глубин и тонкими извилистыми линиями изобат, похожих на неподвижные волны. Он сбросил куртку, был в одном кителе, мешковато сидевшем на его сутулой фигуре. Темно-синие рукава с двумя золотыми потертыми нашивками на каждом, прикрывали большие жилистые кисти. Белая полоска подворотничка пересекала коричнево-красную шею.

— Ну как, разбираетесь понемногу в нашем хозяйстве? — спросил штурман, старательно нанося на карту остро отточенным карандашом тоненький, четкий треугольник.

— Понемногу разбираюсь, — нетвердо сказал Калугин. Теперь, когда штурман работал с картой, казалось несвоевременным отвлекать его внимание разговором.

— Хозяйство мое простое. — Исаев вынул из кармана две папиросы, одну протянул Калугину, другую закурил сам. — Обязанность штурмана — в любой момент дать командиру место корабля. Сейчас ходим вот здесь, по этому квадрату. Вот мое место.

Примятым картонным мундштуком он указал на острие длинного зигзага, чернеющего на матово-серой карте.

— Хозяйство простое, а в дальних плаваниях ответственности хватает. Какой-то морской писатель сказал: «Настоящий штурман плавает больше в глубинах моря, чем на его поверхности». Волна — только внешняя трудность, она постоянно осложняется подводным строением тех мест, которыми проходит корабль.

Он провел ладонью по карте.

— Вот оно — строение морского дна. Видите цифры? Это глубины. Эти извилины — изобаты, рисунок подводных глубин. Все эти мели, приглубости, фиры я должен знать наизусть.

Капитан-лейтенант шевельнулся и снова затих, дыша мерно и глубоко.

— Мы, кажется, мешаем спать командиру? — спросил Калугин.

— На этот счет не беспокойтесь. Разговор, ходьба нам сна не нарушат. Иначе, как могли бы жить в дальних походах?

— Но, может быть, отвлекаю своим разговором вас? — настаивал Калугин.

— Нет, не отвлекаете...

Исаев мельком глянул на приборы, вычертил еще один треугольничек в конце зигзага.

— В таком случае давайте набросаем сейчас конспектик статьи, — быстро сказал Калугин, доставая карандаш и блокнот.

— Какой статьи? — Искусственное изумление прозвучало в голосе нахмурившегося штурмана.

— Статьи за вашей подписью в нашу газету, — терпеливо разъяснил Калугин. Эти разъяснения и уговоры уже давно привык он воспринимать как часть своей фронтовой работы. — Я уже говорил вам, товарищ старший лейтенант. Что-нибудь на тему «Штурманская работа в боевом походе». Поскольку вам, конечно, некогда писать самому, я запишу ваши мысли, потом дам статью вам на утверждение.

— Штурманская работа в боевом походе... — со снисходительным сожалением повторил Исаев. — А что можно сказать интересного об этой работе? Где вы видите здесь материал для статьи? Вот если бы пришли ко мне в мирное время...

Его лицо приобрело мечтательное выражение, он сильнее сгорбился над картой.

— Знаете, где я был бы сейчас в мирное время? Шел бы где-нибудь под Южным Крестом, в Антарктике или у Огненной Земли, прокладывал бы новые пути нашего торгового флота. Я, знаете ли, не военный. Штурман дальнего плавания. На ледоколах много ходил... Обогнул самую южную оконечность Африки — мыс Доброй Надежды — на транспорте «Революционер», самую северную оконечность Африки — мыс Бон — на другом корабле... Видел три Золотых Рога: во Владивостоке, в Константинополе, в Сан-Франциско... Видел остров Слез при входе в нью-йоркский порт. На ледоколе «Карл Маркс» прошел Северным морским путем через пять морей Ледовитого океана... А теперь вот помогаю засорять минами эти самые пути...

...Чтобы сохранить достижения мирного времени, — уточнил Калугин.

— Не думайте, что я жалуюсь на судьбу, — угрюмо усмехнулся штурман. — Правда, я хочу не разрушать, а творить, не засорять минами моря, а прокладывать новые маршруты. Знаете, когда мы проложили Северный морской путь, какую пользу принесли стране? Чтобы доставить груз из Одессы на Колыму южным морским путем, нужно пройти свыше двенадцати тысяч миль. Из Мурманска же до Колымы всего около трех тысяч миль. В четыре раза меньше расхода человеческих сил и горючего!

Он глянул на приборы, что-то тщательно записал.

— Но вот приходит война, и штурман дальнего плавания превращается в штурмана каботажки... Нет, я не жалуюсь, товарищ Калугин. Скольким людям эта война принесла действительные, огромные несчастья! У скольких отняла многое дорогое!.. Наш командир...

Он вдруг осекся, зажег погасшую папироску. Очень отчетливо тикал в тишине лаг, красные искры пробегали под стеклом эхолота.

Калугин взглянул на диван. Командир корабля спал, отвернувшись к переборке. Из-под меха воротника были видны его разгоряченный сном лоб, светлые волосы, взъерошенные на затылке.

— Вы сказали... — начал вполголоса Калугин.

Исаев молчал, глубоко затягиваясь.

— Вы сказали, что война сделала командира несчастным?

— Война многих сделала несчастными, — сдержанно произнес штурман. Он отложил папиросу, его большие губы сложились в добрую улыбку. — Так вот, об этой статейке... Ладно уж, нацарапаю вам что-нибудь сегодня, а вы потом подправите и печатайте, если найдете интересным...

Оба замолчали. Штурман углубился в вычисления, Калугин тщательно очинил карандаш, бросил в пепельницу щепоть легких стружек и графитовой пыли...

Капитан-лейтенант шевельнулся, сел на диванчике. Провел рукой по глазам, стал молча надевать куртку.

— Долго я спал, штурман?

— Часа не проспали, Владимир Михайлович, — сказал Исаев с такой теплотой в голосе, что Калугин пристально взглянул на него. — Поспали бы еще. Тут мы с товарищем корреспондентом увлеклись, раскричались...

— Я ухожу... — Калугин чувствовал себя очень неловко.

— Я ничего не слышал, — ровным тоном, задумчиво взглянув на него, сказал Ларионов. — Хорошо вздремнул. Пора на мостик.

Он застегнул доверху и обдернул куртку, вынул карманное зеркальце, гребешок, тщательно пригладил волосы, надвинул фуражку на брови.

— Как будто свежеет, штурман? Дадите мне силу и направление ветра. Где мое место сейчас?

Прямой, подтянутый, он подошел к столу и вместе с Исаевым склонился над цифрами глубин и волнистыми линиями изобат.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мичман Куликов сидел в старшинской каюте перед большим чистым листом, разостланным на столе, с независимой, горькой улыбкой кусал карандаш и поглаживал свой морщинистый подбородок. Мичман старался не вслушиваться в язвительные шутки товарищей по каюте.

— Заработал нагрузочку наш мичман, — сказал боцман Сидякин, сняв с ног промокшие валенки и ставя их на паропровод в углу. — Теперь почитаем, товарищ мичман, ваши труды.

— То-то он жарко за дело принялся, прямо стружку снимает, — подхватил старшина трюмных Губаев, сидя на койке. — Это он друга-боцмана удивить хочет.

— Почитаем, почитаем, — иронически бормотал боцман.

— Я старшему лейтенанту прямо отрапортовал, — не выдержал, наконец, мичман и стал рисовать чертика на лежащей сверху заметке. — «Редактор из меня не выйдет, товарищ заместитель по политчасти! Держать в исправности механизмы — вот моя партийная работа».

— Ну, а он? — спросил боцман, шлепая по линолеуму голыми ступнями.

— А он говорит: «Еще раз повторишь такую ересь, проработаем на партийном собрании и занесем выговор в личное дело».

— Крепко! — сказал старшина трюмных.

— Вот тебе и крепко! Ты старшего лейтенанта знаешь: если что сказал — значит точка. Ты, говорит, должен совмещать отличную работу у механизмов с политико-моральным воспитанием людей. Чтобы была на походе газета.

— Ты бы с этим корреспондентом поговорил, — посоветовал боцман.

Он отбросил свой иронический тон. Положение мичмана действительно было не из легких!

— Неловко как-то, Геннадий Лукич, — вздохнул мичман. — Какой-то он слишком серьезный, все что-то записывает, статьи готовит в центральную печать. А тут стенгазета с каракулями.

— Это точно, — согласился боцман. Он надел резиновые сапоги, еще раз взглянул сочувственно на пустой бумажный лист, на пригорюнившегося Куликова и вышел из каюты.

Мичман вздохнул и стал перечитывать заметки. В каюту заглянул Калугин.

— Мичмана Куликова здесь нет? А, здравствуйте еще раз, товарищ Куликов. Я слышал, вы газету готовите, Можно поинтересоваться?

— Прошу, товарищ капитан. — Мичман вскочил, обмахнул банку, отодвинул ватник, лежащий на кожаной койке. Калугин сел на стол.

— Где же ваша газета? — глядя на пустой лист, спросил Калугин.

— Вот это она и есть, — вздохнул мичман. — Еще оформлять надо.

— А название? — спросил Калугин.

— Название, так сказать, в процессе утверждения. — Мичман тщательно рассматривал стопку исписанных бумажек. — Думали назвать «Кочегар». По-старинному как-то выходит. «Пар на марке»? Скучновато.

— Назовем ее «Сердце корабля», — взглянул на него Калугин.

— «Сердце корабля»? — Мичман вежливо помолчал. — Красиво. Только не очень ли громко сказано, товарищ капитан?

— Это ничего, что громко! — Теперь Калугин говорил уверенно и веско; наконец он был вполне в своей сфере. — Котельные отделения, товарищ Куликов, — это действительно сердце корабля. Только вместо крови гонят по кораблю движущий механизмы пар. А кроме того, тут есть и второй смысл. Каким должно быть сердце боевого корабля. О моральных качествах наших моряков.

Сняв ушанку и расстегнув полушубок, он обвел взглядом старшинскую каюту, потом снова взглянул на мичмана. Еще когда впервые вместе с Куликовым он спускался в кочегарку, ему пришел в голову этот поэтический образ.

— Не громко ли будет? — повторил мичман. — Что там ни говорите, работа наша незаметная, черная работа. В газетах о ком, о ком, а только не о нас пишут.

— А ты мне вчера другое доказывал, мичман, — вмешался Губаев. — Помнишь, ты мне говорил: «Мы на корабле самую почетную вахту несем. . .» Богатое название придумал товарищ капитан!

— Значит, давайте так и назовем, — сказал Калугин. — Старший лейтенант Снегирев это название одобрил.

Он был в своей сфере, чувствовал твердую почву под ногами, придвинул и стал быстро просматривать заметки.

— А что о вас пишем и печатаем, как вы говорите, мало, — в этом вы сами виноваты. Сами пишите в газеты. Кто же лучше расскажет о героике вашего труда, как не сами кочегары!

Он дружески улыбнулся Куликову.

— Давайте наметим кого-нибудь из котельной, кто может писать, я его свяжу с редакцией, будет нашим ко-

рабельным корреспондентом. В других боевых частях я уже навербовал военкоров.

— Вот у них Зайцев парнишка развитой, много читает, агитатором его выделили,— сказал Губаев, подходя ближе. — И у меня один трюмный есть, стишки сочиняет, только стесняется вам показать.

— Прекрасно, — сказал Калугин. — Присылайте ко мне вашего трюмного. Включим его в наш военкоровский актив. Сегодня же пришлите его ко мне.

— Есть прислать сегодня!

— Теперь материал. . . — Калугин, просматривая листки, ближе поднес их к лампе, разбирал наспех написанные карандашом слова.

— Это мы статейку составили с другими старшинами,— смущенно объяснил мичман. — О том, как добиться бездымной работы котлов при маневрировании и на любых ходовых режимах. И кое-кто из матросов заметки написал. . . Заметки, прямо сказать, муть.

— Нет, почему же! — Калугин кончил вчитываться в листки. — Неплохие заметки, совсем неплохие. Конечно, их подработать нужно. С непривычки трудно коротко и ясно выразить свою мысль.

Он положил бумажки на стол.

— Если не возражаете, я их подправлю. И статью тоже. . . Доверяете мне правку? Потом, конечно, просмотрите как редактор.

— Как не доверить! — Мичман вздохнул с облегчением. — Только неловко такой мелочью вас загружать.

— Договорились, — сказал Калугин и сунул заметки в карман. — Когда думаете вывесить газету?

— Старший лейтенант поставил задачу выпустить сегодня. Только успеем ли?

— Нужно успеть, — отрезал Калугин. — Вы пока заглавие пишите. Можете кого-нибудь выделить, кто хоть немножко рисует?

— Есть у меня один матрос. — Мичман снова стал потирать подбородок. — Недавно Гитлера так протащил в рисунке — весь кубрик хохотал.

— Вот и замечательно! Он сейчас не на вахте?

— Нет, отдыхает. Я ему поручу. К вам его прислать, товарищ капитан?

— Пришлите ко мне. Обсудим с ним, как выразительней подать материал. — Калугин поднялся было, но

снова сел, задумчиво смотрел на мичмана. — Еще нужен нам в газету какой-нибудь очерк, так сказать о романтике вашей работы, о ее героизме.

Мичман махнул рукой.

— Уж какой там героизм! Одна копоть! Не о чем очерки писать. — Большая горечь прозвучала в голосе Куликова.

— Вот вы бы и написали, товарищ корреспондент, об их геройстве! — с веселым вызовом сказал Губаев. — Вам-то со стороны виднее.

— И напишу! — взглянул на него Калугин. — Именно в этот номер газеты!

Его окончательно покинула внутренняя скованность, последние остатки чувства неприспособленности к жизни корабля.

— Только, знаете, товарищ мичман, тогда придется мне снова слазить в котельное отделение. Так сказать, освежить впечатление, нащупать сюжет... Если не помешаю боевой вахте! — по обыкновению торопливо добавил он.

— А чем же вы помешаете, товарищ капитан! — Куликов глядел на него с благодарной улыбкой, прояснившей полное заботами немолодое лицо. — Только мы вам спецовку найдем или ватник... Сподручнее вам будет внизу...

Они спустились в квадратный черный колодец шахты, ведущей в котельное отделение.

Пока, осторожно нащупывая стальные ступени трапа, Калугин опускался все глубже, Куликов старательно прихлопнул верхний люк, в тесноте металлической шахты встал рядом с корреспондентом.

Он распахнул дверь в котельное. Блеснул белый электрический свет, холодный, резкий ветер вентиляции охватил их, в уши вошел рокот топки и действующего котла.

Котельные машинисты работали в узком пространстве, между полными пламенем топочными отверстиями и сталью водонепроницаемой переборки, покрытой извилистыми трубами, циферблатами, рядами телефонных аппаратов.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал Калугин.

Он едва услышал собственный голос. Но котельные машинисты услыхали его, глядели в его сторону, не переставая работать среди горячих трубопроводов, желтеющих асбестовой мшистой корой.

Высоко наверху, как огромный термометр, висела водомерная колонка, прочно присоединенная к корпусу котла. Ртутным блеском мерцал в ней столб неустанно поступающей в котел воды.

Круглолицый кареглазый матрос в ватнике и холщовых штанах стоял у щита контрольных приборов.

— А вот и Зайцев, про которого вам говорил! — крикнул Куликов, наклоняясь к уху Калугина.

— А мы уже знакомы! — прокричал Калугин в ответ.

Зайцев — тот самый матрос, который, греясь у светового люка, рассказывал о вылазке разведчиков, — смотрел на него, слегка обнажив в улыбке свои ровные, жемчужные зубы.

— Тебя товарищ представитель хочет в газету завербовать — военкором! — сказал мичман.

— Можно, — деловито ответил Зайцев. — Не знаю, что выйдет, а пробовать буду.

— Вы ко мне приходите в каюту, мы с вами поговорим! — нагнулся к его уху Калугин.

Он уже разглядел и второго палубного знакомца. Котельный машинист Никитин ловко регулировал работу форсунок в горячих отсветах длинных и узких окошечек топки.

Здесь особенно четко вырисовывались его твердо очерченный рот, густые, сросшиеся над переносьем брови, черные волосы, вьющиеся над коротко подстриженными висками.

Может быть, это, а может быть, мускулистая, обнаженная шея над расстегнутым ватником придавала ему очень собранный, спортивный вид. И работал он, будто играя, с непринужденным изяществом перекладывал рычаги и рукоятки. Он взглянул на Калугина обведенными копотью глазами, поправил ватник, снова положил на рычаги свои смуглые, ловкие руки.

— Это Никитин, капитан нашей футбольной команды! — крикнул Зайцев. — Слышали, товарищ писатель, наши футболисты недавно у англичан выиграли! Счет восемь — ноль.

Калугин засмотрелся на Никитина, на экономные движения его собранного тела, на отсветы пламени, бегущие по быстрым и точным пальцам.

— Вот я бы о Никитине написал, — сказал он мичману, когда они выбрались из кочегарки.

— Не нужно о Никитине, — внезапно мрачнея, ответил Куликов.

— Почему же, товарищ мичман? Он красиво работает, приятно смотреть

— Работает-то он богато, — протяжно сказал мичман. — Да у него неприятности были по партийной линии. Мы ему на вид ставили.

— За что же?

— Он в кочегарке работать не хотел. Не понимал, проще говоря, этого геройства нашей работы, о котором писать хотите. Все на зенитку списать его просил. Потом смирился.

— Но котельный машинист он хороший?

— Работник классный. По горению своеобразный артист. Только говорил он тогда: «Хочу фашистов бить из пушки, а не у котла стоять».

— А теперь больше не просится на зенитку?

— Не просится... Мы его урезонили.

— Да ведь это же сюжет, мичман!

Калугин торопливо расстегивал ватник, доставал карандаш, и Куликов смотрел на него удивленно.

— Тут-то мы и выявим романтику вашей профессии... Расскажите мне подробно о Никитине, — сказал Калугин, присаживаясь к столу и расправляя странички блокнота.

Вечером на покрытой потрескавшейся масляной краской орудийной тумбе, посреди кубрика, забелел большой лист стенгазеты, с широким заголовком «Сердце корабля».

Корабельный художник причудливо свил заглавие из старательно нарисованных алых лент и фантастически ярких васильков и незабудок.

Свободные от вахты машинисты толпились около газеты.

— А вот, матросы, я вам, как агитатор, вслух прочту! — сказал стоявший ближе всех к газете Зайцев. — Тут интересная статейка есть. Называется «Мастера котельной».

Он начал читать, приблизив круглую, как шар, коротко остриженную голову к машинописным строкам «боевого листка».

— «Страстно, во что бы то ни стало стремился стать зенитчиком котельный машинист Никитин. Едва отстояв вахту у котла, возле пламени, пылающего в топке, все свободное время проводил он на верхней палубе «Громового», с завистью наблюдая за тренировкой зенитчиков.

Случалось, он даже ночевал на верхней палубе, рядом с зениткой, плотно укрытой чехлом. А на вахту потом выходил невыспавшийся, с необычной для него рассеянностью управлял горением при переменах режима работы котла...»

— Вот это ободрали Никитина! Было такое дело! — сказал кто-то с дальней койки.

— Ты подожди, дай послушать! — бросил в ответ турбинист Максаков.

Максаков сидел на рундуке, уперев ладони в колени, внимательно вытянув окаймленное светлой бородкой лицо.

Старшина Максаков, один из пожилых членов экипажа, пришел на «Громовой» из запаса в первые дни войны. Разговаривал мало, но давно уже завоевал уважение на корабле как солидный человек и знаток своего дела.

Он отдыхал, сменившись с вахты, но, когда Зайцев начал читать, встал с койки, присел на ближайший к тумбе свободный рундук.

Зайцев продолжал чтение:

— «Хочу фашистов бить насмерть из пушки, а не у котла стоять! — повторял Никитин, прося причислить его к орудийному расчету.

— Поймите, — возражал ему заслуженный старый моряк, мичман Куликов, — разве котельные машинисты не те же бойцы на передовой? Незаметна с виду наша фронтовая работа, но, стоя у котлов, в корабельных глубинах, разве мы не делаем важного дела, разве не бьем врага? Не дадим нужного хода — всех товарищей подведем, родной наш корабль погубим. — И потом мичман добавлял: — Вы, товарищ Никитин, у нас своеобразный артист по горению. Хороший кочегар цвет пламени чувствовать должен».

— Кто статейку писал? — спросили из задних рядов.

— «Это было в начале войны, — продолжал читать Зайцев. — А теперь Сергей Михайлович Никитин на практике понял, что фашистов можно бить, не только стреляя из пушки, но и на посту котельного машиниста, на одном из самых ответственных постов боевого корабля».

Прочитав эту строку, Зайцев поднял палец, обвел слушателей торжественным взглядом, продолжал читать, повысив свой певучий голос.

— «Мастерски работает у топки Сергей Михайлович Никитин. Перед ним ряды форсунок и рукояток. Для быстроты он управляется с ними и руками и ногами. Яростное светлое пламя пляшет в глазка́х топок.

Никитин знает: если дать слишком много воздуха, из трубы пойдет белый дым. Дашь мало воздуха — происходит неполное сгорание, из трубы валит черный дым, еще больше демаскирующий корабль. И дело чести для Никитина — работать так, чтобы топливо сгорало бездымно, чтобы корабль мчался в бой незаметным для врага. А придет время ставить дымовую завесу в бою — и тут котельный машинист незаменимый человек!

Пылает в топках нашего родного корабля соломенно-желтое, неукротимо горящее пламя. И кажется котельным машинистам — всю ярость своих сердец, всю ненависть к врагу выразили они в мощи этого огня.

И Никитин не жалеет больше о том, что бьет фашистов не из зенитной пушки, а стоя у форсунок! Как и другие мастера котельных «Громового», отдает он все свое годами накопленное мастерство делу нашей победы. . .»

— Подпись — «Николай Калугин», кончил читать Зайцев и снова обвел глазами боевых друзей.

— Это кто же такой Калугин? — спросили с дальнего рундука.

— А ты не знаешь? Тот корреспондент, что с нами в поход пошел. . . Душевно написал! И газету мичману помог сделать. . . Видишь, Сережа, что о тебе пишут! Да он, матросы, похоже, заснул и славы своей не чует. . . — понизив голос, сказал Зайцев.

Но Никитин не спал. Он лежал на мерно колышущейся койке, отвернувшись лицом к стене, прикрывшись мехом тулупа. Ему было и неловко и радостно слушать

эти строки о своем труде. Конечно, капитан Калугин тут кое-что перегнул, перехвалил его, но все-таки очень приятно, когда о тебе так пишут в газете...

«Ладно, — думал Никитин, — постараюсь нести вахту еще лучше, докажу, что он не зря так хорошо написал обо мне!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Покачивало, скрипели переборки, фыркала в умывальнике вода. С каждым креном корабля тяжелела голова, легкое замирание возникало внизу живота. Лампочка, ярко горящая под белым плафоном, светила прямо в глаза. Калугин задернул портьеру, но она, позванивая кольцами, опять раздвигалась от качки.

Калугин не мог заснуть. Он лег поздно, проснулся уже давно, но не мог заснуть снова.

«Покачивает, — думал Калугин. — Свежая погода, как говорят моряки». Взглянул на часы. Пятый час утра. Перегнувшись, посмотрел на нижнюю койку. Она была пуста. Старшего лейтенанта Снегирева не было в каюте.

«Я и так отдыхаю здесь чаще всех, — подумал Калугин. — Я должен больше ходить по кораблю, больше наблюдать в боевом походе». Вчерашняя усталость прошла, голова не болела. Ночью не было боевых тревог. «Значит, все проходит спокойно. Значит, еще не встретили вражеских кораблей. Сколько времени будем еще болтаться в дозоре?»

Покачивание, поскрипывание, фырканье воды... Дольше лежать было невыносимо. Он спал одетый, как все в походе. Спрыгнул с верхней койки, присев на нижнюю, потянулся к валенкам, блещущим черным глянцем калош.

Войлок валенок был еще влажным, не просох с вечера, когда по ногам нежданно хлестнула взвивавшаяся из-за борта волна.

Он только что выбежал тогда на полубак по сигналу учебной тревоги. Вглядывался в темноту, и волна, прокатившись по палубе, обдала валенки, прежде чем он успел подняться на полубак, нащупывая поручни трапа.

В тот вечерний час он сперва, как обычно, не различал почти ничего, потом выделились в ветреной ледяной

мгле белесые очертания орудийного щита, движущиеся у орудия ловкие, молчаливые силуэты. Моряки пробегали почти по пятам друг за другом, нагибались, подхватывали что-то тяжелое, стремительно передавали из рук в руки. Калугин придвинулся ближе.

— Подачу боезапаса отрабатываем, товарищ капитан, — сказал из темноты озабоченный, чуть запыхавшийся голос. Калугин узнал замочного Сергеева. — Смотрите, как бы не зашибить вас. И погода свежая, волна замочить может.

Калугин отошел тогда в сторону, старался до мелочей запомнить работу орудийного расчета. А потом, поднявшись на мостик, слышал в темноте отрывистые команды старшин и офицеров, негромкий голос Ларионова, разъяснявшего лейтенанту Саблину поставленную перед сигнальной службой задачу...

Каюту качнуло, валенки поползли в сторону, Калугин чуть не ткнулся головой в жесткий ковер, укрывающий палубу каюты. Ухватил, натянул валенки; неверно ступая, вышел в коридор.

Здесь, в ярком электрическом свете, прохаживался на своем боевом посту краснофлотец из аварийной группы. Как всегда в боевом походе, ковер был откинут, тускло блестели на палубной стали кольца системы затопления артиллерийских погребов. Калугин застегнул полушубок, толкнул наружную дверь.

Опять его хлестнул по лицу тяжелый, влажный ветер. Над морем разливался мерцающий, фантастический свет. Свет дрожал в высоком, кое-где подернутом тучками небе, свертывался и развертывался цветными, переливающимися волнами.

Северное сияние! На берегу Калугин уже почти не замечал его, пригляделся, но здесь, над океаном, оно казалось особенно прекрасным. Синие, оранжевые, розоватые, изумрудно-зеленые свитки невесомого, пронизанного холодным пламенем шелка колыхались над бесконечной, черной, кое-где вспыхивающей белыми огнями водой.

Море глухо ревело. Усиливался ветер. Сколько баллов? Ясней проступали из темноты взвихренные волны, безбрежная водяная пустыня.

Калугин оперся на поручни, подставил ветру лицо. Палуба пошла вниз и остановилась, застыла, будто в не-

решительности, вновь стала подниматься. Опять то же томительное ощущение легкого замирания сердца. Под ногами чуть видно блестели рельсы минной дорожки, бегущей вдоль корабельного борта. На полубаке у автомата вырисовывались силуэты стоящих на вахте людей.

Затемненный, черный, без единого огня, мчался «Громовой» в океане.

По шкафуту со стороны торпедных аппаратов быстро шел человек. Он не держался за штормовой леер, его стройная невысокая фигура все ясней выделялась из мрака. Командир. Калугин различил фуражку над горбом мехового воротника, откинутую назад голову капитан-лейтенанта Ларионова.

— Приветствую, товарищ капитан-лейтенант! — Калугин прикоснулся пальцами к шапке, другой рукой придерживаясь за поручень.

— Здравствуйте! — ответил Ларионов. У него был всегдашний ровный, отчетливый голос, но сейчас в этом голосе прозвучали необычно мягкие ноты. — Не спится?

— Не спится, Владимир Михайлович, — сказал Калугин.

— Ну, скоро будете дома.

Ларионов оперся на поручни, Калугин яснее различал его осунувшееся, твердо очерченное лицо под длинным козырьком фуражки.

— Дома? — переспросил Калугин. Это было неожиданностью. Значит, дозор кончается безрезультатно!

— Держим курс в главную базу, — сказал Ларионов.

— Стало быть, не рассчитываете встретить немецкие корабли?

— Возвращаюсь в главную базу, — повторил командир. Калугин уже заметил его манеру не отвечать прямо на вопросы. — Так не спится, говорите? Может быть, пройдем в мою каюту?

— Я вам помешаю, — сказал нерешительно Калугин. — Вам надо отдохнуть.

— Не помешаете. — Повелительная нотка звякнула в голосе капитан-лейтенанта. — Конечно, не смею настаивать...

— Нет, я с удовольствием, — поспешно сказал Калугин.

— В таком случае прошу за мной, — бесстрастно-вежливо произнес Ларионов, берясь за поручень трапа.

Они вошли в командирскую каюту, освещенную мягким блеском матовых электрических ламп. Ларионов снял фуражку и куртку, аккуратно повесил возле умывальника.

Калугин скинул шапку и полушубок. Ему казалось, что командир пригласил его не без цели, что сейчас, может быть, произойдет между ними важный разговор. Был очень рад, что наконец удастся поговорить в неофициальной обстановке с этим столь интересующим его человеком.

Какое-то скрытое нетерпение чувствовалось в каждом движении шагавшего по каюте капитан-лейтенанта.

— Видимость неплохая, сигнальщики не подведут. А лодки при такой волне в атаку выйти не смогут. — Ларионов как будто думал вслух, потирая красные, замерзшие руки. — Плавающие мины вряд ли есть в этом районе...

Он выдвинул ящик стола, достал коробку с сигаретами и пепельницу странной формы.

— Водки — согреться — сейчас предложить не могу, только к обеду... — Он вложил сигарету в мундштук, пододвинул коробку к Калугину. — Прошу курить. Может быть, чаю?

— Спасибо, так поздно... — нерешительно сказал Калугин!

— Гаврилов! — негромко позвал командир.

Занавес, укрывающий койку в глубине каюты, отдернулся, с койки встал большеголовый Гаврилов. Шагнув вперед, он молча смотрел на Ларионова.

— Я видел — на моей койке лежите, — резко сказал Ларионов. — Еще раз замечу — останетесь без увольнительной на берег.

— Да я, товарищ командир, на минуту прилег, вас дожидался.

— Ночью не дожидаться меня надо, а спать в положенном вам месте. Ну, уж поскольку вы здесь, два стакана чайку, Гаврилов! Да, смотрите, покрепче. Кипяток на камбузе есть?

— Должен быть кипяток, товарищ командир, — сонными глазами Гаврилов взглянул на стенные часы. — Новая вахта только что заступила.

«Чаепитие в пятом часу утра, — думал Калугин. — Оригинально. И вестовой ждал командира — значит, и он в походе на боевом посту, на своем боевом посту».

— Вам бы поспать сейчас, Владимир Михайлович, — сказал, закуривая, Калугин.

— Я спал... Я днем хорошо выспался... — Ларионов говорил почти машинально, будто думая о чем-то другом.

Калугин погасил спичку, и капитан-лейтенант предупредительно пододвинул к нему пепельницу.

— Занятная пепельница, — сказал Калугин. Взял ее со стола, рассматривал с интересом. Она казалась сделанной из большой плоской кости, прорезанной многими извилистыми углублениями.

— Китовое ухо, — отрывисто сказал Ларионов.

— Простите?

— Пепельница — ухо кита. Подарил мне один приятель-помор. Здесь их берут на память, когда разделывают китовые туши. Занятная вещичка?

— Занятная вещичка, — согласился Калугин, ставя пепельницу на стол.

Они молчали. Ларионов курил, прохаживаясь по каюте. Громко тикали стенные часы. Пепельница и сигареты сползали к краю стола, Калугин отодвинул их подальше от края. Вошел Гаврилов, неся в одной руке два подстаканника со стаканами, полными рубиново-красным чаем, в другой — коробку галет.

— Сахар уже в чаю, как любите, товарищ командир.

— Что слабый какой? — Ларионов скептически рассматривал на свет свой стакан. — Вы морякам подаете чай или гимназисткам?

— Куда ж крепче, — ворчливо сказал Гаврилов. Он стоял в почтительной, строевой и в то же время непринужденной позе, свойственной морякам «Громового». — И так на заварку четверть пачки пошло. Настоящий военно-морской чай.

— Разговорчики, Гаврилов! Делайте что говорю. И товарищу капитану смените стакан.

— Нет, мне не нужно сменять, — поспешно сказал Калугин. — Я люблю слабый чай.

— Ладно, кто что любит, — примирительно бросил Ларионов. — Делайте, Гаврилов... Впрочем, постойте!

Он поднял стакан, в несколько глотков выпил рубиновую жидкость. Румянец проступил на его бледных щеках.

— Ну, еще стаканчик — и хватит. Хорошая штука — морской чай. Еще когда на лодке вахту нес по ночам, бывало, хватишь такого вот чаю — и стоишь как встрепанный все четыре часа.

Они помолчали. Вестовой вернулся, неся полный стакан почти черной жидкости.

— Спасибо... Свободны, Гаврилов. Ложитесь спать в кубрике.

— Может, еще что понадобится, товарищ командир?

— Ничего не понадобится. Ложитесь спать. Точка.

— Есть идти спать в кубрик.

Гаврилов вышел, плотно и бесшумно прикрыв за собой дверь.

Маленькими глотками Калугин прихлебывал сладкий и терпкий чай. Ларионов залпом выпил полстакана, опять закурил.

Опершись локтем на стол, Калугин рассматривал каюту.

Когда он был здесь в первый раз, на стоянке, стопки документов, книги и синие свертки кальки покрывали поверхность стола. Теперь все было убрано по-штормовому, лишь под толстым настольным стеклом темнело несколько фотографий.

— Я тогда спросил вас про Ольгу Петровну, — отрывисто сказал Ларионов. Это было так же неожиданно, как при первом разговоре. Калугин молча ждал.

— Как ей там живется у вас?

Капитан-лейтенант взглянул на Калугина и зашагал по каюте.

— Конечно, неуместный вопрос, но когда я узнал, что вы работаете вместе с ней... Так давно не видел ее... Как она выглядит, с вашей точки зрения? У нее, знаете ли, некрепкое здоровье, а работа машинистки... всегда сидеть согнувшись... До войны ей не приходилось служить. А теперь, я слышал, уходит домой очень поздно...

Оборвав свою речь так же внезапно, как начал, капитан-лейтенант стал старательно вставлять новую сигарету в мундштук.

— Да, она работает много, не считается со временем, — сказал Калугин, и в памяти встал образ молодой молчаливой женщины, склонившейся над пишущей ма-

шинкой. — Но у нее подчас такой грустный, замкнуто-грустный вид. Товарищи говорили: ни разу не удалось убедить ее пойти в Дом флота, хотя раньше она очень любила танцевать.

— Да... — Ларионов, с напряженным вниманием, даже слегка склонившись вперед, ловил каждое его слово. — Раньше она любила танцевать. Она превосходно танцует.

Он резко оборвал сам себя, спросил, не глядя на Калугина:

— Вы случайно не знаете, Ольга Петровна не намеревается эвакуироваться в тыл? Женщинам сейчас здесь трудновато... особенно во время тревог.

— Нет, не знаю, — сказал Калугин.

Капитан-лейтенант молчал, застыв в выжидательной позе.

— К сожалению, затрудняюсь рассказать вам о ней еще что-либо. Я в этой редакции недавно... — Калугин не смог побороть невольно возникший вопрос: — Но если, товарищ капитан-лейтенант, вы так тревожитесь... Разве сами не встречаетесь с ней? «Громовой» часто стоит в базе.

— Мне кажется, ей было бы тяжело видеть меня, — тихо, через силу, сказал Ларионов.

Он порывисто допил чай, убрал стаканы в шкафчик, вновь зашагал по каюте. Будто новый, страстный, темпераментный облик проступал сквозь оболочку его всегда спокойно-сосредоточенного лица.

— Кстати, есть просьба. Завтра будем на суше. Когда в редакции увидитесь с ней, прошу не упоминать обо мне. Ни слова не говорить обо мне, о моих вопросах. Очень обяжете, — по-прежнему отрывисто продолжал Ларионов.

— Есть ничего не говорить о вас, — произнес удивленно Калугин.

— Этот чертов чай развязал мне язык. — Ларионов улыбнулся, нахмурился, провел ладонью по гладко выбритым щекам. — Когда не спишь четвертые сутки... А мне очень хотелось расспросить вас о ней...

Он остановился рядом с Калугиным.

— Прошу ничего не говорить обо мне потому, что у некоторых журналистов — вы извините — слишком длинные языки. Раз в жизни я беседовал с одним

корреспондентом и потом прочитал такое... С тех пор опасаюсь журналистов... Извините...

— Уверяю вас, товарищ капитан-лейтенант, вы мало знаете наших журналистов, — резко сказал Калугин. Но тотчас сдержался, даже улыбнулся хозяину. — Если вам не повезло в этом отношении, едва ли следует обобщать... Разумеется, я выполню вашу просьбу, хотя не понимаю, в чем смысл.

— Не сердитесь, — Ларионов дружески положил ему на плечо руку.

Совсем вплотную смотрели на Калугина светло-голубые, яркие, но очень усталые, обведенные воспаленными веками глаза. Он постоял так несколько мгновений и отошел, сел в кресло перед столом.

— Лучше скажите: вам ничего не рассказывали обо мне? Вы знаете историю подводной лодки «Пятьсот три»?

— Лодки «Пятьсот три»? Нет, не знаю.

— Да, вы ведь, кажется, недавно на флоте?

— Я был корреспондентом на сухопутье. Совсем недавно пришел на корабли.

— Ясно, — сказал Ларионов. Он задумался, нахмурился, взял новую сигарету. — Ну, неважно, это не меняет дела... Дело в том, что я был помощником командира лодки «Пятьсот три», а Ольга Петровна — жена бывшего командира лодки.

Он говорил по-обычному размеренно и негромко, как о совсем незначительных вещах. Но, уже присмотревшись к этому человеку, Калугин понимал, как волнуется капитан-лейтенант. Сделав одну глубокую затяжку, Ларионов притушил сигарету об извилину китового уха, смял ее, стал тщательно выбирать другую.

— Дело в том... — прежним бесстрастным тоном сказал Ларионов.— Бывший командир лодки Борис Крылов погиб в боевом походе в первые дни войны. Он был лучшим моим другом... так же, как его жена Оля. И случилось так, что она, кажется, считает меня виновником гибели Бориса.

Он помолчал, дымя сигаретой.

— Оля не спит по ночам, — с болью в голосе сказал Ларионов, — уже много месяцев... Мне говорили... Я сам видел ночью щелки света в ее окне... Она до сих пор дожидается мужа...

Облокотясь на стол, несколько секунд он просидел неподвижно.

— Если не скучно, расскажу вам эту историю, так сказать, для ясности картины.

Он выдвинул ящик стола, протянул Калугину фотокарточку кабинетного формата.

Два морских офицера и молодая женщина между ними глядели с глянцевой глади. Моряки, улыбаясь, сидели на стульях, женщина стояла, положив им руки на плечи.

Калугин сразу узнал Ольгу Петровну.

Один из офицеров был Ларионов, с нарукавными нашивками лейтенанта, другой — массивный, широкоплечий моряк с очень правильным, открытым и, несмотря на улыбку, строгим и гордым лицом.

— Это мы снялись незадолго до войны, — сказал Ларионов. — Мы трое были лучшими в мире друзьями.

Мы подружились с Борисом еще в училище, в Ленинграде, хотя он был на два выпуска старше меня. Он сам выбрал Северный флот. Был отличником, по училищной традиции мог выбрать для службы любой флот. Выпускники, понятно, больше стремились на Балтике плавать, на Черном, но он выбрал Север.

«Есть там где поплавать военному моряку», — сказал он мне. И верно, здесь есть где поплавать. Он и меня сагитировал проситься сюда. И Ольга поселилась с ним здесь, хотя, по правде сказать, трудновато ей было привыкать к Заполярью после Ленинграда. Но для Ольги Петровны главное — ее любовь к Борису, а потом уже все остальное.

— Когда я приехал сюда, — продолжал Ларионов, — Крылов уже командовал подводной лодкой. Я служил сперва на эсминце, затем он взял меня к себе штурманом, потом стал я старшим помощником. Мне, конечно, повезло — плавать с таким командиром!

До войны он считался одним из лучших подводников флота. Замечательный товарищ, умница, храбрец! Вот он здесь, на карточке, как живой.

Был он из тех людей, которые целиком, с головой уходят в любимое дело. Забывал про время, когда вступал на палубу своего корабля. Помнится, какой-то поэт писал, что счастье начинается там, где человек не чувствует, как течет время. Да и поговорка есть: «Счастливые

часов не наблюдают». Так вот на службе забывал про время Борис.

Ну, а Олю, понятно, это сердило. Учтите, он для нее был всем в жизни. Только из-за него она забралась в нашу полярную глушь. Она и на работу не поступала, чтобы полностью отдавать ему свое время. Бывало, ждет нас к обеду или с билетами в Дом флота, а он закопается на лодке и забудет про все. И Оля расстраивалась. Жаловалась, что он, дескать, приносит в жертву своей службе любовь. А он ничего не приносил в жертву. Был счастлив и на работе и с ней.

Я старался объяснить ей это, но она, знаете, из тех людей, с которыми трудно говорить о неприятных для них вещах. Она отвечала с такой невеселой шутливостью: «Ты хочешь сказать, что у меня есть одна серьезная соперница — Борина подводная лодка?» — и сразу переводила разговор на другое. А когда Борис возвращался домой, приходилось их мирить не на шутку. Но она никогда не сердилась долго. Он водил ее на танцы, в кино, для нее ездил в отпуск на юг... Тогда она расцветала еще больше, нельзя было не любоваться Олей...

Ларионов говорил, весь захваченный воспоминаниями. Глянул на Калугина. Его белый лоб порозовел, он разжег погасшую сигарету.

— Впрочем, прошу прощения, это не имеет касательства к делу...

Борис пришел на Север с одной из первых подводных лодок, стал осваивать плавание в фиордах, в узкостях, в условиях приливо-отливных течений, штормовых и свежих погод. Когда приехал я, он был уже опытным командиром. Ходили мы в дальние плавания. Один раз столько суток провели в море, сказать — не поверите!

Показали такой рекорд автоматного плавания, который никому и не снился. А когда спрашивали краснофлотцы Бориса, зачем столько суток быть в отрыве от базы, только усмехнется, бывало. Это, говорит, командование лучше знает... Проверка выносливости экипажа и механизмов... Если начнется война, сколько суток придется подстерегать врага, не заходя в базу...

Как наши подводники открыли счет вражеских кораблей, это всем известно. Первым старший лейтенант Столбов потопил вражеский транспорт. Замечательные мастера подводной войны выросли на Северном флоте. Колыш-

кин и Лунин, Гаджиев, Стариков, Фисанович... Да разве всех перечислишь!

Этих людей никогда не забудут на флоте. Вспомнят добрым словом и Бориса Крылова, хотя с первых же дней войны начались у него неудачи.

Ушли мы к вражеским берегам. Народ прямо горел злобой. «С торпедами не возвратимся», и прочее. А случилось так, что вернулись и без торпед и без победы.

Ясно: в подводном деле интересна цель — торпедный удар. Выпустили торпеды, потопили врага — тут вам и возвращение с пушечным салютом, и встреча с любимыми, и банкет, и ордена... А главное — счастье: сознание, что помог сухопутному фронту, родному народу.

Но если говорить об основных трудностях работы подводников, нужно описать дни ожиданий, долгие дни ожиданий в море, поиски врага, болтание на заданной позиции без видимого результата...

А Борис хоть и крепко готовился к войне, но как раз выдержки у него в том первом походе и не хватило.

Знаете, что такое выдержка в море? Сколько суток, к примеру, Лунин ждал, пока не подстерег линкор «Тирпиц»? Вышли мы в свой квадрат, патрулируем. Сутки — ничего нет. Вторые — ничего нет. Тревога грызет, ненависть к врагу душит, а торпеды в аппаратах лежат и лежат.

А Борис нервничал немного в те дни. Внешне был такой, как всегда, но я-то видел, как томили его мысли об Оле. Она, понимаете ли, отказалась эвакуироваться с семьями других командиров, но в работу на берегу не включалась — не как другие женщины, оставшиеся в базе. А дома тосковала, плакала, при налетах авиации становилась сама не своя. Мы говорили ей, что нельзя, особенно в такие дни, оставаться вне коллектива. А она в ответ: «Я хочу быть с Борей каждую его свободную минуту. А что, если он придет домой, а я на дежурстве, с которого невозможно уйти?»

Борис хмурился, но не очень настаивал, не хотел принуждать ее ни в чем. А тут еще эта прощальная сцена...

Она прибежала к лодке, когда мы уже отходили от стенки. Не вытерпела, хоть и знала: не в традициях Севера, чтобы жены на пирсе провожали мужей... Краснофлотцы уже убрали сходню, лодка дала ход, когда Оля показалась на прибрежной скале.

Она увидела, что опоздала, что не успеет сбежать вниз. Борис был на мостике, сразу заметил ее, но, конечно, не подал виду. Она так и застыла на вершине скалы, только вся подалась вперед, беспомощным таким движением протянула руки нам вслед, будто звала нас обратно. Тяжело это подействовало на Бориса...

Ларионов вдруг приподнялся, прислушиваясь к шумам снаружи. В борт грузно ударилась, прокатилась по металлу особенно крутая волна... Ларионов, помолчав, продолжал:

— Ясно, она себя не помнила в эти минуты. Обстановка неважная сложилась тогда и на нашем театре: шюцкоровцы, горные егеря рвались к базам флота от норвежской границы. В сопках шли тяжелые бои, фашистские парашютисты седлали дороги, «юнкерсы» и «мессершмитты» чуть ли не на бреющем летали над Мурманском, — тогда еще было у них подавляющее преимущество в воздухе. Над сопками чад стоял — горели ближние рыбачьи поселки. А мы в это время далеко в море — тяпаем себе взад и вперед.

Ходим в виду норвежского берега, на коммуникациях немцев. Тишина кругом, берег будто вымер.

Наконец завидим вражеский самолет, уйдем под воду, перископ поднимем. Ну, думаем, значит близко и караван. Смотрит Борис в перископ не отрываясь, потом меня подзовет — я гляжу. Пустое, безлюдное море. Наконец говорит Борис: «Нет, верно, отвернул фашист, пошел другим курсом. Поищем его мористей».

И даже шумы акустик уловил — далеко за горизонтом. А это какая-то несчастная лайба шла, ботишко. Может быть, нарочно, для отвода глаз, ее немцы пустили. Такая дрянь, а шумит громче больших кораблей!

И вот, представьте, там, откуда только что мы ушли, пеленгуем большой вражеский караван! Прошел он под самым берегом на такой скорости, что мы его уже перехватить не смогли. Лодка ведь под водой — тихоход, за надводным кораблем не угонится.

Все же Крылов дал торпедный залп на предельной дистанции и промахнулся, конечно. То ли второпях неверно определил скорость и курсовой угол, то ли просто не дошли торпеды.

Опять вышел в атаку, снова дал залп — и промахнулся вторично.

Ну, возвращаемся в базу. Сам командующий нас встретил на стенке. Всегда он лично лодки встречает. А нам стыдно ему в лицо посмотреть... Командующий не бранился, только сказал, как это он умеет, губы скривив: «А я ведь, капитан третьего ранга, вас хорошим подводником считал. Оказывается, вам характера не хватает».

Вижу, сидит мой Борис даже не красный, а весь будто мраморный. Большого самолюбия был человек. Помню, как ответил командующему: «Клянусь второй раз не возвращаться без победы!»

Ларионов встал, прошелся по каюте.

— Грустно начался наш новый поход. Борис вернулся из дому не по-обычному быстро. Люди наши всегда веселые, бодрые — такая уж морская привычка, — а тут у всех какая-то молчаливость — стыдно перед товарищами за промах. Друзья нас ободряли. Ольга Петровна в этот раз на пирс не пришла.

Начали поиск в новом заданном квадрате. «Ладно, — говорит Борис, — сколько бы теперь ни пришлось ждать, не упущу добычу!»

Бывали ли вы на подводной лодке? Если бывали — знаете: это тот же корабль, большой, хитрый корабль. И надводный ходовой мостик на нем есть, и пушки, как на обычном корабле, и, когда уходит в операцию, идет в надводном положении. А потом скроется в глубину, подстерегает врага, и один только командир у перископа, в центральном посту, видит, что делается снаружи. Тогда ходит лодка под электромоторами. Но время от времени обязательно должна всплывать, брать свежий воздух, перезаряжать батареи на поверхности моря. Тогда ходит под дизелями...

Еще тогда полярный день стоял, круглые сутки солнце светило. Трудно заряжаться в виду вражеских берегов. А уйти в море подальше нельзя — можем упустить караван. Самолеты — немецкие разведчики — то и дело пролетали низко над волнами — просматривали район. Ходили мы под водой, пока батареи совсем не разрядились, пока не стало трудно дышать.

А Борис с позиции не уходит. Вон, говорит, какая муть наползает. Всплывем в тумане, зарядимся вблизи берегов.

И только надвинулся туман, всплыли мы, отдраили люк, свежий воздух внутрь так и хлынул, даже головы

закружились. Выглянул я наружу: кругом сплошное молоко стоит — белый, густой туман,— хорошо заряжаться.

Батареи перезаряжаем обычно на ходу. Все, кому положено, вышли на мостик, и я как раз заступил на вахту — тоже стою наверху. Идем, заряжаемся в тумане.

«Слышу шум винтов!» — докладывает акустик. Что делать? Плотность батарей еще недостаточная. Если погрузимся, долго маневрировать не сможем. А знаете, чтобы добиться успешной атаки, сколько иногда приходится маневрировать под водой?

«Все вниз! — приказал Борис, не двигаясь с места. — Продолжаем зарядку. Старпом, останьтесь здесь».

Понимаете ли вы это напряжение? Приближаются фашистские корабли, мы вдвоем на мостике, как на узкой стальной скале, невдалеке отдраенный люк, внизу — лихорадочная работа у механизмов. Борис был очень сосредоточен и молчалив; перегнувшись через поручни, вглядывался в туман, в сторону шума винтов.

И получилось же так, что ветром вдруг разорвало туман, и совсем невдалеке увидели мы большой транспорт и по бокам два миноносца. «Десять градусов по компасу вправо!» — крикнул Борис.

Мгновенно вычислил угол торпедного удара. Все свои способности, надежды, ненависть к врагу вложили в это вычисление. И полминуты спустя: «Аппараты, пли!»

Лодку рвануло, торпеды пошли в цель. А противник тоже, понятно, открыл огонь из всех орудий, сразу стал накрывать нас. «Срочное погружение!» — скомандовал Борис.

Он скомандовал это уже раненый, падая на мокрую палубу, не сводя глаз с транспорта, к которому шли торпеды. Никогда не забуду этого лица, полного страстного ожидания. А ближний к нам миноносец уже шел на таран, мчался, стреляя из всех стволов, увеличиваясь с каждой секундой...

Ларионов замолчал. У него пресекся голос, он провел ладонью по бледному и потному лицу.

— Приказ командира — святой закон, должен выполняться мгновенно. Я обязан был повторить приказ, как положено вахтенному офицеру. Я крикнул: «Срочное погружение!» Подхватил командира, стал подтаскивать к люку. Но Борис был очень тяжел, его ранило в обе ноги, а вокруг люка на мостике — комингс, высокий стальной

барьер. Лодка проваливалась, вода была уже наравне с мостиком. «Оставь меня! Вниз! Задраивайся!» — приказал мне Борис.

Ларионов замолчал, смотрел прямо на Калугина, но, казалось, не видел его.

— Бывают мгновения, когда колебаться нельзя. Вся лодка была под ударом. Даже при двадцатиузловом ходе эсминца уже через несколько секунд он разрезал бы нас пополам. Борис понимал это, он никогда не терял присутствия духа. Говорю вам: приказ командира — закон. Я прыгнул в рубку и задраил люк, оставив на мостике Бориса.

Мы проваливались в глубину. Прямо над нами прогрохотал вражеский миноносец, как курьерский поезд по мосту. Но, спрыгивая в люк, я увидел черно-багровый столб дыма над торпедированным нами кораблем.

Что делалось после погружения в лодке! Нас бомбили, у нас вырубился свет, срывались с мест механизмы. Но мы ушли от бомбежки, перехитрили их... Когда погибает командир, командование кораблем принимает помощник. Я ни о чем не думал в те минуты, кроме одного: исполнить нашу общую мечту, довершить дело Крылова, с торпедами домой не возвращаться...

Через несколько дней мы обнаружили новый конвой. Я всплыл на перископную глубину, вышел в атаку, увидел в перископ: фашистский корабль окутался дымом и паром, лопнул, как огромный разноцветный пузырь. Я знаю: такая удача выдалась нам потому, что мы все думали об одном — о победе и мести. Каждый все силы и способности отдал работе. Борис Крылов воспитал хороший экипаж.

Ларионов вставил сигарету в мундштук, но не закурил, положил мундштук на край стола. Стол тряхнуло, капитан-лейтенант подхватил мундштук.

— У меня было тяжелое объяснение с Ольгой Петровной. С каким недоверием... — Ларионов запнулся и покраснел, — да, именно с недоверием она слушала меня. Она все повторяла: «Конечно, я понимаю, ты не мог спасти его», — и смотрела на меня таким чужим, горячим, испытующим взглядом. И потом: «Прошу тебя, уйди, мне нужно остаться одной». Я ушел, чувствуя на себе этот ужасный, испытующий взгляд.

Ларионов вскинул на Калугина потемневшие глаза.

— Оля очень несчастна. Она так любила Бориса. И мне невыносимо жалко ее. Конечно, война — это огромное народное горе. Но поймите: нас, военных, государство, партия воспитывают в сознании необходимости отдать, если потребуется, жизнь для счастья народа. А когда на такую женщину, почти ребенка, обрушивается горе войны... И получилось так, что она еще потеряла веру в меня — в своего лучшего друга. И я ничем не могу облегчить ее жизнь, потому что это несчастье разъединило нас навсегда.

Он закурил, порывисто затянулся.

— Командование, товарищи, разумеется, не могли ни в чем меня упрекнуть. Я только выполнил свой долг офицера. Но тяжело стало служить на лодке. Немцы рвались к Мурманску, я списался в морскую пехоту, — отряды добровольцев формировались на всех кораблях... Перед отъездом решил зайти к ней еще раз. От нее только что вернулись товарищи с лодки. Они рассказали, что Оля уже взяла себя в руки, только допытывалась все время, действительно ли было невозможно спасти Бориса. Тогда я понял, что не должен заходить к ней.

— И с тех пор так и не повидались с ней ни разу?

Ларионов несколько мгновений молчал.

— Когда я вернулся с сухопутного фронта — а меня отозвали очень скоро, назначили старпомом на «Громовой», — шел мимо ее дома, в окне горел свет. Конечно, окно было затемнено, но сбоку пробивалась крошечная световая щелка. Я не мог не зайти. Понятно, — не оправдываться снова, а вот именно повидаться, узнать, как ее здоровье, не нужно ли ей чем-нибудь помочь.

Она была дома и, когда я постучал, слышно было — почти подбежала к двери. Она все время ждала мужа, думала: может быть, добрался, доплыл до берега сам, может быть, попал в плен и ему удалось бежать. И когда увидела меня, отшатнулась, как будто даже с испугом... Потом чуть ли не обрадовалась, стала готовить чай, но опять расспрашивала только о том походе. И вдруг сказала очень отчужденно и зло: «Мне кажется, я скорей погибла бы сама, но попыталась бы спасти командира и друга». Она так и не поверила, что я сделал все, что было в моих силах, чтобы спасти от смерти Крылова!

Он замолчал. Вибрировала палуба, поскрипывали переборки, удары набегающих волн доносились снаружи.

Ларионов взял со стола фотокарточку, стал тщательно укладывать в ящик стола. Другая большая фотография — Ольги Крыловой — одним краем глянула из-под бумаг.

Ларионов резко задвинул ящик.

— Я сознаю: конечно, это благородное чувство — огромная любовь к мужу... Она ждет его месяц за месяцем, дни и ночи... Когда я думаю о ней, во мне словно обрывается что-то.

— А он действительно не мог выплыть? — спросил Калугин.

— Нет, не мог. Если бы его не потопил миноносец, его разорвали бы глубинные бомбы. И он был ранен в обе ноги... Часто мучает мысль: а может быть, можно было задержать погружение, рискнуть лодкой, спустить его в люк?.. Но знаю: повторись все сначала — опять принял бы тогдашнее решение.

Капитан-лейтенант порывисто встал, аккуратно разжег сигарету, снял с вешалки меховую куртку.

— Ну, спасибо за компанию. — Одеваясь, он не глядел на Калугина. — Пойду на мостик. Стало быть, знаете теперь, почему не нужно говорить обо мне с Ольгой Петровной. Вы причинили бы ей напрасную боль.

Он постоял в дверях, ожидая, пока Калугин наденет и застегнет полушубок. Пропустил его вперед. Быстро пересек коридорчик и толкнул дверь.

Свет выключился и включился снова. Калугин стоял один у дверей командирской каюты.

Когда он спустился вниз, койка старшего лейтенанта Снегирева была по-прежнему пуста. Степан Степанович еще не вернулся с обхода боевых постов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Небо было лиловато-синим, очень прозрачным, необычайной свежести и глубины, и со стороны невидимого солнца веер малиновых исполинских полос взбегал над протянутыми по горизонту облаками.

Короткая многоцветная радуга блестела в воде, убегая под киль корабля. Радуга в воде, а не на небе! Она плыла вместе с кораблем, через нее катились проносящиеся у борта волны, она то исчезала, то вновь возникала в прозрачной, как небо, стеклянно-плотной воде.

Вдалеке проплывал берег.

Туманные, обледенелые грани вставали отвесной, ребристой стеной с белизной покатых снеговых полей на вершинах. А море кругом блестело и переливалось, было празднично-спокойным, палуба корабля плотно лежала под ногами.

Калугин взбежал на мостик. Ларионова и Снегирева не было здесь. Старпом, откинув за спину мех капюшона, сдвинув фуражку немного на затылок, как всегда будто чем-то раздраженный, стоял у машинного телеграфа.

Вахтенный офицер лейтенант Лужков медленно просматривал в бинокль мерно вздымающиеся волны, потом устремил взгляд на оставшуюся сзади скалистую ледяную громаду.

— Это Кильдин? — спросил Калугин.

— Так точно, Кильдин, граница морского фронта, — сказал Лужков, опуская бинокль.— Чувствуете — качает меньше? Вошли в залив. А в океане по-прежнему дает вовсю, будьте уверены.

— В другой климат входим, — сказал, улыбаясь, Калугин. — С севера на юг, из зимы в весну. Какая разница в климате вчера и сегодня. Не похоже на глубокую осень.

— Потому что берег близко, — откликнулся Лужков. — А знаете, совсем недавно прошли самые опасные места. При входе в базу командир всегда велит повышать боевую готовность...

— Вахтенный офицер! — позвал сзади Бубекин.

Лужков подтянулся, повернулся к старпому.

— Есть вахтенный офицер.

— Потрудитесь прекратить посторонние разговоры. Здесь мостик эсминца, а не землянка в часы перекурки.

— Есть прекратить посторонние разговоры.

Лужков деловито нагнулся над репитером гирокомпаса, повернулся к рулевому.

— На румбе?

«Далась ему эта землянка! — подумал, отходя, Калугин. — Впрочем, он прав. Он безусловно прав. А я должен не обижаться, а найти общий язык и с ним, хотя это действительно не так просто...»

У него было превосходное настроение. Он хорошо поработал сегодня, работал все утро после разговора с командиром. Кажется, не напрасно побыл в плаванье: уже начал входить в жизнь корабля, набрал материал для редакции, установил связи с людьми.

Скоро он ступит на сушу. Ступит на твердую землю, на родной берег после стольких дней сурового океанского похода... Из штурманской рубки вышел Ларионов; не заметив Калугина, быстро прошел к штурвалу.

Опершись на поручни у прожекторного мостика, стоял мистер Гарвей с аккуратно расчесанной бородой, торчащей над желтым воротником верблюжьего реглана. Он что-то меланхолически жевал, глядя на высокий темный силуэт «Свирепого», идущего сзади, в кильватер «Громовому».

— Гуд бай, мистер Гарвей! — сказал Калугин.

— О, вы желаете мне спокойной ночи? — Мистер Гарвей, как всегда, со вкусом, неторопливо выговаривал русские слова. — Вы немножко опоздали. Но это ничего. Вы угадали, товарищ корреспондент: я спал, как сырок.

— Как сурок, мистер Гарвей?

— О да, как сырок.

Белые зубы Гарвея блеснули из-под черных, аккуратно причесанных усов. У него были сухие, тонкие, бескровные губы. Может быть, потому его улыбка казалась натянутой и неприятной.

— Как будто кончается поход, мистер Гарвей?

— Для вас, может быть, да. Для меня, вероятно, нет. Я еще не заработал достаточно фунтов на мой будущий оффис. Итак, эта, э... как это у вас говорят... оперейшн...

— Операция?

— Да, операция... Эта операция не состоялась. Мне сказала маленькая птичка, что выход немецких кораблей отменен.

— Маленькая птичка?

— У нас есть такая пословица... Короче говоря, ночью нас известили по радио, что, по сведениям английской разведки, вражеские рейдеры не выйдут в море.

— А ваша разведка не ошиблась?

— О, наша разведка не ошибается никогда! Наша разведка — лучшая разведка в мире.

Они помолчали. На крыле мостика английский сигнальщик всматривался в близящийся берег.

— Мистер Гарвей, если вас не затруднит, вы не поможете мне побеседовать с вашим матросом?

Калугин тут же почувствовал — эта просьба неприятна канадцу.

— Затруднит? О нет! — Гарвей остался неподвижен.—

Я сообщу вам о нем все... как это говорится... в трех словах. Билл Роджерс — си дог... как это сказать по-русски? Морская собака?

— Морской волк, мистер Гарвей?

— Вот именно — морской волк. Эйбл симен — матрос первого класса. Два раза тонул — в Средиземном море и в Атлантическом океане. И знаете — не хочет потонуть в третий раз. Заметили, всегда носит на себе лайфбельт... как это перевести... да, спасательный пояс. Стремится поскорей вернуться в свой Ливерпуль.

— Я хотел бы задать ему несколько вопросов.

— О, вы ставите меня в неловкое положение. Не подобает офицеру быть переводчиком у матроса. Кроме того, я имею боязнь — он скажет вам пару неприятных слов. — Мистер Гарвей слегка пожал плечами. — Что нужно морскому волку, когда он сходит на берег? Уютный бар и покладистые девушки... э... для здоровья.... Билл немножко обижен, не находя здесь ни того, ни другого... Нет, это интервью не заинтересует вашу газету.

Снова его тонкие губы раздвинулись в улыбку, но сумрачные, глубоко запавшие глаза не смеялись.

Калугин спустился по трапу. Еще раз пройти по всему кораблю — от полубака до юта! Эсминец больше не казался незнакомым и грозным, может быть потому, что палубу почти не качало и волны не всплескивали из-за бортов, может быть потому, что уже привык к корабельной обстановке.

Стоя у зениток и пулеметов, как всегда зорко всматривались краснофлотцы в небо и в очертания скал.

Вахтенный торпедист сидел на площадке торпедного аппарата, возле длинных труб, укутанных брезентом. Воротник его тулупа был поднят, руки соединены, так что рукава сливались один с другим.

Бортовой леер вдоль шкафута был снова натянут; положив на него руки, смотрел вдаль смуглый матрос.

Он был без полушубка, в холщовой, измазанной машинным маслом и копотью спецовке, верхняя пуговица спецовки расстегнута, обнажена мускулистая шея. Вафельное полотенце лежало на плече, как шарф.

«Это Зайцев, будущий наш военкор, — подумал Калугин. Вчера уже беседовал с ним, подсказал ему темы корреспонденций. — На берегу свяжу его с майором».

— Не простудитесь, товарищ Зайцев?

Кочегар повернул к нему круглое кареглазое лицо с задорным облупленным носом.

— Здравствуйте, товарищ капитан... Нет, не простыну... Мы здесь все просоленные, просмоленные насквозь, простуда нас не берет. Вот умылся, сейчас подзаряжусь — и спать после вахты... Вам, товарищ капитан, на переднем крае бывать довелось?

— Да, я жил у разведчиков, на Рыбачьем и Среднем...

— Что-то, похоже, началось на суше...

— Почему вы думаете, Зайцев?

— Ночью все время белые сполохи на весте играли. Вспышки тяжелых орудий. Смотрю сейчас на берег и думаю: пожалуй, друзья в наступление пошли. Давно у нас душа горит — Черный Шлем отбить у егерей... Там, верно, сейчас и началось... Слыхали про высоту Черный Шлем? Два раза мы в атаку поднимались, бились врукопашную, и два раза сбрасывали нас вниз.

— Трудная там обстановка, — сказал Калугин.

— Точно. Там ведь такое дело: горные егеря наверху, а мы на скатах. У них вся выгода... Только неправда, вышибем их оттуда... Стою вот и думаю: как там мой Москаль?

— Кто это Москаль?

— Кореш мой, котельный машинист Москаленко, с нашего корабля. Мы с ним вместе на сушу ушли. Добровольцами списались в морскую пехоту. Весельчак. Думал вместе со мной вернуться, да он из лучших разведчиков, его пока там задержали, не отпустили домой...

— Домой?

— Точно. Сюда, на корабль... Ну, прошу прощения, товарищ капитан, большая приборочка начинается...

Да, началась большая приборка. Свистели боцманские дудки, матросы разбегались по палубе, длинными лохматыми швабрами счищали тающий снег, скалывали льдинки с лееров и с сетей для улавливания гильз.

Калугин возвращался в каюту. Неужели началось наступление в сопках? Долгожданное наступление на суше. Тогда конечно с кораблем, он едет к друзьям разведчикам. Если отпустит начальство. На Средний, конечно, уже посланы другие, туда давно рвался Кисин.

Он вошел в коридор офицерских кают. Двери были раскрыты, портьеры раздвинуты. В одной каюте красно-

флотец, скатав ковер, натирал линолеум палубы мылом, в другой, стоя перед умывальником, командир артиллерийской боевой части Агафонов, сменившийся с вахты, старательно брился. Через спинку кресла была переброшена белая рубашка с крахмальным воротничком.

«Не отпустили домой», — вспомнил Калугин слова Зайцева. Теперь он понимал выражение: «Корабль — родной дом моряка...»

«Для меня такая каюта — временное пристанище, а для них — постоянное, родное жилище. Но почему и мне тоже жалко расстаться с кораблем, с этими стальными, поскрипывающими переборками?.. Странное чувство: облегчение после окончания похода и легкая грусть, что море осталось позади...»

Он вошел в каюту старшего лейтенанта Снегирева. Койки были задернуты портьерой. Старший лейтенант спал, лежа на спине, сложив на груди свои короткие жесткие пальцы. Калугин задернул занавеску плотнее. Пусть спит, всю ночь он провел на боевых постах, только на рассвете вернулся в каюту...

— Разрешите войти, товарищ капитан?

В дверях стояли два моряка — Старостин и другой, худощавый, высокий, с застенчивой улыбкой на воспаленном от ветра лице, с курчавым пушком, оттеняющим впалые щеки.

— Входите, товарищи! — радушно сказал Калугин. Он не боялся разбудить Снегирева, знал по опыту: только колокола громкого боя могут разбудить моряка, отдыхающего в боевом походе.

— Заходи, Филиппов, — сказал Старостин, пропуская спутника вперед.

Они были в черных, отглаженных брюках, в свежих фланелевках. Бледно-голубые «гюйсы» ровно лежали на плечах.

— Это, товарищ капитан, дружок мой, Филиппов, командир торпедного аппарата.

Старостин говорил, как всегда, веско и не спеша. Филиппов застенчиво улыбался. Оба торжественно ответили на рукопожатие Калугина.

— Садитесь вот сюда, на диван.

Моряки сели, молча смотрели, положив на колени тяжелые руки. С ободрительной улыбкой Калугин ждал, когда они начнут разговор.

— Ну, показывай, Дима — сказал Старостин.

Только теперь Калугин заметил — из кармана брюк Филиппова торчит плотно свернутая ученическая тетрадка. Филиппов вынул тетрадку, но держал крепко сжатой в руке. Его лицо стало еще краснее, и увлажнился высокий лоб.

— Вы, товарищ капитан, агитировали, чтобы заметки писали в нашу газету. Так вот я его привел, — сказал Старостин.

— А, вы написали заметку?! Отлично! О чем? — Калугин протянул руку к тетрадке.

— Нет, не заметку. Стишки, — сказал Старостин. — У нас, товарищ капитан, теперь многие стишками балуются. А у него складно выходит, не хуже, чем в газете. Да вот стесняется посылать.

— Это не баловство, — глядя вниз и не выпуская тетрадку из рук, произнес Филиппов. — Это чувство выхода просит. Иногда человек так в стихах скажет, будто в сердце тебе заглянул. Вот и я в свободное время. — Нерешительно он положил тетрадку на стол.

Она была густо исписана мелким, старательным почерком, столбики рифмованных строк загибались на поля.

— Отлично, — повторил Калугин. — Оставьте ее мне. Прочту внимательно и, если можно, обязательно предложу в газету. Или сами прочитаете что-нибудь? Прочитайте то, что считаете лучшим.

Филиппов нервно и нерешительно перебирал странички. На лбу проступили капельки пота. Наконец стал читать тихой, отчетливой скороговоркой:

Ревет и стонет Баренцево море,
Фашистские посудины круша.
Но я не дрогну в штормовом просторе —
Чиста моя матросская душа.

Наш «Громовой» летит сквозь волны-горы,
Что бесятся за снежным Кильдиным,
На палубе лихие комендоры
Не склонят глаз под ветром ледяным.

О, как душа будет сраженью рада!
Я не устану драить сталь и медь.
Под крыльями торпедных аппаратов
Хотят торпеды в море полететь.

Все сделаем, что есть в матросских силах,
Чтоб враг не лез к родимым городам.

За Родину, за Партию, за милых
Я молодую жизнь мою отдам.

Филиппов резко оборвал. Потупился, сжав в пальцах тетрадку. Старостин глядел гордо и в то же время тревожно.

— Мне нравится, — сказал Калугин.

Филиппов вскинул мягко блестевшие глаза.

— Я тебе говорил! — раздельно произнес Старостин. — Хорошо-то как, товарищ капитан: «Чиста моя матросская душа». И еще: «За Родину, за Партию, за милых я молодую жизнь мою отдам». В самую точку попал.

— Я думаю, мы сможем это напечатать... — Калугин взял тетрадку, перечитывал стихи. — Вы не возражаете, если кое-что подправим? Вот тяжелая строка: «О, как душа будет сраженью рада». Не лучше ли сказать: «Душа моя сраженью будет рада». Или вот мне не нравится: «фашистские посудины». Что за слово «посудины»? Непоэтично. Как вы думаете, товарищ Филиппов?

— Оно верно, не особенно, — протянул нерешительно Филиппов.

— Разрешите обратиться, товарищ капитан, — наклонился вперед Старостин. — Насчет первой строки — это вы правы. Мы ему тоже говорили, что как-то не в рифму. А вот вторую строчку матросы одобряют. Какие у фашистов корабли? У них посудины — факт! Мы врага не только снарядами — и презрением своим хотим уничтожить.

— Очень правильная мысль! — засмеялся Калугин.— Постараемся не испортить стихи. Значит, оставите мне тетрадку. Может быть, еще что-нибудь выберем, перепечатаем, а тетрадку вам сам верну...— Филиппов кивнул. Калугин положил тетрадь в свою полевую сумку. — Очень, очень рад, товарищ Филиппов, что пришли ко мне. Будете теперь нашим сотрудником... Об этом, старшина, вы и хотели поговорить со мной?

— Да нет, не только об этом... — Старостин опустил глаза, его красновато-коричневая жилистая кисть с бледной татуировкой на запястье — якорь, обмотанный расплывчатой цепью, — судорожно сжалась.

— Он с вами о жизни хочет поговорить, товарищ капитан, — вмешался Филиппов. Его смущение прошло, осталось одно радостное возбуждение.—Сам-то он о своем

сразу начать опасался, вот и притащил меня под видом моих стихов. Посоветоваться с вами хочет.

— Пожалуйста. Если чем могу помочь — с большой охотой! — Калугин удобнее уселся в кресле, приготовился слушать. Но Старостин продолжал тяжело молчать.

— У него здесь, в главной базе, девушка есть, — становясь очень серьезным, сказал Филиппов. — Мучает его сколько времени: ни да ни нет. Он ее и на танцы водит и в театр. Сейчас, ясное дело, не до любви, — война. Да вот зацепило парня.

Старостин вскинул голову, устремил на Калугина свой светлый непреклонный взгляд.

Калугин молчал. Был сбит с толку поворотом разговора: никто до сих пор не обращался к нему за такой консультацией.

— Я на ней честно жениться хочу. И загс предлагаю. А она как-то несерьезно подходит. Будем, говорит, друзьями, как в старых романах пишут. Смеется.

— А вам кажется, вы действительно нравитесь ей?

— Нравлюсь будто. Как свидание назначим, никогда не обманет. Да разве у девушки узнаешь? Ей, похоже, многие нравятся. Придет какой матрос из похода, заговорит с ней в Доме флота, — глядишь, уж болтает с ним, будто сто лет знакомы.

— Так, может, пустая девушка? И расстраиваться вам из-за нее не стоит?

— Да нет, не пустая. О политике, о боевых операциях говорить любит...

Старостин прищурился.

— Да ведь ребята по-разному смотрят... Скажем, распишемся с ней, уйду в море, а ее кто-нибудь и заговорит в Доме флота. У нас такие артисты есть.

— Как же, вы совсем не доверяете ей, а жениться хотите?

— Свадьбу я с ней все равно справлю, — твердо сказал Старостин. — Только до этого, похоже, вконец меня изведет. Играет со мной, что ли...

— Но если так не уверены в ней, вас и после женитьбы будет ревность мучить.

— Точно, — тихо сказал Старостин.

«Сложный вопрос! — думал Калугин. — Какие тут могут быть советы?» Старостин и Филиппов глядели выжидательно.

— А может быть, товарищ Старостин, вам поговорить с ней вполне откровенно? Вот как сейчас со мной говорите. Вам кажется, что она с вами играет. А может, и не думает совсем о замужестве. Просто хочет встречаться с вами по-дружески, как с боевым моряком. А если любит, должны вы ей доверять... Она комсомолка?

— Комсомолка. Телефонисткой служит при штабе.

Звякнули кольца, отодвинулся занавес. Старший лейтенант Снегирев смотрел на Старостина, опершись на локоть, подперев голову ладонью.

— Мне позволите вступить в разговор? Ты, старшина, обдумай, что товарищ капитан сказал. Поговори с ней по душам, откровенно. Может быть, и не нужен ей вовсе твой загс. Болтаешь с ней о разных любовных пустяках, а человека в ней не видишь. Ты мне вот что скажи: человек она хороший? Стоит твоей любви?

— Девушка она подходящая, развитая, — сказал Старостин. — Со многими матросами дружит, а держит себя строго. Похвастать никто не может.

— Так посмотри и ты на нее как на друга, как на фронтового товарища, — задушевно сказал Снегирев. — Ты вот коммунист, а к девушкам у тебя старый подход. Ревновать, говоришь, будешь? А почему требуешь от нее настоящей любви? Жалеешь ли ее больше чем себя, хочешь ли ей жизнь облегчить, ее интересы понять? Расспроси ее: о чем мечтает, чего от жизни ждет, свои думки-мечты расскажи. Так просто, по-хорошему, верно, не говорил с ней ни разу?

— Как-то не случалось, — сказал отрывисто Старостин, глядя на Снегирева.

— Вы же советские люди, у вас недомолвок быть не должно, — продолжал Снегирев. — Если подходит она тебе как друг, ценит тебя как человека, тогда какое может быть недоверие? А согласится за тебя выйти — подашь рапорт командиру, сыграем свадьбу всем кораблем.

— Старший лейтенант прав, — сказал Калугин. — Не мучьте себя сомнениями, а поговорите начистоту. Если действительно нравитесь ей, она вас поймет, это дела не испортит.

— Так, — помолчав, сказал Старостин.

Он и Филиппов поднялись с дивана.

— Ну, спасибо за разговор. Разрешите быть свободными?

— Свободны, товарищи.

Старший лейтенант сел на койке, застегивая китель.

— Да, вот еще что, Филиппов: есть вам партийное поручение. Вы как, с минером Афониным подружиться еще не успели?

— Особой дружбы нет, товарищ старший лейтенант, — сказал Филиппов.

— Так вот, орлы, подружитесь с ним. Примите его в свою компанию. Ясно?

— Ясно, товарищ комиссар.

— Я не комиссар, — с неожиданной строгостью сказал Снегирев. — Я заместитель командира по политической части... Так вот, старшины. Афонин матрос хороший и человек будто неплохой, а только на корабле ему еще трудновато. Нужны ему настоящие друзья. Конечно, я вас не неволю, не сможете сдружиться с ним — не нужно, но постарайтесь. Как коммунистов прошу.

— Есть постараться сдружиться! — с обычной своей серьезностью сказал Старостин, а Филиппов только молча кивнул головой.

— Мы их тремя мушкетерами зовем, — сказал Снегирев Калугину и рассмеялся своим тонким, заразительным смехом. — Их вот двоих и еще кочегара Зайцева. Одногодки, вместе пришли на корабль, водой не разольешь... Ну, шагайте, мушкетеры!

Он уже надел реглан. Все четверо вышли из каюты. Калугин крепко пожал руки старшинам, накинул и застегнул на ходу палушубок. Вместе со Снегиревым поднялся на мостик.

Корабль подходил к базе. Сопки — синевато-черные у подножий, белеющие снегами наверху — надвигались с обеих сторон, охватывали корабль гранитным объятием, проплывали с боков трещинами дальних, обнаженных ветрами ущелий, остроконечными вышками хребтов.

На мостике, у машинного телеграфа, стоял капитан-лейтенант Ларионов, глядел прямо вперед из-под низко надвинутого на глаза козырька. У него был обычный бесстрастный, даже несколько сонный вид.

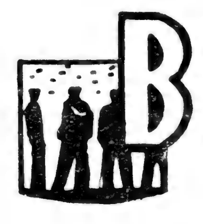
В ответ на приветствие Калугина он отдал честь четко и равнодушно; подняв бинокль, стал внимательно всматриваться в береговой рельеф.

ЧАСТЬ 2

БЕРЕГ

Где снежный берег в море врос,
Домами низкими столпился, —
Блестит обледенелый трос,
Эсминец длинный лег у пирса.
Бегут по скалам провода,
Алеют на морозе лица,
И желтоватая вода
Туманом медленным дымится.
Таков полярный город мой —
Зимой...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вода залива еще была подернута белым, колышущимся дымом тумана, но очертания берегов проглядывали все яснее.

Будто возникая из небытия, проносились за корму прильнувшие к самой воде домики береговых сигнальных постов, проступали слоистые очертания сопок с округлыми скосами снеговых полей, с темными вершинами, оголенными неустанными ветрами.

И линия заградительных бонов, цепь огромных черных поплавков, перегородивших вход в бухту, вдруг вынырнула из тумана и, раздвигаясь перед кораблем, проплыла по обоим его бортам.

— Дóма! — сказал Калугин улыбаясь.

Он не мог не улыбаться. Дóма, в родной базе, после длительного напряжения, недосыпания всех этих дней и ночей

похода... Были ли здесь воздушные налеты? Не пострадала ли база? Живы ли, целы ли друзья, товарищи по работе? Ждут ли его письма от семьи, с которой не видался столько месяцев?

Здесь, видимо, все было в порядке. Как всегда, взбегали по крутым береговым скалам несколько линий двухэтажных деревянных домов. Каменный многоколонный циркульный дом поднимался над гранитными ступенями главного причала. И серое кубическое здание штаба флота, как угрюмый форпост, вставало над заливом, сливаясь с рельефом скал.

Уже было видно, как взад и вперед, взад и вперед ходит у его дверей вахтенный краснофлотец в тулупе и в бескозырке, с винтовкой, взятой наперевес.

Мимо проплывали темные веретена подводных лодок, вытянутых вдоль причала подплава. К одной из лодок подвозили на тележках торпеды, другая медленно отходила от пирса; на высокой стальной рубке чернели силуэты смотрящих вдаль моряков.

— А наших кораблей что-то не видно! — сказал Старостин.

Действительно, эсминцев не было ни у причала, ни на рейде — на все больше яснеющей, подернутой легкой рябью глади залива.

— Зато вон сколько ботишек и буксиров нагнали!

Все высокие бревенчатые пирсы, вытянутые по сторонам бухты, были заставлены грузными, задымленными кораблями. Кое-где корабли стояли борт к борту, их мачты казались частоколом оголенных прямых деревьев, увенчанных крестообразными ветвями.

Некоторые палубы были безлюдны, на другие по сходням, перекинутым на берег, вбегали фигурки в ватниках, плащ-палатках, стальных шлемах — фронтовики, кажущиеся горбатыми от вздувшихся под плащ-палатками вещевых мешков.

— Что-то делается, — сказал долговязый замочный Сергеев. — Недаром никто нас не встречал. Бывало, только пройдешь Кильдин, навстречу тебе катер комдива. Поздравляют с окончанием похода, интересуются...

— А с чем поздравлять? — хмуро сказал Старостин. — Побарахтались в море и ни с чем приходим.

— Нет, тут загвоздка не в этом, — сказал стоящий рядом боцман.

— Право руля! — скомандовал на мостике капитан-лейтенант.

— Он стоял на левом крыле, озабоченно глядя вперед. Лейтенант Лужков держал пальцы на ручках машинного телеграфа.

— Есть право руля! — повторил рулевой Пчелин.

— Левая малый вперед, правая самый малый назад!

Лужков со звоном переставил ручки машинного телеграфа.

— Есть левая малый вперед, правая самый малый назад! Как покой, товарищ командир?

— Покой поднять, шар на самый малый!

Большое полотнище сине-желтого флага поползло вверх по фалу. На нижнем рее покачивался черный сигнальный шаг[1].

— Есть покой поднять, шар на самый малый! — доложил старшина Гордеев.

Корабль медленно, очень медленно сворачивал к вытянутой вдоль берега высокой бревенчатой стенке. Ларионов склонился над поручнями, измеряя глазами расстояние до стенки.

Звучали команды. На фалах трепетали спускаемые и поднимаемые флаги.

Калугин уже начинал разбираться в значении этих сигналов, в названиях флагов, говорящих о маневрировании корабля.

Стоя в стороне, он всматривался в лицо капитан-лейтенанта. Две резкие вертикальные морщинки легли вдоль тщательно выбритых щек, оттеняя волевой, жесткий рот, плотно сжатые губы.

— Одерживай, одерживай, отводи!

Это команда рулевому, высоко поднявшему плечи, слегка пригнувшему голову над гладкой рукоятью штурвала. «Громовой» был уже совсем близко от пирса, почти неподвижно стоял на воде. Почти не уменьшалась черная лаковая полоса между его бортом и обледенелой стенкой.

— Сколько до стенки? — крикнул вниз Бубекин.

— До стенки тридцать метров! — донесся голос боцмана Сидякина с полубака...

---

[1] Подъем флага «покой» означает поворот вправо; поднятые на реях шары служат для показания хода машин.

Звучали команды. Стенка медленно надвигалась. «С каким напряжением командует капитан-лейтенант, когда корабль уже почти у причала, — думал Калугин. — Как Ларионов охраняет корабль, с какой придирчивой осторожностью подводит его к стенке! Военный корабль, переносящий любые испытания в море!.. Значит, нельзя сразу, «впритирочку», как пишут в морских романах, подойти и ошвартоваться у пирса».

— Подать носовой! — крикнул Бубекин вниз.

Вот, собрав длинный бросательный конец в свободные кольца, один из матросов кинул его через борт. Он пролетел над водой, упал на край стенки; стоящий на берегу краснофлотец подхватил его, вытащил на берег тонкий стальной трос.

Несколько других матросов помогли закрепить трос вокруг чугунной тумбы.

Теперь корабль вплотную подтягивался к причалу, и боцманская команда «Громового» уже стояла наготове с кранцами в руках, готовясь опустить их за борт, чтобы ослабить соприкосновение корабля с пирсом...

— Шары долой! Гюйс поднять, флаг перенести! От руля и телеграфа отойти! — приказал, наконец, Ларионов.

С борта на берег перебросили деревянные мостки с перилами — сходни. И вахтенный краснофлотец с винтовкой вытянулся у борта на берегу.

— Смирно! — скомандовал лейтенант Лужков.

Ларионов уже сходил торопливо на берег. Следом — старший лейтенант Снегирев. Калугин успел лишь на минуту забежать в каюту, сменить полушубок на шинель, захватить противогаз и полевую сумку, а они уже шли по заснеженным доскам в сторону штаба, в сторону коленчатых узких мостков, бегущих вверх по скалам.

Несколько моряков в бушлатах поверх рабочего платья трудились у торпедного аппарата.

— До свидания товарищи! — сказал, проходя мимо, Калугин.

— Совсем от нас уходите, товарищ капитан?

Калугин остановился. Он не знал в лицо окликнувшего его матроса, не помнил, чтобы вел с ним раньше какой-либо разговор. Но матрос глядел как старый знакомый.

— Не знаю еще, — сказал Калугин.

— Опять пошли бы, товарищ капитан, с нами в море!

Все торпедисты смотрели с выжидательным выражением.

— Постараюсь, — сказал Калугин. Вдруг понял, что уже успел мысленно распроститься с кораблем, свыкся с намерением не возвращаться сюда. — Обязательно, товарищи, постараюсь пойти с вами снова! — сказал Калугин, горячо пожимая руки матросам...

Старпом, провожавший у сходней командира, шел мимо торпедных аппаратов. Калугин притронулся к ушанке.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите сойти на берег?

Бубекин козырнул, глядя с подчеркнутым изумлением.

— Я не могу разрешить или не разрешить вам. Вы — старше по званию и на корабле пассажир.

«Почему он так не любит меня?.. Какой тяжелый субъект!» Но Калугин заставил себя улыбнуться, протянул руку.

— Спасибо за гостеприимство, Фаддей Фомич.

Бубекин чуть прикоснулся к его руке, порывисто взял под козырек, пробормотал что-то невнятное, зашагал по шкафуту.

Лейтенант Лужков стоял у сходней, мечтательно глядя на городские дома.

— На бережок, товарищ писатель?

— Да, тороплюсь в редакцию.

— Думаете снова с нами в поход?

— Обязательно постараюсь! — решительно сказал Калугин.

Калугин шагнул на сходни. Берег, твердая земля! Здесь можно идти и идти вперед, и никакая грань борта не остановит тебя.

Теперь он понимал чувства моряков, ступающих с корабля на сушу.

Взбежав по мосткам, он оглянулся на пирс. «Громовой» стоял, прижавшись к высокой стенке, белея рядом стальных надстроек, ощетинившись длинными орудийными стволами, укрытыми плотным брезентом. На корме развевался перенесенный с мачты военно-морской флаг; на носовом штоке — огненный гюйс; над широким полукруглым мостиком поднималась стройная мачта.

Фигуры сигнальщиков двигались там, подняв бинокли к ясному небу.

И новое, горячее чувство пронизало его. Привязанность к кораблю. Он провел на нем всего несколько дней, а уже ощущал к нему какое-то родственное чувство.

«В море — дома!» — подумал Калугин. В первый раз эта фраза показалась выражением, имеющим глубокий жизненный смысл.

Но это чувство возникло лишь на мгновение, затерялось в других ощущениях и мыслях.

Он глядел кругом и видел: что-то изменилось в быту базы. На улицах необычное движение, в порту необычное количество кораблей.

По трапу сбегал отряд. Обветренные молодые лица, на головах шерстяные подшлемники; стальной, покрашенный в белое шлем, покачивается под рукой у каждого рядом со штыком и походным котелком. Поверх полушубков висят куцые черные автоматы: грузные, подбитые войлоком валенки бесшумно ступают по мосткам.

Морская пехота, автоматчики идут грузиться на корабль. А по другим мосткам спускается еще отряд. Некоторые суда внизу уже заполнены бойцами. Неужели началось наступление, долгожданное наступление?

Он торопливо шел к редакции по неровным, выбитым в граните улицам, мимо стандартных деревянных домов с высокими крылечками, занесенными снегом. Он жил пока в самой редакции, — после того как приехал с переднего края.

Вдруг вновь кругом закрутилась снежная пелена, безоблачное небо померкло, линии скал и окон задернулись густо летящей белой крупой. Резкий ветер подул с залива. Там тоже все было под снежной завесой, рубиновый тусклый свет сигнальных огней блестел сквозь снеговую муть.

Калугин взбегал по деревянным ступенькам туда, где над склоном сопки находился дом редакции флотской газеты.

В дверях стоял вахтенный краснофлотец — сурово вытянувшаяся девушка из типографской команды.

— Здравствуйте, Зина! — сказал Калугин, входя и стряхивая с шинели снег.

На столе дежурного, около двери, лежала кипка новых, пахнущих свежей краской газет. Из глубины помещения слышалось жужжание электромоторов и мерное постукивание типографской машины.

— Здравствуйте, товарищ капитан, с возвращением! — сказала Зина. На ее открытом, миловидном лице проступила улыбка, но она строго нахмурилась, плотней приставила винтовку к ноге, как настоящий часовой-краснофлотец.

— Редактор здесь?

— Капитан первого ранга еще не уходил... Майор тоже здесь... Товарищ капитан... — Она хотела что-то прибавить, ее свежие губы дрогнули, но она замолчала.

— Писем мне нет, Зина?

— Есть письма. Два письма, товарищ капитан!

Он вынул из ящика стола два заштемпелеванных треугольничка. Жадно развернул письма, пробежал мельком, спрятал в полевую сумку. «Хорошо. Прочту внимательно потом, наедине, чтобы не портить удовольствия».

— Из дому пишут, товарищ капитан? — спросила Зина.

— Да, Зина, жена и мама.

Он взял из стопки свежий номер газеты, не читая сунул в карман, пошел к лестнице во второй этаж.

По лестнице с грохотом бежал редакционный фотограф. Маленький, быстрый, вечно улыбающийся, отчаянно храбрый Венчук. Он был в полушубке и кирзовых сапогах, через плечо перевязь противогаза, через другое — желтый ремешок фотоаппарата.

— А, мое нижайшее! — Венчук нынче был непривычно серьезен. — Ну, как поход? Сколько самолетов в сумке?

— Об этом прочтете в моих очерках, — таинственно сказал Калугин. — Куда спешите, Федор Николаевич?

— Редакционное задание особой важности. У нас такие события! Бегите в боевой отдел. Может быть, отправимся вместе... Еще полчаса я буду в фотолаборатории. Спешу, спешу! — Венчук скрылся за поворотом, откуда несся стук типографской машины.

По лестнице спускался боец в разрисованной желтыми листьями зеленой плащ-палатке, в шерстяном подшлемнике, пересекающем забинтованный лоб. Из-под

плащ-палатки высовывался висящий на груди бойца автомат.

Наверху в коридоре прохаживался моряк с нашивками старшины, в черной пилотке подводника. Он волновался, поглядывал на дверь с надписью «Боевой отдел».

— Вы к майору? — спросил Калугин.

— Точно.

— Так почему ж не заходите?

— Там товарищ начальник с другим военкором беседует. Я обожду.

«Военкоры, — думал Калугин. — Раньше стеснялись приходить, теперь привыкли, понравилось это дело, приходят к нам все чаще и чаще: прямо из морских походов, с береговых постов, проездом на передний край и с переднего края... Интересно, когда придут сюда мои новобранцы?»

Он вошел в боевой отдел. Плотный, немного сутуловатый майор, с жесткими волосами ежиком и насупленными бровями, наблюдал, как офицер в кожаном комбинезоне, сидя сбоку стола, внимательно читает гранки.

— Здравствуйте, товарищ майор!

Майор поднялся из-за стола.

— А, привет мореходу! — У него была манера говорить с еле уловимым сарказмом, «с подтекстом», как выражался Калугин, но сейчас как-то особенно тепло он стиснул Калугину пальцы. — Присядьте на минутку. Вот сейчас докончу с нашим автором.

— Так я пока пройду к себе.

— Да нет, подождите.

Летчик кончил читать, опустил оттиск на стол.

— Вот, товарищ лейтенант, в каком виде мы печатаем ваш труд. Есть возражения? — спросил майор.

— Никаких возражений! — сказал летчик. — Спасибо, товарищ майор! Вот это место с «мессершмиттами»... как раз то, что мне хотелось сказать.

— Вы это и сказали, — буркнул майор. — Редакционная правка не в счет. Подпишите корреспонденцию.

Летчик с удовольствием вывел свою подпись.

— Когда снова к нам?

— Вернусь из полета, опять что-нибудь сочиню... Еще раз, товарищ майор, спасибо.

Он сердечно потряс руку начальнику отдела.

— Не за что... Если сами не сможете отлучиться, материал с оказией присылайте.

Летчик вышел. Майор взглянул на Калугина с обычной угрюмой усмешкой:

— Ну, как поход? Корреспондентов навербовали?

— Военкоров навербовал. Троих. Зайдут к вам, может быть даже сегодня. Задание редактора выполнил,— вот беседы с комендорами. Задумал рассказ о моряке, невесту которого угнали в рабство фашисты... Еще организовал статью: «Штурман в боевом походе»... Да, кстати... — Вместе с пачкой листков он вынул тетрадку Филиппова. — Вот хорошие стихи корабельного поэта.

— Стихи! — Майор отдернул, как от огня, протянутые было к рукописи пальцы. — Не мое заведование. Корреспонденции мне давайте! Неделю прогуляли в море.

— У вас и тут корреспондентов хватает.

— Мало материала, — сердито сказал майор. — Такие события, а наши писатели все в разъезде.

Слово «писатели» он произнес с обычным для него саркастическим выражением, но тут же большое чувство окрасило его голос.

Правда, нынче напечатали хороший очерк Кисина... Да, вот его поручение...

С размеренной неторопливостью он выдвинул ящик стола, вынул плоский, завернутый в газету предмет, протянул Калугину... Бумажник, оставленный Кисину под большим секретом!

— Почему он у вас, товарищ майор? — спросил Калугин, краснея. Как не похоже на Кисина! Не мог сохранить бумажник при себе...

Он бросил обертку в корзину, сунул бумажник в карман вместе с тетрадкой Филиппова. Но майор не воспользовался прекрасным поводом для шуток.

— Потому что Леонид Павлович Кисин, которому вы доверили свое имущество, — медленно сказал он, — погиб вчера при штурме высоты Черный Шлем.

У Калугина перехватило дыхание. Стоял молча, не находя слов.

— Убит наповал из автомата, — продолжал майор.— Настоящий был журналист. Пошел в наступление с первым отрядом...

— Когда началось наступление? — только и мог спросить Калугин.

— Третий день в сопках идут бои...

Майор поднялся из-за стола.

— Пойдем к редактору, доложите о походе, разберетесь в обстановке. Да, очень жаль Кисина... Талантливый и храбрый был товарищ...

Молча они вышли в коридор. Там по-прежнему шагал старшина-подводник.

— А, товарищ Семячкин! — сказал майор. — Ко мне? Что ж не заходите? Принесли заметку?

— Принес, — сказал подводник. — Да я подожду. У меня увольнительная... Подожду, пока освободитесь.

— Для наших военкоров я никогда не занят, — дружески-просто сказал майор. Он распахнул дверь в боевой отдел. — Заходите, Семячкин... Сейчас подойду, товарищ Калугин, вот только просмотрим заметку...

Дверь напротив, с печатным плакатиком на ней «Ответственный редактор», была приоткрыта; слышался громкий голос капитана первого ранга. Калугин постучался.

— Войдите!

И в то время, как взялся за ручку двери, он увидел Ольгу Крылову, стоящую в конце коридора. Раньше не обращал на нее особого внимания, но теперь взглянул с пристальным интересом.

Молодая женщина в черном платье, с густыми, зачесанными назад волосами. Она вскинула ресницы, будто хотела что-то спросить, сделала шаг вперед. Вопросительно и словно смущенно смотрели серые большие глаза.

— Войдите! — повторил редактор.

Калугин вошел в кабинет капитана первого ранга.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Редактор сидел в глубине кабинета за широким письменным столом. Полураскрытые папки с рукописями, узкие оттиски гранок, чернеющие смазанным шрифтом и покрытые иероглифами корректорских знаков, комплекты газет со всех сторон надвигались на него, как волны прибоя.

Он читал свежий оттиск полосы, высоко подняв плечи, положив на бумагу большую руку, охваченную широким золотым шевроном. Другая рука протянулась назад, кладя на развилку телефонную трубку.

— Товарищ капитан первого ранга, — сказал Калугин, шагнув к столу по-строевому, — прибыл из командировки.

— Садись, — сказал редактор, подавая руку. Еще от комсомольских времен осталась у него привычка ко всем обращаться на «ты». Он глянул на Калугина глазами в кровяных прожилках, морщинки приветливой улыбки побежали к вискам. — Ну, докладывай. Хорошо поплавал?

Калугин говорил, а редактор смотрел в полосу, изредка делая вычерки и пометки. «Не слушает», — подумал Калугин. Но редактор поднял голову, его глаза были полны живым интересом. Снова молча слушал, просматривая полосу.

— Кисин-то погиб, слыхал? — вдруг сказал он. — С честью погиб, по-моряцки. Пополз на передний край за материалом и не вытерпел: когда ранили командира роты, поднял ребят в атаку. Уже на высоте хватились его, — лежит, прошит из автомата.

Редактор шевельнул край лежащей сбоку газеты.

— Вот напечатали его корреспонденцию, а на четвертой полосе портрет и некролог... Если все так будете вперед лезть, у меня журналистов не хватит.

Он сказал это почти грубо, но горечь, гордость и неожиданная нежность были в его голосе.

Калугин молчал. Раскрыл свой экземпляр газеты. На развороте справа чернел заголовок большой корреспонденции: «Слава морской пехоте!» А с четвертой страницы глянул на него сам Кисин — обычно сутуловатый, но по-строевому вытянувшийся перед аппаратом, застенчиво улыбающийся друг...

Ему сдавило горло. Он сглотнул с трудом, взглянул на редактора.

— Там и похоронили его?

— Похоронили на морском берегу. Когда выбили нас с высоты, бойцы его с собой унесли. Прикрыли морской травой, заложили камнями. Фронтовая могила.

Редактор встал, прошел, разминаясь, к одному из двух наполовину забитых фанерой окон, смотрящих

прямо на залив. Тихо вошел майор. Редактор стоял у окна, заложив руки за спину, неотрывно глядя вдаль.

— Для газеты большой урон. Большой урон для флота, — сказал майор.

Вдоль стены был вытянут ряд потертых стульев и кресел. Вот на одном из этих стульев сидел, бывало, Леонид во время редакционных летучек, всегда немного чопорный, замкнутый с виду. До войны он был штатским, писал лирику, но, приехав на флот, лучше всех перенял внешний облик военного моряка. И, видно, не только внешний облик.

Зазвонил телефон. Редактор поднял трубку.

— Да. Слушает капитан первого ранга... Ты, Тюренков? Что же ты, Тюренков, словно потонул? Жду материала. Есть материал?... Вылет торпедоносцев? Знаю, что вылет... Ну, знаю, сколько потопили. Ты давай беседы с людьми, впечатления. Сейчас с майором говорить будешь.

— Я бы к себе в отдел пошел, чтобы вам не мешать, товарищ капитан первого ранга, — нетерпеливо сказал майор.

— Сейчас с майором будешь говорить, — повторил редактор. — Подожди у телефона. Перевожу на боевой отдел. Ну, что еще?.. Чтобы не резали? Двести строк очерк? То у тебя двадцати строк не вырвешь, а то — двести. Знаешь, какие номера идут? Ладно, там посмотрим. Уславливайся с майором.

За окном завыла корабельная сирена. Знакомый, тоскливый, спадающий и нарастающий вой. К ней присоединилась другая.

— Говорит штаб противовоздушной обороны. Воздушная тревога! — прозвучал в громкоговорителе молодой голос.

В дверь постучали. Вошел дежурный старшина из наборного цеха.

— Сейчас, — сказал редактор. И в трубку: — Ты подожди, Тюренков.

Прикрыв трубку рукой, глянул на старшину.

— Воздушная тревога, товарищ капитан первого ранга.

— А вы не знаете сами, что делать? Всех свободных от вахт гоните в скалу. Исполняйте приказание.

— Есть исполнять приказание! — Блеснув голубизной воротничка, четко повернувшись на каблуках, старшина вышел из кабинета.

Калугин стоял у окна. От сирен воющих кораблей шли струйки белого пара. Маленькие суда отваливали от причала, оставляя за собой широкие снеговые буруны.

«Громового» отсюда почти не было видно. Только край серого мостика и вымпел на мачте.

По трапам вдоль скал быстро шли солдаты и офицеры. Со стороны сопок четко и торопливо забили зенитки.

Калугин оглянулся. Лучше отойти от окна, — воздушной волной может высадить стекло, поранить осколками... Редактор по-прежнему держал в руке телефонную трубку, майор стоял рядом с ним.

Небрежно, как можно более неторопливо, Калугин отошел от окна, сел к столу на прежнее место. Зенитки били все ближе. Начали слегка позванивать стекла и графин на столе. Ударил длинный, раскатистый гул.

— Опять где-то в сопках бросил, — сказал редактор. — Ну, ты иди, майор... Тюренков, слушаешь? Тут маленькая задержка. Перевожу телефон на майора.

Майор, повернувшись четко, так же как старшина, пошел к двери.

— Пятый раз сегодня, — устало сказал редактор. — Да, товарищ майор!.. — Майор остановился, держась за ручку двери. — Ты пока Тюренкова не расхолаживай. Пусть передает сколько хочет, а ты уже потом подрежешь.

Начальник боевого отдела вышел из кабинета. Редактор сел за стол, провел рукой по лицу.

— Не выспался, — сказал редактор. — Как раз сегодня не выспался чуток...

Он говорил это почти каждый день — каждую ночь сидел в редакции до рассвета, пока не шла в печать последняя полоса.

— Стало быть, о комендорах «Громового»... Говоришь, хороший взял материал? Ну-ка, покажи...

Калугин протянул листки бесед с комендорами. Разложив их поверх оттиска веером, редактор просматривал материал сперва небрежно, потом все с большим вниманием.

— Интересно, — сказал капитан первого ранга. — Очень любопытно. Правильно делятся опытом. Вот эта

беседа со Старостиным — прямо отлично. Видно, вдумчивый, развитой старшина. Это он сам сказал: «Там, где успех боя решают секунды, не может быть мелочей»?

— Конечно, сам, я только записывал... А вот это место, разрешите, Андрей Васильевич... — Калугин склонился над плечом редактора, всматриваясь в листки. — Беседа с Сергеевым. «Заряжающий должен быть, так сказать, мастером быстроты. А основа мастерства — любовь к своему делу...» Почти афоризм! Но вообще, как видите, никаких секретов здесь нет. Просто очень большая натренированность, согласованность всех движений орудийного расчета. И прекрасное знание материальной части.

— И все? — редактор откинулся в кресло, испытующе глядя из-под приподнятых бровей.

— И еще, понятно, огромная воля к победе.

— Вот! — сказал редактор. Его воспаленные глаза засветились. — Огромная воля к победе!.. Стало быть, будем срочно делать разворот: «Счет на секунды». Все эти беседы даем, майор их подсократит. И подвалом ваш очерк, подытоживающий материал.

— Сколько времени идет на подготовку залпа — это, конечно, военная тайна... — начал Калугин.

— Поэтому и говорить об этом не будем, — перебил редактор. — Важно что? Орудийные расчеты «Громового» сократили обычное время подготовки на пять секунд. Каждая сэкономленная секунда — лишний шанс победы над врагом. При обстреле берегов корабль дал высшую скорострельность. Нужно передать его опыт другим кораблям флота. В самую точку попадет материал. Обстановка на сегодняшний день вам ясна?

— Не слишком, товарищ капитан первого ранга. С корабля прямо к вам. Большое наступление на нашем участке фронта?

— Третий день штурмуем высоту Черный Шлем! — Редактор встал из-за стола, подошел к рыжевато-голубой карте, распластанной на столе. — Чуете, товарищ Калугин?

Лишь иногда он переходил на «вы», и это значило, что придает особое значение своим словам.

— Это начало большого дела. Если высота наша, перерезаем коммуникации фашистов вот здесь... Тогда наши батареи получают господство над заливом... Не-

мец это знает, зубами вцепился в камни. Ребята делают чудеса. Да ведь какие условия! Сперва было разведчики захватили высоту, автоматчики подошли на помощь, тогда и Кисин погиб... К ночи наших снова сбросили на скаты. Все время подвозим десанты. Все наши корабли ведут огонь с фланга. Видел — ни одного эсминца в базе. Сейчас нужно показать пехоте, как ее поддерживают с моря.

— Действительно, можно сделать боевой очерк.

— Вот и чу́дно, — сказал редактор, возвращаясь к столу.

— Только вот успею ли хорошо написать...

— Что значит — не успеешь?

— Не знаю, когда «Громовой» идет опять в море... Я опять с ними хочу.

— Аз, — сказал редактор. Он бросил быстрый косой взгляд на удивленного Калугина. — Семафорную азбуку изучаете плохо. «Аз» — значит: «нет, не разрешаю». Думаю, не идти тебе с ними в поход.

— Товарищ капитан первого ранга... — начал, приподнимаясь, Калугин.

— Думаю, не идти тебе с ними в поход, — решительно повторил редактор. — Поверь моему слову: больше того, что взял, не возьмешь. Опять будете неделю в море болтаться.

— Но если дать морской бой в газете!

— Хорошо бы дать морской бой в газете! — мечтательно, как о чем-то несбыточном, сказал редактор. — Да никакого боя не будет. И идти тебе с ними незачем. Технику смотрел? Смотрел. Людей наблюдал? Наблюдал. А тут по газете дежурить некому, передовицы нужно писать. Да они, верно, и не в море, а на обстрел берегов пойдут. А ты сам сказал, что уже собрал материал об обстреле.

— Я там и с довольствия не снялся, Андрей Васильевич!

— Ты мне это брось, — лукаво подмигнул редактор.— Снимешься с довольствия: пойдешь и заберешь аттестат.

— Я обещал снова с ними идти.

— Скажешь: начальство не пустило. Моряки это поймут. — Он взглянул с извиняющейся улыбкой. — Нехорошо: ты в море, а здесь газету делать некому. Мы с майором вдвоем круглые сутки работаем. Все сотрудники

в разъезде. Майор на лодке должен был идти в море, я его не отпустил.

Он встал, протянул руку.

— Ну, товарищ Калугин, приступайте к работе... Ты меня извини, нужно полосу читать.

— А если будет рейд немецких кораблей?

— И не проси! — зажмурился редактор. — Что мы знаем о рейде? Был радиоперехват шифровки немецкого штаба: тяжелый крейсер «Геринг» должен выйти в рейд по нашим зимовкам. Вот вы и болтались в море. А может быть, и шифровку-то немцы дали в расчете на перехват — оттянуть наши корабли с сухопутья? Потом разведка сообщила: рейд «Геринга» отменен. С тех пор как Лунин торпедировал «Тирпица», немцы осторожными стали.

— Товарищ капитан первого ранга...

— Значит, аз!

Он нагнулся над полосой. Калугин знал: вопрос решен, редактор думает уже о другом.

— Разрешите идти? — сказал Калугин.

— Иди, — отдаленным голосом откликнулся редактор. — Чтобы нынче же был сдан очерк. — Калугин шагнул к двери. — А впрочем, товарищ Калугин...

Калугин остановился.

— Поступай, судя по обстановке. Чтобы свою честь, честь редакции не уронить! Создастся такая обстановка — будут очень настаивать, чтоб шел с ними в поход, — иди! Сам реши по обстановке. Но помни мой аз. И прежде всего сдай очерк.

— Есть, товарищ капитан первого ранга, — сказал Калугин.

Он вышел из кабинета. «Так. Неожиданная развязка. Аз! Едва ли они будут настаивать. А может быть, это и лучше. Сейчас главное — на сухопутье. Сдам собранный материал и отпрошусь на передний край... Туда, где погиб Кисин... Но я только начал вживаться в быт корабля, только начал знакомиться с морем...»

Дверь в машинное бюро была открыта настежь. Он вспомнил вдруг вопросительный, чего-то ждущий взгляд печальных серых глаз.

«Чего ей нужно от меня? Ей что-то от меня нужно. Но я не зайду к ней, я сделаю вид, что по-прежнему ничего не знаю. А может быть, поговорить с ней, передать

рассказ Ларионова? Нет, это будет нарушением слова. Но, может быть, — пришла внезапная мысль, — Ларионов затем и затеял весь этот ночной разговор, чтобы я поговорил с Ольгой Петровной?»

Он быстро миновал комнату машинистки. Стук машинки прекратился, но машинка застучала снова, когда он вошел в противоположную дверь.

Здесь его временное жилище, здесь нужно сразу же засесть за работу. Он повесил противогаз на гвоздь. А может быть, лучше сперва пойти попрощаться на корабль?

Он выглянул в окно. Отсюда «Громовой» был виден лучше: военно-морской флаг трепетал на кормовом штоке, по длинной палубе двигались маленькие фигурки. Борт к борту к «Громовому» был пришвартован «Свирепый» — корабль-двойник, с такими же обводами борта и надстроек.

— Товарищ Калугин!

Он обернулся. Ольга Петровна стояла в дверях.

— Можно к вам? На минутку?

Нерешительно она шагнула в комнату.

— Здравствуйте, Ольга Петровна, — сказал Калугин. Сжал в руке ее горячие пальцы.

С минуту она помолчала.

— Я хочу спросить вас о «Громовом»... Как прошел поход? — Она слегка задыхалась, будто от быстрого бега.

«Я никогда не замечал, что у нее такие тонкие, одухотворенные черты, — подумал Калугин. — Всегда сидит нагнувшись над машинкой, отвечает скучными, сухими фразами».

— Едва ступил на берег, а уже флиртует с девушками! — послышался в дверях насмешливый голос майора. — Ольга Петровна, как мой материал?

— Сейчас кончаю, — откликнулась Ольга Петровна. Не взглянув на Калугина, вышла из комнаты. Почти тотчас снова дробно застучала машинка.

— Итак, когда же вы сдадите очерк? — спросил майор. — Насколько я понял, очерк об обстреле берегов нашими кораблями. Конечно, лучше бы взять теперешнюю операцию, но поскольку у вас записи с «Громового»... Вы обработаете записи с «Громового»?

— Так точно, — сказал Калугин. — Мне, правда, сперва нужно зайти на корабль, взять аттестат.

— Человек только что сошел на берег, а уже думает о еде! — горько сказал майор. — Вот что, садитесь и сделайте материал немедленно. Честное слово, капитан первого ранга приказал не выпускать вас из редакции, пока не напишете очерк.

— Но «Громовой» может уйти.

— Без топлива? — улыбнулся майор. — Эх вы, моряки! Как же он уйдет без заправки после такого похода? Эх вы, моряки! — с особым вкусом повторил он.

— Хорошо, я напишу очерк сейчас, — холодно сказал Калугин. Присел к столу, стал расстегивать полевую сумку. Майор задержался в дверях.

— Когда сочините, прошу занести ко мне в боевой отдел... Надеюсь, потерпите пока, не будете отвлекать сотрудниц посторонними разговорами... У меня на машинке срочный материал.

— Я сдам очерк через час, товарищ майор, — отчеканил Калугин, выкладывая на стол корабельные записи...

Приблизительно в это время далеко к западу, в сопках Северной Норвегии, на занесенной снегом вершине, в виду вздувшегося внизу океана шевельнулись и поднялись три неприметных, неподвижных раньше фигуры.

— Слои снега осыпались с полотняных капюшонов, с белых халатов разведчиков, смотрящих вниз, в океанскую даль.

— Никак тяжелый крейсер выходит в океан, товарищ боцман? — спросил молодой, охрипший от стужи голос из-под капюшона.

— Точно, тяжелый крейсер «Герман Геринг»! Вышел из Альтен-фиорда, курсом на ост, — откликнулся боцман Агеев.

По океанской ряби скользил от рваной извилины Альтен-фиорда грузный и грозный военный корабль. Стволы трехорудийных башен протянулись над его палубой, блестели сложенные крылья самолетов, стальная многоярусная мачта поднимала к тучам прямые рога дальномеров...

— «Герман Геринг» вышел в рейд, матросы! — повторил Агеев, и его лыжные палки глубоко вонзились в снег.

Он не прибавил ни слова. Всем было понятно и так: теперь как можно скорее нужно пробиться к своим — сквозь горные пропасти и вершины, мимо опорных вра-

жеских пунктов. Как можно скорее нужно радировать командованию о выходе «Геринга» в рейд!

Три фигуры разведчиков белыми молниями скользнули вдаль. Низко пригибаясь к снегам, сливаясь с горным ландшафтом, мчались к нашей радиостанции, установленной среди оккупированных врагом диких норвежских сопок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Четверо моряков сбежали со сходней и пошли по пирсу, по его ледяным, покрытым утоптанным снегом доскам. Мимо закопченных буксиров и барж, мимо низко сидящих, ощерившихся зенитками катеров с палубами, заполненными бойцами.

На некоторые корабли как раз шла посадка. Пехотинцы осторожно балансировали по трапам с вещевыми мешками за спиной, с автоматами на груди. Другие еще ждали на суше, у медленно вздымающихся бортов. Сидели на вещевых мешках, курили, отойдя подальше к скалам, ходили по пирсу, переминались с ноги на ногу, ждали очереди на посадку.

— Однако, — сказал Зайцев, — двинулся наш солдат в сопки.

Он немного отстал от друзей. Внимательно всматривался в лица, искал знакомых с сухопутья.

— Есть тут кто из автоматчиков майора Титова?

Нет, здесь была незнакомая часть. Зайцев вздохнул, догнал друзей, задержавшихся в конце пирса, нетерпеливо ждавших его.

— Похоже, серьезное началось дело, матросы!

— О Павле не разузнал? — спросил Старостин.

— Нет, здесь все с других участков, только идут на Средний... Серьезное, видно, началось дело. Смотрите, сколько буксиров уходит!

Они вышли на дорогу. Михаил Старостин нетерпеливо шел впереди, очень прямой, сосредоточенный, задорно поблескивая ярко надраенной бляхой ремня и пуговицами шинели. Друзья еле поспевали за ним. Подойдя к деревянному трапу, длинными коленами взбегающему вверх, Старостин остановился, решительно взглянул на друзей.

— Ну, вам налево, матросы? А мне, как нарочно, направо.

— Понятно, — буркнул Филиппов. — Уточнений не надо.

— Вы, значит, в Дом флота? Я тоже, может, попозже подгребу.

— Ты как раз подгребешь! — скептически сказал Зайцев.

Чтобы сократить путь, Михаил шагнул прямо в снег, провалился по щиколотку начищенным, как зеркало, ботинком. Выбрался на обточенный ветром гранитный скат.

— Наказанный Дон-Жуан де Маранья! — крикнул вслед Зайцев. — Вот она, непривычка к земле. Ножки не застудишь?

— Она ему посушит. Они договорятся, — добавил Филиппов.

Не отвечая, Старостин прыгал по камням, направлялся к верхней линии домов.

Они не обижались на Михаила. Знали — нынче у него решающий разговор. Почему-то Аня не вышла к кораблю, хотя, конечно, весь город уже знал, что «Громовой» ошвартовался у стенки.

Матросы все пошли бы поддерживать друга, если бы тактика не подсказала другого решения. Михаил был серьезен и сосредоточен. Ребята знали: у него будет с Аней окончательный разговор.

Так же торопливо они шли к Дому флота. Быстро темнело. Голубые иглы прожекторов шарили за сопками, где-то очень далеко. Бледные зарева залпов вновь и вновь вспыхивали на краю неба, пересеченного горным хребтом.

— А наши бьют! Все наши корабли бьют! — сказал Филиппов.

— Серьезное началось дело, — повторил Зайцев. — В библиотеку сразу зайдем или после? И в редакцию еще нужно подгрести.

— Давай сейчас в библиотеку, а в редакцию попозже, — откликнулся Филиппов. Он волновался за свои стихи, но ведь нужно же дать редакторам время познакомиться с ними!

У него и у Зайцева торчали под мышками библиотечные книжки. У Зайцева — первый том «Анны Карениной», у Филиппова — «Введение в высшую математику».

Им, собственно, некуда было спешить. В этом городке никто не ждал их. Вот если б корабль пришел в Архангельск, тогда другое дело. Тогда Филиппов тоже торопился бы расстаться с друзьями. Но он не волновался бы, как Михаил. Его Люська не дала бы ему повода так волноваться.

— Значит, уговор, матросы: в случае тревоги собираемся вместе, решаем по обстановке, куда идти, — сказал Филиппов.

— О чем говорить! — откликнулся Афонин.

Все это время он молчал, только старался идти в ногу с остальными такой же немного раскачивающейся морской походкой. Он чувствовал себя лучше, как-то свежее. Странное дело, этой ночью, отстояв вахту, крепко спал, несмотря на качку, несмотря на то, что волны сильнее, чем всегда, скреблись в борт и его почти сбрасывало с койки.

Страхи, о которых поговорил со старшим лейтенантом, как-то померкли, не мучили больше, будто Снегирев вскрыл какой-то долго назревавший нарыв.

— Может, и нет ничего в Доме флота?

— Есть, комиссар уточнял. Танцы и кино.

— Давно не танцевал я, друзья, — сказал Афонин.

— А мы, скажешь, танцевали? По минной дорожке, с юта на полубак...

Они пересекли мост над широкой площадью стадиона. Порядок! В Доме флота то и дело открывалась наружная дверь, у кассы толпился народ. Вестибюль, залитый электричеством, был полон солдатами в шинелях, слегка пахнущих махоркой, землянкой и йодоформом. Пехотинцы сдавали шинели в гардероб, проталкивались в гремящий музыкой зал.

Моряков почти не было. Группы девушек в бушлатах и шубках расхаживали по вестибюлю.

Трое друзей, конечно, разделись тоже, сдали в гардеробную шинели с шапками, засунутыми в рукава, и, затянувшись ремнями, пристегнув перед зеркалом гюйсы, прошли в библиотеку.

Им повезло. Второй том «Анны Карениной» был свободен. Филиппов тоже подобрал нужную книгу. Только Афонин не смог записаться, — не взял справки с корабля. Сунув книги в противогазы, они прошли в танцевальный зал.

Парни хоть куда, боевые моряки на отдыхе! Только Филиппов немного стеснялся своего подмороженного, ярко алеющего носа.

— Выглядишь ты как старый пират-выпивоха, — шепнул ему в дверях Зайцев.

Они заранее купили билеты в кино, — сеанс должен начаться через час. Когда стояли у кассы, подошли турбинисты Глущенко и Мотылев и сразу взяли десяток билетов для матросов, которые придут попозже, после окончания вахты.

— А вот и девчата нас поджидают, — сказал Филиппов, войдя в зал и поднося белоснежный платок ко все еще смущавшему его носу. Скосил глаза на его распухший кончик. Конечно, нос красный, но совсем не такой страшный, каким представлялся в воображении.

И действительно, этот нос не помешал ему пригласить на тур вальса хорошенькую краснофлотку, застенчиво поглядывавшую кругом. Только потанцевать! Люся не обиделась бы, если бы даже узнала об этом! И вот они уже кружились среди других пар, под шарканье валенок, кирзовых сапог, фетровых сапожек, открытых туфель...

В зал вошел Лужков — над карманчиком кителя бронза медали «За отвагу», развернутые плечи, ботинки, горящие как чертов глаз. Шел, присматривался, как бы небрежно, подыскивал партнершу для танца. Устал в походе и на дежурстве, щурились сонные глаза, но как упустить такую возможность — на часок-другой отлучиться в Дом флота?

— А вы что время теряете, лейтенант Репнин, имея в совместном плавании королеву бальных и западных танцев? — весело воскликнул Лужков.

Он застыл с подчеркнутым восхищением перед тоненькой, стройной женщиной в полуформенном флотском костюме рядом с тощим, сутуловатым офицером с эсминца «Свирепый».

— Сегодня не танцуем, — откликнулся долговязый лейтенант. Чуть застенчивая счастливая улыбка раздвинула его губы, пробежала по угловатому молодому лицу.

— Правильное решение! Туфельки нынче в цене, правда, Машенька? А после двух па вашего уважаемого

супруга потребовали бы капитального ремонта... В таком случае, может быть, удостоите чести?

Он пригнулся в изящном пригласительном поклоне.

— Нет, спасибо, — сказала маленькая женщина холодно, почти надменно. — И вы ошибаетесь — мой муж танцует теперь отлично. Мы бы вам это сейчас доказали... — Она замолчала, выражение застенчивости и счастья было и на ее окаймленном пушистыми волосами лице.

Репнин сказал негромко:

— Ей уже нельзя, Толя, понимаешь?

— Значит, поздравим скоро с прибавлением семейства? Машенька, не хмурьтесь, приветствую от души! — Лужков двинулся дальше.

— Зайдем, может быть, к тебе? — сказал жене лейтенант Репнин.

— Нет, родной, не успеем. Сейчас придут англичане с корвета, меня должны вызвать в штаб.

— Тебя могли бы уже не вызывать в штаб!

— Что делать, милый, все переводчики заняты, нужно помочь... — Она коснулась обветренной, малиновой руки мужа. — Опять вы, бедные, измучились в походе.

— Ерундовый поход. Никаких происшествий. Болтались, как обезьяны в клетке.

— Если верить тебе — все походы ерундовые.

— Они и есть ерундовые. Нечего тебе волноваться. Лейтенант со «Свирепого» держал жену под руку надежно и нежно, не мог наглядеться на нее с высоты своего солидного роста.

Блестел в углу серебром саксофонов и медью начищенных труб эстрадный оркестр ансамбля песни и пляски Северного флота. Музыканты были в краснофлотской форме, те же моряки с кораблей. Стены отливали глянцем больших фотоэтюдов: боевые эпизоды, портреты героев-североморцев.

Филиппов кружился, осторожно придерживая партнершу, и видел, как мелькнуло мимо довольное, порозовевшее лицо Афонина, ведущего штатскую девушку; как, лихо раскачиваясь, пронесся мимо разворотистый Зайцев.

Зайцев танцевал с младшим лейтенантом береговой обороны, овевающим его взмахами волос, спадавших на

маленькие белые уши. Девушка торопливо перебирала носками черных туфелек под форменной строгой юбкой.

— Извиняюсь, Верочка, — сказал вдруг Зайцев.

Конечно, он уже разведал имя младшего лейтенанта, и младший лейтенант не обиделся на такую вольность. Девушка могла обидеться скорее на другое: на то, что быстрые карие глаза уже не смотрели на нее, а радостно и беспокойно устремились вдаль, в толпу, тесным кругом охватившую танцующие пары.

— Извиняюсь, Верочка, — повторил Зайцев, как только танец кончился и музыканты опустили саксофоны и трубы. — Запеленговал фронтового друга. Один момент.

Он уже подходил к низкорослому пехотинцу с пришитым к рукаву гимнастерки золотым якорем в черном овале.

— Здорово, Пономарев!

Морской пехотинец взглянул, радостно подался вперед, протянул левую руку.

— А, Ваня Зайцев, здорово!

— Что это ты здесь?

— В госпитале провалялся неделю.

— Сильно ранен?

— Миной царапнуло. — Правая рука Пономарева висела на косынке защитного цвета. — Уже подлечился, денька через два обратно, в пекло.

— А жарко там сейчас?

— Жарко! — нахмурился Пономарев. — Ну, а ты как на корабле?

— В море — дома, — сказал Зайцев. Он думал о другом, но как будто не решался спросить. — Как там Москаленко у вас? Что-то давно он мне не пишет.

— Москаленко здесь, со мною в госпитале лежал, — неохотно сказал Пономарев, — худо ему.

Зайцев похолодел.

— Здóрово ранен Москаленко! Разрывной пулей в бок. Лежит в пятой палате.

Показалось, что в зале померк свет и куда-то вдаль ушли все звуки.

Зайцев подозвал Филиппова, Афонин тоже подошел к ним.

— Ты, Афонин, оставайся, мы обернемся до кино, — каким-то чужим голосом сказал Зайцев.

Но Афонин не хотел отставать от новых друзей. Все трое молчали, пока не вошли в госпиталь. Госпиталь был недалеко, меньше чем в кабельтове от Дома флота. Они успеют вернуться до начала сеанса. Они наспех условились о новой встрече и с младшим лейтенантом и со штатской девушкой, которым объяснили, в чем дело. Они теперь думали совсем о другом...

Москаленко лежал на угловой койке в длинной, затемненной черными шторами палате. Его лицо стало желтовато-прозрачным, обтянулись высокие скулы и большой красивый лоб. Зайцев и Филиппов с трудом признали закадычного друга.

— А комиссар-то здесь, матросы! — шепнул Афонин.

И точно, на стуле, около койки, сидел старший лейтенант Снегирев, так же как и они, одетый в больничный белый халат.

— А вот и корабельная делегация, — как всегда весело, сказал старший лейтенант. — Ну, орлы, стало быть, я пойду. А вы поправляйтесь скорей, Москаленко! Только выздоровеете, мы вас снова на корабль перетянем. Вам, видно, морской воздух необходим.

И он подмигнул так весело и лукаво, что Москаленко улыбнулся во второй раз. В первый раз лицо его просияло улыбкой, когда он увидел Филиппова и Зайцева, вошедших в палату.

— Ну, как она, жизнь-то, Павло? — сказал Зайцев, протягивая руку. — Значит, говоришь, ранен?

Филиппов не сказал ничего. Он смотрел и смотрел — и не мог выговорить ни слова, только взял в свои красные, разгоряченные руки и крепко сжал костлявые пальцы раненого.

— Видите, друзья, подкосился немножко. Разрывная пуля, — сказал Москаленко, не шевелясь, лихорадочно блестя глазами.

Старший лейтенант уже выходил из палаты. Зайцев придвинул к себе стул, но не сел, горько глядел на неподвижную фигуру друга, чуть обрисовывающуюся под байковым одеялом. Почему он такой неподвижный? Только голова шевелится на тонкой шее, и лоб стал страшно выпуклым и желтым, будто вылепленным из воска.

— И на койку можно сесть, — сказал Москаленко, слабыми пальцами поправляя одеяло. — Садись, Дима.

— А вот мы сейчас развернемся, — сказал Дима Филиппов. Он произнес эту фразу с трудом, судорога стиснула и не отпускала горло. — Мы у соседей банку рубанем.

Он отвернулся и пошел по палате, не мог смотреть на этот выпуклый лоб и неподвижное тело. Он сейчас успокоится, но пока судорога стиснула и не отпускала горло.

Афонин сел на стул. Зайцев на койку. Зайцев держал в руке пальцы Москаленко.

— Значит, они тебя в бок? А ты, верно, тоже покрошил их не мало?

— Мы Черный Шлем штурмовали, — сказал Москаленко. Его щеки порозовели, он снова стал похож на прежнего красавца плясуна. — Как дрались наши орлы, как дрались! Ты, Ваня, сам знаешь, ты там был, а описать... может быть, когда-нибудь опишут... — Он помолчал, прикрыл веками блестящие глаза. — Вы мне сперва скажите — как «Громовой»? Помнишь, он нам в сопках ночами снился. Ласточка наша родная!

— Живет «Громовой»! Мы по берегу стреляли, а сейчас только из дозора... Может быть...

Зайцев осекся, глянул на лежащих кругом раненых: конечно, все свои люди, а все-таки о корабельных делах — молчок.

— Я тебе, Павло, потом подробно все расскажу... Жаль, не знали мы, что ты здесь. Мы бы тебе шоколаду принесли. Теперь выдают вместо папирос некурящим. Я бы расстарался. Папиросы-то есть у тебя?

— Махорку дают. Да и старший лейтенант принес сигареты.

— А вот и шоколад, — сказал неожиданно Афонин. Он вытащил из кармана брюк полплитки в блестящей бумаге. — Ешьте, товарищ Москаленко, у меня лишний.

— Ешь, — радостно подхватил Зайцев. — Он, бродяга, все равно это для девушек припас. Ему не нужно — он и так красивый.

— Спасибо, — почти прошептал Москаленко. Он снова начал бледнеть, откинулся на подушки. — Я о тебе, Ваня, много думал. И о тебе, Дима. И о Мише Старостине. Цел Старостин?

— Жив-здоров Старостин, — сказал Зайцев. — Он теперь командир лучшего орудия.

— В последние дни наши корабли крепко с моря били, — тихо продолжал Москаленко. — Лежу в секрете и думаю: это «Громовой». По голосу узнаю.

— Постой, постой, — вымолвил наконец Филиппов.— Наверно, мы это и били! Перед самым наступлением много стреляли.

— Товарищи! — сказал вдруг Афонин. Он косился на часики, выступавшие из-под рукава фланелевки Зайцева. — В кино-то не опоздаем?

— А ты иди один, — злым шепотом откликнулся Зайцев. — Билеты у тебя, ты иди.

Все взглянули на Москаленко, как будто не слышавшего их, лежавшего, откинув голову, вытянув руки вдоль тела.

— Какая картина? — каким-то особенным, чужим голосом сказал Москаленко. — Давно я кино не смотрел. Вы, друзья, конечно, идите, не задерживайтесь из-за меня.

— Мы с Зайцевым еще посидим, — решительно сказал Филиппов. — Время есть. И крутят сегодня какую-то американскую дрянь. Была бы наша картина!

Москаленко лежал по-прежнему, но напряженность сошла с его лица.

— Во время тревог здесь плохо, — сказал Москаленко. — Кто ходить может, те прямым курсом в скалу, а мне нельзя. Вот и лежишь и ждешь, пока на тебя бомба не капнет. На фронте — другое дело, там как на охоте: следишь за ним, если снизится очень — ударишь... У нас недавно там один боец «мессершмитта» из пулемета сбил. Ей-богу! А тут лежишь, слушаешь.

— А вот и они здесь! — перебил Зайцев. — Легки на помине.

Откуда-то из страшного далека, пробиваясь сквозь наглухо закрытые, затемненные окна, слышался надрывный рев сирен. Раненые поднимались с коек, накидывали байковые халаты, брали костыли.

— Вот, стало быть, и вам пора идти, — прежним равнодушным голосом сказал Москаленко.

— Накрылось наше кино. А ты торопился! — почти одновременно бросил Зайцев Афонину, не вставая с койки.

Тоскливый рев сирен продолжался. Унылый, нарастающий, выматывающий душу звук. К нему примеша-

лись хищное завыванье моторов, торопливое и уверенное хлопанье зениток.

Палата уже опустела. В дверь заглянула сестра. Коренастая, в длинном халате, подчеркивающем шарообразные контуры ее тела.

— Это что еще за собрание? Все в скалу! Посетителям сейчас здесь вообще не положено... Дежурный врач, говорите, разрешил? А он вам разрешил во время тревоги в убежище не идти?

— Разрешил, — с апломбом сказал Зайцев. — А вы, сестрица, присядьте с нами. Мы здесь до отбоя. Никому не помешаем. Шоколадцу? А может быть, папироску? Или вы тоже в скалу?

— Мне в скалу нельзя, — угрюмо сказала сестра. — Я дежурная по этажу. А вот если вы не уйдете — честное краснофлотское, вызову врача, заработаете губу за неподчинение приказам.

— Это вы в своем праве, сестрица, — галантно произнес Зайцев. — А с другой стороны, возникает вопрос... Да вы присядьте, обсудим как боевые друзья...

— Вот пойду и доложу дежурному врачу, — сказала сестра, исчезая в дверях.

— О чем разговор! — воскликнул жалобно Зайцев. — Сидите, ребята, сейчас улажу дело.

Он догнал сестру в длинном, ярко освещенном пустом коридоре, пошел рядом с ней.

— Если вы такая принципиальная, — с отчаянием сказал Зайцев, — если вы на принцип хотите, командуйте — на руках вынесем друга в скалу. Понимать нужно, каково ему здесь. Носилки дайте, мигом снесем.

Сестра остановилась. Ее толстощекое лицо было грустно, строго смотрели маленькие глазки.

— Нельзя его трогать, понятно тебе? — раздельно сказала сестра. — Две операции ему делали, весь бок вырван, нагноение, гипс наложить нельзя. И шевелить его врач запретил. Что ж, ты думаешь, мы не люди? Не снесли бы парня в убежище?

— Понятно, — сказал Зайцев.

Он больше не смотрел на сестру. Вернулся в палату немного медленнее, чем обычно. Перед дверью провел рукой вдоль потемневшего лица, точно надевая на него прежнюю маску веселья.

Раз, раз, раз! — все ближе хлестали зенитки. Громыхнул тяжелый взрыв, будто шатнулась стена, мигнули лампочки, легкая пленка извести выбелила проход между койками.

— Все улажено с сестрой, — весело сказал Зайцев, садясь рядом с Москаленко. — Так вот, по вопросу о «Громовом»...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Пожалуйста, ну пожалуйста! — все крепче сжимая локоть девушки, говорил Михаил.

Они остановились у заснеженного, чуть различимого в морозном ветреном мраке крыльца. Прожектор берегового поста снова скользил по небу. Высоко-высоко, в самом зените, тонкий луч замер. Упершись в облачко, будто плавился фиолетовым расплющенным концом.

Луч постоял неподвижно, медленно скользнул вниз, скрылся за невидимой сопкой. И с другой стороны узкое светлое лезвие взметнулось вверх, подрожало в небе, нерешительно ушло за горизонт.

— Опять вроде летает, — сказала Аня.

— Объект вроде вашего не так легко пробомбить, — отозвался Михаил. — Разве только с пикирования, как на той неделе... Что ж, так и не зайдем к тебе?

Уже второй час она мучила его, водя по заснеженным улицам базы. Он застал ее дома, но у нее сидела подруга. Аня сразу предложила пойти подышать свежим воздухом в такую славную погоду. Они гуляли, но Михаил не болтал на этот раз о всяких пустяках, а расспрашивал Аню о ее жизни. Ни слова не сказал о любви, лишь ненароком всматривался в худощавое, милое лицо.

И она разговорилась доверчиво и серьезно, без обычных отшучиваний, к которым привыкла в легких разговорах с ребятами. Они совсем промерзли, вернулись к ее дому, но Аня не хотела заходить внутрь. А время уходило, с каждой минутой шло все быстрее.

— Не доверяешь, Аня? — с болью спросил Михаил.

Он встал так, что совсем близко, на фоне темных, отполированных полярными ветрами досок крыльца, белело ее лицо, оттененное круглой шапочкой, сдвинутой немного назад. Она шагнула к ступенькам, но он нежно и крепко держал ее за локоть.

— Мне скоро на дежурство пора, — тихо сказала Аня. Вновь попыталась освободить руку, и это усилие стало словно пределом ее сопротивления.

Она хотела остаться одна. Ей нужно было многое обдумать. Вот перестал говорить обычные любовные слова, расспрашивал о ее мечтах и стремлениях — и сразу стал как-то особенно дорог... Ей было очень трудно противоречить ему.

— Ты меня сейчас отпусти, Миша... Мы завтра повидаемся снова.

— Что? — переспросил Михаил.

Он туговато слышал после недавнего обстрела побережья, когда его оглушило сверху второе орудие главного калибра. С тех пор мир звуков как бы задернулся легкой завесой, в ушах надоедливо стоял тоненький, надрывный звон.

Но и он, конечно, услышал грохот выстрела, раскатившегося со стороны залива. Световая парабола, взлетев от воды, круто прорезала небо. Несколько мгновений тишины — и снова выстрел, снова унесся вверх трассирующий голубой снаряд.

— Видно, «Триста вторая» пришла, — возбужденно сказала Аня. — Два корабля потопили.

Они по-прежнему стояли тесно друг к другу. Но Михаил почувствовал: она сразу внутренне отдалилась от него.

— Пожалуй, еще стрельнут, — сказала Аня, всматриваясь в сторону пирса.

Два выстрела с подводной лодки — весть о двух потопленных вражеских кораблях. Конечно, подводники, в глазах девушек, побивали всех. У них громкая слава, ордена, уже не говоря о том, что они и вправду все как на подбор: бесстрашные, культурные, развитые ребята... Может быть, как раз на этой лодке пришел подлинный Анин избранник.

Лодка больше не стреляла. Густая ветреная мгла сомкнулась над тем местом, где скользит сейчас высокая ромбообразная рубка. Стоя у маленькой пушки, подводники вглядываются в родной затемненный берег.

— Может, у тебя на «Триста второй» кто есть? — с усилием произнес Михаил. — Ты мне прямо скажи. А тебя, Анюта, неволить не хочу. Если любишь кого, вашего курса пересекать не стану.

— Я бы сейчас любого расцеловала с «Триста второй»! — В тихом голосе Ани прозвучал подлинный восторг. — Победа-то какая, Миша! Два фашистских корабля!

— А если никого другого не любишь... — Старостин не мог сдержаться, близко наклонился к ней. — Знаешь, как нам в море трудно бывает... Знаешь, как сердце веселится, когда тебя в базе любимая девушка ждет? Я о тебе всегда думаю в море.

— И я о тебе думаю, Миша, — мягко сказала Аня. Михаил вслушивался изо всех сил. — Разве я, Миша, не понимаю, как вам трудно, какая война идет. Мы, девушки, тоже кое-что понимаем... Только... Не затем я сюда приехала, чтобы замуж выйти, — совсем по-другому, застенчивым, горячим шепотом добавила она.

— Я этого и не думаю, Аня, — жарко вымолвил Михаил. — Но уж коли встретились, понимаем друг друга... Я тебе слово как боевой подруге даю и никогда не нарушу. И ты мне дай слово.

Он обхватил плечи, запрокинул голову Ани. Чувствовал под рукой мягкую прядь волос, грубый мех воротника. Ее нежная щека скользнула из-под его губ. Ему не удалось разжать девичьи прохладные губы.

— Мы советские люди, нам друг с другом играть не приходится. Скажи: хочешь мне жизнь облегчить?

Слова, так просто и задушевно сказанные старшим лейтенантом, всплывали в памяти, страстно срывались в темноту:

— Я тебя, Аня, все больше ценю как верного друга...

Он видел, что она все ближе приникает к нему, ее полузакрытые глаза совсем близко мерцают теплой ласковой чернью. Огромная нежность переполняла его сердце.

— Я тебе с Новой Земли чернобурку привезу, — прошептал ей в самое ухо. — Слово моряка — куплю самую лучшую.

Неожиданно резко рванувшись, она высвободилась из его рук, взбежала на крыльцо.

«Обиделась... — похолодел Михаил. — Ясно, за чернобурку! Хорош я: советский человек, а бахнул как иностранный матрос. Как пьяный иностранный матрос... То — боевая подруга, а то — чернобурка...»

— Ты только, Анюта, не обижайся, — отчаянно сказал он. — Сморозил про чернобурку... Я от чистого сердца...

Она смутно темнела над поручнями крыльца: тоненькая прямая фигурка на фоне запорошенной снегом стены.

— Завтра приходи, — сказала отрывисто Аня, и ее голос прозвучал по-новому — холодно и чуждо. — Мне на дежурство пора.

Михаил взбежал по ступенькам, взял ее за руку.

Она отстранилась, молчала, глядела в его яркие, пристальные, правдивые глаза. Опять совсем близко чувствовала его дыхание.

— Не сердишься, Аня? — с отчаянием сказал Михаил. — Знаю, что ты не такая... Это американцы своих девушек на шелковые чулки и всякое барахло ловят... Пойми ты: просто увидел — только теперь, Анютка, раньше как-то глаз не доходил, — у тебя воротник на шубке неважный, тебя в нем нашими ветрами насмерть просвистеть может...

«Глупый, глупый, — думала Аня. — Как могу на него обижаться! Если бы кто другой... А он это от любви сказал, правильно, что от чистого сердца... Он добрый... С виду хмурый, строгий, а какой добрый... Но как сделать, чтоб он ушел? Не могу решиться... Не хочу выходить замуж. Я же ему объяснила, что не затем мы — комсомолки — приехали сюда...»

— Анютка! — страстно, нежно, вопросительно, в который раз повторил Михаил ее имя.

«Если не уйдет сейчас, позову его к себе, — думала Аня. — Он хороший, близкий, самый родной... Никто еще не говорил со мной так... Он снова в море уходит на днях, может быть на верную смерть... Они все уходят в море, может быть на верную смерть. Но этот самый близкий, любимый. Мне все труднее расставаться с ним».

Но она повторила упрямо:

— Завтра приходи. До завтра недолго.

«Нельзя сказать ей! — подумал Михаил, и сразу пробежал по спине озноб и бросило в жар. — Нельзя сказать ей, что, наверное, уйдем нынче ночью! По всем признакам, уйдем нынче ночью, на обстрел берегов... А был бы тогда другой разговор! Хотя бы намекнуть? Нет, командир всегда предупреждает: каждый выход — воен-

ная тайна, скажешь одной — пойдет по всей базе... Но если бы она знала, что снова уходим в бой... Еще имею больше часа, должен вернуться на корабль в двадцать ноль-ноль... Хочу получить сейчас же ее крепкое слово, не могу уйти просто так...»

Но он молчал, ни слова не сказал о корабле. Нет, никаких намеков! Будь что будет... Она скользнула внутрь, закрылась наружная дверь на тяжелом блоке. Он шагнул следом — в темноту крыльца, нащупал дверь в квартиру.

Прихожая была освещена. За одной дверью пело радио, за другой стояла полная тишина.

— Аня, — сказал Михаил, — впусти на минутку.

За дверью молчание. Заперлась, наверно, на ключ. Михаил нажал ручку. Конечно, заперлась на ключ.

— Аня, впусти на минутку.

Вдруг у него сжалось сердце: за дверью послышалось всхлипывание, тихий, беспомощный плач. Он стоял, замерев, в маленькой пустой прихожей, в своей шинели с начищенными пуговицами, в проледеневших хромовых ботинках. Плач прекратился. И музыка по радио прекратилась, оборвавшись мягко и внезапно.

— Сейчас по радио тревогу объявят, — громко сказал Михаил. — Слышишь, Аня? Все равно в убежище идти.

И верно, снаружи, со стороны пирса, густо завыл буксир. И тотчас что-то щелкнуло в приемнике.

— Внимание! Говорит штаб противовоздушной обороны. Внимание! Воздушная тревога.

Михаил выбежал на крыльцо. С окрестных сопок били зенитки. Как всегда — будто торопливое хлопанье огромного огненного бича. Внизу было темно, база молчала, затаилась в горах, и только в стороне скрещивались медленно летящие малиновые шарики, расцветали оранжевые язычки разрывов.

Все как обычно. Но вот будто внезапно наступил день. Фантастический зеленовато-голубой мертвенный свет залил окрестности.

Шипящая огненная тарелка медленно опускалась над деревянными домиками базы. Она плыла в небе, как плоская световая медуза, и даже сквозь грохот стрельбы и гул самолетов было слышно ее шипение.

Аня уже стояла на крыльце. Кутаясь в шубку, смотрела на небо.

— Осветительные кидает! — крикнул Михаил. — С осветительными дело хуже. Я на корабль, Аня!

Он еще раз оглянулся, сбегая с крыльца. В неестественном свете ракеты ее лицо казалось очень худым и трогательно близким.

— Теперь в убежище не успеешь, — бросил Михаил на бегу. — Услышишь бомбу, — ложись у дома за камень. Там, где сугроб...

Ракета шипела. Раскаленные шарики снарядов летели теперь прямо к ней, коснулись ее, она медленно рассыпалась в небе. Но рядом повисла вторая. Михаил бежал стремглав. Ноги сразу согрелись, стало гулко стучать сердце, своим стуком заглушая все остальные звуки. В первый раз Гитлер бросил осветительные над самой базой, над его родным кораблем...

— Искать самолеты врага, без моего приказа не стрелять, — четко и торопливо сказал капитан-лейтенант Ларионов, взбежав на мостик «Громового». — Гордеев, передайте по всем кораблям.

— Есть передать по всем кораблям! — отозвался Гордеев.

Эсминец до малейших деталей был залит дрожащим мертвенным светом ракеты. Звенела стальная палуба, экипаж разбегался по боевым постам. Сидя в кожаных креслицах, похожих на велосипедные седла, зенитчики крутили штурвалы наводки, старались поймать самолеты в перекрестья прицелов. Прямо вверх были устремлены раструбы длинных узких стволов.

Тени, густые, будто нарисованные тушью, падали от надстроек и механизмов. Сигнальщики всматривались в небо; телефонист стоял у нактоуза; провода наушников, как круглые щупальца, бежали по палубе.

К счастью, был отлив. «Громовой» и другие корабли почти не выступали над стенкой.

— Вижу самолет противника! — доложил старшина Гордеев.

— Вижу самолет противника! — крикнул сигнальщик с другого крыла.

— Без приказа стрельбу не открывать! — повторил Ларионов.

Первый раз врагу удалось повесить ракеты почти над самой базой. Но летчики едва ли видят корабли, едва ли видят маленькую кучку домов, затерянную в однообразных скалах. «Могут бомбить по площади, по очертаниям залива, но это уже не то. Это уже не то!» — думал капитан-лейтенант Ларионов. Он был сегодня старшим на рейде, чувствовал ответственность за все корабли, стоящие в базе.

Старостин взбежал на корабль. Его веки горели, из-под меха ушанки стекали на глаза жгучие струйки пота. Он пробежал к первому орудию, поднявшему высоко вверх белый могучий ствол.

— Порядок, старшина, — сказал замочный Сергеев.

Одним взглядом Старостин охватил все. Брезент с казенной части снят, барашки кранцев отвернуты, снаряды лежат на матике возле щита.

— Дульную пробку вынуть не забыл? — спросил Старостин.

Он сказал это больше как утверждение, чем как вопрос. Уже видел: пробка с пятиконечной звездой, укрывшая дуло от снега и брызг, снята, как положено по уставу.

Всю дорогу его мучила мысль, не забыли ли матросы снять пробку. На одном из кораблей был случай: впопыхах забыли снять пробку; спохватились уже в последний момент, все орудие могло разнести.

— Обижаете, старшина, — сказал Сергеев. Его голова была запрокинута, он смотрел на плавящуюся в небе тарелку.

— Какие приказы были? — спросил Старостин, становясь на место.

Запальные трубки блестели в пазах холщового пояса, обхватывающего талию Сергеева. Старостин еще раз окинул орудие взглядом. Все готово к стрельбе.

— Искать самолеты, без приказа стрельбу не открывать, сам командир с мостика по трансляции приказал,— доложил вполголоса первый наводчик.

— Есть искать самолеты, стрельбу не открывать, — повторил Старостин. Уловил недоумение в голосе наводчика, но повторил приказ как само собой разумеющееся дело.

— Недавно над Мурманском как дали из главного калибра — от «юнкерса» только щепки полетели... — начал было кто-то.

— Разговорчики! — крикнул Старостин.

У орудия была тишина. Наводчики припали к оптическим приборам. Морозный воздух гудел близким громом вражеских самолетов.

— Вижу «юнкерс», — задыхающимся шепотом сказал наводчик Мусин. — Идет курсом на зюйд.

— Держать в прицеле, — приказал Старостин.

Он тоже видел самолеты, поймал их в окуляры бинокля. Они шли на большой скорости, чуть поблескивая плоскостями в прожекторном свете. Они были высоко, но не так высоко, чтобы не нащупать их главным калибром. Его сердце стучало быстро и глухо, пальцы до боли сжали бинокль.

Обнаружил ли враг корабли?

Ларионов тоже видел самолеты в бинокль. Обнаружили ли они корабли? Если обнаружили, нужно стрелять. Если нет — нельзя вспышками привлекать их внимание. «Свирепый» тоже не стреляет. Командир «Свирепого» слышал приказ. Он — Ларионов — старший на рейде, его приказу сейчас повинуются все. Главное — не рассекретить пирс, у которого грузится столько кораблей.

Тяжелый взрыв... второй... третий... Бомбы рвутся в стороне, их сбросили по площади без прицела.

Снегирев стоял в двух шагах от командира. Он увидел — улыбка пробежала по строгому, резко очерченному лицу. Увидел это улыбающееся, зеленовато-желтое лицо, и вдруг оно исчезло в темноте. Ракеты погасли, темнота залила все.

— Выдержали характер, товарищ капитан-лейтенант!

Ларионов провел рукой по лицу. Лицо было мокро от пота, и во рту солоноватый вкус крови. «Неужели я закусил до крови губу? — подумал Ларионов. — Ребячество какое».

У него была манера прикусывать губу в минуты трудных решений... Так же он прикусил губу во время того трагического похода на лодке.

— Жаль, ушли самолеты! — послышался рядом голос лейтенанта Лузгина.

Лузгин, командир зенитной батареи «Громового», только что взбежал на мостик со своего поста. Снегиреву, стоявшему у зениток, запомнилось его высоко запрокинутое лицо, вцепившиеся в черную гладь бинокля пальцы, суставы, побелевшие от напряжения.

— Ударить бы всеми стволами, открыть по ним огонь! — горько сказал Лузгин.

— А вы не понимаете, почему мы не открыли огонь? — обычным своим бесстрастным голосом ответил Ларионов. Капитан-лейтенант стоял очень близко от шкафчика с микрофоном, и как бы ненароком его голос донесся до каждого боевого поста.— Видели ли они пирс с кораблями? Едва ли. Ракеты горели недолго, не над самой базой. А открой мы стрельбу — запеленговали бы нас по вспышкам. Мы не стреляли, но комендоры «Громового» всегда успели бы вовремя открыть огонь.

Ларионов отодвинулся от микрофона.

— И потрудитесь вернуться на свой командный пункт. Пока еще не было отбоя воздушной тревоги. Понятно, лейтенант?

— Так точно, понятно, — сказал лейтенант Лузгин.

Он пошел с мостика в густой, черной морозной тишине. «Осторожность и расчет, только расчет и холодная осторожность — вот он весь, капитан-лейтенант!» — думал с неприязнью Лузгин. Ему было это не по душе. Он недавно приехал на флот, ему хотелось ярких подвигов, хотелось видеть горящие, падающие в море самолеты, пылающие вражеские корабли...

— Стой! Кто идет? — спросил часовой у трапа.

— Свои. Филиппов, Афонин, Зайцев, — ответил торопливый голос Зайцева. Трое пробежали по сходням, бросились к своим боевым постам.

Они просидели с Москаленко все время тревоги, не видели осветительных ракет над крышами базы. А потом бежали на корабль в полной темноте, в неизвестности, в тревоге: не случилось ли чего-нибудь с «Громовым»?

Афонин взбежал на мостик, стал на свой наблюдательный пункт.

— И ни разу не ударили по гадам, — сказал Афонин с болью и обидой в голосе, стирая с лица пот. — Подбить бы пару самолетов, заказать им летать сюда. Почему не стреляли?

— А ты не понимаешь почему? — услышал он рассудительный голос Гордеева. — Недолго горели ракеты, не над самой базой. А открой мы стрельбу — обнаружили бы нас по вспышкам. Теперь понятно тебе это дело?

За бортом, из темноты, тоже шипел пар, пели вентиляторы, слышались голоса и шаги. Там стоял «Свирепый» со сходнями, переброшенными на «Громовой». Смутно чернели зачехленные торпедные аппараты.

Лужков шел мимо торпедных аппаратов «Громового».

— Толя, — окликнул с палубы «Свирепого» лейтенант Репин.

— Я, — отозвался Лужков.

— Потанцевать, значит, не удалось?

— Разок прокрутился по кругу. Жену успел проводить?

— Ее в штаб вызвали, еще до тревоги.

— Молодчина она у тебя!

— Командному составу собраться в кают-компании, — прозвучал голос по трансляции «Свирепого».

Вспыхивали бледные отсветы артиллерийских залпов над Рыбачьим и Средним. И дымное зарево окрашивало горизонт со стороны горевшего от бомбежки Мурманска.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Скалы, ущелья, ледники... Ослепляющие белые вихри крутятся над обрывами черных, срывающихся в бездны вершин. В ущельях лежат снега. Тянутся пологие подъемы и скаты. И снова сопка огромными ступенями устремляется в туманное, облачное небо, и снова блестят ледники, как широкие, взметнувшиеся к небу реки.

А внизу глухой рев океана, вспененная дикая вода, штормовые туманные дали, неустанный прибой бешеного Баренцева моря...

Сопки как снеговые миражи, уходящие вдаль, громоздящиеся одна за другой, озаренные артиллерийским и ракетным огнем.

Кольский полуостров. Хребет Муста-Тунтури, Рыбачий и Средний — передний край заполярного фронта.

Сюда в первые часы войны двинулись из Скандинавии фашистские горноегерские части. Они карабкались по скалам, прокладывали в сопках дороги, спускались на

парашютах, поддержанные бомбежками воздушных армий. Тренированные в баварских и австрийских Альпах, одним броском захватившие Крит, оккупировавшие норвежские порты. Несущие на рукавах черные свастики и на кепи — желтые цветы эдельвейса. Гордящиеся медалями за взятие Нарвика и Крита...

Жестокие, тяжелодумные, выносливые парни, привыкшие слепо повиноваться, привыкшие легко побеждать. Они легко одолевали французов, норвежцев, англичан. Они приучились презирать врага, так просто покоряемого ими.

Им дали приказ: форсировать полярные горы, занять Мурманск, захватить базы Северного флота, одним ударом кончить войну в Заполярье.

И они уверенно двинулись вперед, прошли несколько миль и сшиблись с советскими войсками — надменные фашистские головорезы.

Их подымали в психические атаки. Они шли во весь рост, сомкнутым строем, с автоматами, прижатыми к животам. Шли в зеленеющих теплых долинах, под солнцем короткого полярного лета.

Но наступило то, чего еще ни разу не испытывали они за все месяцы фантастически легкой войны в Европе и в африканских пустынях. Их отбросили назад. Одна долина, усеянная их телами, так и стала с тех пор называться Долиной смерти.

Их отбросили назад, и они стали окапываться на горных вершинах, строить долговременные укрепления, готовиться к жестокой полярной зиме. И они сидят там месяц за месяцем, забившись в гранит, прикрытые накатами бревен, минными полями, рядами колючей проволоки под высоким напряжением...

Высота Черный Шлем. Когда Калугин ездил к разведчикам на передовую, он видел издали эту высоту: гранитную, повитую туманами сопку, с вершиной, подернутой облаками. Ее назвали Черным Шлемом потому, что весь снег зимой, всю зелень летом сорвали с нее залпы батарей. От разрывов снарядов закоптились и почернели ее отвесные склоны.

И вот теперь идет новый штурм этой высоты. Решающий, беспощадный штурм. Высота Черный Шлем — вот сейчас цель для ударов советской пехоты, поддержанной огнем корабельных батарей...

Калугин читал корреспонденцию Кисина: пахнущие свежей типографской краской колонки на развернутом газетном листе.

СЛАВА МОРСКОЙ ПЕХОТЕ

Третьи сутки над занесенными снегом сопками, в ясные короткие дни и в лунные вьюжные ночи, полыхают зарева от минометных и артиллерийских залпов, смешиваясь на горизонте с фонтанами трассирующих снарядов и пуль.

Я пишу эти строки под плащ-палаткой, между сугробами, во время короткого отдыха части автоматчиков, которая сейчас снова начнет штурм высоты. Идет артиллерийская подготовка. Вьюга заносит Черный Шлем, а взрывы снарядов опять обнажают его гранитые склоны.

С моря бьют наши эсминцы, с занятых нами обратных скатов — легкие орудия и минометы. И таким же огнем отвечают нам немцы. Уже несколько раз переходили из рук в руки вершины Черного Шлема, вчера форсированные с моря внезапным ударом наших разведчиков. Об этом ударе будут писать поэмы и песни, но сейчас я хочу рассказать о нем хотя бы в торопливых газетных строках.

Разведчики шли в одних гимнастерках. Плащ-палатки в скатках через плечо, в руках автоматы, вокруг пояса у каждого несколько гранат, неизменный кинжал для рукопашного боя.

Это было ночью, и в лунном зеленом свете огромная сопка вставала как отвесная стена. Фашистский гарнизон спал. И в голову не приходило врагу, что в такую лунную ночь наша армия начнет наступление.

Разведчики решили атаковать сопку с почти отвесного, неприступного ската. Двухсотметровая высота — это как десять шестиэтажных домов, поставленных друг на друга! И в то время как автоматчики подкрадывались с пологой стороны, шли в сугробах, порой проваливаясь в снег по пояс, разведчики стали карабкаться по скользким, обледенелым уступам.

Один поскользнулся, повис над пропастью. Но он не вскрикнул, не позвал на помощь.

— Осторожнее, друзья, — отдал приказ командир, — главное — застать их врасплох...

Вот первый разведчик взобрался наверх, приник к камням невдалеке от часового. Это был сержант Николай Петров, пехотинец, бившийся с гитлеровцами под Минском, под Смоленском, под Москвой, а теперь переброшенный на Север. Рядом с ним полз

Павло Москаленко — моряк с эсминца «Громовой». Серые очертания блиндажей и землянок вырисовывались перед нами.

— Вер да? — всматриваясь в ночь, крикнул немецкий часовой. Он услышал шорох. Напряжение и страх были в его голосе.

Петров бросил гранату. Ослепительным дымно-красным пламенем полыхнула ночь.

— Североморцы, за мной! — ринулся вперед командир.

Из блиндажей началась беглая стрельба. Длинные языки пламени взвивались из-за каменной кладки.

— Вперед, русские матросы! — крикнул Павло Москаленко.

Разведчики ворвались в блиндажи. В пламени выстрелов блестели широкие стволы орудий, черные крылья одноглавых орлов мелькали на шинелях немецких артиллеристов... В это время с другой стороны автоматчики ворвались на высоту.

Высокий артиллерист ухватился за автомат красноармейца Акопа Акопяна, схватил Акопяна за горло. Сзади бежал корабельный кок Виталий Мартынов: в кулаке финка, ремень автомата на шее. Его шерстяной подшлемник, как старинная корсарская шапка, окружал разгоряченное лицо. Он кулаком ударил фашиста в скулу, его финка вонзилась в тело врага.

Разведчики и автоматчики соединились на высоте.

И с тех пор непрерывно длится бой. Несколько раз ураганный огонь противника заставлял наших бойцов откатываться вниз. Сейчас автоматчики отошли, готовятся к новому штурму. Враг подтягивает все новые силы, но наши воины уверены в победе. Мы знаем: мы вырвем у врага высоту Черный Шлем.

Вокруг меня товарищи осматривают оружие, готовят к бою гранаты. Гудят над нами снаряды североморских кораблей, заставляя врагов прижиматься к камням, расчищая нам дорогу вперед.

— Вперед, к победе! — вот лозунг, с которым сейчас мы снова пойдем в атаку.

Слава морской пехоте!

Так кончалась корреспонденция, подписанная «Л. Кисин».

Калугин прошелся по комнате. Присел к столу, вчитывался в свои корабельные записи. Там, в сопках, продолжается бой, пурга заносит могилу с телом Кисина. Здесь я должен помочь друзьям оружием слова...

Спустя полчаса он сидел возле машинки, рядом с Ольгой Петровной. Расправил перед собой черновик. Она вложила бумагу в каретку.

— Можно начинать? — спросил Калугин.

— Пожалуйста! — она чуть улыбнулась ему, положив на клавиатуру бледные пальцы.

— Заголовок: «Залпы с моря», — сказал Калугин. — Текст:

«Эсминец стал на якорь в небольшой продолговатой губе. Скалистые берега поднимались в сумрачное небо. Только что светило яркое солнце, но вот низкое облако закрыло берег, подул мокрый ветер, закружился тяжелый снег, оседая на палубе и на длинных пушечных стволах.

Орудийные расчеты были на своих местах. Краснофлотцы нетерпеливо смотрели на берег. Капитан-лейтенант Ларионов вышел из штурманской рубки...»

Калугин перестал диктовать. Стук машинки прекратился.

— Зачеркните: «Капитан-лейтенант Ларионов». Напишите: «Командир корабля».

Она искоса взглянула на него, как будто хотела что-то спросить, но молча стерла строчку, вписала новые слова.

— «...Командир корабля глядел на ряды снарядов и зарядов, лежащих у элеватора, на блещущую смазкой сталь стреляющих приспособлений, на внимательные, строгие лица комендоров.

«Эти не подведут», — подумал он о верных боевых товарищах. Он нетерпеливо ждал сигнала с берега. Ответственная и почетная задача стояла перед кораблем в этот день...»

Снаружи завыл буксир. Воздушная тревога! В коридоре хлопали двери. Дежурный заглянул в комнату.

— В убежище, товарищ капитан!

— Сейчас пойдем, — сказал Калугин.

Старшина прикрыл дверь. Калугин взглянул на Крылову. Она сидела, положив пальцы на клавиши, смотря прямо перед собой, может быть прислушиваясь к начинающейся стрельбе.

Вдруг вспомнился рассказ Ларионова о том, как тяжело переживала Ольга Петровна первые воздушные налеты.

— Ну, пойдемте в убежище?

— Пойдемте, — сказала она, не вставая.

— А может быть, сперва докончим статью? Тут немного.

За окном били зенитки. Перестали реветь буксиры. «Еще успеем добежать, — думал Калугин. — До скалы три минуты хода. Но нужно сдать очерк».

— Давайте быстренько докончим статью...

— Давайте докончим, — охотно согласилась она.

— «Там, далеко на берегу, — диктовал Калугин, — наши бойцы отвоевывают у врага родную советскую землю. И кораблям нужно стрелять так, чтобы орудийный огонь, выжигая врага из его нор, не поражал своих. Нужно накрывать пункты, точно намеченные корректировщиками.

С берега дали корректировку. Прозвучала команда. Первый залп полыхнул в сторону вражеских укреплений. И уже краснофлотцы подхватывали новые снаряды и заряды, подавали к орудиям, посылали смерть за линию береговых скал. «Врага не видим, но бьем его насмерть!» — говорят комендоры «Громового».

Крылова вынула из каретки законченный лист, вставила новую бумагу. Стрельба снаружи усиливалась. Калугин видел, как слегка трепещут пальцы, поправляющие бумагу. Его сердце тоже начало биться быстрее.

«Сосредоточиться, сосредоточиться, думать только о статье! Я ведь тоже выполняю боевое задание! Нужно больше чувства, больше боевой ярости!»

Он уже почти не смотрел в черновик, более яркие, точные выражения сами приходили на ум.

— Можно продолжать? — спросила Ольга Петровна. Ее голос звучал слегка напряженно.

— Продолжаем, — сказал Калугин.

«— Ну, как дела? — спросил в аппарат командир корабля.

— Хорошо, накрываем, еще давай! — слышался далекий голос боевого товарища, следящего за результатами стрельбы. — Один больше, пять вправо!

Корабль содрогался от залпов, скользили снаряды в пушечные лотки.

— Дай десяточек еще! — слышался голос в телефоне.

Как ненавидел командир корабля этих фашистских зверей, истребляемых залпами эсминца, этих убийц женщин и детей, убийц его лучшего товарища и друга, капитана третьего ранга Крылова...»

Машинка внезапно замолчала. Калугин опомнился: «Что я говорю, этого же не было в моих набросках». Он

взглянул на Ольгу Петровну. Она сидела прямая и неподвижная, казалось — побледнели даже ее губы.

— Пожалуйста, вычеркните слова: «капитана третьего ранга Крылова», — сказал смущенно Калугин.

— Нет, пусть остаются, — тихо попросила Ольга Петровна.

— Хорошо, пусть остаются...

Он продолжал диктовать:

— «Час за часом корабль вел огонь. Высшую скорострельность дали моряки «Громового». Они хорошо понимают: каждая сэкономленная секунда — лишний шанс победить врага. Недаром у нас говорят: «Кто первый накрыл цель в море, тот и победил!» А моряки «Громового» экономят на каждом выстреле от четырех до пяти секунд!

А в стрельбе по берегу, поддерживая наступление пехоты, необходимо было подавить противника ураганным огнем».

Он диктовал и заставил себя почти забыть окружающее — хлопанье зениток, нарастающий вой самолетов. Заставил себя думать только о корабле, о материале, собранном в походе.

— «...Во время стрельбы старший лейтенант Снегирев обходил боевые посты корабля. Снегирев прошел к первому орудию. Уже давно наступило обеденное время.

Михаил Старостин подготовлял орудие к выстрелу. Невысокий, ловкий первый снарядный Широбоков, — он заменил героя-комсомольца Михайлова, погибшего в бою с торпедоносцами в океане,— с поразительной легкостью принял у второго снарядного тяжелый снаряд, со звоном послал его в лоток. Снаряд дослан в ствол, следом скользнул заряд. Сергеев вставил запальную трубку, захлопнул замок. Расчет ждал ревуна.

— Ну как, устали? — спросил Снегирев комендоров. — Сейчас покушаете, — подадут к орудию обед.

— Товарищ старший лейтенант, — умоляюще произнес Старостин, — разрешите пока не обедать. Весь расчет просит!

— Мы-то пообедать успеем,— добавил один из комендоров. — Зато вот этот снаряд сейчас дадим фашистам на первое, этот на жаркое, а следующий сойдет за компот.

И вновь гремели залпы. Снегирев тут же сообщал на орудия результаты обстрела.

— С корректировочного поста передают — хорошо стреляете! Накрыт вражеский дот. Горит командный пункт. Прямое попадание в скопление противника на сопке!

И когда из-за скал появились вражеские самолеты, мгновенно повернулись в их сторону пушечные стволы.

— Мусоршмитты идут! — пробормотал Сергеев, затыкая в свой широкий пояс новые запальные трубки...»

«Мессершмитты»? — перестав писать, спросила Ольга Петровна.

— Не «мессершмитты», а мусоршмитты. От слова «мусор», — сказал нетерпеливо Калугин. Он продолжал: — «Сегодня наша газета печатает рассказы моряков с орудия Старостина — о том, как они овладевали своим мастерством, завоевали честь считаться лучшим орудийным расчетом корабля. Вы увидите из этих рассказов, что ни одного лишнего движения не должно быть в работе у пушки.

— У меня рассчитан каждый шаг, — рассказывает замочный Сергеев. — Сделаешь лишние полшага в сторону — и уже нарушишь непрерывность движения товарищей. При подготовке выстрела ходить нужно буквально по пятам друг за другом, тогда довольно полуоборота, чтобы принять у соседнего номера снаряд или заряд. Этим экономим и время и силы...»

Он перелистывал страницы блокнота, делал выборки из бесед, подолгу молчал, обдумывая нужную фразу. Взглядывая на Ольгу Петровну, видел внимательное, чуть потупленное, такое женственное лицо и легкие пальцы, лежащие на клавиатуре машинки.

Она так боялась воздушных тревог — и вот сидит, невозмутимая с виду, когда над крышей урчат вражеские самолеты. Ее так баловал геройски погибший муж — и вот идет на службу в любую погоду, проводит в редакции целые дни, безотказно работая, но думая о чем-то своем. Она возвращается в пустую квартиру, где все напоминает о потерянном счастье, где далеко за полночь светится бессонная лампа. Этот свет, робко проникающий сквозь затемненное окно, и теперь, наверное, видит иногда Ларионов, проходя ночной улицей мимо дома трагически погибшего друга.

— «...Часто в походе командир корабля приказывает дать сигнал учебной боевой тревоги. Гремят колокола громкого боя. Расчеты бегут к орудиям, работают с приборами наводки. В густой тьме на скользкой качающейся палубе молниеносно подносят боезапас. Иногда волны обдают людей с головой, но моряки так же четко продолжают работать.

А когда корабль возвращается в базу, краснофлотцы часами упражняются на стенке, у тренировочного станка заряжания. Тяжелые болванки, каждая весом с орудийный снаряд, перелетают из рук в руки, скользят в лоток тренажера. Этим еще больше улучшается слаженность движений, доведенная до автоматизма.

Расчет Старостина берет от замечательной нашей техники все, что она может дать, ведет за собой остальные орудийные расчеты «Громового». Комендоры других кораблей! Перенимайте опыт артиллеристов Старостина! Пусть знают бойцы сухопутья: моряки не жалеют сил, чтобы приблизить срок окончательного разгрома врага!» Все, — сказал Калугин. — Поставьте подпись.

Ее тонкие пальцы еще раз пробежали по клавиатуре, и она стала вынимать лист из каретки.

Калугин молча сложил страницы, просматривал на краю стола.

— Много ошибок? — рассеянно спросила Ольга Петровна. Ее волнение стало передаваться ему.

— Нет, ничего... Тут буквы заскакивают...

— Это такая машинка. Ее уже на свалку пора. С ней только я обращаться умею.

Она встала, подошла к затянутому черной бумагой окну, слушала треск зениток.

— Ну, теперь пойдем в убежище? — спросила она со слабой усмешкой.

— Теперь уже поздно, — сказал Калугин. — Меня комендантский патруль задержит.

Он не смотрел на нее, правил статью с подчеркнутым вниманием. «Дернуло меня за язык упомянуть о ее муже! После того как обещал Ларионову... после того как узнал всю эту историю!»

— Ну, спасибо за перепечатку, Ольга Петровна. Нужно нести очерк майору... Вы бы отошли от окна... Если поблизости бомба, ударит осколками или воздушной волной...

Она, отвернувшись, молчала. Калугин шагнул в коридор. Майор, верно, тоже не пошел в убежище, готовит материал в номер... И точно, в большой комнате боевого отдела майор сидел, склонившись над столом, что-то старательно писал на полях перечеркнутой страницы.

— Вот очерк, товарищ майор.

— Давайте!

Не глядя, майор протянул руку, положил листки рядом с собой.

— Кончу обрабатывать это гениальное произведение и примусь за ваше. Вы почему не в убежище?

— Писал, а теперь, пожалуй, скоро отбой тревоги.

— Когда объявляют тревогу, все военнослужащие, свободные от вахт, должны быть в убежище, — наставительно сказал майор.—Теперь на корабль, за аттестатом?

— Нет, побуду еще здесь. Нужно редактору показать стихи... моего автора... Я думаю, «Громовой» простоит здесь ночь?

— Не знаю, — угрюмо сказал майор. — А если бы и знал, не сообщил бы.

Навалившись на стол, нагнув колючий затылок, он тщательно перечеркнул очередную страницу, стал выписывать на полях новую объемистую фразу.

Калугин вышел в коридор. Старшина — дежурный по пожарной охране — взглянул на него с упреком.

— Воздушная тревога, товарищ начальник. В помещении быть не положено.

«Выйду наружу, постою у крыльца, — подумал Калугин. — Да, фуражка! Фуражку оставил в машинном бюро...»

Ольга Петровна по-прежнему стояла у окна. Калугин взял фуражку.

— Что вы знаете о капитане третьего ранга Крылове? — вдруг спросила она.

Калугин остановился. Внешне она казалась почти спокойной. Шагнула, оперлась рукой на столик с машинкой.

— Вам рассказал о нем капитан-лейтенант Ларионов?

— Вы напрасно обидели капитан-лейтенанта, — вымолвил почти невольно Калугин. Не собирался нарушить слово, данное командиру «Громового», но нельзя было не ответить на поставленный прямо вопрос.

— Это он сказал, что я обидела его? — подчеркнуто спокойно спросила Ольга Петровна.

— Нет, он этого не говорил... — Калугин вспомнил лицо Ларионова в минуты ночного разговора, потемневший взгляд человека, скрывающего острую сердечную боль. — Он прямо не сказал мне об этом, Ольга Петровна, но получилось так, что я узнал всю историю гибели вашего мужа...

Он замолчал, подыскивая нужные слова.

— Конечно, понятна глубина вашего горя в те дни, но оскорбительное недоверие, которое ощутил с вашей стороны Ларионов...

Он говорил медленно, не глядя на Крылову, но чувствовал — она слушает затаив дыхание.

— Подумайте, Ольга Петровна, он, советский морской офицер, был поставлен в положение, когда секунда колебания могла погубить целый подводный корабль. Можно себе представить, чего стоило ему в этих условиях выполнить свой долг... Как он страдал, как мучился все оставшиеся дни похода!.. И когда потом был так обижен вами...

Он видел неподвижную руку Ольги Крыловой, ухватившуюся за край стола. Рука эта вся напряглась, побелели ногти упершихся в доску пальцев.

— Но это я должна была обидеться на него! После гибели Бориса мы виделись только два раза. Не простившись, он уехал на Средний, а когда зашел во второй раз — пробыл всего несколько минут, сказал, что торопится на корабль, — тихо проговорила Крылова.

—А знаете, почему он ушел? — все больше волновался Калугин. — Вы задели самое дорогое, священное для него — честь советского офицера. Помните — когда так настойчиво неоднократно расспрашивали всех, имел ли он возможность спасти своего командира.

— Да, я расспрашивала всех, — страстно сказала она. — Я обдумала, проверила все. Я без конца узнавала, была ли у Володи хоть малейшая возможность спасти Бориса... Когда пришла лодка, он первый сказал мне все, но немыслимо было поверить... Потом подводники рассчитали мне все по секундам. — Она перевела дыхание. — И офицеры и матросы с такой деликатной осторожностью отнеслись к моему горю. Меня даже провели на лодку — Володя был тогда на берегу, — показали ко-

мингс — этот высокий стальной барьер вокруг рубочного люка... Промедли они хоть секунду — вода залила бы лодку сквозь люк или миноносец разрезал бы ее пополам.

Ее голос пресекся, но она овладела им снова.

— И Борис подал команду сам. Я говорила с сигнальщиком из его экипажа, который слышал этот приказ. Сигнальщик стоял внизу, у самого люка, у подножия стальной лестницы, скобтрапа, как ее называют. Он слышал, как Борис сказал дважды, почти крикнул во второй раз: «Оставь меня! Вниз, задраивайся!» И только тогда Володя прыгнул в люк и захлопнул за собой крышку... Все убеждали — и наконец убедили меня. И только он, которого я считала лучшим другом...

— Но поймите, Ольга Петровна! — Калугин видел, что все в ней напряжено до предела, но не мог прервать этот мучительный разговор. — Поймите, именно этими расспросами вы нанесли ему глубокую, до сих пор не зажившую рану. Знаете ли вы, почему он больше не встречается с вами? Он почувствовал, придя к вам вторично, что вы все же сомневаетесь в нем.

— Но я должна была убедить сама себя! — глухо сказала она. — Больше всего меня мучила мысль, что товарищи покинули его, что он остался один, раненый, на поверхности ледяного моря! У меня в голове не умещалось. Как в такой момент у Володи... у Ларионова не было одного желания, одной-единственной мысли — рискнуть всем, но во что бы то ни стало спасти...

— Это один из трагических законов войны! — Не только ей, самому себе старался Калугин раскрыть до конца величие подвига двух офицеров. — Ларионов был не только другом вашего мужа, но и его подчиненным, но и человеком, принявшим ответственность за жизнь всего корабля. Он получил приказ и должен был выполнить его не колеблясь. Так говорит корабельный устав, это въелось в плоть и в кровь наших моряков... Кроме того, Ларионовым владела одна страсть...

Она чуть заметно вздрогнула, — Калугин понял, что употребил не то слово.

— Им владела общая с вашим мужем мечта — уничтожить как можно больше врагов, помочь делу скорейшей победы. Не сомневаюсь: будь Ларионов с вашим му-

жем только вдвоем, наедине, ну, скажем, в морских волнах после гибели лодки — он безусловно пожертвовал бы жизнью для спасения друга. А вы нанесли ему такую обиду...

— Да, — помолчав, очень тихо, с глубокой горечью сказала Крылова. — Теперь я поняла, как сильно оскорбила Володю.

Она прошлась по комнате в мучительном раздумье.

— Я давно должна была написать ему, объяснить все. Если бы вы видели лицо Володи, когда в тот день он уходил от меня... Но мне показалось тогда... Казалось, что он не скажет мне все до конца откровенно... Это моя ужасная, ужасная ошибка... Скажите — он, наверно, очень одинок?

— Вы знаете, сперва мне показалось, что да...

Она коротко кивнула, не отрывая от него увлажнившегося, вопросительного взгляда.

— Но это было лишь первое, обманчивое впечатление, — продолжал Калугин. — Его угнетают эти воспоминания, он трогательно тревожится о вас, хотя — я должен быть вполне откровенен, Ольга Петровна, — считает, что ваша дружба оборвана навсегда. Но капитан-лейтенант так полон интересами корабельной жизни, заботами боевых походов. Он живет в дружной среде по-настоящему любящих его моряков... Нет, его никак нельзя назвать одиноким...

Ему сначала хотелось просто успокоить ее, но понял, что высказал какую-то большую правду.

Она слушала со все более нетерпеливым, досадливым выражением. Ее лицо порозовело.

— Нет, вы неправы. Он, разумеется, одинок. Корабль, служба, боевые друзья — это еще не все...

Она села за машинку, стала старательно закладывать бумагу.

Лист косо вошел в каретку. Она вынула бумагу, стала вставлять заново.

— Вам еще что-нибудь диктовать нужно?

— Если вас не затруднит, — сказал торопливо Калугин. — Тут вот статья штурмана с «Громового»... и маленькое стихотворение.

— Диктуйте... Теперь я поняла, как больно обидела его, — совсем тихо, словно думая вслух, сказала Ольга Петровна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Было очень темно, и Калугин шагал сперва осторожно, чтобы не запнуться о кнехт или за обледенелые тросы, там и здесь пересекавшие снеговую поверхность пирса. Слева чуть слышно доносился шелест плещущей о бревна воды.

Днем ему казалось, что он сразу найдет «Громовой», но сейчас шел и шел мимо низко сидящих затемненных палуб и не находил своего корабля.

Вот он услышал отдаленный знакомый гул: характерный мерный рокот разворачивающегося в заливе эсминца. И на далекой, отливающей черным лаком воде тускло забелел пенистый кильватерный след; длинный, смутный силуэт медленно двигался, отходя от стенки.

«Неужели ушел?» — подумал Калугин. Теперь он почти бежал, не боялся споткнуться. И почти тотчас из черноты проступили широкий усеченный овал мостика, смутно видимая большая скошенная труба, поручни сходней над стенкой.

— Стой! Кто идет?

Краснофлотец с винтовкой шагнул из темноты, всматриваясь в упор. Неизвестный краснофлотец. Столько часов прожить на корабле — и еще не знать в лицо всего его экипажа!

— Военный корреспондент Калугин... А я думал, вы уже ушли.

Сходни круто уходили вниз, на палубе горела синяя лампочка, чуть освещая рельсовую дорожку.

«Громовой» горячо и мерно дышал длинным корпусом, растворяющимся в темноте. Издали слышались отрывистые команды, темнота жила негромкой, напряженной жизнью.

— Капитан Калугин пришел, товарищ дежурный! — крикнул вниз часовой.

— Проходите! — сказал внизу кто-то.

Калугин узнал его по голосу. Штурман Исаев! Сбежал на палубу по чуть колышущимся доскам; перед ним возникли плоские контуры укрытого брезентом торпедного аппарата.

— Я боялся — вы уже ушли, — повторил Калугин.

— «Свирепый» отдал швартовы, уходит на обстрел берегов, — сказал строго-официально штурман.

— Командир на корабле?

— Командир и заместитель по политической части в штабе.

— А старший помощник?

— Старпом должен быть у себя в каюте.

— Я пройду к старпому, — сказал Калугин, двинулся в сторону полубака.

— Ужинали? — крикнул вслед штурман уже другим, дружеским тоном. — После старпома прошу прямо в кают-компанию. Вам вестовые что-нибудь устроят.

— Спасибо, товарищ штурман... Статья ваша понравилась, уже сдается в набор...

Снова по гладкой, маслянистой стали, по минной дорожке, мимо торпедных аппаратов, мимо дышащих жаром световых люков, под шлюпками, чернеющими на рострах круглыми изгибами бортов. Снова ритмичное трепетание палубы под ногами. В полуоткрытый люк был виден кубрик, глубоко внизу, ниже ватерлинии...

Кругом запахи боевого корабля: нефть, смола, пар и еще что-то неуловимое, может быть запах водорослей и морской соли...

Калугин раздевался в ярком свете у офицерских кают, когда старпом, в одном кителе, с фуражкой, надвинутой на глаза, как всегда торопливо, прошел к себе.

Калугин постучал в дверь каюты.

— Войдите!

Бубекин горбился за столом, так и не сняв фуражку, тщательно просматривал какие-то документы. На диванчике сидел инженер-капитан-лейтенант Тоидзе.

— Стало быть, сколько еще на ремонт турбинистам? — сказал Бубекин своим обычным ворчливым тоном.

Вьющаяся прядь волос падала на широкий низкий лоб инженер-капитан-лейтенанта. Он был в рабочем кителе, испачканном темными масляными пятнами; брезентовые рукавицы лежали у него на колене. Калугин сел рядом.

— Еще часа полтора проковыряются, Фаддей Фомич!

— А раньше не кончите?

— Смеешься, дорогой! По заводским нормам на такой ремонт три часа.

— Значит, на «Громовом» — час. В час управитесь! — Бубекин замахал рукой, как бы гася возражения. — В котельных что?

— Все котлы в готовности. Кончаем просмотр механизмов.

— Трубки в порядке?

— Пока в порядке. Знаешь, поизносились котлы...

— Добро! — сказал Бубекин. — Сейчас командир вернется из штаба, буду докладывать о готовности... Нажмите на людей... О турбинах доложите через пятьдесят минут. Мы здесь с вами уже минут десять торгуемся.

Тоидзе вышел из каюты. Бубекин повернулся к Калугину.

— Превосходный офицер, а запасец времени забронировать любит. Не осуждаю. От его хозяйства успех плаваний зависит прежде всего. Не осуждаю, но вижу насквозь. У меня он разве две-три лишние минуты урвет. Курите!

С самым радушным видом он протянул портсигар. Калугин взял папиросу.

— Ну, как погуляли на бережке, товарищ капитан?

— Замечательно! — сказал Калугин. Он был приятно удивлен. Совсем не такого приема ждал он от Бубекина. — Знаете, Фаддей Фомич, только после морской качки начинаешь понимать, что это за вещь — твердая земля.

— Для меня исключено, — со вздохом сказал Бубекин. — Командир сошел с корабля — помощник дальше сходней ни ногой. Минут пять потоптался по пирсу, погрызся с береговым персоналом — и снова на борт.

Он поднес зажигалку Калугину, закурил сам.

— Правда, сейчас, спасибо штурману, я часика три отдохнул. Когда штурман дежурит, я за корабельную службу спокоен. — Он откинулся в кресле, его темные глазки светились безмятежным благодушием. — Спать ниже нормы приходится. Ночь за ночью на мостике, а днем дела по горло и бегаешь по кораблю, как зверь. — Он подмигнул Калугину. — Вы, поди, на меня даже обижались. Вот, думали, собака старший офицер?

— Да нет, Фаддей Фомич, я понимаю, — примирительно сказал Калугин.

— А позвольте спросить — что вы понимаете? — В глазах Бубекина блеснуло яростное выражение и тотчас исчезло. — Вот поживете с нами, походим еще в море... Помнится, я наш эскадренный миноносец с землянкой сравнил. Разрешите вам доложить, что «Громовой» по чистоте и дисциплинированности личного состава выходит на первое место на флоте! — Он сдвинул брови, гордо и выжидательно смотрел на Калугина. — Недаром капитан-лейтенант так следит за собственной формой. Говорит, когда одевается, точно на танцы: каков командир, таков и корабль. А кто за чистоту на корабле отвечает? Старший офицер Фаддей Фомич Бубекин.

Он помолчал, энергично дымя папиросой.

— Разрешите вам доложить. Стоим в базе — приказываешь дежурной службе тебя задолго до побудки поднять. Вахты проверишь, потом пойдешь по кубрикам, смотришь, хорошо ли заправлены койки, чисто ли в рундуках. И потом до вечерней поверки: доклады боевых частей, проба пищи, всякие рапортички. Не жалуюсь. Если любишь корабль, нужно тридцать часов в сутки иметь, и то маловато. А еще, разрешите доложить, работа над собой.

Он кивнул на полку над столом, где, загороженные поперечной планкой, аккуратно теснились очень потрепанные и совсем еще новые брошюры и книги.

— Отдыхаем в кают-компании — нужно и о русских морских традициях завести разговор, и об операциях на суше, и о новом романе. Вот и читаешь, урываешь время у сна. Осмелюсь доложить, домой написать некогда. А семья у меня отличная, жинка аккуратно пишет, беспокоится, старший бутуз каракули выводит... Иногда нервишки и заиграют, проявишь несдержанность с людьми... Вот поплаваете с нами, поймете поговорку: на боцмана и на старпома не обижаются... Сколько еще с нами думаете пробыть, товарищ капитан?

— Мне очень жаль, Фаддей Фомич, но я должен сейчас списаться с корабля, — сказал Калугин.

— Уходите от нас? — Лицо Бубекина помрачнело, он резко передвинулся в кресле. Он, казалось, сдерживал вскипающее раздражение. — Ну что ж... не смею задерживать. Конечно, на берегу спокойнее.

Уже с прежним беспощадным выражением он смотрел на Калугина.

— Фаддей Фомич, поймите... — начал Калугин.

Три резких звонка протрещали в коридоре.

— Командир! — сказал, вскакивая, старший лейтенант.

Схватив фуражку, почти выбежал из каюты. Калугин следовал за ним. Они подоспели к сходням, когда Ларионов и Снегирев уже сбегали на палубу с пирса.

— Смирно! — прогремел Бубекин. Ларионов ступил на палубу. — Товарищ капитан-лейтенант! За ваше отсутствие на корабле никаких происшествий не было. Проведена вечерняя поверка. Больных и уволенных на берег нет.

— Вольно, — сказал Ларионов. Во время доклада он и Снегирев стояли вытянувшись, приложив пальцы к козырькам — в синем, колеблемом ветром световом круге.— Прекратить связь с берегом, уходим в море.

Глаза командира корабля задержались на Калугине, стоящем позади старпома.

— А, хорошо, что вы здесь, товарищ капитан. Идете с нами в поход?

— Конечно, идет, — быстро сказал Снегирев. — Наши писатели от таких походов не отказываются.

Он говорил с веселой безапелляционностью, но Калугин видел, как вопросительно обращены к нему живые круглые глаза Снегирева. Ларионов тоже глядел вопросительно.

— Конечно, иду! — твердо сказал Калугин. Он ответил почти невольно, не мог ответить иначе. Не мог уйти с корабля, от боевого похода, от этих ставших ему родными людей.

— В таком случае прошу ко мне, — сказал Ларионов. — Фаддей Фомич, живо скомандуйте — и ко мне. Есть разговор.

Они поднялись в каюту командира. Расстегнув на ходу шинель, Ларионов накинул ее на вешалку, снял фуражку, машинальным движением пригладил волосы.

— Корабль к походу и к бою изготовить! — раздался в рупоре радиотрансляции размеренный, настойчивый голос. Голос, разносящийся по всем боевым постам. И тут же дробные, пронзительные звонки: три коротких и длинный, три коротких и длинный. Колокол громкого боя.

И тотчас стремительный топот ног по стали над головой, грохот металла снаружи.

В каюту вошел Бубекин.

— Старпом, как готовность боевых частей?

— Артиллерия, штурманская часть, торпеды, связь к бою готовы, — сказал Бубекин. — Турбинисты кончают предупредительный ремонт, уложатся минут в сорок. Разрешите вызвать инженер-капитан-лейтенанта?

— Вызови, Фаддей Фомич! — не отрываясь от бумаг, сказал Ларионов.

Бубекин снял телефонную трубку.

— Пост энергетики? Говорит старший помощник. Попросите командира БЧ зайти к командиру корабля.

— Сейчас выходим в море, — быстро заговорил Ларионов. — Получено точное сообщение нашей разведки: тяжелый крейсер «Геринг» вышел из Альтен-фиорда, движется курсом на ост. Я иду один, другие корабли нельзя снять с поддержки флангов армии. Но у меня рандеву с английскими кораблями, есть договоренность штаба с их штабом о совместной операции. Будем вместе ловить «Геринга». С нами опять идет их офицер связи.

— Мистер Гарвей?

— Так точно, — сказал, закуривая, Ларионов.

В дверь постучали. Ираклий Тоидзе, как и раньше — в старом рабочем кителе, вытянулся в дверях, смахивая с лица пот.

— Заходи, Ираклий, — сказал Ларионов. — Что у тебя там с турбинами?

— С турбинами в первой машине был кое-какой непорядок. — Тоидзе вынул носовой платок, тщательно вытер лицо, потом покосился на китель. — Сам сейчас к турбинистам слазил. Кончают ремонт.

— Значит, можно ходить на любых скоростях?

— Можно ходить на любых скоростях. — Тоидзе вновь покосился на свой китель. — Извините за состояние одежды, товарищ капитан-лейтенант. Не успел сменить.

— А в котельных как?

— В котельных все в порядке, товарищ капитан-лейтенант...

Командир прошелся по каюте.

— Смотрите, идем в трудный поход. Нужно — проси отсрочки сейчас. Лучше тебе сейчас полчаса дам, чем в океане потерять скорость.

— Мне не полчаса, мне две недели на планово-предупредительный ремонт нужно, — сердито сказал Тоидзе.— Сколько раз в шторм ходили, перенапрягали механизмы. Трубка не спросит, когда ей лопнуть.

— А сейчас отвечаете за выход?

— Отвечаю за выход.

— Хорошо,— сказал Ларионов.— Свободны, Ираклий.

Тоидзе торопливо шагнул из каюты.

— Старпом, — сказал капитан-лейтенант, — только получишь доклад о готовности машин, отдавай швартовы.

— Разрешите быть свободным? — сказал Бубекин.

— Свободны... Ты, Степан Степанович, — повернулся Ларионов к Снегиреву, — только отойдем от стенки, пройди к народу, поговори по душам, чтоб каждый отдал все, что может, и еще в два раз больше. Разъясни смысл операции.

— Будет сделано, Владимир Михайлович! — сказал, выходя, Снегирев.

Командир и Калугин остались вдвоем.

Ларионов стоял посреди каюты, уже не спокойно уверенный, как только что, а беспокойный, озабоченный, колючий.

Нервным движением, не так, как в присутствии подчиненных, он вынул сигарету, вдруг скомкал в пальцах, бросил на ковер. Прошагал по каюте, нагнулся, подобрал сигарету, положил в пепельницу. Потом быстро скинул китель, брюки, снял с вешалки меховой комбинезон, из нижнего ящика шкафа достал пимы и шерстяные носки. Задумчиво нахмурился. Натянув меховые брюки, застыл с пимами в руках.

«Нужно тотчас же включиться в работу», — думал Калугин. Все в нем трепетало от каких-то сильных, захватывающих, жарких чувств. Снова в поход, в такой необычайный, рискованный, трудный поход! «Теперь нужно отдать им все, что могу! Все, что могу, и еще в два раза больше, — так сказал Ларионов. С чего начать работу? Я сделаю радиогазету... чтобы отмечать лучших людей, чтобы в ней были стихи, заметки с боевых постов. Нужно посоветоваться со Снегиревым».

Командир корабля задумчиво и быстро одевался. «Сейчас не время заговаривать с ним об Ольге Петровне... Но я дал ей слово, она взяла с меня слово, что при первой возможности расскажу ему все».

— Владимир Михайлович, — сказал Калугин.

Ларионов резко повернулся к нему.

— У меня к вам поручение от Ольги Петровны. Она просит у вас прощения за те свои сомнения...

— Да? — сказал Ларионов, внимательно глядя на него.

— Она и не подозревала, что ее расспросы могли так оскорбить вас... Недоумевает, почему вы с тех пор не зашли к ней ни разу. Она понимает теперь, что вы выполнили свой долг, не могли поступить иначе...

Ларионов слушал неподвижно. Из-под сдвинутых бровей плеснул на Калугина голубой свет его впалых глаз. Потом капитан-лейтенант стал снова тщательно одеваться, натянул через голову толстый шерстяной свитер.

Его гладко причесанные волосы взъерошились, лицо стало очень молодым, залилось румянцем, вдруг приобрело задорное, почти мальчишеское выражение.

— Благодарю, — глядя в сторону, отрывисто сказал Ларионов. — А знаете, хорошо бы наладить в походе радиогазету. Боевую радиогазету. Передавать последние новости, заметки или там стишки. И непременно юмор, смеха, задора побольше! Продумайте-ка это с замполитом, Николай Александрович!

Говоря это, он надел и застегнул меховую куртку, мельком взглянул в зеркало, пригладил волосы гребешком и стремительно вышел из каюты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В топках ревел огонь, и широкие струи вентиляции пробирали даже сквозь ватники, накинутые на тельняшки котельных машинистов. Такие знакомые, простые лица друзей, соседей по кубрику, здесь казались заострившимися, грозными, может быть потому, что розовое пламя в топках бросало на них изменчивые, горячие отблески.

— Ну, сейчас будем отваливать, — сказал Зайцев.

Здесь он тоже казался сам себе суровее и строже, занятый наблюдениями за питательным и нефтяным насосами, неустанно следящий, чтоб не перегрелись подшипники, чтоб не прекратился к ним доступ масла.

Мичман Куликов, благожелательный и мягкий, когда отдыхал на верхней палубе или в старшинской шестиместной каюте, здесь тоже был совсем другим. Озабоченный, хмурый, он быстро двигался в узких треугольных проходах между гудящими стенками огромных котлов, взбегал и спускался по стремянкам. Отбрасывая большую тень, проходил по стальному кружеву площадок над головой Зайцева.

Сергей Никитин молчал, положив руки на рычаги форсунок. Вспыхивали разноцветные лампочки на щите контрольных приборов, звучали сигналы... Никитин повернул рычаг, сильнее заревело пламя в топках.

Зайцев любил этот мир могучих, послушных человеческой воле механизмов. Странно: за что? За несмолкаемый грохот, за многочасовой, упорный труд в жарком качании стенок, в острых сквозняках вентиляции, когда рокот котлов мешался с чавканьем ходящих над головой волн?

Нет, не за это! За то, что он один из хозяев этого ярко освещенного мира умных и могучих механизмов. За то, что помогает командиру управлять этим миром, помогает вести к победам, благополучно приводить в базу свой родной корабль!

Сверху был слышен скрежет металла, топот ног. Что там происходит? Он ясно представлял себе, что там происходит, даже находясь здесь, в недрах корабля. «Отваливаем, теперь уж точно — отваливаем!» — думал Зайцев, и быстрее бежала в жилах кровь, вновь охватывала та предельная настороженность, ясная собранность мыслей и сил, которую знал по прежним походам.

— Машины провернуты, телеграф включен, руль действует! — доложил на мостике командиру вахтенный офицер Агафонов.

— Отключить телефон, сходни убрать, швартовы убрать, — сказал Ларионов, стоя на правом крыле.

— Сходни убрать, добавочные концы убрать! — проревел в мегафон Бубекин, перевешиваясь через поручни,

глядя на полубак, где боцманская команда и комендоры вдруг стали видны яснее под розовато-зеленым светом, разгорающимся в черном холодном небе.

Гремел металл о металл. В темноте загрохотали убираемые сходни. С берега на корабль полз длинный стальной трос, тихо повизгивала вьюшка...

Калугин всматривался в темноту. Вот уже двинулась стенка, чуть заметно поползла мимо палубы; чуть заметно ползли мимо палубы окутанные темнотой дома на склонах заснеженных скал...

— Стройся! — скомандовал Старостин.

Его орудийный расчет выстраивался на полубаке, вдоль устремленного вперед смутно белевшего пушечного ствола.

Как перед каждым выходом в море, они становились в положение «смирно», лицами к почти невидимой в темноте базе. Прощальный, молчаливый салют. У всех орудий, у торпедных аппаратов также выстроились сейчас моряки.

На весте полыхали немые широкие вспышки. Над головами разгоралось зарево. Не мертвенный блеск ракеты, а снова этот нежный переливающийся, движущийся многокрасочными волнами свет, возникающий где-то на краю неба, чтобы разрастись в ледяных черных просторах. Северное сияние! «Столбы играют, зори дышат», — говорят о нем поморы.

«Эх, Аня, Анютка! — думал Старостин. — Не так хотел с тобой расстаться, мучительница! Где-то ты сейчас, Аня? Пожалуй, на дежурстве, болтаешь с другими парнями и не знаешь, что уходим в море...»

Старший лейтенант Снегирев шел с полубака на ют. У зачехленных труб вдоль высокой площадки второго торпедного аппарата стоял Филиппов со своим расчетом.

— Поздравляю с выходом в операцию, орлы! — сказал, проходя, старший лейтенант.

— Торпеды в море просятся, — горячо ответил Филиппов. — Давно просятся, товарищ старший лейтенант!

— Ладно, скоро уважим их просьбу! — Снегирев остановился, положил руку на край широкой горизонтальной трубы, из которой выступало смазанное маслом круглое тело торпеды.

— Знаете, матросы, куда идем? — Он понизил голос, ближе подошел к торпедистам. — Тяжелый крейсер «Герман Геринг» выскочил-таки в море. Так нужно нам его торпедами долбануть, дымом прикрыть и на обед косаткам отправить. Хорошая задача!

Сквозь темноту он всматривался в молодые, придвинувшиеся к нему лица.

— Ну, Филиппов, как расстались с дружком?

— Товарищ старший лейтенант, вы с врачом говорили? Нам показалось... — Филиппов запнулся. — Плохо, видно, с Москаленко.

Из темноты глядели на него в упор всегда такие живые, веселые, а теперь строго-печальные глаза Снегирева.

— Не хочу вас обманывать, Филиппов. У Москаленко раздроблено бедро, нагноение в животе. Знаете, что такое разрывная пуля?

— Товарищ старший лейтенант, — сказал Филиппов и вдруг почувствовал, как во рту пересохло, голос стал тонким и слабым, — неужели умрет?

— Мсти врагу за Москаленко, — сказал отрывисто Снегирев. — Хирурги у нас мировые, но главный врач не обнадеживает — очень худо твоему другу. Так свой аппарат держи, чтоб в нужный час без отказа сработал. — Его голос зазвучал громче. — Родина смотрит на вас, друзья... детишки, женщины в разрушенных городах, в пожженных врагом деревнях. Угнетенные во всем мире думают о вас с надеждой. Советские армии переходят в наступление, победа близка. Так поможем им здесь, за Полярным кругом, так, чтобы Гитлер в Берлине почувствовал наш удар.

Он прошел дальше, к выпуклой крышке шахты, ведущей в котельное отделение. Откинув крышку, стал спускаться вниз.

Корабль скользил вдоль стенки. Там, на горé, проплывает невидимый госпиталь. Там Москаленко лежит на спине, неподвижно лежит на спине бедный умирающий друг. Чем помочь тебе, Москаленко? Только отомстить врагу, беспощадно истреблять подлых фашистских убийц!

Калугин стоял на мостике, втиснувшись в уголок, чтоб не мешать никому, а самому видеть все как можно лучше. Он вооружился биноклем, старался запомнить

команды, движения людей, маневры выходящего в ночь корабля.

Он вел биноклем по пирсу, по надстройкам и орудиям «Громового», по все растущей черной полосе воды между мостиком и сушей. Навсегда должна врезаться в память эта картина ночного выхода в море. И ледяное многоцветное небо, и чуть видные городские дома, и качающиеся на воде плавучие маяки-мигалки, все быстрее проносящиеся мимо набирающего скорость эсминца...

— Два градуса вправо по компасу, — слышал он команду Ларионова.

— Есть два градуса вправо по компасу! — донесся негромкий, четкий ответ рулевого.

— На румбе?

— Сто одиннадцать на румбе.

Темнота впереди. И в небе смутные, переливающиеся столбы, и усиливающийся ветер, дующий прямо в лицо, гремящий плотной, как железо, парусиной обвесов.

— И писатель с нами идет — значит, порядок! — сказал в темноте удовлетворенный голос одного из сигнальщиков.

Калугин услышал эти слова. Вот лучшая награда за труды и опасности! Он снова всматривался в даль. Уже исчез в темноте пирс, эсминец увеличивал ход, черным силуэтом разрезал воду залива. А на весте по-прежнему вспыхивали бесшумные зарева залпов, в темноту вонзались тонкие нити ракет и тусклые лезвия прожекторов, уходя к линии сопок, туда, где растет и ширится сражение за высоту Черный Шлем.

Мостик. Тьма. Короткие команды. Сзади ракеты и вспышки. Позади домà родной базы. А впереди с невидимой сопки вдруг вспыхнула и засияла золотая, ослепительная звезда. Это на выходе в океан наш береговой пост запрашивает опознавательные идущего мимо корабля.

— Сигнальщик! — голос вахтенного офицера. — Покажите опознательные!

— Есть показать опознательные, — отвечает сигнальщик.

И он пишет ответ морскому посту, направив в сторону сопки переносный сигнальный фонарь. Быстро открывая

и закрывая его забрало, отщелкивает буквы светового языка.

И вот уже пройден Кильдин, и первая океанская волна обрушилась на форштевень «Громового», рассыпалась дробным грохотом и фонтаном ледяных брызг.

Водяная пыль донеслась до первого орудия, обдала лица замерзших вахтенных. Сразу стала резче и размашистей качка. Взлетала и опускалась глубоко вниз, опускалась глубоко вниз и взлетала леденеющая, охраняемая зоркими, готовыми к бою людьми, узкая палуба корабля.

Корабль идет всю ночь, до утра, поднимается полярное солнце, скупо светит одновременно с луной, и снова наступает долгая ледяная ночь. Вахтенные промерзают до костей, их сменяют товарищи. Люди спускаются в теплые, ярко освещенные нижние палубы, пьют горячий чай, забываются чутким сном до следующей вахты и снова стоят снаружи в реве ветра, в пении вентиляторов и механизмов, чувствуя на холодных губах соленую горечь моря...

У Исаева, в штурманской рубке, сидел Калугин, как обычно держал в руках карандаш и блокнот.

— Занятные случаи бывают в штурманской практике, — рассказывал Исаев, облокотившись на стол. — Помню, у берегов Африки пошел я как-то отдохнуть, сдал вахту второму штурману. Вдруг будят, срочно вызывают на мостик. Сменщик мой стоит расстроенный, бледный. В чем дело? Смотрю на карту, а его прокладка уже на берег залезла. Если по карте судить, плывет наш корабль прямо по суше, по вершинам скал. Спрашиваю: «А вы сделали поправку на снос силами течений и ветра?» Оказывается, не сделал, забыл.

Оживившись, он повернул к Калугину свое угловатое, морщинистое лицо.

— Вот и получилось: находясь в море, залезли мы, по карте судя, прямо на скалы... А ведь могло быть и наоборот: могли на карте идти далеко в море, а фактически уже напороться на берег.

Штурман зевнул, потянулся. Он почти не спал всю эту ночь.

— Впрочем, не знаю, почему я так разболтался с вами, — досадливо пробормотал Исаев. — Может быть потому, что лишь мы с вами вдвоем — штатские на этой стальной, начиненной боезапасом коробке.

Калугин перебирал листки блокнота. Волнение охватывало его. Он должен был высказаться, чувствовал необходимость выразить давно назревшие мысли.

— Я, правда, не изжил еще всех своих штатских манер, хотя и стремлюсь стать вполне военным человеком! — с резкостью, неожиданной для самого себя, сказал Калугин. — Но не думаю, что поэтому найду с вами общий язык.

Штурман хотел что-то возразить, но Калугин уже не мог остановиться.

— Я надеюсь найти общий язык и с вами и с любым моряком «Громового», потому что все мы, советские люди, находим удовлетворение и счастье в нашем труде. Не думайте, что мне тоже легко здесь. Я никогда до войны не был на военном корабле, ни дьявола не понимаю во всех этих ваших лагах и эхолотах. Но я буду старательно изучать корабль, буду приставать к вам, пока не пойму всего.

Он машинально чертил карандашом по чистой страничке блокнота.

— И я знаю — вы идете мне навстречу, потому что в конце концов мы делаем общее дело. Вы бьетесь с врагом, помогая своим искусством плаванью корабля. Я стараюсь помочь делу нашей победы, правдиво описывая вас — моряков, которые выполняют повседневно свое трудное, героическое дело.

Он так волновался, что сломал карандаш, и штурман, тотчас подобрав графит, бросил его в закрепленную на столе пепельницу, сделанную из орудийного стакана.

— Вы; товарищ Исаев, как бы противопоставляете себя кадровым офицерам — морякам «Громового». Но я вижу, как вы увлечены своей военной работой. Знаю, как ведете себя в боевых походах.

— Я штатский человек в самом прямом смысле слова, — сказал штурман упрямо. — Как только окончится война, снова уйду на транспорта̀.

— Да, когда кончится война, вы уйдете на транспорта̀. Но сейчас разве вы расцениваете военную службу на деньги, думаете о личном выигрыше? Как этот Гарвей,

не имеющий родины, рискующий жизнью лишь затем, чтобы сколотить капиталец на послевоенное время...

— Странный вопрос! — обиженно сказал Исаев.

— Из-за таких вот Гарвеев, может быть, и после войны не настанет прочного мира. Из-за таких продажных шпаг, рабов собственного благополучия. А мы пошли на фронт разве не потому, что не в состоянии были бы жить и дышать в стороне от великой борьбы нашего народа?..

— А вы, оказывается, пропагандист, вроде нашего Снегирева, — начал штурман шутливо, но сразу стал серьезным. — Это вы точно подметили — насчет военных и штатских... А сейчас вот что — давайте вызову вестового, будем пить морской чай.

— Давайте пить морской чай! — согласился Калугин...

В ранний утренний час старшина отделения радистов Амирханов нес вахту у мощной корабельной радиостанции. Он сидел за аппаратом, надвинув на уши эбонитовые кружки, полные тысячами звуков, медленно вращал рукоятку приема. Внезапно выпрямился, стал чутко вслушиваться, придвинул к себе раскрытый журнал и стопку листов радиограмм.

— Принял знак «СОС», Петя! — бросил через плечо сидящему рядом, готовому заступить на вахту радисту.

Приемник доносил из ветреного океанского далека жалобные однообразные звуки сигнала бедствия по международному своду.

Ти-ти-ти-та̀, ти-ти-ти-та̀, — вновь и вновь слышалось в приемнике. Настойчивый, отрывистый писк, отчаянно пробивающийся сквозь хаос других звуков.

Амирханов настраивался на нужную волну. Нетерпеливо склонившись, смотрел сбоку радист Саенко.

— Принимаю текст, — отрывисто сказал Амирханов. Сжатый в пальцах карандаш быстро скользил по бумаге. — Видно, по-английски дают... А вот широта и долгота.

Он кончил писать, протянул листок Саенко.

— А ну-ка, снеси прямо командиру на мостик.

Снаружи был зеленоватый холодный рассвет, ледяной, первозданный океан, фигуры озябших сигнальщи-

ков, не сводящих со своих секторов воспаленных, слезящихся от острого ветра глаз. Стал падать и прекратился снег. Командир ходил по мостику взад и вперед, глубоко упрятав руки в карманы, высоко подняв усеянные снежинками плечи; висящий на его шее бинокль оброс пушистым мхом инея.

Саенко вручил ему бланк радиограммы.

«Спасите наши души. Меня преследует вражеский тяжелый крейсер, — радировал по-английски транспорт «Свободная Норвегия», давая свои координаты. — Спасите наши души».

— Штурман! — наклонился Ларионов к медному уху переговорной трубы.

— Есть штурман, — отозвался из рубки Исаев.

— Принята радиограмма. Тяжелый крейсер, видимо «Геринг», преследует транспорт «Свободная Норвегия». Приготовьте лист карты... — Ларионов назвал данные в радиограмме широту и долготу.

Фаддей Фомич Бубекин стоял на правом крыле мостика, упрятав голову в капюшон, не спуская глаз с вспененного океана.

— Старпом, на минутку спущусь к штурману, — сказал Ларионов.

— Есть спуститесь к штурману, — ответил Бубекин.

Командир вошел в штурманскую рубку. Исаев уже разостлал с краю стола заказанный лист карты Баренцева моря.

— Вот переданные координаты, товарищ капитан-лейтенант.

— Это, несомненно, «Геринг», — сказал Ларионов. Он мельком взглянул на карту, вызвал по телефону радиорубку. — Что еще приняли, Амирханов?

— Сейчас принимаю, товарищ командир, — слышался голос Амирханова. — Снова по-английски. Разобрать не могу.

— Тотчас пришлите в штурманскую рубку.

Через минуту на столе лежал второй листок — радиограмма. «Неизвестный корабль поднял германский военный флаг. Открывает огонь... Спасите наши души...»

— И новые координаты! — помолчав, сказал штурман. Отточенный карандаш скользнул по серой глади карты. — Теперь они находятся здесь.

— Так, — сказал Ларионов, и его малиновая от холода рука легла на меркаторскую карту, пересеченную прямоугольниками параллелей и меридианов. — Иными словами, «Геринг» держит курс прямо на Тюленьи острова?

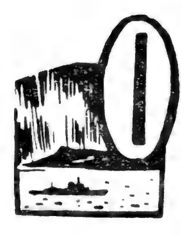
— Куда, как я слышал, назначен первый заход «Ушакова»? — сказал в своем обычном полувопросительном, полуутвердительном тоне штурман Исаев.

Амирханов чутко вслушивался, ловил новые позывные «Свободной Норвегии». Но «Свободная Норвегия» молчала... «Герман Геринг» начал свой пиратский рейд в Баренцевом море.

ЧАСТЬ 3
БОЙ

Как будто синие мечи
Над морем подняты в ночи.
Они проносятся над нами,
И ночь черней, и снег белей
Над палубами кораблей,
Над озаренными волнами.
И волны — как багровый лак,
И вьется краснозвездный флаг
В просторах ледяного моря.
И содрогаются борта,
Когда броня и быстрота
Грохочут, о победе споря.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Океан качался пенными холмами, мягко вздымая палубу корабля. Волны вблизи были синевато-серыми, с ледяным, маслянистым отливом. У горизонта мерцала неяркая зубчатая радуга слившейся с небосводом воды.

В полураскрытой двери душевого отсека стоял Зайцев, держал в пальцах недокуренную самокрутку, глубоко вдыхал морозный обжигающий воздух. Через несколько минут заступать на вахту. Он спешил подзарядиться свежим воздухом и в то же время накуриться вволю.

— Сорок! — сказал, входя в душевую, Сергей Никитин.

Никитин только что проснулся, но у него, как всегда, был спортивный, собранный вид; вьющиеся черные волосы разделены ровным пробором, одна смоляная,

жесткая прядь спускалась к прямым бровям. Зайцев протянул ему недокуренную самокрутку.

— Закуривайте, товарищ Никитин! — раскрыл портсигар только что подошедший к душевому отсеку Калугин.

Здесь, в тесном, опоясанном цинковыми корытцами рукомойников помещении, рядом с жилой палубой, толпились, куря и переговариваясь, матросы заступающей на вахту смены. Калугин любил заходить сюда, в этот корабельный матросский клуб, вступать в непринужденный разговор с новыми друзьями.

— Ничего, товарищ капитан, я вот эту добью! — сказал Никитин, затягиваясь тлеющей самокруткой.

— Он только табак портит зря, не затягивается, как надо, — разъяснил Зайцев. — Как физкультурнику, ему курить не положено. Если позволите, воспользуюсь вместо него.

— Конечно, берите! — сказал Калугин.

Зайцев бережно взял папироску, прикуривал у Калугина, приблизив к нему еще немного сонное после отдыха лицо.

— Что-то, товарищ капитан, союзничков наших не видно. Ребята говорят — время встречи вышло.

Среди краснофлотцев стоял английский сигнальщик Билл Роджерс. Его долгополая походная шинель была расстегнута, с худой, морщинистой шеи свешивался толстый шерстяной шарф. Застенчивая улыбка играла на обычно пасмурном лице англичанина.

Увидев Калугина, он поспешно докурил сигарету, ссутулившись, застегивая шинель, стал пробираться наружу.

— На вахту пошел, — сказал вполголоса Зайцев. — Болеет и он за это дело, товарищ капитан. Ребята рассказывают — все глаза проглядел, пока мы этого рандеву ждем... Вам с ним разговориться не пришлось?

Билл Роджерс исчез за дверью отсека.

— Пока не пришлось, к сожалению, — сказал Калугин. — Английским, видите ли, я не владею, а через переводчика как-то не удается.

— Стесняется он вас... — усмехнулся доверительно Зайцев. — У них матрос и офицер — разные классы... А вот у нас кое-кто из матросов рубает по-английски. Мы его попросту зовем — Васей.

— Почему же Васей? — удивился Калугин.

— Да ведь Вильям, Билл — это и будет по-нашему Вася. Свой, трудовой человек. — Круглое лицо Зайцева вдруг погрустнело. — У него, товарищ капитан, большое несчастье дома. В прошлом году семья при воздушном налете погибла. Вернулся их корабль в Ливерпуль с моря, а там, где его квартира была, развалины дымятся, спасательная партия роется в обломках. Сынка его, рассказывает, так и не нашли — прямое попадание в дом было, а жена умерла в госпитале.

— И сам он два раза тонул. Простому народу у них от войны не сладко, — сказал кто-то из матросов.

— Да, есть и у них правильный народ, — продолжал Зайцев. — Обижаются на свое командование, хотят скорей с фашизмом кончать. Недавно повстречали мы на бережке их комендоров — руки нам жмут, жалеют, что второго фронта не видно пока.

— Простой народ, конечно, за нас, — сказал задумчиво Калугин. — Но не они там сейчас решают... Сейчас хоть у нас и военный союз с англо-американцами, да ведь у буржуазных правящих классов это вековая политика: загребать жар чужими руками, наживаться на народной крови.

Он смотрел сквозь табачный дым на молодые, почти юношеские лица людей, так повзрослевших за месяцы войны.

— Нашими руками не загребут... — веско сказал Никитин. Он выглянул наружу, в полный кружащимся влажным снегом простор. — Опять снежный заряд! А у нас в Донбассе, поди, еще и снег не выпал. В эту пору в садочках еще яблоки собирали... зелень везде...

— Да, в последние годы чудесно зазеленел наш Донбасс! — мечтательно откликнулся Калугин.

— А вы разве сами с Донбасса, товарищ капитан? Земляки мы с вами? — повернул к нему Никитин просветлевшее лицо.

— Нет, я не донбассовец, но приходилось там бывать. На шахте «Стахановец», например, возле Макеевки.

— Да это же рядом с нами! — почти вскрикнул Никитин. — Я на макеевских домнах машинистом вагон-весов работал до флота.

Он смотрел на Калугина родственно улыбающимися глазами.

— Мне, товарищи, посчастливилось порядочно поездить по нашему Союзу, — сказал Калугин. — Я же газетчик, разъездной корреспондент, уже много лет. Вот вы, например, откуда, товарищ Зайцев?

— Я с Магнитогорска, — сказал Зайцев. — Мой батька — знатный строитель, каменщик. А родились мы в Егорьевске — может, слыхали?..

— Как не слыхать, — улыбнулся ему Калугин. — Не только слыхал, но и был там. Там же знаменитые фабрики: льняная мануфактура. А в Магнитогорске я был перед пуском первой домны. И вашего отца, кажется, помню. Это его бригада поставила рекорд кладки огнеупора перед самым пуском?

— Точно, — сказал Зайцев, сияя. — Я тогда еще мальцом в школу бегал. А потом на мартене работал, а в тридцать седьмом на флот ушел.

— Так теперь вы, пожалуй, не узнали бы Магнитку. Какие там новые цеха, как разросся социалистический город!.. А вы из Армении, товарищ Асвацетуров? — повернулся Калугин к сигнальщику, стоявшему рядом.

— Из Зангезура, товарищ капитан.

— В Зангезуре я не был. А вот в Ереване был и на озере Севан. На строительстве Севанского каскада. Есть у нас там, товарищи, такое высокогорное озеро-море с самой синей в мире водой. Оно тысячелетиями бесплодно плескалось в горах, над голыми равнинами и безводными плоскогориями, выжженными солнцем. А сейчас озеро Севан будет спускаться каскадами вниз, оросит все эти пространства, сделает их плодородными. И на той же воде начнут работать мощные электростанции!

Как-то сам собой возник этот рассказ о наших могущественных стройках, о частичке того, что видел и описывал во время корреспондентских поездок. Сейчас эти воспоминания наполнялись каким-то особым, волнующим смыслом — в трудные дни Отечественной войны, на корабле, идущем в бой, в океан, за Полярным кругом.

И родина, огромная, многонациональная, в радужном блеске свободного творческого труда возникла перед глазами моряков, и еще бо́льшую боевую ярость поднимала мысль, что враг рвется к этим богатствам, к этим плодам народного труда, топчет, оскверняет родную землю...

Клочья тумана летели над колыханием бесконечной пустыни. Вновь бурая туча надвинулась с норда, обдала тяжелым, режущим лица снегом, и опять замерцал вокруг неяркий свет полярного утра.

Стоя у своего аппарата, Филиппов закрыл на мгновение слезящиеся от напряжения глаза. Уже давно «Громовой» уменьшил ход. С мостика был приказ: еще внимательней следить за горизонтом. Лейтенант Лужков, пройдя по торпедным аппаратам, объяснил, что корабль ходит в точке рандеву; уже давно должны бы быть в видимости английские корабли.

Смахивая снег с обледенелых чехлов, краснофлотец Тараскин сверкнул белозубой улыбкой.

— Очень здорово у вас в рифму получается, товарищ старшина! Год буду думать — не придумаю такой рифмы.

Филиппов промолчал. Конечно, приятно, что с тех пор, как в радиогазете прозвучали его стихи, корабельные друзья с особой значительностью поглядывают на него, поздравляют с успехом. Еще приятнее, что стихи приняты во флотскую газету, будут напечатаны в одном из ближайших номеров, как сказал капитан Калугин. Но старшина знал: Тараскин ничего не любит говорить зря. И сейчас, верно, хвалит его не без задней мысли.

— «Душа моя сраженью будет рада!» В самую точку попали, товарищ старшина!

— Дипломатия из тебя, Александр, так и прет! — нахмурился Филиппов. — Ну, выкладывай, что у тебя на уме. Опять насчет рекомендации?

Тараскин заволновался, вскинул на Филиппова глаза.

— Комсомольцев Сергеева и Мичурина приняли нынче постановлением партбюро. Если рекомендовать не можете, товарищ старшина, посодействовали бы как агитатор.

— Сказано вам: стаж у меня не вышел, не имею права рекомендовать. А имел бы право... — с подчеркнутым вниманием Филиппов всматривался в снеговые полосы на горизонте, — имел бы право, тоже еще подумал бы. Вам в политзанятиях подтянуться нужно. Ишь, ляпнули лейтенанту, что Гибралтар — столица Португалии. Нужно же придумать!

Тараскин был самым молодым на торпедном аппарате, по третьему году службы. Почти с отеческим упреком

Филиппов глянул в его опухшее от ветра лицо. Но Тараскин не сдавался.

— Ну, признаю — ляпнул... В бой идем, а о такой малости вспоминать будем! Разрешите, товарищ старшина, я тогда у самого командира счастья попытаю. Он матросу не откажет. Вот выйдет из машины...

Только что, миновав люк котельного отделения, пройдя мимо торпедного аппарата, капитан-лейтенант спустился к турбинистам. Прошел туда, конечно, ненадолго, прямо с мостика, в своем меховом костюме...

В турбинном отделении тесные переходы ярко озарены белым светом электроламп. Напряженным жаром пышут кожухи могучих турбин; этот жар убивает веющую от вентиляторов прохладу.

Несущим вахту здесь, глубоко под верхней палубой, впору бы скинуть спецовки, работать, оголившись до пояса.

Но скинуть спецовки нельзя: машинистов-турбинистов плотно обступили округлые жаркие кожухи, выключатели, телефоны, насосы, диски контрольных приборов. Во время качки может прижать к горячему кожуху, опалить обнаженное тело.

— Жарковато, други! — крикнул Глущенко, стоящий на уплотнении главных турбин, и холщовым рукавом вытер отлакированное пóтом лицо. — И на курорт ехать не нужно. Вылезешь наверх — север, к нам спустишься — на сто процентов юг!

Старшина Максаков молча смахнул пот с поросшего белокурой бородкой лица. Был занят собственными мыслями, зорко следя за циферблатами тахометров, за стрелками машинного телеграфа. Думал о том же, о чем в этом походе размышлял не один моряк «Громового».

Идет не обычный, а особо рискованный поход. По кораблю передавали: фашистский рейдер пиратствует в океане, уже потопил встречный норвежский транспорт. Начнется погоня за рейдером — каждый должен отдать все для победы. Вот время осуществить давнюю мечту!

Он нащупал в кармане сложенную бумажку. Еще с вечера принялся составлять заявление — тщательно и взволнованно. Хотел закончить его перед вахтой, но не успел, решил не дописывать наспех, тем более — не хватает одной рекомендации... И теперь все время чувство-

вал заявление у сердца — следя за тахометрами, за давлением масла, стоя в потоках сухого жара, пышущего от турбин.

«Сочтут ли достойным? — размышлял старшина. — Одной рекомендации не хватает... Конечно, своя, родная партия... Мичман Куликов намекал: чудно̀, дескать, что до сих пор не подал заявления... Да ведь невидная наша работа... Вот зенитчики, комендоры — они в упор бьют врага... А тут стой, крути маховик, как в заводском цеху... Правда, та статейка о Никитине — ее и к нам отнести можно...»

Разве и он тоже не рвался на сухопутье — бить врага лицом к лицу! Разве и теперь, когда огромное сражение идет который месяц на приволжских просторах, не подавал рапорт о списании с корабля на передний край? Но ему вернули рапорт. «Здесь больше пользы принесете, — сказал старший лейтенант Снегирев. — Работайте отлично у механизмов, и враг на суше почувствует ваши удары!»

На мостике, близ машинного телеграфа, несет вахту командир корабля. В трудные, боевые минуты сам всегда стоит у телеграфа. И здесь, в турбинном, старшина должен мгновенно выполнить каждый приказ с мостика. Для того и проводит часы за часами, правой рукой держась за поручень трапа, левой сжимая колесо маховика.

Одна нога уперта в угольник площадки, другая — в нижнюю ступеньку ведущего на верхнюю палубу трапа. Эту позу проверил в штормовые дни, когда машинное отделение вздымается и проваливается вниз, рывками уходит в стороны, а стоять нужно так, чтобы тело не поддавалось толчкам, чтобы как-нибудь не сорвалась рука, лежащая на маховике. На маховике маневрового клапана, от любого движения которого изменяется ход корабля!

С мостика дается приказ, и в турбинном вспыхивает красная лампочка, звучит ревун, прыгают телеграфные стрелки. В соседнем отсеке рокочут котлы, стоят у топок котельные машинисты. Рождаемый ими пар идет сюда — к венцам лопаток турбин, вращающих винты «Громового».

Поворот маховика по сигналу с мостика — и послушный корабль изменяет ход. Когда идет бой с самолетами, когда «Громовой» швартуется в базе, борется со штормом в океане, — приходится непрерывно менять хода. После такой вахты едва найдешь силы выбраться на верхнюю палубу...

Зазвенели ступеньки трапа. Кто-то спускался вниз. Командир боевой части спрыгнул на палубу.

Вслед за ним капитан-лейтенант Ларионов стремительно прошел в глубь турбинного отделения.

Он сбежал по трапу совсем близко от Максакова — с озабоченным, хмурым лицом. Шел обычным своим легким, порывистым шагом. Будто даже небрежно миновал теснящиеся отовсюду рычаги и механизмы, но ничего не задел, хотя и был в толстом, веющем наружной стужей, меховом костюме...

Он прошел в глубь отделения, и ждавший там инженер-капитан-лейтенант начал доклад командиру, не слышный Максакову в гуле турбин...

Старшина снова смахнул с лица пот.

Другие турбинисты, занятые каждый у своего механизма, то и дело поглядывали на командира корабля.

«Готовится крепко серьезное дело, — думал Максаков, — если командир на походе сам спустился проверить машину!»

Капитан-лейтенант наклонился над вспомогательными механизмами. Немного пригнув голову, с надвинутой на брови фуражкой, внимательно слушал ровный рев турбин.

Максаков волновался все больше. Не упуская из виду тахометров и стрелок телеграфа, держа руку на маховике, краем глаза наблюдал за лицом командира.

Сосредоточенное, усталое, как будто даже немного сонное лицо. Козырек затемняет глаза, мех воротника сходится возле впалых медно-коричневых щек. Ларионов долго осматривал механизмы, долго вслушивался в гудение турбин. И по тому, как коротко кивнул, распрямился, сказал что-то широко улыбнувшемуся Тоидзе, стало ясно: осмотр дал хорошие результаты.

Так же порывисто капитан-лейтенант двинулся к трапу. «Вот подходящая минута, — подумал Максаков. — Редкая, дорогая минута».

Он повернул лицо к командиру, всем телом подался к нему, стиснув пальцы на маховике. Но застенчивость мешала заговорить.

Вот капитан-лейтенант уже кладет на поручень свою узкую руку, сейчас исчезнет в люке наверху... «Поздно, упустил свой шанс», — подумал Максаков.

— Старшина! — окликнул его Ларионов.

— Есть! — Максаков вытянулся, обратив к трапу мужественное, залитое пóтом лицо.

— Кажется, хотели что-то сказать? — Ларионов глядел в упор, не снимая ногу с трапа.

— Так точно, товарищ капитан-лейтенант!

Не отпуская маховика, дрогнувшими пальцами Максаков достал заветную бумажку.

— Товарищ капитан-лейтенант, хочу в бой идти коммунистом... Есть такая мечта... — Он смутился и замолчал, глядя на командира яркими от волнения глазами.

— Чьи рекомендации имеете?

Поняв сразу все, Ларионов пристально смотрел на него.

— Мичман Куликов написал... Обещался инженер-капитан-лейтенант... — Максаков весь был волнение, но его влажная рука, как всегда, твердо лежала на маховике.

— Ясно! — сказал Ларионов.

Он отошел к переборке, вынул записную книжку и карандаш, стал писать, приложив книжечку к переборке.

«Напомнить фамилию? — растерянно думал Максаков. — Давно вместе на корабле, и поговорить с ним, бывало, случалось, да разве упомнит всех... Но коли не спросил, стало быть помнит. Пишет — стало быть, считает достойным».

Капитан-лейтенант протянул старшине рекомендацию. Взбегая по трапу, сунул карандаш и книжку в карман, еще раз обдал машинное отделение голубым светом своих внимательных, строгих глаз.

Набросанные четким, остроконечным почерком строки ровно теснились на линованном листке.

ПАРТИЙНАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ

Старшину первой статьи Алексея Федоровича Максакова знаю в течение года по совместной службе на эскадренном миноносце «Громовой». В часы его вахт не было промедления в исполнении данных с мостика команд. Беспредельно преданный родине и делу разгрома фашизма, товарищ Максаков будет достойным членом великой партии большевиков...

— Наш командир! — только и сказал Максаков, сжимая рекомендацию в горячих пальцах.

На верхней палубе смотрели вдаль мерзнущие торпедисты. Прислонившись к надстройке, вобрав голову в воротник, стоял Калугин. Новая смена вступила на вахту. Вместе с другими он вышел из курилки, наблюдал теперь жизнь верхней палубы.

Откинулась крышка люка, и разгоряченное лицо Ларионова выглянуло наружу.

Ларионов вышел на палубу. Выпрыгнувший следом Ираклий Тоидзе старательно прихлопнул тяжелую металлическую крышку.

Торпедисты вытянулись. Маленький Тараскин шагнул от платформы аппарата.

— Разрешите обратиться, товарищ капитан-лейтенант!

Ларионов устремил на него задумчивый взгляд.

— Обращайтесь, товарищ Тараскин.

— Прошу о рекомендации для вступления в ряды ВКП(б) — одним духом выговорил Тараскин. — В комсомоле третий год, товарищ капитан-лейтенант. Обращаюсь как к члену партбюро, идя в боевую операцию.

Ларионов помолчал, не спуская глаз с краснофлотца.

— Помнится мне, товарищ Тараскин, этим летом при учебных стрельбах по вашей вине утопили торпеду?

Лицо Тараскина, малиновое от ветра, стало темнокрасным.

— И на политзанятиях у вас тоже что-то не получилось... Что скажете, Филиппов?

— Товарищ капитан-лейтенант! — Филиппов вытянулся рядом с Тараскиным, легкий иней от дыхания белел на его воротнике. — У механизмов краснофлотец Тараскин последнее время службу несет отлично. Что же до политзанятий... — Филиппов замялся, опустил и вновь вскинул правдивые глаза. — Оно — верно — промашки были.

— Так вот что, товарищ Тараскин, — сказал Ларионов, — мой вам совет: в этом походе побудьте еще комсомольцем. — Теплая улыбка мелькнула на его обветренных тонких губах. — Комсомольцем быть — это тоже большое дело! А проявите себя в бою хорошо — как ошвартуемся, приходите ко мне в каюту, мы с вами на свободе все вопросы обсудим. И заявление с собой прихватите.

Он обернулся, увидел Калугина, приложил пальцы к козырьку.

Калугин отдал честь, вытянулся у надстройки.

— Наблюдаете, товарищ капитан? Может быть, пройдем на мостик?

Не ожидая ответа, быстро двинулся по шкафуту. Калугин торопился вслед за ним, скользя по палубе, покрытой мазутной смазкой и тающим снегом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тюленьи острова — маленький привал на штормовой океанской дороге, заправочная станция для идущих мимо кораблей.

От самой воды начинаются льды и снега. Снега заполнили и выровняли ущелья, образовали широкие и белые равнины. К скалам приникли хижины оленеводов и рыбаков. Выше — гранитные, поросшие мхами перекаты, очищенные от снега свирепыми, воющими ветрами. Бурые, неровные округлости поднимаются сквозь цепкие туманы к низко плывущим облакам.

Тонкий стальной трос протянут вдоль верхних скал, на кронштейнах, вогнанных глубоко в гранит. От дощатого домика с крышей, заваленной снегом, трос поднимается вверх, тонкой нитью охватывает верхние скалы. И чем выше он поднимается, тем труднее становится путь, свистит ураган, слепит ледяная дробь снежных зарядов.

Здесь, на вершине, установлен наш краснозвездный флаг. Сюда, выходя из домика морского порта, карабкается, чтобы сменить товарища, укутанный в мех сигнальщик. Он цепляется за сплетенный из множества стальных проволок трос, местами проваливается в снег, местами скользит по отшлифованному ветром граниту.

Поверх тулупа он опоясан стальной цепью с замком на конце. Взобравшись наверх, сменив товарища, этим замком прикрепляется к бегущему над пропастью тросу.

Он обходит вершину по краю вновь и вновь, упираясь ногами в чуть видную, узкую тропинку. Если поскользнется или ветер сорвет его с тропки, он повиснет на тросе, опять нащупает точку опоры, снова будет продолжать обход высоты.

Сигнальщик смотрит в бинокль. Отсюда, когда вокруг нет снеговых вихрей, видны очертания главного острова,

окруженного вздувшейся пеленой океанской воды, слившейся с мутным, обледенелым небом.

Виден узкий извилистый залив, ведущий к внутреннему рейду мимо цепи маленьких необитаемых островков. Видна даль океана.

Внизу, между черной полосой мокрых береговых камней и бурой океанской водой, белеет зазубренная полоса. Это волны неустанно набегают на берег. Сигнальщик привык к тому, что до верхних скал не доносится гул океана, здесь только и слышишь свист жестокого снежного ветра.

А если смотреть отсюда на рейд, в глубину длинной коленчатой бухты, стоящие там корабли похожи на крошечных продолговатых ежей с вытянутыми над ними иглами мачт, стрел и кранов.

Но эти крошечные ежи — на самом деле тяжелые высокобортные суда, несущие в своих трюмах и на просторных закопченных палубах тысячи тонн всевозможных грузов.

Над рейдом грохот и лязганье кранов, слова коротких команд, резкие крики чаек — неизменных спутников морских походов.

Здесь стоит у причала самоходная баржа «Енисей» — она только недавно вошла на рейд, ждет своей очереди принимать горючее.

Сейчас горючее берет ледокольный пароход «Ушаков».

Он пьет нефть с танкера и в то же время кончает сгружать доставленные на этот остров ящики и тюки.

Пассажиры «Ушакова» ходят по палубе и по высокому деревянному причалу. Довольно привычные пассажиры: женщины и дети, семьи зимовщиков. «Ушаков» взял их на борт в Мурманске, чтобы доставить в высокие широты.

«Дотяну ли я до высоких широт?» — думает пожилой капитан «Ушакова» Васильев, стоя на мостике, наблюдая за бункеровкой, изо всех сил торопя своих матросов.

Капитан «Ушакова» не хочет думать ни о чем, кроме работы. Сейчас он примет топливо, кончит разгрузку и на полных оборотах уйдет в море. Только бы успеть выйти в море! На этой вот барже рядом — шестьсот бочек авиационного бензина, двести тонн аммонала для заполярного фронта. «Если рванет такую баржу, от нас и следов не останется», — думает капитан. Он смотрит на ряды металлических бочек над бортом «Енисея», потом переводит

взгляд на мальчика у поручней, около трапа «Ушакова». «Ну ладно, если сами взлетим на воздух, на то война... но ребят жалко... Вот хотя бы этот парнишка...»

Бледненький, худой, лет семи... В плюшевой желтой курточке, из которой вырос. Крест-накрест обмотанный толстым материнским платком, так что едва высовывается его остроносая мордашка... Не очень подходящий костюм для Заполярья, не очень подходящий костюм для слабого семилетнего парнишки...

«А может быть, ему и больше... Может быть, ему столько же, сколько моему: уже девятый... Бедный зайчонок, потрепало его в море. А что-то сейчас с моими, уже два месяца не получаю писем... Тоже, наверно, такие худые и бледные, как этот зайчонок несчастный... И совсем он не несчастный, вот побывать бы ему в моей шкуре... Совсем он сейчас не несчастный, он счастливый путешественник, вот как вытянулся над бортом, смотрит на чаек...»

...Мальчик следил, как, кружась неторопливо и плавно над похожей на коричневый студень водой, толстые серебристые чайки вдруг бросались в волны, что-то подхватывали, взвивались вверх, унося в клювах добычу.

«Как самолет на посадке, — думал мальчик. — Одно крыло к воде, другое в небо». Они планируют медленно и тяжело, сразу падают и тут же, не задев воды, уносятся кверху.

Только что повар в белом колпаке — на корабле его смешно зовут «кок» — подошел к широкому борту, вылил в воду ведро помоев. И чайки с криком метнулись туда, бросаются на крошки, дерутся между собой.

Однако как больно щиплется этот морской ветер...

«...Только бы успеть выйти в море», — думал капитан «Ушакова», подергивая кончик короткого седеющего уса.

Нынче утром «Ушаков» одновременно с танкером и береговым постом принял сигнал бедствия транспорта «Свободная Норвегия». Панический сигнал: «Спасите наши души». «Хотя интересно знать, — размышлял капитан, — какой сигнал дал бы я, если бы за мной погнался пират, вражеский тяжелый крейсер? А может быть, там был совсем не тяжелый крейсер, напутали все с перепугу? Здесь, на Севере, такая рефракция: тральщик можно принять за линкор, баржу — за крейсер... Соловецкие острова всегда видишь вверх ногами...

Так или иначе, этот корабль гнался за транспортом и потопил его. Иначе мы слышали бы о нем что-нибудь еще. Интересно, спаслась ли команда? Дали ли ей возможность погрузиться в шлюпки? Нет, это старые обычаи, обычаи прошлых войн. Фашисты поджигают судно, делают пробоину под ватерлинией и больше не заботятся о нем.

Впрочем, нет, фашисты иногда заботятся о нем и дальше, только в другом смысле. Они ждут, пока команда погрузится в шлюпки, а потом расстреливают шлюпки прямой наводкой...»

Капитан Васильев поморщился. «Что за мысли!.. Я должен думать о другом. Еще полчасика, и я приму полный запас топлива, смогу отдавать швартовы. В море как-то приятней, просторней, не так близко от этой плавучей пороховой бочки... Хочется доставить в сохранности всех этих женщин и ребят, этого парнишку в плюшевой курточке, чем-то похожего на моего Вальку... Кстати, что он сейчас делает, этот парнишка?»

...Теперь мальчик глядел на берег, глубоко засунув за пазуху одну руку, согревая дыханием другую. По снежному склону скользила оленья упряжка: длинные узкие сани с бегущим рядом человеком в меховой остроконечной шапке. Олени были очень маленькие, они бежали, вытянув морды и пригнув рога к спинам, они были ниже пояса хозяина саней. Мальчик засмеялся от удовольствия.

— Смотри, мама! — закричал мальчик в восторге.— Смотри, какие маленькие взрослые олешки! Пойдем посмотрим поближе.

Он потянул за ватник стоявшую рядом женщину: высокую, угловатую, с беспокойным, усталым взглядом. Женщина не видела окружающей ее красоты. Она думала о чем-то своем.

— Только на минутку, мама!

Мальчик потянул ее к сходням. Она встрепенулась.

— Ты, верно, замерз, милый? Пойдем отдохнем в каюте.

— Я не замерз. Посмотри! Совсем как будто игрушечные олешки!

Женщина неохотно пошла к сходням. Взглянула в сторону седого, озабоченного человека на мостике. Корабль еще не готов к выходу, но лучше не сходить на берег. Когда же наконец они поплывут дальше?..

— Как там с приемкой? — крикнул капитан старшему механику.

— Сейчас кончаем. — Старший механик стоял возле шлангов, на тонком, радужном нефтяном слое, залившем ржавую палубу. — Есть еще сведения о рейдере? Если, случаем, все-таки взял курс на нас, что делать думаете, Николай Иванович?

Старший механик стоял, закинув свое толстое, пурпурное от ветра лицо, заложив руки за спину. Гражданская манера разговаривать с командиром! Никак не может усвоить военных привычек, вбить себе в голову, что сейчас «Ушаков» — ледокольный пароход вспомогательных сил Военно-Морского Флота. Никак не втолкуешь ему, что мы военный корабль.

— Вопрос ваш считаю излишним и неуместным, — отрезал капитан. — Следите лучше за своими обязанностями!

Вот и обидел старшего механика, милого человека, стахановца. Следите за своими обязанностями! Он-то всегда хорошо выполняет свое дело.

«А в самом деле, — размышлял капитан, — что буду делать? Что буду делать, если рейдер взял курс на Тюленьи? Судя по перехвату, он взял курс на Тюленьи. Может быть, его остановят наши военные корабли? Настоящие военные корабли, не такие, как я, с женщинами и детьми на борту... У меня, правда, на борту пятнадцать стволов, два ствола крупного калибра, но не могу же я биться с тяжелым крейсером. А уйти от него смогу? Нет, не смогу: я против него — как черепаха против борзой. Значит, и в море выходить опасно. А здесь, на рейде, если только зафугасит боезапас на «Енисее», тоже крышка. Крышка всей базе, всем ребятам. Крышка бензину, которого ждут наши самолеты».

Стоящий у поручней сигнальщик встрепенулся, поднял цветные флажки.

— Товарищ командир, пишут с берегового поста!

Он вытянул руки с флажками, широко расставив, опустил их немного вниз: знак ответа на вызов.

С вершины бревенчатой вышки, в нескольких кабельтовых от пирса, быстро махала флажками маленькая фигурка.

Сигнальщик читал флажный семафор. Но капитан не вслушивался в его слова. Он разбирал язык взлетающих и опускающихся вдалеке флажков не хуже самого сигнальщика.

«Высокогорный пост сообщает, — читал капитан, и его квадратное морщинистое лицо налилось темной кровью,— в видимости силуэт военного корабля, предположительно — тяжелого крейсера. Идет курсом на острова».

Снова пошел снег, затянул берег и сигнальную вышку.

«Вот оно, — подумал капитан. — Вот когда нужно принимать решение!»

— Боевая тревога! — сказал он голосом, вдруг потерявшим обычную четкость, и сам же надавил кнопку колокола громкого боя.

Но только в первый момент он не смог справиться со своим голосом. Пока матросы и старшины разбегались по местам, он сделал над собой усилие, сглотнул несколько раз, и опять его голос зазвучал привычным, повелительным басом.

— Старший механик, кончать приемку топлива! Всем пассажирам выйти на берег, в поселок. — И, менее громко, старшему помощнику, выросшему рядом с ним: — Вы, Тимофей Степанович, займитесь этим. Пусть мамаши возьмут себя в руки, пусть не пугают ребят. Скажите им: при первой возможности примем их обратно на борт, а сейчас им лучше уйти подальше, — понимаете почему?

— Есть, товарищ командир, — вытягиваясь, сказал помощник. Он-то хорошо усвоил манеры военного моряка.

— А есть, так что ж вы стоите и пялите на меня глаза! — прогремел капитан, багровея еще больше. — Идите выполняйте приказ.

Он вышел на крыло мостика, своей широкой, шершавой рукой поднял жестяной мегафон.

— На танкере!

— Есть на танкере! — откликнулись с соседнего корабля.

— Читали донесение поста? Отцепляйтесь от меня, уходите в глубь фиорда, за скалы... На «Енисее»! — уже кричал он в другом направлении, хотя еще не получил ответа с танкера. Но уже видел: командир танкера отдавал короткие команды, краснофлотцы быстро разъединяли шланги.

Сильнее кружился мокрый, густой снег.

— На «Енисее»! — вновь пробасил капитан Васильев, но «Енисей» был далеко, там не слышали его оклика. — Сигнальщик! — загремел капитан.

Но тут и кричать было нечего: сигнальщик стоял рядом, повернув к нему возбужденное и в то же время строго внимательное лицо. Капитан понизил голос:

— Сигнальщик, напишите «Енисею»: «Читали ли донесение поста?» Лучше написать прожектором, флаги в такой снегопад не разберут...

Он говорил медленно и раздельно, и сигнальщик, повернувшись к «Енисею», поднял над бортом небольшой горбатый прожектор.

— Напишите: «Что думаете делать? Мое мнение: уходите на остатках топлива в глубь фиорда, станьте под скалой, дальше танкера. Поняли ли меня? Капитан «Ушакова».

Сигнальщик всматривался: с борта «Енисея» мигал ответный прожекторный луч.

— Товарищ командир, капитан «Енисея» спрашивает: «Какие действия предпримете вы?»

Капитан «Ушакова» мгновение стоял неподвижно. Только одно мгновение. Он видел, как торопливо сходят на берег женщины и дети, как тот остролицый парнишка, смотревший на чаек, бежит им навстречу, что-то весело спрашивает, его мать тоже расспрашивает — испуганно и нервно.

— Напишите, сигнальщик, — по-прежнему раздельно сказал капитан «Ушакова»: — «Если вражеский корабль начнет входить на рейд, выйду ему навстречу и попробую дать бой. Уверен, что экипаж «Ушакова» сумеет выполнить свой долг до конца». Рассыльный! Шифровальщика!

Он прошел в штурманскую рубку, написал несколько строк своим круглым, старательным почерком. Вошел шифровальщик.

— Зашифруйте и передайте в эфир.

Вошел помощник по политической части. Капитан Васильев повернулся к нему.

— Передаю в эфир обстановку, принятое мной решение, наши координаты. Не возражаете, Виктор Тихонович? Правда, боюсь, что никакие наши специальные силы не подоспеют сюда с Большой Земли. Но я, Виктор Тихонович, надеюсь на другое.

Он притронулся темным, обветренным пальцем к отвороту оленьей куртки заместителя. Морщинки от его глаз побежали к вискам, придали ему лукавое выражение.

— Не только ведь мы приняли сигнал бедствия того норвежца. А если его приняли наши военные корабли, может быть они уже гонятся за немцем, может быть отвлекут его. А если нет... — Он нагнулся над штурманской картой, над бледно-серой узкой извилистой линией залива. — Мое решение, видите ли, таково. Я буду вести огонь до последней возможности. Мы еще не знаем точно класса этого корабля, может быть и сможем биться с ним. Думаю продвинуться вперед, вот сюда — до самой узкой части фиорда. Я стану к немцу правым бортом, как раз поперек губы. Видите ли, в чем моя идея, Виктор Тихонович. Если он потопит меня, то «Ушаков» пойдет ко дну так, чтобы загородить фарватер, не дать возможности врагу проникнуть в бухту.

Помполит слушал молча. Сухопутчик, до войны работавший заместителем начальника МТС, он еще плохо разбирался в таких делах. Но здесь как будто все было совершенно ясно.

— Что же, по-моему, неплохое решение. Правильное решение! — твердо сказал помполит.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Снова над «Громовым» кружился густой мокрый снег. Ветер сильнее гудел в снастях, всплескивались барашки на серых волнах, все шире чертила фок-мачта облачное, рваное небо. Ларионов снова наклонился к медному раструбу переговорного аппарата.

— Штурман, уточнили координаты?

— Так точно, проверил. Ходим в пункте рандеву, товарищ командир.

От дыхания начищенная медь переговорной трубы покрылась белым, морозным налетом. Ларионов переступил с ноги на ногу. Черт его знает, как промерзают на мостике ноги даже в шерсти и в меху!.. Рандеву должно бы уже состояться давно. Уже давно «Громовой» ходит в условленном квадрате, но нет и признака английских кораблей.

А может быть, они уже преследуют врага? Сами, самостоятельно пошли по его следу? Но что-то мистер Гарвей, наш уважаемый офицер связи — будь он проклят с его равнодушным нахальством! — слишком долго сидит

в радиорубке, слишком долго ловит позывные своего флота...

По трапу поднимался Гарвей — поднимался солидно, неторопливо, его черная борода лежала над желтизной верблюжьего реглана, высокая меховая шапка была плотно надвинута на брови.

— Ну что там, мистер Гарвей? — спросил Ларионов.

Гарвей подошел ближе, торжественно приложил руку к шапке. Ларионов коротко отдал честь.

— Мне кажется, — медленно сказал мистер Гарвей, — у меня такое впечатление, что наша маленькая операция может не состояться.

— Почему? — резко спросил капитан-лейтенант. Он подошел к Гарвею вплотную. — Вы настроились на свою волну?

— Я настроился на свою волну, — сказал Гарвей. — Правда, мистер кэптин, я не мог поймать ничего... — э... как это сказать?.. — ничего, адресованного нам. Но я уловил интересную шифровку нашего командования.

Ларионов с ненавистью смотрел на его медленно шевелящиеся губы. Бубекин, Снегирев и Калугин подошли ближе.

— Может быть, вы можете говорить быстрее, мистер Гарвей? — угрюмо спросил Бубекин. — Если не по-русски, то по-английски. Мы вас поймем.

— Я могу говорить быстрее по-русски, — дружески улыбнулся ему Гарвей. Он говорил, как фокусник, подготовивший какой-то неожиданный трюк и медлящий, чтобы повысить к нему интерес. — Мистер командэр, я уловил шифровку нашего командования, обращенную ко всем кораблям королевского флота, находящимся в здешних водах. Всем кораблям королевского флота приказано немедленно сосредоточиться у берегов Исландии.

— У берегов Исландии? — повторил Ларионов.

— О да, у берегов Исландии, — сказал Гарвей. — И я подозреваю почему. Линкоры «Граф фон Тирпиц» и «Шарнгорст», видимо, снова пытаются прорваться через Датский пролив. Силы нашего флота не должны пропустить их на просторы Атлантики. Может быть, и рейд «Геринга» только демонстрация, чтобы отвлечь сюда наши корабли.

— Но ведь «Геринг» уже пиратствует в Баренцевом море, — сказал Калугин.

— О да, он пиратствует в Баренцевом море,— повернулся к нему Гарвей. — Он хорошо выбрал момент. Ваши корабли поддерживают фланг армии, наши будут блокировать Датский пролив. «Геринг» может плавать безнаказанно. Это хороший шахматный ход.

Он вежливо улыбался, его мелкие зубы блестели на смоляном фоне бороды и усов. «Нет, он действительно, кажется, восхищается ловкостью фашистов!» — подумал Калугин.

— Для вас это, может быть, шахматный ход, — сказал Бубекин, и его маленькие глаза превратились в чуть различимые щелки, — а для нас это угроза нашим коммуникациям, угроза жизни мирных людей на советских зимовках, громить которые, вероятно, отправился «Геринг».

— Да, здесь могут быть неприятные потери, — охотно согласился Гарвей. — И первая потеря — мы уже лишились «Свободной Норвегии». — На мгновение он склонил голову. — Но в теперешней борьбе за мировое господство...

Капитан-лейтенант Ларионов уже не смотрел на него. Он снова шагнул к своему обычному месту, положил руки на тумбу машинного телеграфа. Казалось, он с трудом проглотил какую-то фразу, чуть не сорвавшуюся с языка.

— Товарищи офицеры, — помолчав, сказал Ларионов, — прошу прекратить посторонние разговоры на мостике.

По трапу взбегал шифровальщик. Несмотря на холод, он был в одной фланелевке. Видимо, шифровальщик очень торопился, ветер рвал из его рук листок.

— Разрешите обратиться, товарищ капитан-лейтенант?

— Да, — сказал Ларионов.

— Принята шифровка с ледокольного парохода «Ушаков».

Ларионов поднес к глазам радиограмму.

— Товарищи офицеры! — сказал он таким голосом, что все разом придвинулись к нему и даже рулевой наклонился вперед, не выпуская ручку штурвала. — «Вражеский тяжелый крейсер, — громко и взволнованно читал Ларионов, — входит на рейд Тюленьих островов. Принял решение — дать ему бой всеми имеющимися средствами. Прошу помощи. Капитан «Ушакова» Васильев».

Он бережно сложил радиограмму. Все молчали.

— Как жалко, — отчетливо и громко сказал мистер Гарвей, — как очень, очень жалко!

«Теперь он, видимо, действительно чувствует себя неловко», — подумал Калугин.

— Чего вам жалко, мистер Гарвей? — как бы машинально спросил Ларионов.

— Как жалко, что мы ничем не можем помочь этому храброму капитану.

Не отвечая, Ларионов шагнул к переговорной трубе, нагнул над ней свое воспаленное от ветра лицо.

— Штурман, сколько до Тюленьих?

— Сорок две мили, товарищ капитан-лейтенант, — донесся глухой голос штурмана.

Ларионов распрямился, ровным движением перевел ручки машинного телеграфа. И тотчас сильнее завибрировала палуба — «Громовой» прибавил ход.

— Вы правы, мистер Гарвей, — тихо сказал Ларионов. — Это очень жалко. Но, может быть, он продержится. Может быть, мы успеем ему помочь.

Гарвей вскинул на него удивленные глаза.

— Прошу прощения, мистер кэптин, — с величайшим изумлением сказал он, — не думаете ли вы...

— Да, я думаю, — сказал Ларионов, всматриваясь в даль.

Гарвей подошел еще ближе. Его борода, как привязанная, чернела на скуластом белом лице. Не осталось и следа от его недавнего благодушного апломба.

— Но разве вы не знаете, мистер кэптин... — Он говорил тихо, чтобы не слышали окружающие, от волнения сбился, произнес какую-то гортанную английскую фразу. — Разве вы не знаете, что никогда, ни при каких условиях эсминец не сможет вступить в поединок с тяжелым крейсером? Прошу прощения, но это противоречит элементарным правилам военно-морской науки.

Ларионов глядел на Гарвея. Теперь, показалось Калугину, в усталых глазах командира корабля на миг промелькнуло выражение странного удовлетворения. Его руки в потертых, белеющих засохшей солью перчатках сжались на ручке машинного телеграфа.

Гарвей ждал ответа, даже приоткрыл от напряжения свои сухие тонкие губы.

— Видите ли, мистер Гарвей, — негромко, но очень отчетливо сказал капитан-лейтенант, — немцы тоже, конечно, уверены, что один эсминец не может навязать бой тяжелому крейсеру. Поэтому командир «Геринга» сделает логический вывод. Он подумает, что мы здесь не одни, что мы заманиваем его, расставляя ему ловушку. И, может быть, прекратит рейд.

Он говорил, как бы думая вслух, всматриваясь в пространство. Потом с легкой улыбкой взглянул на канадца.

— А кроме того, история нашего флота знает много примеров, когда русские моряки в не менее трудных условиях вступали в соприкосновение с противником и добивались победы. Эскадренный миноносец «Гневный» два с половиной часа вел артиллерийский бой с крейсером «Бреслау», пока тот не скрылся в Босфор. В Крымскую войну русский фрегат «Флора» всю ночь бился с тремя турецкими кораблями на паровом ходу и благодаря искусству своего экипажа к утру выиграл этот неравный бой.

Гарвей слушал, по-прежнему приоткрыв рот.

— Но ведь это было ночью, мистер кэптин!

— Мы тоже можем создать ночные условия... — задумчиво сказал Ларионов. — Еще наш славный адмирал Макаров писал: «Бой обязателен тогда, когда нам следует помешать противнику делать то, что он считает своей задачей...»

И вдруг распрямился, сразу стал как-то выше и шире в плечах.

— Во всяком случае, благодарю вас, мистер Гарвей!

— За что? — спросил Гарвей еще более удивленно.

— За то, — сурово сказал Ларионов и смахнул с лица водяную пыль, — за то, мистер Гарвей, что вы помогли мне понять психологию наших противников.

— Разве я ваш противник?

— Нет, — небрежно сказал капитан-лейтенант, — вы не наш противник.

Он произнес эти слова, уже явно думая о чем-то другом. Гарвей, видимо, просто перестал для него существовать.

— Товарищ капитан, — повернувшись к Калугину, очень тепло сказал Ларионов, — вы бы обдумали радиовыступление, что-нибудь зажигательное для личного со-

става. О мужестве русских моряков-коммунистов, сокрушающих все преграды. Вас, мистер Гарвей, попрошу пройти в каюту, вы можете отдыхать, я больше не нуждаюсь в ваших услугах.

Его голос звучал все отчетливее, хотя суровая сдержанность по-прежнему жила на худощавом лице под низко сдвинутой на брови фуражкой.

— Есть подготовить радиовыступление! — сказал Калугин.

Гарвей молча отдал честь и пошел с мостика вниз.

— Старпом, — продолжал Ларионов, — подсмените меня на мостике. Не снижайте оборотов. Я пройду в штурманскую рубку.

Капитан-лейтенант шагнул к трапу.

Навстречу, в расстегнутом на груди полушубке, в шапке, сдвинутой набекрень, взволнованно взбегал рассыльный.

— Товарищ командир! — Уже издали он протягивал вьющийся на ветру листок. — Приняли еще радиограмму.

Капитан-лейтенант смерил его критическим взглядом.

— Вы что, рассыльный, к теще на бал собрались? Станьте как полагается по уставу!

Вспыхнув, краснофлотец застегнул полушубок, поправил шапку, вытянулся — руки по швам.

— Товарищ командир корабля, разрешите обратиться с радиограммой.

— Дайте, — сказал Ларионов. Он взял розовый листок, не спуская глаз с краснофлотца. — И помните, Кириллов: то, что мы собираемся долбать какого-то паршивого фашиста, еще никому не дает повода нарушать форму одежды. Идите.

Рассыльный четко повернулся на каблуках. Только тогда Ларионов взглянул в радиограмму. Голубая жилка билась на высоко подбритом виске. Может быть, известие о подкреплении?

— Снова радио с «Ушакова», — сказал командир, и ничто в голосе Ларионова не обнаружило глубины его разочарования. — Капитан сообщает, что при большом снегопаде крейсер исчез из видимости берегового поста. «Ушаков» выходит навстречу «Герингу», готов открыть огонь... Лейтенант, внесите в вахтенный журнал. Да поаккуратнее, а то потом разбирай ваши каракули... При-

гласите в штурманскую рубку командиров боевых частей.

И, передав листок вахтенному офицеру, не держась за поручни, Ларионов спустился к штурманской рубке.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Высоко над топками рокочут горячие треугольные котлы. Сбоку — всегда задраенный наглухо люк шахты на верхнюю палубу. Внизу — рев форсунок, неустанно вдувающих в топку распыленную нефть, сигнальные звонки, блеск цветных ламп, холодный ветер вентиляции, овевающий темные от усталости лица котельных машинистов.

— В этом вот котле, товарищ инженер-капитан-лейтенант, похоже, три трубки, — отрывисто бросил Куликов.

Ираклий Тоидзе наклонил голову к продолговатой дверце топки. Смотрел в розовую, полную пляшущим пламенем глубину. Действительно, по стенке топки, из вертикальных, похожих на натянутые струны водогрейных трубок, сочилась превращающаяся тотчас в пар вода.

Тоидзе распрямился, шагнул к водонепроницаемой переборке, поднял тяжелую телефонную трубку.

— Вахтенный офицер? Командира корабля!

Высоко наверху, на мостике, Бубекин взял телефонную трубку.

— За командира старший лейтенант Бубекин.

— Фаддей Фомич! Докладывает инженер-капитан-лейтенант Тоидзе. Во втором котле правого борта потекли водогрейные трубки.

Корабль взлетел на волне, на мгновение повис неподвижно, резко пошел вниз. Качка усиливалась. Мичман Куликов стоял возле Тоидзе, смотрел на его озабоченное лицо. Есть повод волноваться! Перед таким испытанием, когда «Громовому» в любой момент может понадобиться вся его мощь, выбывает из строя один из котлов, корабль может лишиться трети своей скорости.

Лопнули водогрейные трубки — стало быть, нужно начинать ремонт, вода размывает топку.

— Ваше решение? — спросил с мостика Бубекин.

— Будем глушить трубки на ходу, Фаддей Фомич.

— Делайте, — сказал Бубекин, — капитан-лейтенант приказал не снижать оборотов.

Тоидзе отошел от телефона. Легко сказать: «Будем глушить на ходу!» Но это значит: нужно обследовать изнутри раскаленную топку, работать в горячем котле. Правда, на других кораблях делали такие вещи, но каждый раз об этом как о подвиге писали в газетах. Этим подвигам удивлялись моряки «Громового». И вот настало время самим сделать это, да еще при качке на свежей волне.

— Ну, мастера котельной, делаем ремонт на ходу? — спросил Тоидзе. — Мичман, вызывай добровольцев.

— Первый доброволец я, — отрывисто сказал мичман. — Такое дело — нужно не промахнуться, сразу заглушить худые трубки. А второго возьмем... Кто у нас здесь позорче?

Он окинул взглядом продолжавших работать кочегаров. Они трудились размеренно и спокойно, как рабочие в цехе. Зайцев в ватнике, расстегнутом на груди, блестя карими глазами, подошел ближе всех.

— Меня возьмите, — сказал Никитин, положив руку на рычаг форсунки.

— Или хоть меня, — откликнулся Чириков, как всегда держась за штурвал регулировки питания котлов водой.

— Прошу как чести! — услышал Куликов взволнованный голос Зайцева.

— Говоришь, выдержишь, Зайцев? Там ведь, внутри, жарковато.

— И не такое выдержу, — сказал Зайцев с угрюмым задором.

— Ну, так не теряйте времени, дорогие. — Инженер-капитан-лейтенант направился к шахте. — Я в пост энергетики. Мичман, об исполнении тотчас доложите.

— Есть тотчас доложить об исполнении, — так же просто сказал Куликов.

Кочегары взялись за тяжелые цепи. Пламя в топке погасло. Зайцев мельком глянул в ее медленно темнеющую глубину. Оттуда несло нестерпимым жаром, на кирпичной кладке желтыми язычками все еще вспыхивала нефть. Он направил туда свет переносной лампы. Теперь еще яснее было видно, как течет из трубок, размывая топку, вода.

Время шло.

— Пора! — сказал мичман Куликов.

Зайцев чувствовал, как все сильнее бьется сердце, как это биение отдается даже в кончиках пальцев.

— Вату и вазелин! — приказал мичман.

Из угла котельной принесли большую банку вазелина и пакеты с ватой. Зайцев протянул руку.

— Подожди, раньше батьки в пекло не суйся! — резко сказал мичман.

— Так я же вызвался! — сказал Зайцев.

— Ты вызвался и жди, — пробормотал мичман. — Шланг сюда!

Зайцев подтащил шланг.

— Обливай меня! — скомандовал мичман. — Хорошенько ватник облей.

Пока на ватник лилась водяная струя, мичман торопливо смазывал лицо вазелином. Прикрыл лицо слоем ваты, низко надвинул шапку. Шагнул к топке. Из открытого лаза несло нестерпимым жаром.

— Подождать бы, товарищ мичман, — сказал один из кочегаров. — Еще задохнешься. Пусть остынет чуток.

— Чтобы кладку вконец размыло? — пробормотал мичман.

Он приблизил к отверстию прикрытое ватой лицо. И вдруг, как будто нырнул — весь сжавшись, исчез в отверстии топки.

Глубь топки он осветил фонариком. Все молчали, не сводя глаз с отверстия, где качался неяркий свет.

— Сварится еще, — невольно сказал Зайцев.

Но так же ловко и неожиданно, как исчез, мичман выскочил наружу. Он задыхался, по его лицу тек смешанный с вазелином пот. Казалось, он не может надышаться воздухом котельной. Потом снял с лица пожелтевшую вату.

— Похоже, лопнули, точно, три трубки... Ну, а ты чего ждешь? Готовься пока.

У него снова перехватило дыхание.

— Теперь твоя очередь. Я наверху в котел полезу, буду сомнительные трубки водой заполнять, а ты докладывай: потекли или нет. Вот и все твое дело.

Вместе с котельными машинистами он взобрался по стремянкам на верхнюю площадку. Работали ключом и кувалдой, отвинчивали гайки коллектора. Отвинтили, от-

скочили в сторону: облако пара вырвалось из-под отлетевшей крышки.

— Ну, теперь к главному подошли! — крикнул Куликов. — Проветрим немного коллектор и начнем...

— Не зевать, ребята!

Корабль снова сильно тряхнуло. Мичману подали шланг. Внизу ждал Зайцев, дрожа в мокром ватнике, прикрыв ватой густо намазанное вазелином лицо.

— Начали! — крикнул Куликов и исчез в котле.

И тотчас внизу полез в топку Зайцев.

Его охватило нестерпимым жаром, будто нырнул в кипяток. Густой пар поднимался от мокрого ватника. Сильно защипало веки, задернуло жаркой пленкой глаза. Зайцев хотел смахнуть пот, но рука в толстой асбестовой рукавице коснулась ватного слоя. Его стало тошнить, здесь сильнее чувствовалась качка, пахло горелой резиной, сквозь подошвы жег ноги раскаленный под топки.

Он переставил ноги, стиснул зубы, сморгнул пот. Хотелось хоть на мгновение выскочить наружу. Нет, выдержу, все выдержу. Моряки-коммунисты и не такое выдерживали.

Он всматривался в шеренгу водогрейных трубок, частым строем занявших всю заднюю стенку топки. Вот сейчас мичман наверху, в каюте, заполняет подозрительные трубки водой из шланга, а он должен засечь, через какую трубку сочится вода... Усилием воли прояснил сознание, смотрел внимательно, направив на стенку свет фонарика. Вот она — пятнадцатая трубка. Сквозь чуть видную трещинку струится вода.

— Течет пятнадцатая! — крикнул он в лаз, и, сдавленные безвоздушным жаром топки, странно-глухо прозвучали слова.

— Течет пятнадцатая! — услышал он голос Никитина снаружи.

Вода показалась в соседней трубке, тотчас превращаясь в пар.

— Течет шестнадцатая!

Он задыхался, у него кружилась голова. Сильно тошнило от резких взлетов корабля. Выскочил из топки, полным ртом набирал воздух.

— Может, сменю? — заглянул ему в лицо Никитин.

— Сам кончу! — пробормотал Зайцев. — Ты из шланга меня поливай.

Он снова протиснулся внутрь.

— Восемнадцатая течет!

— Восемнадцатая течет! — отдалось, как эхо, снаружи.

— Как девятнадцатая? — крикнул в топку Никитин.

«Больше не выдержу ни секунды, — думал Зайцев. — Вот уже пекусь живьем. Больше не выдержу...» Но еще раз пересилил себя, нашел девятнадцатую по счету трубку, смотрел, казалось, готовыми лопнуть глазами. Нет, тут нет трещины, тут не течет вода.

— Девятнадцатая порядок!

И пауза. Бесконечное молчание. И, наконец, как лучшая музыка, приказ:

— Вылезай!

Он выскочил наружу. Скинул жесткий, скоробившийся ватник. Еще стирая с лица вазелин, смешанный с потом, взбежал наверх, заглянул в дышащую влагой горловину коллектора..

Там дрожало пламя переносной лампочки. Туда подавали стальные, обмазанные суриком заглушки: забивать прохудившиеся трубки. Последним взмахом Куликов вогнал в трубку заглушку.

И вот высунулось наружу его темное, залитое потом лицо. Он вылез из котла, пошатнулся, передал кому-то лампочку и шланг.

— Задраивайте, матросы, горловину, — хрипло сказал Куликов. — Включайте котел.

Он спустился к щиту контрольных приборов, снял телефонную трубку.

— Пост энергетики? Докладывает мичман Куликов. Трубки заглушены, вводим котел в действие... Есть объявить благодарность всем участникам, товарищ инженер-капитан-лейтенант!

С ним рядом стоял Зайцев.

Во всем теле Зайцев чувствовал непрерывную дрожь, а губы онемели, казались чужими, гладкими, будто выточенными из стекла. Но такая большая, светлая радость в сердце.

— Губы распустил в топке, вот тебе их и обожгло маленько, — сказал ласково мичман. — Ладно, зайдешь к

доктору, он тебе что-нибудь наколдует. Пока иди в кубрик, отдохни. Я тебе сменщика вызвал.

Сменщик уже наклонялся к насосам.

Зайцев медленно оделся, поднялся по отвесному трапу в темной шахте, откинул наружную крышку. Свистел ветер, шумела вода. Стоя на боевых постах, краснофлотцы вглядывались в косо летящий снег. Зенитчик Стефанов с любопытством глянул на него.

— Что у вас там? Трубки глушили на ходу?

— Глушили, — сказал небрежно Зайцев, плотно прикрывая крышку.

— Говорят, один геройский парнишка в раскаленную топку залез?

— Есть такой геройский парнишка, — веско сказал Зайцев. Его губы начали сильно болеть. Кожа натягивалась, распухала. Губы все еще казались стеклянными, но теперь их разрывала острая боль.

У торпедного аппарата стоял Филиппов. Он глубоко ушел головой в воротник, его плечи были занесены снегом.

— Что с тобой, Ваня?

— Ничего, потом расскажу.

Ему было холодно, ветер пронизывал насквозь, он вбежал в кубрик. Сорвал ватник, укутался, укрылся чьим-то полушубком, лег на рундук. Сильно жгло глаза, и все больше болели губы.

«Вот отдохну, и без всякого доктора пройдет», — думал Зайцев. Но как только закрыл глаза, закружились темно-красные круги и спирали, закачались водогрейные трубки, похожие на струны рояля, на сверкающие, натянутые струны в раскрытом рояле.

«Поспать, поспать хоть минутку», — думал Зайцев. Но трубки кружились перед глазами, качался рундук, и сильнее стучали в борт кубрика тяжелые волны. «Вот он, мой родной дом, — думал Зайцев. — Обеспечил ход родному кораблю. . .» Но он, оказывается, не на корабле, а в землянке, и это не море стучится в борт, а рвутся поблизости мины. И друг Москаленко сидит рядом на краю нар и смотрит ласковыми глазами. И вдруг что-то взрывается совсем близко и раскаленные трубки начинают медленно кружиться во тьме. . .

Кто-то тронул его за плечо.

— Спите, товарищ краснофлотец?

Он откинул мех на полушубке, сел на рундуке. Перед ним стоял доктор. Заботливые глаза внимательно смотрели с широкого рябоватого лица.

— Губы вам придется смазать вот этим... А это глазная примочка... Цэ будэ гарно, как говорят у нас на Украине.

— Спасибо, товарищ доктор.

Кубрик заполнил звон колокола громкого боя. Протяжный, резкий, нескончаемый звон. И вновь загремели ноги по стали над головой.

— Боевая тревога! — сказал в громкоговорителе мерный, внушительный голос.

— А кажется, вы дюже вовремя занялись котлом, — с обычной своей рассудительностью сказал доктор.

Но Зайцев уже не слышал его. Он рванул с рундука ватник, одеваясь на ходу, взлетел по трапу. Он бежал к котельному отделению в непрекращающихся, заполнивших все тревожных звуках колокола громкого боя.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда капитан-лейтенант вошел в штурманскую рубку, штурман Исаев склонялся, как всегда, над разостланным на столе очередным листом карты. Четкие линии и цифры прокладки, нанесенные на карту остро отточенным карандашом, устремлялись прямо к причудливым очертаниям изрезанных фиордами Тюленьих островов.

— Как прогноз погоды, штурман? — спросил капитан-лейтенант.

— Погода типичная для этой части морского театра, — сказал штурман. — Ветер порядка трех-четырех баллов, море до трех баллов. Значительная облачность — высота шестьсот метров. Временами снижается до трехсот метров при частых снегопадах. Видимость в среднем пять — десять миль, с ухудшением при снегопаде до двух — пяти кабельтовых.

— Устойчивый снегопад?

— На ближайшие несколько часов большие снегопады с короткими прояснениями.

— Вот что, штурман, — сказал Ларионов и, подойдя вплотную, снял перчатку с правой руки, положил ладонь на плечо Исаева, — тяжелый крейсер «Геринг» входит на

рейд Тюленьих островов. Англичане нас подвели, рандеву не состоится. Хочу отвлечь «Геринга» на себя. Выйду в торпедную атаку, если не обнаружат меня раньше срока. Ваша задача — вывести корабль прямо на цель по счислению, вслепую.

— Есть вывести по счислению, — невозмутимо отозвался штурман, но его узловатые пальцы сжались на карандаше, и стала еще темнее кирпично-красная шея.

— Помните, ваша ошибка в счислении — это смерть корабля. Когда вынырнем из снегопада, я должен сразу увидеть «Геринга», прежде чем он откроет огонь... Вот с этой точки, полагаю, он будет громить Тюленьи.

Ларионов коснулся карандашом морской глади у кромки островов.

— К этому месту выводить корабль? — спросил штурман.

— Так точно.

— Есть вывести корабль к этому месту, — просто сказал Исаев.

В рубку входили командиры боевых частей. Лейтенант Лужков смахнул с воротника снег, стал смотреть, как световые волны пробегают в окошечке эхолота. Артиллерист Агафонов положил варежки на диван, разминал окоченевшие руки.

— Товарищи офицеры, прошу поближе !— сказал Ларионов.

Штурман посторонился. Офицеры сгрудились у карты.

— Вот мой план действий, — сказал Ларионов, как будто продолжая давно начатый разговор. — Вы помните рельеф рейда Тюленьих островов? — Он снял вторую перчатку, сунул обе перчатки в карман куртки, положил на карту красный от холода палец. — Прошу смотреть внимательно. Чтобы видеть стоящие на рейде корабли, рейдер должен войти вот сюда, в сравнительно узкое место губы. По нашим сведениям, радиолокаторов у «Геринга», к счастью, еще нет. Но войдет ли он сюда, или будет стрелять с моря, по корректировке самолетов, по невидимой цели? Заметьте, на борту «Геринга» есть два самолета-разведчика. Но при снегопаде он едва ли поднял их в воздух... Думаю, что он все же вошел в залив. Видя корабли, может вернее уничтожить их своим средним калибром. Так вот, если он вошел туда и нам удастся подойти незаметно кабельтовых на тридцать, это наше

огромное преимущество. Ему трудно будет сразу развернуться, набрать нужный ход для уклонения от наших боевых средств... Штурман, продолжайте вести прокладку.

Он уступил штурману место у стола.

— Теперь боевые данные «Геринга»... Лейтенант Лужков, напомните нам эти данные.

Лужков замялся.

— Без справочника, товарищ командир...

— Справочник тут ни при чем, — холодно сказал Ларионов. — Данные о кораблях, боевое соприкосновение с которыми не исключено, всегда должны быть у вас в голове. Я уже напоминал вам об этом. Если разбужу вас ночью, лейтенант, и спрошу, сразу должны мне ответить.

Ларионов секунду помолчал, потом проговорил, как бы повторяя заданный урок.

— «Герман Геринг» — водоизмещение десять тысяч тонн, ход тридцать два узла. Шесть восьмидюймовых орудий главного калибра, вес снаряда — сто двадцать два килограмма, дальность стрельбы — сто девяносто кабельтовых, скорость стрельбы — четыре выстрела в минуту... Восемь пятидюймовых орудий. Вес снаряда — сорок пять килограммов, дальность стрельбы — сто двадцать кабельтовых, шесть выстрелов в минуту. Вывод: на дальних дистанциях биться с ним не можем, будем биться на ближних дистанциях, постараемся максимально использовать торпеды... Точных данных о броне «Геринга» нет, но полагают, что толщина брони главного пояса до двухсот миллиметров, верхней палубы — двадцать пять, средней — пятьдесят и нижней — двадцать пять миллиметров. Осадка порядка семи — семи с половиной метров, броневой пояс спускается ниже ватерлинии на полтора-два метра... Учтите это, лейтенант Лужков, при расчете торпедного залпа... Стрелять будем, возможно, каждым аппаратом отдельно... Как только подготовите предварительные расчеты, доложите мне... Свободны, лейтенант.

Лужков вышел. Ларионов взглянул на артиллериста.

— Пушки в ход не пущу, пока не выстрелю торпедами. Чтобы не обнаружить себя раньше срока. Ясно? Придется потерпеть вашим комендорам. Зато будут вести бой на ближней дистанции. Вы, старший лейтенант, обратите внимание на скорострельность. В первом залпе наше преимущество. Слышали толщину брони? Нашему калибру

ее поразить трудно. Хорошо бы накрыть марс, командные пункты, поджечь самолеты. Ангар «Геринга» расположен между трубой и грот-мачтой... Будем стрелять фугасными, а не бронебойными, больше причиним разрушений на палубе. Старайтесь ослепить, лишить управления рейдер... Разъясните задачу командирам орудий.

— Есть разъяснить задачу! — сказал Агафонов, потирая лоб.

— Вести бой, видимо, придется только главным калибром, но весь зенитный огонь держите в готовности. Возможна атака самолетов «Геринга».

— Едва ли будет угроза с воздуха, — сказал артиллерист. Взяв варежки под мышку, он что-то отмечал не спеша в записной книжке.

— Не подавайте зенитчикам такой мысли! Наоборот, внушите им, что нападения с воздуха и атаки подводных лодок нужно ждать в любой момент. Чтоб глаз не сводили с неба и моря... Но для вас основное — скорострельность пушек главного калибра. Учтите данные погоды. Волна порядка трех баллов. Сами знаете, что в условиях качки необходима максимальная скорость заряжения и точнейшая работа наводчиков. Наладьте эту вашу карусель, внушите расчетам, чтобы работали с душой, но не увлекались. Чтоб без пропусков били, Иван Филиппович... Ну, иди, брат, до боя времени немного.

Он повернулся к командиру службы наблюдения и связи.

— У вас, лейтенант Саблин, сигнальщики золотые, радисты работают с душой. Но напомните радистам снова, что малейший перебой в радиосвязи парализует управление боем. Напомните сигнальщикам, что, если хоть на секунду раньше увидят «Геринга», — помогут нам выиграть бой. Кстати, у Мухина воспалены глаза, я приказал ему показаться врачу, проверьте исполнение.

— Проверю, товарищ капитан-лейтенант.

— Непрерывное наблюдение в бинокль утомляет зрение, пусть не забывают чередовать его с наблюдением простым глазом. Когда не пользуются биноклем, пусть прикрывают стекла — знаете, как быстро обледеневает оптика в условиях снегопада. И заметьте себе: утром я обнаружил, что у младшего сигнальщика Гуськова не было наготове протирки для стекол. Проверьте, имеет ли каждый сигнальщик под рукой замшу и чистый носовой платок.

— Есть проверить! — сказал Саблин.

— Больше замечаний к вам не имею.

— Теперь вы, инженер-капитан-лейтенант... — Ларионов подошел к сидящему на диванчике Тоидзе. — От вас жду двух вещей: максимальных ходов по первому требованию...

— Будут максимальные хода, дорогой... — сказал Тоидзе. Он покраснел, вскочил на ноги. — Простите за вольность, товарищ капитан-лейтенант.

Ларионов улыбнулся ему той милой, задушевной улыбкой, от которой сразу светлело его строгое лицо.

— И второе — дым. От вашего дыма, Ираклий, в этом бою многое будет зависеть! Хода и дым. И живучесть корабля... Больше ничего от вас не прошу.

— Есть хода и дым! — почти крикнул Тоидзе. — Разрешите идти? Еще должен в котельное слазить.

— Идите, Ираклий! — задушевно сказал Ларионов.

Тоидзе вышел, с шумом прихлопнув дверь. Дверь открылась снова, в рубку вошел Снегирев.

Исаев встал, взял прибор измерения силы ветра, неторопливо вышел из рубки. Ларионов взглянул на Снегирева.

Только что у командира был уравновешенный, почти монотонный голос, он говорил как на разборе учебной задачи. Но сейчас на его лице зажглись разноречивые человеческие страсти.

— Ну вот, заместитель, принял я решение! — сказал Ларионов, глядя Снегиреву в глаза.

Старший лейтенант молчал. Как тогда, в каюте, после разговора с Афониным, его румяное лицо приняло строгое, почти скорбное выражение.

— Что скажешь, Степан Степанович? — сказал Ларионов. — Может быть зря пошел я на такой риск? Может, радировать обстановку в штаб, запросить инструкций? Если радирую — покажу «Герингу» свое место. Там тоже, верно, радисты сидят, мух не ловят. А завяжу бой — могу людей загубить, корабль. Сколько жизней в моих руках...

— Ты правильно поступил, Владимир Михайлович, — твердо сказал Снегирев. — Парторганизация корабля примет все меры к наилучшему выполнению вашего решения, товарищ командир.

Новая сила заиграла на осунувшемся, лихорадочно горящем лице командира.

— Там ведь детишки, на «Ушакове», — мягким голосом продолжал Снегирев, — и боезапас на «Енисее», и горючее для фронта. Как не попробовать выручить! Если и невелик наш шанс...

— Уж не так он мал, Степан Степанович. — Ларионов прошелся по рубке, потирая руки. — Слушай мой план. На предельных дистанциях я, конечно, с ним драться не могу. Но на моей стороне условия погоды. Кабельтовых на двадцать пять постараюсь к нему подкрасться. Если не разнесет нас первыми залпами, успеем выпустить торпеды — дело наше сделано.

— Вот красота бы была! — с жаром сказал Снегирев.

— Это риск, — продолжал Ларионов. — А верно, была бы красота! Победа риск любит. Тут каждый должен отдать все. Если погибнем, то с честью и толком. Так одобряешь решение?

— Одобряю решение! И командующий наш не осудит тебя. Вице-адмирал умный риск любит... Руку, Владимир Михайлович!

Ларионов крепко сжал ему руку. Оба были взволнованы до глубины души. Но когда открылась дверь и вместе с порывом ветра вошел штурман, он увидел спокойные, улыбающиеся лица.

— Ну что? — спросил Ларионов.

— Ветер четыре балла, зюйд-вест, дует нам в правую раковину, — сказал штурман. — Волна три балла. Видимость лучше, но надвигается новый снежный заряд.

— Вот спасибо, штурман! — весело сказал командир. — Вот спасибо, лучше придумать не мог!

Вошел лейтенант Лужков.

— Данные о «Геринге», товарищ капитан-лейтенант!

— Давайте, — сказал Ларионов. Он взял листок в руки, глянул на Снегирева. — А ты, заместитель, пройди пока к народу. Времени не так много. Подготовь личный состав.

— Есть пройти к народу, — сказал Снегирев, но он медлил, задержался у двери. — Имею мысль, Владимир Михайлович. Хорошо бы обратиться к личному составу по радио вам лично. Разъяснить обстановку.

— Обратись от моего имени, заместитель, — смутившись, сказал Ларионов. — Не умею я речей произно-

сить. Сам поздравь их от моего имени, скажи: надеюсь на каждого, как на самого себя.

— Есть поздравить от вашего имени! — торжественно сказал Снегирев.

Он вышел на мостик, открыл шкафчик с микрофоном, приблизил к трубке свое серьезное, взволнованное лицо.

— Внимание! — сказал Снегирев, и его слова разнеслись по всем кубрикам и отсекам «Громового». — Командир «Громового» поздравляет весь личный состав эскадренного миноносца с приближающимся боем. Тяжелый вражеский крейсер «Герман Геринг» громит из орудий Тюленьи острова. Там детишки из семей наших зимовщиков, там, на борту транспорта, боезапас и бензин для нашего фронта. Это будет нелегкий бой, моряки, но командир надеется на каждого из вас, как на самого себя.

Мгновение он помолчал, как бы собираясь с мыслями, и его голос загремел с новой силой:

— Морским боем поможем наступлению советских армий, орлы-моряки «Громового»!

Ларионов, взбежавший на мостик, подошел к микрофону.

— Боевая тревога! — четко, раздельно, отчеканивая каждый слог, сказал Ларионов.

Бубекин нажал рычажок колокола громкого боя.

Звеня каблуками по окованным медью ступенькам, Снегирев спустился по трапу, широкими шагами шел к носовому орудию. Верхние пуговицы его реглана были расстегнуты, меховой воротник откинут, уголок ордена Красного Знамени блестел на кителе. Из-под надвинутой на брови стальной каски горели веселые круглые глаза.

Летел тяжелый, мокрый снег, дул захватывающий дух ветер.

— Смирно! — скомандовал Старостин.

Комендоры смотрели на Снегирева. У всех были воспаленные ветром лица, ярко блещущие глаза.

— Вольно, — сказал Снегирев. Цепким взглядом окинул обсыпанный снегом брезент, прикрывший прицельные и стреляющие приспособления.

— Ну, альбатросы полярных морей, слышали приказ? Вы первое орудие, так и будьте, как всегда, впереди по меткости и скорострельности. — Он подмигнул с таким видом, что на озабоченных лицах расцвели ответные улыбки.

— Скажу, товарищи, по секрету: поговаривают, что пора ходатайствовать о присвоении гвардейского звания нашему кораблю. Только боюсь — не потянем пока на гвардейцев. Вот если накроем «Геринга», тогда вопрос ясен. А для этого нужно высшую скорострельность дать.

Эти сказанные «по секрету» слова он прогремел на весь полубак. И комендоры второго орудия, ствол которого круглой заснеженной тенью навис сверху, тоже заулыбались, прислушиваясь к разговору.

— Скорострельность дать можно, — сказал Старостин. Он стоял очень прямо, устремив на Снегирева свои настойчивые, чуть прищуренные глаза. — Только, товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться с вопросом.

— Обращайтесь, Старостин.

— Подпустит ли он нас для артиллерийского боя? У него-то орудия бьют на двадцать миль.

— Ясен вопрос, Старостин, — сказал Снегирев. Он видел, с каким вниманием, с каким молчаливым сомнением устремлены на него все глаза. — Вернее сказать: на девятнадцать миль, на сто девяносто кабельтовых.

— А наши орудия... — продолжал Старостин.

— Продолжения не нужно, — перебил Снегирев. — Сейчас отвечу. Только сперва скажите-ка мне: на каком расстоянии «Геринг», при такой видимости, сможет нас обнаружить? Ну-ка, герои?

— А мы при такой видимости как обнаружим его? — ответил Старостин вопросом на вопрос.

— При хорошей видимости самое большое за десять миль можем мы обнаружить друг друга, — сказал Снегирев. — А в снегопаде и за три мили он нас не рассмотрит со всем своим дальномерным хозяйством. Поэтому штурман ведет корабль по счислению, вслепую, точно выведет нас к самому «Герингу». И тут уж вы, друзья, не подкачайте: лишь выпустим торпеды — такую скорострельность дайте, чтобы нашими были и первый, и второй, и третий залпы. Мачту мы его должны поразить, командные пункты, чтобы ослепить его фашистскую башку. Всем наводчикам слышно?

— Слышно, товарищ старший лейтенант, — весело отозвались из глубины щита.

Снегирев зашел в подветренное место; сняв каску и оставшись в одном подшлемнике, растирал варежками

уши. Из-под бурого меха реглана яснее проступила вишневая эмаль ордена Красного Знамени. Он видел, как в глазах комендоров исчезло недоумение, появились уверенность и увлеченность поставленной задачей.

— Исчерпан вопрос? Других соображений нет? А холодновато сегодня! Ладно, скоро согреемся... — И снова его румяное лицо стало серьезным. — Работайте изо всех сил. Бой трудный будет, матросы, каждый человек дорог. И чтобы никакого щегольства с припрятанными бескозырками. Чтобы всем быть в касках.

— Есть всем быть в касках! — разочарованно сказал Старостин. Действительно, за пазухой полушубка он держал свою старую бескозырку, мечтал при начале стрельбы сбросить тяжелый шлем, надеть, лихо заломив, бескозырку. А теперь Снегирев, угадав его мысль, проникновенно и строго смотрел на него.

— В порядке партийной дисциплины, Старостин, проследишь за выполнением приказа. Не в бескозырке сила. Русский матрос, если для пользы дела хоть юбку наденет, все равно матросом останется. А дурную голову и бескозырка не украсит.

— Есть проследить за выполнением приказа! — отрезал Старостин.

— И скорострельность, скорострельность не забывайте! — крикнул, уже уходя, Снегирев. — Помните: в морском бою кто первый накроет цель, тот и победил... Да, старшина, еще на два слова...

Старостин подошел к нему ближе.

— Помнишь: при обстреле берега ты призывал: «За Родину!» Это хорошо. Еще больше у народа дух поднимает. Так и теперь...

— На то я и агитатор, товарищ старший лейтенант, — просто сказал Старостин.

Снегирев дружески положил пальцы ему на рукав.

— Ну, а с девушкой твоей как у тебя? Поговорили по душам?

— Поговорили по душам... Да пока полной видимости нет.

— Будет полная видимость, старшина. Поверь слову. Увидишь, как она тебя встретит, когда с победой вернемся. Меня на свадьбу позвать не забудь.

— Как не позвать! — улыбнулся суровый старшина.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Снегирев спустился по пути в артиллерийский погреб, где у элеватора, возле высоких стеллажей с тускло мерцающими снарядами, стоял маленький, юркий хозяин погреба Шилин, обратив вверх свое настороженное лицо. Когда Снегирев заглянул внутрь, Шилин быстро сунул в карман руку с мелком.

— Ладно, Шилин! — добродушно сказал Снегирев. — Подарки надписываешь фашистам? И за меня напиши на снаряде: «За наш родной Ленинград!»

Он побывал в котельном и турбинном отделениях. Заглянул в пост гирокомпаса, в маленькую каюту, где, охраняя нежнейший прибор — путеводитель корабля в море, будет во время боя в одиночестве сидеть краснофлотец Шапошников, прислушиваясь к разрывам снарядов, к грохоту корабельной артиллерии, но не смея ни на секунду отлучиться, чтобы не нарушилась работа гирокомпаса.

— Ну, штурманский специалист! — сказал Снегирев. — Верти дырочку во фланелевке! Раздолбаем «Геринга» — всех отличившихся представим к орденам. А твое отличие — следить, чтобы гирокомпас не вышел из меридиана.

Он положил руку на твердое плечо краснофлотца, заглянул в его озабоченное лицо.

— Сейчас штурман ведет корабль вслепую. Знаешь, как при этом должен гирокомпас работать? Главное — не нервничать, брат. Буду сюда заглядывать, новости рассказывать. Я тебя не забуду.

И опять дальше, по всем боевым постам, ведущим последние приготовления к бою.

Рыжеголовый, веснушчатый Максимов — тот самый, письмо которого читал вслух Снегирев, — стоял на верхней площадке, над камбузной надстройкой, сердито протирал оптический прицел своего зенитного автомата. Старший лейтенант ухватился было за отвесный скоб-трап, чтобы вскарабкаться к автомату, но снял ногу со ступеньки.

— Максимов! — окликнул старший лейтенант, и командир зенитки встрепенулся, подошел к поручням надстройки.

— Вот и будет тебе что написать матери, — тепло сказал Снегирев. — О том, как встретились мы в океане с фа-

шистским тяжелым крейсером и что произошло потом. Смотри, Максимов, чтобы письмо твое интересным получилось. На борту «Геринга» два самолета; еще, пожалуй, будут пикировать на «Громовой». Держи зенитку «на товсь». Когда победим, это будет победа всего экипажа. Следи за зениткой, Максимов.

— Есть следить за зениткой, — отозвался Максимов и с удвоенным рвением стал протирать прицел.

И вот Снегирев уже у платформы торпедного аппарата, где высокий узкоплечий Филиппов и другие торпедисты возятся вокруг еще прикрытых брезентом, еще дремлющих в длинных трубах торпед. Снегирев стал сбоку, опять поправил на голове тяжелую, неудобную каску. «Нет, — думал Снегирев, — буду в каске до конца. Если матросу пример сам не подашь, он тебе не поверит. Я должен подавать пример. Скажут: вот агитирует за каску, а сам — муха его забодай — в шапке ходит. А что же, шлем — это вещь. Сколько народу в бою от смерти спас». И он плотнее надвинул на глаза увесистую гладкую сталь.

Жаркие волны захлестывали его грудь. Морской бой, трудный, неравный бой! «Постараюсь вести себя так, чтобы не уронить звание коммуниста... Никогда не падать духом, всегда быть веселым... Что ж, это моя обязанность, партийный долг — поднимать у людей настроение...»

— Филиппов! — окликнул Снегирев.

Филиппов как раз приближался к нему. Проходил у платформы торпедного аппарата, согнувшись под тяжелыми трубами.

— Ну, Филиппов, будем крушить фашистские посудины? Крылья аппаратов «на товсь»? Сделаем то, что вы в стихах обещали!

Филиппов вспыхнул от удовольствия, вытирая ветошью свои длинные пальцы.

— Пришло время боя за Родину, за Партию, за милых! — Снегирев говорил весело и звучно, чтобы слышали все торпедисты. — Большое вам дело придется сделать в этом бою. И за Москаленко отомстите!

— Товарищ старший лейтенант, — сказал Филиппов. — Не только за Пашу Москаленко... — Он хотел что-то прибавить, но лишь стиснул пухлый комочек вето-

ши, как горло врага. — Лица я его не могу забыть, как он лежал там навзничь на койке.

— За все рассчитаемся с врагом, матросы, — взволнованно сказал Снегирев. — Помните, сегодня наш праздник! Наконец-то настал наш праздник!

И он шел дальше, у него было мало времени, нужно каждому сказать слово перед боем, никого не отвлекая от дела.

Он остановился на корме, у низкого полукрутого ската, где влажно чернели тщательно осушенные, освобожденные от ледяной коросты толстые цилиндры глубинных бомб.

— Поздравляю с морским боем, друзья! — сказал Снегирев.

Возле него стояли зенитчики, минеры, комендоры кормовой пушки. И здесь, как всюду на корабле, будто зачарованные, вглядывались все в океанскую даль, в колышущийся, кружащийся снег, куда шел полным ходом эсминец, откуда уже чудились раскаты артиллерийской стрельбы.

— Через десяток минут войдем в соприкосновение с вражеским кораблем. Командир боевой части уже разъяснил задачу? Понятно, что на дальних дистанциях он нас не обнаружит, а на ближних наше дело первыми открыть огонь?

— Так точно, понятно, — сказал командир орудия Филин.

— Комендоры баковых орудий решили гвардейское звание добыть в этом бою «Громовому», — с веселым задором продолжал Снегирев. — Беспокоятся, как бы вы не подкачали в смысле скорострельности. Да я им за вас поручился, друзья! Уж вы меня не подведите!

Матросы кругом заулыбались. Под низко надвинутыми шлемами суровые лица смотрели без прежнего напряжения.

— А кроме того, — Снегирев поправил каску на голове, — дали они мне слово коммунистов — во время боя всем быть в касках, а в бескозырках щеголять уже потом, на берегу, когда пойдем к девушкам новыми орденами хвалиться... Вы почему без каски, Синявин?

Пожилой приземистый подносчик снарядов застенчиво молчал.

— Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант, он шлем за борт упустил, когда корабль намедни качнуло, — сказал командир орудия. — Шлем с гака сорвало, а он подхватить не успел.

Снегирев снял, протянул Синявину свою, мохнатую от облепившего ее снега, каску.

— Наденьте, Синявин. Да, смотрите, не упустите снова.

— А вы, товарищ старший лейтенант? — протестующе начал Синявин.

— Приказы начальства не обсуждаются! — строго перебил Снегирев. — После боя лично мне возвратите шлем... — И снова сделал лукаво-таинственные глаза, подмигнув окружающим. — Так уж подтянитесь, орлы, дайте высшую дисциплину. А теперь внимательно за горизонтом следите! Еще побеседуем после боя. Будет тогда о чем рассказать!

Он шел по шкафуту обратно. Ощущение чего-то незавершенного томило его: как будто побывал везде, на решающих участках близкого боя... Откуда же это ощущение чего-то несделанного? Все в порядке, моряки не подведут, орлы, золотые ребята... И вдруг вспомнил молодого минера, тонкую, слегка подавшуюся вперед шею, большие черные, воспаленные бессонницей глаза.

Да, Афонин... минер у кнопочного замыкателя... Парнишка, который не мог спать... После выхода в море снова беседовал с ним, остался доволен его бодрым, посвежевшим видом... И все же опять томила тревога за этого матроса.

Он взглянул на часы. Во что бы то ни стало повидать Афонина перед боем... Но сперва еще одно дело.

Он распахнул дверь к офицерским каютам, прошел по коридору. В кают-компании что-то белеет: доктор Апанасенко разворачивает там лазарет, уже надел свой больничный халат, стол кают-компании приготовлен для врачебных операций... Все как надо...

В полураскрытую дверь каюты штурмана он увидел: мистер Гарвей в своем верблюжьем реглане и в шапке лежит на койке, закинув ноги на валик. Гарвей быстро прикрыл газетой стоящую рядом бутылку. Ром. Опять принес с собой на корабль немало бутылок рому... «Что ж, не мне его воспитывать, — мельком подумал Снегирев. — Пусть пьет в каюте. Только б не мешался под ногами».

Снегирев вошел в свою каюту. Калугин сидел за столом, расстегнув полушубок, с увлечением писал. У локтя лежало несколько полузачеркнутых, чернеющих размашистыми строками страниц.

Весь в волнении, в поэтическом вдохновении, он глянул на Снегирева.

— Вот, Степан Степанович, написал обращение. Слово перед боем. Давайте так и назовем его: «Слово перед боем». Проза и стихи. Стихи из Маяковского, из «Песни о «Варяге»...

Снегирев просматривал странички. Потом взглянул на Калугина.

— Хорошо. Отлично! И о боевых традициях, и стихи хорошие подобрали... Только, знаете, не нужно из «Варяга»! О «Варяге» нам говорить рано, может быть и споем его, только не сейчас... Не будем о гибели говорить. Может быть, лучше начнем так: «Моряки «Громового»! Мы идем биться за жизнь, за славу Северного флота. Мы одолеем врага, если каждый отдаст для этого все свои силы». И хорошо бы закончить: «Наше дело правое, победа будет за нами».

Он положил странички на стол.

— Это только мысли, а вы уж их отшлифуйте... Вы на меня не обижайтесь, товарищ Калугин... Жить будем! Еще какой роман напечатаете о наших орлах... Еще я вас с моими мальцами познакомлю, давно не видался с ними...

Он присел на койку. С необычайной яркостью встали в памяти три дорогие лица... Большие, с золотинкой глаза старшего сына, шаловливая улыбка меньшо́го... Почти ощутил теплые руки жены, при последнем прощании так нежно и крепко охватившие шею...

Он увидел, что Калугин положил карандаш на стол.

— Написали? Отлично! Попрошу побыстрее пройти в ленинскую каюту, там вам подготовили микрофон, успеете прочесть.

Он шагнул в коридор, по внутреннему трапу взбежал к командирской каюте, потом еще выше — на мостик.

Вот он стоит — Афонин: подавшись вперед, весь внимание. Как будто не слишком похож на того парня, что пришел тогда в каюту, сидел вялый, сонный, замкнувшийся в себе.

— Товарищ Афонин! — окликнул Снегирев.

— Есть минер Афонин! — откликнулся краснофлотец.

Он глянул на Снегирева в упор. В больших глазах, мерцающих из-под длинных ресниц, был веселый боевой задор, возбуждение охотника, выслеживающего добычу, нетерпение человека, которого отвлекают от целиком захватившего его дела.

— Что там в видимости, товарищ Афонин?

— Пока сплошная муть, товарищ старший лейтенант, — с досадой сказал минер. Снова точным движением поднял к глазам бинокль, смотрел вдаль: собранный, зоркий, полный предвкушения близкого боя.

«Нет, это не прежний Афонин. Это какой-то новый Афонин. И голос у него теперь звонкий, мужественный, боевой голос», — радостно подумал старший лейтенант.

Невдалеке от Афонина стоял английский сигнальщик, левой рукой ухватившись за поручни, сжимая в правой бинокль. Он рывком повернулся к Снегиреву. Немой вопрос светился в полных болью и ожиданием глазах, на мокром от тающего снега лице.

— Виктори! — высоко поднял Снегирев два вытянутых пальца, и Билл Роджерс ответил ему судорожной, бледной улыбкой...

Капитан-лейтенант Ларионов стоял возле рулевого, тоже всматриваясь в даль. Но впереди ничего не было видно, кроме однообразно крутящейся, летящей прямо в глаза массы тяжелых, мокрых снежинок.

— Штурман, — крикнул командир в переговорную трубу, — как прокладка?

— Выходим к цели, — отозвался штурман. — Сто кабельтовых до заданных координат.

Даль стала проясняться. Снег падал медленнее и реже, открывалось бугристое, белеющее барашками море, горизонт светлел и отодвигался с каждой минутой. Ларионов прикусил губу.

— Штурман, сколько до заданной цели?

— Девяносто кабельтовых до заданных координат,— прозвучал голос штурмана.

— Будете докладывать дистанцию каждую минуту.

— Есть докладывать дистанцию каждую минуту!

— Прямо по носу слышу орудийную стрельбу, — доложил Гордеев. Он начал эту фразу громко и вдруг понизил голос, как будто враги могли услышать его.

Невнятный орудийный гул нарастал с каждой секундой.

С каждой секундой светлел и отодвигался горизонт.

Вот сейчас прояснится уже близкий берег, сигнальщики «Геринга» увидят «Громовой», тяжелый крейсер закроет эсминцу дорогу стеной заградительного огня.

— Шестьдесят кабельтовых до заданных координат!

«Шестьдесят кабельтовых, — думал Ларионов, — а я могу стрелять только с тридцати кабельтовых. И выведет ли меня штурман точно на цель? Трудная задача! И правильно ли я ориентировал его? Там ли сейчас «Геринг»?.. «Геринг» еще в снеговой завесе, а мы на открытом месте, он, может быть, уже запеленговал меня, уже, может быть, открывает огонь».

Даль по-прежнему гудела стрельбой, ветер свистел в снастях, хлопал брезентом ветроотводов, над мачтой светлело небо.

— Доложить о готовности торпед и артиллерийского оружия к боевому использованию! — размеренным голосом сказал Ларионов.

— Пятьдесят пять кабельтовых до заданной цели, — докладывал штурман.

— С веста идет новый снежный заряд! — ликующе крикнул Гордеев.

И снова потемнело вокруг, все кругом затянуло мокрой белизной, снова летел в лица снег, этот желанный, необходимый сейчас снег. «Природа сочувственно относится к большевикам», — мелькнула в голове Калугина крылатая фраза доктора.

Калугин уже прочел свою речь по микрофону, теперь он стоял в глубине мостика. Он видел лицо Ларионова, будто вырубленное из мореного дуба, жесткий, окаймленный глубокими складками рот. Командир сбросил перчатки, положил голые руки на медные ручки телеграфа, весь в одном порыве наклонился вперед.

— Пятьдесят кабельтовых до заданных координат, — донесся подчеркнуто спокойный голос из штурманской рубки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Обвес и чехол казенной части орудия обледенели, гремели, как листовое железо. Широбоков и досылающий Терещенко торопливо снимали их, в то время как установщик прицела Гулин, согнувшись на креслице в стальной коробке щита, прижался бровью к резиновой оправе оптического приспособления.

Краснофлотцы сметали снег с палубы. Как и все моряки орудийного расчета, Старостин надвинул на глаза тяжелую каску. Распоряжался негромко и звучно. Под серой сталью, пересекавшей лицо на уровне бровей, его черты казались особенно значительными, полными уверенного, почти надменного выражения.

Взлетела над полубаком волна, обдала моряков фонтаном длинных брызг.

— Смотрите, как бы заряды не замочило! — крикнул Старостин.

Вестовой Гаврилов, по-боевому стоявший вторым снарядным у пушки, стал старательно подтыкать брезент, укрывавший боезапас.

Все молчали, стоя вокруг орудия, всматривались в даль. Снег падал так густо, что до горизонта, казалось, можно было дотронуться рукой.

Но вот снег стал лететь реже, горизонт отодвинулся, кругом просветлело.

— Будто вижу крейсер, матросы! — крикнул Гулин из глубины щита. Все подались вперед, всматривались изо всех сил. Но даль по-прежнему была затянута стремительно кружащимся снегом.

— Разговорчики! — сказал Старостин сквозь зубы.

— Улучшается видимость! — крикнул на мостике Гордеев, перегнувшись через ветроотвод.

— Сорок кабельтовых до цели! — донесся из рубки голос штурмана.

Лейтенант Лужков припал к оптике аппарата центральной наводки торпед, до боли сжал шершавую сталь штурвала. Снегопад прекратился. Совсем близко возникли белые обрывистые берега, свинцовая полоса воды между ними, посреди этой воды высокий и длинный силуэт корабля с поднятой к тучам многоярусной баш-

ней мачты. Штурман Исаев вывел корабль прямо на цель!

И командир тоже увидел силуэт «Геринга», сразу признал его, таким видел его в справочниках, на фото. Да, штурман вывел корабль на цель! Но если бы снегопад продержался еще хоть минуту!

«Еще рано давать торпедный залп», — думал капитан-лейтенант Ларионов. Но над палубой «Геринга» удлинились и вновь стали сокращаться стволы орудий. Значит, «Геринг» тоже увидел нас, повернул к нам пушки, сейчас будет залп...

— Огонь главным калибром! — скомандовал Ларионов артиллеристу. И Лужкову: — Дистанцию и пеленг. Стрелять одним первым аппаратом!

— Есть стрелять одним первым аппаратом! — повторил Лужков. Дал командиру пеленг и дистанцию, скорость и курсовой угол противника.

— Залп! — выкрикнул Агафонов, согнувшись в башне дальнемерного поста.

Прозвучал ревун, четыре прямых оранжевых огня метнулись от борта «Громового».

Но Ларионов еще медлил с торпедным ударом. Он еще выжидал. Выиграть хоть несколько секунд, подвести корабль ближе к цели! Две задачи решает командир корабля при торпедном ударе: максимальное сближение с врагом и расчет торпедного треугольника. Он еще недостаточно сблизился с «Герингом»!

Но вот полыхнул залпом борт вражеского корабля, и огромная стена воды, смешанной с огнем и дымом, почти скрыла из видимости «Геринг». Недолет!

— Дистанция!... Пеленг!.. — вновь кричал Лужков сквозь грохот стрельбы.

— Первый аппарат! Залп! — скомандовал Ларионов.

— Первый аппарат! Залп! — крикнул Лужков в телефон.

Всей ладонью Афонин нажал большой круглый кнопочный замыкатель, почувствовал, как он сработал под рукой. Три торпеды вылетели из труб, пошли в сторону врага.

— Торпеды пошли хорошо! — доложил Лужков, перегнувшись через поручни.

— Право руля! — скомандовал Ларионов и по телеграфу в машину: — Дать самый полный.

— Соблюдать предосторожность, сейчас будет сильный крен! — разнесла радиотрансляция его голос по всему кораблю.

Глубоко внизу, в турбинном отделении, прозвучал густой бас ревуна, вспыхнула красная лампочка, и, не сводя глаз со стрелок телеграфа, стиснув зубы, старшина Максаков мягко повернул маховик.

И в соседнем отсеке, глядя на циферблат, мичман Куликов подал команду, и Никитин переложил рычаги; бешено заревело в топках оранжевое пламя. Запрокинув строгое лицо с распухшими губами, положив руку на штурвальчик, регулирующий поступление воды в котел, Зайцев всматривался в ртутный блеск водомерной колонки. Палубу под ногами рвануло, но котельные машинисты не сдвинулись с мест.

Палубу рвануло, но в турбинном отделении старшина Максаков стоял как отлитый из металла, уперев ногу в ступеньку трапа, слегка откинувшись назад, сжав маховик маневрового клапана, среди мерно, одобрительно ревущих турбин.

А когда недалекий разрыв снарядов «Геринга» заглушил залпы «Громового», дрожью прошел по переборкам и с паропроводов посыпалась асбестовая пыль, — опять вспыхнула лампочка на щите контрольных приборов.

— Дым давай! — крикнул Никитину мичман.

Старостин подал команду. Сергеев распахнул нарезы орудийного замка, и очередной снаряд, подхваченный с палубы Гавриловым, переданный Широбокову и досланный в лоток, совсем бесшумно, казалось, ушел в глубь ствола. Следом скользнул заряд, крутясь, полетел в сторону пустой пенал... Сергеев вставил запальную трубку, захлопнул замок.

Прозвучал ревун, снаряд унесся вдаль, и опять Гаврилов нагнулся, подхватил новый снаряд, поднес к распахнутому, горячо и остро пахнущему орудийному замку.

Это было чудесное ощущение боя, ощущение предельной точности всех движений, власти над сложным и грозным механизмом. Усталость, тревога, томление ожидания исчезли. И, странное дело, снаряд, казавшийся на трени-

ровках таким невыносимо тяжелым, скользким, рвущимся из рук, теперь как будто сам перелетал от одного краснофлотца к другому.

— Накрываю, товарищ командир! — докладывал Агафонов. У него было азартное лицо, шапка-ушанка сбилась назад, обнажив большой, выпуклый лоб.

И в тот же момент задрожал и заревел издали воздух, невидимые оглушительные крылья прошумели мимо, огненно-черные всплески легли за кораблем...

— Соблюдать предосторожность, сейчас будет сильный крен! — повторил Старостин приказ с мостика своему расчету.

Корабль рванулся вперед и вбок, на палубу взбежала волна. Вспененная и плотная, как резина, она покатилась по палубе, старалась сбить с ног, утащить за собой людей... Гаврилов с ухваченным под мышку снарядом вцепился в поручни, Широбоков и Старостин схватились за стенки щита...

Калугин видел, как все стволы «Громового» устремились в сторону рейдера, услышал густой и короткий ревун первого залпа.

Орудийные выстрелы оглушили его. Горячий воздух ударил в лицо. С угрожающей быстротой мчались в глазах разноцветные шары и спирали.

«Я должен видеть все, не упустить ничего! — думал Калугин. — Мы первыми открыли огонь. Но как торпеды?»

— Торпеды пошли хорошо, — донесся, будто из-за плотной завесы, рапорт Лужкова. Шары и спирали попрежнему кружились в глазах, но уже снова виден был мостик. Ледяная волна взлетела из-за поручней, обдала руки и лицо.

Черно-коричневые, бархатистые клубы дыма рвались из широкой трубы «Громового». Они струились по волнам, корабль бил из всех орудий, мчался — сам, как огромный снаряд. Перед ним возникла клубящаяся дымовая стена. Она только что была сзади, но теперь, описав резкий полукруг, «Громовой» шел в дымовую завесу. И снова провыли снаряды «Геринга», легли на том месте, где только что был бурунный след «Громового».

А потом все потемнело, в ноздри вошел, перехватил дыхание душный нефтяной дым. Все померкло. Послед-

нее, что отчетливо увидел Калугин, было медно-желтое, осунувшееся лицо Ларионова с козырьком, нависшим над глазами, с водяными струйками, текущими по щекам...

Когда «Громовой» открыл стрельбу по вражескому тяжелому крейсеру, уже несколько минут «Ушаков» принимал на себя всю страшную тяжесть залпов орудий среднего калибра «Германа Геринга».

Да, пока рейдер неторопливо входил в губу, капитан Васильев успел отвалить от пристани, вывести «Ушакова» в намеченное на карте место. Капитан, с поднятым рупором в руках, стоял на просторном деревянном мостике парохода, и орудийные расчеты припали к пушкам, установленным на «Ушакове» в первые дни войны, когда он вошел в строй вспомогательных кораблей нашего военного флота.

Все здесь, от капитана до юнги, знали, на что идет «Ушаков», вступая в бой с тяжелым крейсером. Но на гафеле «Ушакова» вился бело-голубой, краснозвездный военно-морской флаг; с берега, укрывшись в скалах, смотрели на него беззащитные женщины и дети; в сердцах моряков кипела непередаваемая ненависть к врагу, и потому каждый из экипажа понял и принял сердцем решение своего капитана.

Тяжелый крейсер медленно и осторожно входил в извилистое горло бухты. Он мог не торопиться. Только недавно вылетевшие в разведку и вернувшиеся на его палубу самолеты принесли хорошие сведения. Летчики, возбужденные легким зенитным обстрелом, донесли, что в гавани стоят танкер, баржа и ледокольный пароход. Сводка командования сообщала: англо-американский флот стягивается в Датский пролив, советские корабли поддерживают фланги армии на сухопутном фронте.

Командир «Геринга» знал, что богатая добыча не ускользнет от него — он может не спеша уничтожить три советских корабля, разгромить поселок на островах.

И вот он увидел движущийся прямо на него силуэт ледокольного парохода. И ледокольный пароход первый открыл стрельбу из своих пушчонок, став бортом поперек фиорда...

— Огонь! — кричал в мегафон капитан «Ушакова». Его морщинистое, выдубленное ветрами лицо свирепо исказилось. Все пушки «Ушакова» ударили вдаль — туда,

где все грознее вырастал длинный, ощеренный стволами силуэт «Геринга».

И в тот же момент небо как будто рухнуло на пароход. Оно обрушилось снарядами вражеского корабля, разорвавшимися рядом в воде и в скалах.

И снова ударили пушки «Ушакова», и снова обрушилось на него небо, и часть мостика упала в воду, пламя выросло над рваными обломками. Но командир «Ушакова», ухватившись рукой за фальшборт, замахал биноклем, хрипло закричал в рупор:

— Накрываем, матросы! Дайте ему еще жару.

И опять всем бортом вспыхнул «Геринг». «Ушакова» тряхнуло, подбросило над водой, что-то хрустнуло внутри корабля, — капитану показалось, что это хрустнули его собственные кости. Быстрое светлое пламя все шире разбегалось по мостику, от развороченного борта валил густой дым.

— Пробоина в третьем трюме, — доложил, задыхаясь, помощник.

— Займись, Тимофей Степанович! — крикнул капитан и снова замахал биноклем, закричал в мегафон: — А ну-ка еще огоньку!

Кругом ревело, свистело, рушилось. Легкое, чуть видное пламя превращалось в густой, бушующий огонь. Труба вентилятора около машинного отделения, большая горбатая труба, покрашенная в нарядный желтый цвет, вдруг провалилась, на ее месте поднялся дымный столб. Туда уже бежали матросы с огнетушителями и шлангами.

Мостик вдруг пополз в сторону, и стало трудно стоять, горло стискивал густо плывущий дым.

— Пробоина под ватерлинией в правом борту! — докладывал сигнальщик.

И капитан распоряжался, рассылал людей, давал короткие приказы. «Весь огонь принял на себя! — кружилось в голове. — Значит, танкер и «Енисей» в порядке. Значит, тот мальчик, похожий на моего Вальку...»

Он не успел додумать — снова рухнуло небо, что-то тяжелое, очень горячее мягко толкнуло в бок. И вот он уже не стоит, а лежит на мостике возле рулевого колеса, старается встать и не может, и над ним склоняется закопченное лицо помощника, и легкая теплая кровь бежит по палубе, но почему-то не слышно больше стрельбы.

— Ну что там еще такое? — закрыв и снова с трудом открывая глаза, спросил капитан.

— Немец прекратил стрельбу по нас, — сказал помощник. — С берегового поста доносят: один эсминец типа «Громовой» выпустил в «Геринга» торпеды и начал артиллерийский бой... С вами-то что, Николай Иванович?

— Со мной ничего... потом... — сказал капитан. Он действительно не чувствовал боли, только палуба под боком очень быстро намокала кровью и он не мог подняться на ноги. — А что «Ушаков»?

— Сильный крен на правый борт. Трюмные замеряют глубину пробоины. Не сможем держаться на плаву.

— Дайте карту! — сказал капитан и, видя, что помощник медлит, с недоумением глядит на него, с трудом сел на скользкой кровавой палубе, попытался прижать бок рукой, оперся на локоть. — Хода нас не лишили?

— Хода не лишили.

— Дайте карту, — повторил капитан. — Если не можем быть на плаву, выберу, куда выброситься на скалы. Теперь-то уж не нужно затоплять корабль... Сообщите экипажу: наши военные корабли завязали с «Герингом» бой. Это не может быть один эсминец! Нам пришли на помощь наши военные корабли!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Стоя у машинного телеграфа, Ларионов тщательно стирал с лица горькую морскую воду.

Только что, отвернув в собственный дым, корабль ушел от огня «Геринга» — сделал резкий поворот, и вода накрыла его целиком. Но рулевой Пчелин по-прежнему стоял у штурвала. Не выпуская рукоятки, он прижался к стенке, между нактоузом и рулевой тумбой.

Калугина отбросило к трапу, но он ухватился за поручень, стоял, потирая ушибленное колено. Полушубок намок и стал очень тяжелым, в валенках чавкала вода. Он нащупал в кармане блокнот. Нет, карманы не намокли, записи целы! Да и полушубок внутри остался сухим, может сохранять тепло.

Полным ходом «Громовой» шел сквозь дымовую завесу. Вода еще плескалась на мостике, журча, скатыва-

лась по трапам. Трудно было дышать, лица окружающих плыли в душных волнах плотного, жирного дыма.

— Вахтенный, свяжитесь с ЗКП, — сказал Ларионов.

Вахтенный вызвал запасной командный пункт, подал трубку командиру.

— Старпом! — сказал Ларионов. — Ну, как у тебя там? — И глубокое волнение зазвенело в его голосе.

Старший лейтенант Бубекин стоял на кормовом мостике, на другом конце корабля.

Если выйдет из строя главный командный пункт — ходовой мостик, если будет убит командир, управление кораблем перейдет к старпому. Стоя близко от Ларионова, Калугин улавливал взрывающийся в наушниках резкий голос Бубекина.

— На третьем орудии смыт один комендор. Баулин. Так точно. Баулин. При повороте, вместо того чтобы держаться за поручни, вцепился в снаряд. Сразу исчез из видимости.

Ларионов молчал. «Баулин, — подумал Калугин, — тот самый толстый, краснолицый Баулин, который так любил пошутить за перекуркой». Ларионов вынул из кармана мокрый, скомканный носовой платок, медленно провел им по сухому лицу.

— Так, — тихо сказал Ларионов. — Жалко товарища... — Он стиснул в кулаке телефонную трубку. — Старпом! С торпедным ударом поторопились. «Геринг» успел отвернуть. Комендоры, кажется, накрыли марс «Геринга», подожгли ангар. Но большого поражения ему нанести не смогли. Если самолеты не сгорели, разведает, что я один. Будет продолжать обстрел островов...

Он говорил будто сам с собой, тихим, задумчивым голосом, его обнаженная кисть плотно прилегла к золотым литерам машинного телеграфа. Бурый, скрученный в мягкие, бархатные канаты дым по-прежнему рвался из трубы «Громового». Глубоко внизу, в котельных, кочегары ставили дымовую завесу. Дым валил и валил, густой пеленой окутывая волны.

— Результаты неплохие, — сказал Снегирев, стоя рядом с командиром. — Спорить буду, Владимир Михайлович, врезали ему в район мостика. А если бы еще пару горячих торпед, вот была бы красота! — Он причмокнул с таким вкусом, будто говорил о лакомой закуске, и вдруг закашлялся, протер глаза кулаком.

— Значит, товарищи офицеры, будем ждать темноты. Как стемнеет вполне, повторю торпедный удар на самой близкой дистанции, — по-прежнему негромко и ровно сказал Ларионов.

Снегирев спустился вниз. Вместе с ним шел Калугин. У Снегирева тоже, видно, промокли ноги, в его унтах хлюпала вода, он часто перебирал ногами, вобрав в плечи голову с нахлобученной на глаза шапкой.

Из клубящейся, пронизанной редкими снежинками полутьмы вырос белый куб орудийного щита, с высоко задранным пушечным стволом. Вода капала с потемневших овчин, превращалась в сосульки на мехе воротников комендоров. Струйки пара поднимались от мокрых, закопченных лиц.

— Ну, порядок на орудии? — спросил Снегирев. — А на втором как? — Он перевел заботливый, заостривившийся взгляд на верхнюю платформу.

— Так точно, порядок, — сказал Старостин. Глядел в лицо Снегиреву своим пристальным, немигающим взором, но не выдержал дыма, провел по глазам ладонью. — Как результат стрельбы, товарищ старший лейтенант?

— Командир благодарит артиллеристов! — звонко сказал Снегирев. Его налитые кровью глаза блеснули неуемным задором. — Дали прикурить «Герингу»! Теперь, только стемнеет, снова идем в торпедную атаку. Если обнаружит нас раньше срока, осветительными будем стрелять. Ваше дело, друзья, так повесить осветительные снаряды, чтоб сразу ослепить крейсер. А потом бейте его на полном ходу. А на поворотах держитесь крепче.

Последние слова он послал на ходу, через плечо, балансируя вдоль полубака.

Он дошел до шкафута, выждал, пока корабль качнет влево, ухватился за петлю штормового леера, пробежал вдоль борта и резким взмахом послал петлю обратно.

Торпедный аппарат Филиппова был развернут под острым углом по ходу корабля.

Темно-зеленые трубы вытянуты над бортом, из них выглядывает овальная сталь торпед. Значит, этот аппарат еще не стрелял, залп был из другого аппарата.

— Теперь на вас вся надежда, — строго и задушевно сказал Снегирев торпедистам.

Филиппов, смотрящий на него с платформы, медленно кивнул головой. Снегирев задержался около труб.

— Первый залп — промах. На ваш аппарат надеется командир.

Торпедисты и наводчики сидели между трубами на платформе, совсем близко неслась крутящаяся, подернутая дымом вода. Тонкое лицо Филиппова, сосредоточенное, горящее волнением, склонялось у боевой рукоятки.

С кормовой надстройки смотрел в бинокль низкорослый Бубекин. «Вот где, стало быть, запасной КП! — подумал Калугин. — Теперь останусь здесь, буду наблюдать отсюда».

Отсюда пойдут торпеды, здесь, за солидно покачивающимися наверху круглыми днищами шлюпок, ветер дует слабей, меньше обдает брызгами.

Калугин промок насквозь, но заострился взгляд, тело пульсировало, как сплошное огромное сердце.

Удивительно быстро темнело. Редкие, проносящиеся горизонтально снежинки возникали из густеющих сумерек и тотчас терялись в них. Сквозь дымовую завесу маячил издали дрожащий темно-красный свет.

— Это «Геринг» горит! — крикнул один торпедист.

— Только не вы его угадали, — с горечью сказал Снегирев. — Комендорам спасибо, подожгли фашиста. Теперь вы, торпедисты, должны поддержать честь корабля. На близкую дистанцию подойдем, подкрадемся в темноте, ударим так, чтоб не упустить добычи.

Он всматривался в лица торпедистов. «Еще не кончено дело, — думал Снегирев, — еще самое трудное впереди. Нужно, чтоб люди не ослабели, нужно внушить им, что самое трудное впереди, но мы добьемся победы».

Теперь море было почти черным, горизонт придвигался к кораблю, вода сливалась с небом в сплошную дымную непроницаемую стену.

Багровый отблеск вдалеке стал меркнуть, исчез совсем. Значит, на «Геринге» потушили пожар, повреждение было незначительным, тяжелый крейсер может продолжать рейд.

— Лейтенант, станьте к телеграфу, пройду в штурманскую рубку, — сказал на мостике Ларионов.

Лейтенант Лужков стал к тумбе машинного телеграфа. Всматривался в даль. Ни берега, ни вражеского ко-

рабля! Командир уменьшил скорость, «Громовой» медленно шел в бескрайный, полный волнами и ветром простор.

«Промахнулись торпедами, — с болью думал лейтенант Лужков. — Была такая возможность, один случай в тысячу лет! Если бы еще пять минут снегопада, подошли бы к «Герингу» вплотную. Я здесь не виноват, правильно дал дистанцию и пеленг. И командир поступил правильно. «Геринг» поставил огневую завесу, все равно не подпустил бы нас ближе, не успели бы выпустить торпеды...»

— Немножко не дотянули, штурман, — сказал в рубке Ларионов.

Исаев поднял на него костлявое, длинное, иссеченное морщинами лицо.

— Нельзя ближе было подойти, Владимир Михайлович. Я видел — вы в самый последний момент отвернули.

— Запеленговали «Геринга» по отблеску пожара?

— Так точно, успел запеленговать. Вот он сейчас здесь.

Штурман указал место на карте.

— Так... Ловите его радиопеленгатором, может быть, выдаст себя каким-нибудь звуком. Ложусь на обратный курс, чтобы не оторваться от него. Должен атаковать, пока не затеряется в ночи... Спасибо, штурман, мастерски вывели меня на цель. Вы-то сделали свое дело!

Нескладная фигура Исаева вытянулась над столом.

— Служу Советскому Союзу! — взволнованно сказал штурман и крепко ответил на пожатие командира. — О чем говорить, Владимир Михайлович!

Он снова согнулся над картой.

Когда Ларионов вернулся на мостик, было совсем темно.

— Право на борт! — сказал капитан-лейтенант. — Сто девяносто по компасу.

— Есть сто девяносто по компасу, — репетовал рулевой.

— Так держать!

— Есть так держать!

— Обе машины на полный!

— Есть обе машины на полный! — Лужков со звоном переложил ручки машинного телеграфа.

«Громовой» делал крутой поворот. Снова прямо перед ним лежали теперь невидимые Тюленьи острова. Командир снова вел корабль на сближение с врагом.

Он открыл микрофон, нажал кнопку над подписью «Боевые посты». Его негромкий, но очень отчетливый голос разносился по верхней палубе, у пушек и торпедных аппаратов, в машинных отделениях, в артиллерийских погребах, по всем боевым отсекам.

— Боевые друзья, — говорил Ларионов, — мы снова идем на сближение с «Герингом». Сблизимся с ним вплотную, чтобы выпустить торпеды наверняка. Уже темная ночь, ему трудно нас обнаружить, а мы засекли его место по отблеску пожара. Если заметит нас раньше срока, дадим залп осветительными снарядами, постараемся ослепить его комендоров. Требую, чтоб каждый боевой пост мгновенно и точно выполнял приказы.

«Громовой» мчался сквозь мрак. Ни слова, ни движения на боевых постах: все приготовились к бою, затаили дыхание, глядя вперед. Только гудели вентиляторы и плескалась во мраке вода.

Склонясь над трубами торпедного аппарата, стиснув на боевой рукоятке кулак, Филиппов всматривался в ночь.

Наводчик Вася Рунин близко припал к штурвалу наводки, его голова ушла в высоко приподнятые плечи. Рядом вглядывался в даль Саша Тараскин.

Где «Геринг» — этот ненавистный вражеский корабль, это олицетворение всего подлого и злого, всех несчастий, нависших над родиной и миром?

Впереди была сплошная темнота, в нее врезались невидимые во мраке бак корабля и мостик.

И вот в этой темноте вспыхнула огромная, ослепительно яркая звезда, и, развертываясь от нее, луч прожектора побежал по пенистым серым волнам.

Звезда, казалось, была совсем близко.

Совсем близко «Геринг» включил боевой прожектор, шарил им по воде. Длинная световая лапа промчалась над мачтами «Громового», опустилась ниже, ярко осветила трубу и мостик.

Но «Громовой» рванулся в сторону, нырнул во тьму. Световая лапа снова нащупывала его.

— Осветительными! — скомандовал Ларионов.

— Осветительными! Прицел... и целик... Залп! — отдавал приказы на орудия Агафонов.

Ударили пушки «Громового». Вокруг был по-прежнему мрак, но вдалеке четыре голубых солнца, осыпающиеся длинными брызгами света, повисли в черном небе.

В сиянии осветительных снарядов возник серебристо-серый силуэт вражеского корабля.

Вдоль его борта тоже вспыхнули прямые огни, но его осветительные снаряды разорвались в стороне от «Громового», озарили пустую лаково-серую воду. «Ушли от прожектора!» — думал Калугин.

По-прежнему мимо бортов мчалась вода, темнели над платформой согнутые спины наводчиков, Филиппов стоял, держась за боевую рукоятку.

В голубом свете «Геринг» вырастал все яснее. Высокобортный, длинный, с уходящим в небо штопором главной мачты. «Идем на него, идем прямо на него», — думал Филиппов.

— Аппараты товсь! — звучал в сознании голос лейтенанта Лужкова.

Рунин крутил рядом штурвал, и платформа медленно вращалась. Торпедисты нащупывали тяжелый крейсер.

Но прожектор «Геринга» снова настиг их широким ослепительным лезвием. С борта «Геринга» грянул залп, воздух задрожал от полета тяжелых снарядов.

Филиппов смотрел, прикрыв ладонью глаза.

— Залп! — скомандовал Ларионов.

— Залп! — повторил Лужков.

Движение труб прекратилось.

На мостике Афонин нажал кнопочный замыкатель.

Филиппов рванул боевую рукоятку.

С длинным свистом торпеды вылетели из труб, блеснули смазкой, плашмя погрузились в волны, пошли, подняв широкие всплески.

Филиппов еще видел, как забились под водой их винты, как три пузырчатые полосы пошли в сторону «Геринга», в то время как пенная вода с ног до головы окатила торпедистов.

Корабль сильно рвануло. Опять снаряд, как ширококрылая птица, прошумел мимо ушей, вдалеке поднялись черные всплески.

В прожекторном свете и в блеске осветительных снарядов было видно, как пузырчатые полоски белыми дорожками разворачиваются в сторону врага.

И снова с борта «Геринга» грохнул залп. Воздух затрясся. «Громовой» заскрежетал всем корпусом, наводчик Вася Рунин ткнулся лбом в штурвал, стал клониться вбок, схватившись за торпедную трубу.

— Боцман! — загремел в рупор старший лейтенант Бубекин. — Пробоина во второй котельной! Аварийную группу туда!

Он перегнулся над поручнями так, что, казалось, сейчас потеряет равновесие. Бинокль на тонком ремешке свешивался с шеи Бубекина, на жестяном раструбе рупора блестели пенные струйки.

Возле ростр несколько человек уже передавали вниз аварийный материал.

Здесь распоряжался Снегирев.

— Конвейером станьте, матросы! — кричал Снегирев. Он подхватил поданный сверху брус, передал его дальше.

Брус перехватил Калугин, бросил на руки матросу, который уже спускал бревно в шахту котельной.

Снегирев поднимал второй брус. Его реглан был расстегнут. Он распрямился, глянул в сторону «Геринга».

— Ура! — крикнул старший лейтенант и высоко взмахнул сорванной с головы шапкой.

Калугин оглянулся.

Серебряный силуэт быстро сокращался, превращался в высокий ромб. «Геринг» делал маневр уклонения от торпедного удара. Но вот у самой его кормы блеснул бесшумный черно-пламенный взрыв.

— Есть одно попадание! — Снегирев нахлобучил шапку, принимал новый брус.

Навсегда запомнилось Калугину его круглое, счастливое, по-детски улыбающееся лицо с прилипшей ко лбу прядью мокрых волос.

И вновь затрясся воздух, окровавленная шапка Снегирева покатилась по палубе, перевернулась у борта, исчезла в воде.

Счастливая улыбка еще была на губах Снегирева. но он споткнулся, сделал шаг к борту. Калугин едва успел подхватить его большое, тяжелое тело.

— Степан Степанович! — вскрикнул Калугин.

Снегирев обвис на его руках, рядом вырос Филиппов, соскочив с торпедного аппарата. Торпедист помог Калугину положить старшего лейтенанта на световой люк.

И второе, что врезалось в память в этот момент: повисшее над поручнями тело Бубекина, его дергающаяся рука, измятый жестяной рупор, бесшумно, как в немом кино, упавший на мокрую сталь палубы. А наверху ритмично сотрясалась высокая фигура Максимова, прильнувшего к черному стволу зенитки.

Максимов стрелял из зенитки, и высоко в небе рассыпался на части, медленно гас голубой осветительный снаряд.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Когда после первой встречи с «Герингом» «Громовой» открыл огонь, дал торпедный залп и ушел в собственную дымовую завесу, тотчас зазвенел телефон в котельном отделении.

— Старший лейтенант Снегирев передает: дали прикурить «Герингу». Крейсер горит! Скоро снова пойдем в торпедную атаку! — сказал мичман Куликов, вешая телефонную трубку.

Котельные машинисты стояли, положив пальцы на рычаги, повернув к мичману темные остроскулые лица, полные надежды, ожидания, бесконечной решимости. Белый свет фонарей, тусклый отблеск нефтяного пламени дрожали на распахнутых ватниках.

Наверху только что перестал бить главный калибр. Они только что перестали слышать отзвуки залпов, видеть вспышки высоко над головами, в отверстиях вентиляторов, выходящих на верхнюю палубу.

«Подожгли крейсер! Наши комендоры подожгли крейсер!» — торжествующе думал Зайцев, щупая подшипники и регулируя работу насосов.

Они ставили дымовую завесу. Только вошли в нее, и в котельной сразу стало душно; горло сжимал запах копоти и мазута. Вентиляторы нагнетали внутрь задымленный морской воздух.

— Долго еще будем дымить? — крикнул шутливо Никитин. — Эдак до самого полюса океан задымим.

— Дыми, дыми! — ответил мичман Куликов. — Тебе что — себя или белых медведей жалко? Так медведь — зверь безответный, а ты после боя душ примешь в охотку.

— Мы и так до костей прокопченные — это для здоровья полезно, — подал реплику Зайцев.

Сверху опять громыхнуло, простонала сталь, мигнули фонари, и посыпался асбест с паропроводов. Никитин крепче стиснул рычаг, пригнулся к форсунке. Сейчас ему трудно было шутить. Плохие шутки, когда корабль мчится под обстрелом врага...

Вспыхнули сигнальные лампочки, прозвучал сигнал, прыгнула стрелка на циферблате.

— Дали средний ход! — крикнул Куликов. — Прекратить дым!

Никитин переложил рычаги. Значит, вышли из боя! Он распрямился, стер с лица машинное масло и пот. Он вспотел, несмотря на то, что ледяные струи вентиляции шелестели кругом.

И вновь они несли вахту: Никитин — на горении, Чириков — на питании, Зайцев — у насосов. Потом с мостика дали сигнал «полный ход», и в котельной зазвучал ровный, внушающий веру в победу голос командира.

— Снова идем на сближение — ясно? — сказал мичман, выслушав речь капитан-лейтенанта. — Значит, сейчас держите ухо востро!

И все молчали, ожидая новых сигналов. «В торпедную атаку, опять в торпедную атаку пошли!» — думал Никитин, стиснув пальцами послушный металл.

Но вот что-то звякнуло, пронзительно-тонко свистнуло, в уши рванулся оглушительный вой. Вся котельная наполнилась густым, белым, обжигающим лица паром. Свистело и выло с правого борта, ничего не было видно кругом, вместо ламп тускнели рыжие пятна, горячая белая мгла слепила глаза и забивала рот.

Первым движением каждого было: броситься к шахте, найти задрайку, выбраться наверх. Пробит борт и паропровод. Свистело и шипело. Глухо лилась на палубу вода.

— По местам стоять, коммунисты! — прогремел голос, перекрывший все звуки.

Никитин остановился. Коммунисты! Это относилось и к нему, это сразу отрезвило его.

Он узнал голос Куликова. Значит, мичман жив, все в порядке...

Густо клубился вокруг пар, вентиляция несла белесые горячие слои в глубь кочегарки. Никитин рассмотрел Зайцева и Чирикова, застывших рядом с ним, мичмана, расплывчатой тенью метнувшегося в сторону непрекращающегося хриплого свиста.

— Осколком... Пробиты борт и магистраль отработанного пара... — крикнул ему в ухо мичман. — Заделай пробоину в борту... Я исправлю магистраль... На горение стань!— пробегая мимо Зайцева, выдохнул Куликов.

Никитин кинулся к борту. От форсунок отходить нельзя, но мичман предусмотрел все. Никитин увидел, как к форсункам стал Зайцев.

Никитин обогнал струю напряженно бьющего почти прозрачного пара. Вплотную приник к борту. На высоте метра от настила из рваного отверстия в металле хлестал водопад ледяной пены. Вода падала на палубу, стекала в трюм.

Закрыть пробоину! Если не закрыть сейчас же, вода подойдет к топкам...

Уже работала помпа, но море жадно рвалось в пробоину. Сквозь горячий туман Никитин различал, как над нефтяной цистерной между рядами свинцового кабеля вода поспешно пробирается внутрь, пенистыми когтями старается раздвинуть бортовую сталь.

Он сорвал ватник, сунул в водяную струю.

Его отбросило назад вместе с ватником. Сзади острие пара обожгло шею. Солено-горькая вода невыносимым холодом сводила разгоряченное тело.

Никитин снова кинулся на струю, и она опять отбросила его. Он свернул ватник плотнее, зажал им пробоину сбоку, но вода вытолкнула ватник обратно.

— Спиной зажимай! — крикнул Зайцев. Зайцев метнулся было другу на помощь, но вспомнил: от форсунок отходить нельзя, котел продолжает работать.

«Действительно — спиной!» — подумал Никитин.

Он бросался лицом вперед и потому не выдерживал, отступая перед яростью моря. Но теперь прижал к лопаткам скрученный ватник, повернулся к морю спиной, всунул в пробоину ватник и тотчас же притиснул плечом.

Море снова толкало его, давило, как ледяная гора.

Его ноги скользили по маслянистой палубе, но он ухватился за выступ цистерны, нашел точку опоры.

Ватник сдвинулся было — Никитин чувствовал, как в мускулы спины вонзился рваный край пробоины. Но все-таки стало легче, водяной поток прекратился.

Так он стоял, бледнея, с катящимся по лицу по́том и онемевшей спиной. Словно во сне видел, как у форсунок Зайцев регулирует пламя, как под ногами уменьшается слой воды, как в свисте пара мичман Куликов заделывает пробоину в магистрали...

Когда осколок пробил борт и паровую магистраль, — в первый момент ужас перехватил горло мичмана.

Пробита магистраль — значит, все кончено, всех обварит паром, котельная выходит из строя! Но тотчас же сообразил, определил по температуре и по звуку, что это не главная магистраль, а магистраль отработанного пара.

Он выкрикнул обращение к котельным машинистам... Доложил в пост энергетики о повреждении в магистрали...

Следующим движением было рвануться к источнику раскаленных паров. Нашел аварийный материал не глядя, всегда имел его под рукой, на штатном месте.

Хотел обмотать голову ватником, но это помешало бы работе. Подбежал к паровой струе сбоку, так, чтобы она не задела лица.

Хрипело, рушилось в котельную море. Он ввел в действие помпу, видел, как, сорвав ватник, к пробоине бежит Никитин.

Всматриваясь в магистраль, Куликов стал сдирать изоляцию вокруг поврежденного места.

Его обожгло сразу. Рукавицы не спасали: пар обжигал так, будто их и не было на руках. Невыносимый белый огонь обдал мичмана Куликова.

Казалось, по пальцам ударило свистящее лезвие. Он чуть не выронил инструмента. Он чуть не лишился сознания от боли, от все растущей нечеловеческой боли в руках. «Но магистраль нужно заделать на ходу, — думал мичман, — нельзя выключить пар, лишить корабль требуемой командиром скорости хода».

Он тщательно обнажал поврежденный металл, и каждый нерв кричал: «Довольно, отдерни пальцы!» Пар бил широким, злым веером, охватывал пальцы кругом. Руки

слабели, казалось — нельзя сделать ни движения больше. Но он затаил дыхание, старался не думать о боли, думал о своем корабле, о силе большевистского духа, о героях-коммунистах, гибнущих под пытками, но не сдающихся врагу.

Он отклонился на мгновение, пошатнулся, и влажное лезвие пара полоснуло его по лицу, глаза застлались слезами. Мичман опять чуть не выронил инструмент, но продолжал работать.

И вот почти пересилил боль, хотя непрерывно бегущие слезы застилали глаза.

Но кто-то уже подавал ему паранит, медный лист для заплаты, кто-то старательно, двумя руками, придерживал бугель. Свист прекратился, лампы светили ярче, мичман видел, что матросы аварийной группы заканчивают ставить бугель, крепко обжимают с боков болты.

Его сознание прояснялось. Магистраль блестела свежей заделкой. Мичман бросил взгляд на свои руки и тотчас отвел глаза. Рядом с ним боцман Сидякин с матросами из аварийной группы распиливали брус на упоры нужной длины.

Никитин все еще закрывал пробоину спиной.

— Потерпеть еще можешь? — бросил ему боцман через плечо.

«Могу», — хотел сказать Никитин, но не мог произнести ни слова: грудь была сжата леденящими тисками. Он только кивнул головой, продолжая стоять, вцепившись пальцами в нефтяную цистерну.

Упоры были готовы, матросы подтаскивали аварийную подушку...

— Ну, отходи, браток! — крикнул боцман. — Довольно на плечах море держать. Отходи! — повторил он.

Но Никитин не мог сделать ни одного движения. Хотел оторваться от пробоины, но она, казалось, цепко держала его за окровавленные мускулы спины.

Он только слабо улыбнулся. Увидел сбоку багровое, залитое слезами лицо Куликова.

— Не видите, что ли, — загремел Куликов,— ослабел человек. Подсобите!

И когда матросы подхватили Никитина, оторвали от борта, снова заревело море, врываясь внутрь. Но пробоину сразу зажали аварийной подушкой, подперли распиленными брусьями, поданными с ростр.

Над Никитиным наклонялось неестественное, странно знакомое лицо, из глаз которого, не переставая, текли слезы.

«Снится мне это, что ли? — подумал Никитин. — Слезы льются из глаз мичмана Куликова!»

— Это я, брат, видно, торпедированных фашистов оплакиваю, — сказал Куликов, и его губы сложились в подобие улыбки. — Знаешь поговорку: «Слезы моряка наравне с кровью ценятся».

— Что с «Герингом», товарищ мичман? — спросил Никитин.

— Торпедировали «Геринга»! Торпедировали! — счастливым голосом прокричал мичман.

И, теряя сознание, падая в глубокий, крутящийся мрак, Никитин увидел по-прежнему ровно горящее пламя в топке, различил стоящих возле друзей. Увидел аварийную подушку, зажавшую пробоину — пробоину, которую он закрывал своим телом, чтоб сохранить жизнь родному кораблю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Опять шел тяжелый, густой снег. Потом снегопад прекратился, на мостике стало светлее, и застывшие у поручней фигуры сигнальщиков четче обрисовались на фоне фосфоресцирующего моря. После торпедного удара «Громовой» вновь отвернул в собственную дымовую завесу, пробил ее насквозь — как иголка слой войлока — и больше не дымил.

«Какая тишина... — думал Калугин. — Какая неописуемая, невероятная тишина». Мерно вибрирует, вздымается и опадает корабельная палуба, смотрят вдаль прямые белые хоботы молчащих орудий.

Нет, это не конец! Не может быть такого быстрого конца. Но тишина продолжалась, и то, что было незаметным в бою — широкий, головокружительный размах палубы, и острый ледяной ветер, и груз намокшей, пахнущей копотью и керосином одежды, — все это теперь завладевало сознанием, тянуло вниз, в свет и теплоту каюты.

Далеко на весте плыл над невидимым морем овальный дымно-багровый свет. Взлетали и распылялись в пространстве синие лезвия прожекторов. Это горящий

«Геринг» ждал нового удара из темноты, новой торпедной атаки.

— Аппараты перезаряжены, товарищ командир! — донесся из темноты задорный, звенящий возбуждением голос лейтенанта Лужкова.

Ларионов по-прежнему стоял у машинного телеграфа. Он, видимо, очень устал, немного склонился вперед, тяжело оперся рукой о телеграфную тумбу. В темноте трудно было рассмотреть его лицо.

— Товарищ командир, докладывает центральный пост энергетики, — сказал телефонист, подавая командиру трубку.

— Да, Ираклий! — сказал Ларионов, оторвав руку от тумбы. — Значит, во второй котельной порядок? А турбину когда введешь в строй? — Его голос стал яростным, он сильнее прижал трубку к уху. — Два часа даю вам на турбину, инженер-капитан-лейтенант. Понятно? Исполняйте приказ.

Он опустил трубку, и телефонист подхватил ее, повесил на место. Старший лейтенант Агафонов взбежал по трапу, подошел к командиру.

— Старший лейтенант! — отрывисто сказал Ларионов. — Заместитель по политчасти убит, старпом тяжело ранен. У меня вышла из строя турбина, не могу дать скорости, преследовать «Геринга». — Он замолчал, как будто теряя силы. — Возьмете на себя обязанности старпома!

— Есть взять на себя обязанности старпома! — повторил Агафонов. — Окончательно должны выйти из боя, Владимир Михайлович? Может быть, могли бы еще настигнуть?

— Аппараты перезаряжены, товарищ командир! — опять с задором, с горечью, с надеждой повторил из темноты лейтенант Лужков.

— Я не могу преследовать «Геринга», — сказал Ларионов тихо и раздельно. — Да и не нужно это сейчас. Рейд «Геринга» кончился, товарищи офицеры, видите: маячит в темноте, ему бы только до базы дотяпать. Я дал в штаб его координаты.

Он помолчал.

— Так вот, старпом, берем курс на главную базу. Готовность номер два. Повахтенно дать людям обсушиться. Пусть повара раздают ужин, по сто наркомов-

ских граммов. Поблагодарите от моего имени весь личный состав за мужество и отвагу в бою!

Его голос стал совсем невнятным. «Он, видимо, безмерно устал, — подумал Калугин, — безмерно устал, все время маневрируя, все время держа в руках жизнь корабля».

Но Ларионов выпрямился, оперся на телеграф, стал как будто выше ростом. Со стороны трапа выплывала из мрака смутная фигура мистера Гарвея.

— Товарищ кэптин, — громко, особенно четко выговаривая каждое слово, сказал Гарвей, — мне кажется, я имею сейчас большую обязанность, я имею счастливый случай первым поздравить вас от имени союзного командования. Какой бой, мистер кэптин! «Эсминец — снаряд, а его командир — взрыватель!» Вы оправдали эту поговорку военных моряков. От имени союзного командования пожимаю вам руку.

Широким, может быть излишне широким и свободным жестом Гарвей вытянул чуть белеющую в темноте ладонь.

Ларионов стоял очень прямой, очень неподвижный.

— Извините, мистер Гарвей, — тихо сказал Ларионов. — Я не могу подать вам руки.

— О, дамн... — Канадец осекся, его ладонь еще висела в воздухе, он отклонился назад, сквозь темноту всматривался в капитан-лейтенанта.

— Я ранен в плечо и не имею возможности подать вам руки, — как и раньше, негромко сказал Ларионов. Немного подавшись вперед, он смотрел на Гарвея в упор, всей тяжестью тела опирался на левую руку.

— О, если так, — сказал растерянно мистер Гарвей. — Со сорри[1]...

Он засунул растопыренные пальцы за отворот верблюжьего реглана. Теперь было ясно видно, что он колеблется из стороны в сторону не в такт корабельной качке.

К соленому запаху ветра тонкой струйкой примешивался сладковатый, приторный запах рома.

— Рассыльный! — позвал Ларионов.

— Есть рассыльный! — Из темноты выдвинулся краснофлотец.

---

[1] Очень сожалею (англ.).

— Проводите мистера Гарвея в его каюту. Ему нужно поспать. Об исполнении доложите.

— Есть проводить в каюту, доложить об исполнении!

— Спасибо за внимание, мистер кэптин, — пробормотал Гарвей. — Но, как офицер королевского флота...

— Прошу вас пройти в каюту, — сказал Ларионов. Его голос сразу погас.

Лужков шагнул вперед, подхватил командира под локоть. Ларионов выпрямился, высвободил руку.

— Старпом, я схожу в лазарет... Ненадолго, надеюсь, — только сделаю перевязку... Спасибо, лейтенант, я дойду сам.

Быстрой и твердой походкой он пошел с мостика, вслед за Гарвеем...

Все тело Калугина пронизывал леденящий, сковывающий холод. Спуститься внутрь, в каюту, сменить белье и одежду... Но раньше нужно пройти на первое орудие...

После смерти Снегирева он спустился в котельную, и Никитин, только что пришедший в себя, слабым рукопожатием ответил на поздравление с победой; Зайцев, стоящий теперь у форсунок, дружески-таинственно потянулся к нему возбужденным лицом с распухшими беловатыми губами.

— Товарищ капитан, — сказал Зайцев, и ореховые глаза под выпуклым, круглым лбом неугомонно блеснули, — я, коли разрешите, только вахту сдам, к вам бы зашел. Посоветоваться, как статейку составить. О героях котельного отделения... о товарище мичмане Куликове и Сереже Никитине...

Теперь нужно проведать Старостина...

Калугин сбежал с мостика по обледенелому трапу.

Из душевого отсека слышалась возбужденная нерусская речь. Там стояли Филиппов, английский сигнальщик, еще несколько краснофлотцев. Шерстяная шапочка Роджерса была сдвинута на затылок, он что-то говорил, хлопал в восторге Филиппова по плечу...

Мимо шелестящих вдоль борта невидимых волн Калугин быстро прошел на полубак.

В темноте двигались смутные очертания людей. Калугин всмотрелся. Комендоры принимали из погребов новый боезапас, плотно укладывали на палубе, возле орудийного щита.

Один из работающих распрямился. Его поднесенная к шлему рука смутной белизной расплывалась во мраке.

— Ранены, товарищ Старостин?

— Царапина, товарищ капитан, — сказал Старостин. — Когда досылатель закрывали, пальцы немного задело. Вот Сергеев наш...

Он не договорил. Калугин вдруг увидел: пояс с запальными трубками, обычно охватывавший полушубок Сергеева, теперь светлеет вокруг талии Старостина.

— Ранен? — с трудом спросил Калугин. Сразу вспомнил сутулую фигуру в полушубке выше колен, застенчивую улыбку на широком веснушчатом лице.

— Убит Сергеев. Наповал, осколком, — грозно и горько сказал старшина. — У меня на руках кончился, товарищ капитан. Только прошептал: «Отомстите гадам за все, матросы»... — Старостин замолчал, поправил пояс. — «Геринга» преследовать будем, не слышали, товарищ капитан?

Комендоры прислушивались, повернув в их сторону укрытые ветреным мраком лица.

— «Геринг» бежит,— громко сказал Калугин. — Его пиратский рейд не удался, товарищи! — Было трудно говорить от волнения, но он четко бросал в темноту каждое слово. — У нас повреждена турбина, но командир радировал в штаб, «Геринга» будут преследовать наши корабли.

Он шагнул к Старостину.

— Может быть, помочь в чем-нибудь, товарищ старшина?

— Да уж все «на товсь», товарищ капитан, — мягко ответил Старостин. — Пошли бы погрелись... Тоже вот думаю сходить руку перевязать получше...

Пронизывал насквозь и леденил острый, свищущий ветер. Намокший мех промерз, пальцы в валенках онемели, к телу липло сырое белье. С полубака Калугин бегом спустился в каюту.

Здесь было благодатное, сухое тепло, белел яркий свет; даже поскрипывание переборок, раньше будившее по ночам, сейчас показалось почти музыкальным. Еще бы выпить стопку водки! Вот так мистер Гарвей, напился во время боя! Верно, лежал в каюте, как всегда задрав ноги, и слушал стрельбу, и тянул ром из плоской бутылки. Фаталист и кондотьер мистер Гарвей!

Калугин нахмурился, расстегивая влажный полушубок — пахнущий нефтью, покрытый слоем копоти.

Он переживал блаженное ощущение победы, он перестал хмуриться, забыл о Гарвее. Но пальцы замерли на холодных крючках, все вокруг вдруг будто задернулось траурной дымкой.

Полуприкрытые бархатной занавеской, у койки стояли начищенные ботинки Снегирева. Рядом с подушкой лежала аккуратно сложенная меховая безрукавка. Возле двери висела шинель с двумя золотыми полосками на рукавах, ее воротник прикрывала фуражка с эмблемой, позеленевшей от водяных брызг.

Сменная одежда Снегирева. Надевал ее, когда сходил на берег. Теперь никогда больше не наденет! Калугин не мог отвести глаз от этой шинели, покачивающейся в такт ходу корабля, от этих ботинок, чернеющих из-под занавески. Никогда больше не войдет Степан Степанович в эту каюту, не засмеется своим заразительным смехом, не сядет за этот стол, не поглядит на карточки двух толстощеких ребят под широким настольным стеклом.

«Вот постойте, выберу время, расскажу вам про моих мальцов», — звучали в памяти слова Снегирева...

Когда он вошел в кают-компанию, его поразил ее необычный, суровый вид.

Правда, он уже побывал в кают-компании после боя. Он сам помог принести сюда Снегирева, втаскивал сюда узкие носилки с неподвижно простертым на них телом. Но тогда видел только это безжизненное тело в намокшем, распахнутом на груди реглане, это немного отвернутое в сторону, всегда румяное, смеявшееся, а теперь подернутое прозрачной синевой, задумчиво-нахмуренное лицо.

Снегирев будто заснул, прислонившись щекой к темному брезенту. И когда доктор склонился над ним — осмотрел его только затем, чтобы констатировать мгновенную смерть от осколка, — Калугин стоял как во сне, не спуская глаз с тела Снегирева.

Теперь он до мелочей рассмотрел всю обстановку кают-компании, превращенной на время боя в операционную и лазарет.

Длинный обеденный стол застлан белой клеенкой, покрытой пятнами крови, которые тщательно смывает санитар в больничном халате.

Куда-то в угол сдвинуты нагроможденные одно на другое, закрепленные тросом кресла. Пианино тоже закрыто белым, на нем разливается острый блеск хирургических инструментов.

Доктор Апанасенко, в длиннополом белом халате, властно распоряжающийся, непохожий на самого себя, хлопочет возле командира...

Ларионов сидел в одной тельняшке, заправленной в непромокаемые брюки, стянутые краснофлотским ремнем. Тельняшка была разрезана на плече, из-под нее смуглела широкая, мускулистая грудь. Командир сидел, прочно расставив босые ноги, опершись на колено левой рукой.

«Какой он молодой, я и не представлял себе, что он такой молодой! — думал Калугин, всматриваясь в ясное, резко очерченное лицо, в высокий лоб, прикрытый белокурым чубчиком. — Он же совсем простой парень — хороший простой русский парень».

Сейчас на этом лице не было обычной суровой сдержанности, было просто выражение усталости и боли, потому что доктор плотно стягивал бинтом плечо капитан-лейтенанта. И в то же время выражение бесконечного облегчения, безмерной радости было на этом лице.

— Так говорите, доктор, лучше старпому? — спросил командир.

— Сейчас ничего, — сказал Апанасенко, продолжая бинтовать руку. — Я ему морфию впрыснул, теперь спит. Думаю, должен выжить наш Фаддей Фомич.

— Все отдайте, чтобы выжил, — сказал Ларионов. Он сдвинул свои светлые брови, потянулся левой рукой в карман, достал измятую, мокрую пачку папирос, присвистнув, бросил ее в стоящий рядом полный окровавленной ватой таз.

— Гаврилов! — позвал командир. И мягко ступающий вестовой, тот самый, что с такой свирепой точностью подавал к орудию снаряды, заглянул в дверь кают-компании. — Достань-ка, брат, коробочку моих сигарет!

Гримаса боли вновь пробежала по лицу капитан-лейтенанта. Он глянул на белеющих свежими перевязками моряков, усевшихся в ряд на диване.

— Ну, мичман, как глаза?

— Словно бы лучше, товарищ командир,—прозвучал голос Куликова из-под бинтов и ваты.

— Все еще плачешь, мичман?

— Все плачу, товарищ командир.

— Добро, за всю жизнь выплачешься. После слез радость бывает.

Гаврилов бесшумно вошел, подал пачку сигарет. Ларионов надорвал ее левой рукой.

— Курить будете, товарищ мичман?

— Не откажусь, товарищ командир.

— Передайте, Гаврилов! — сказал Ларионов. Он вынул одну сигарету, отдал пачку Гаврилову. — Хватайте, орлы! — сказал он, совсем как Снегирев, даже как будто голосом Снегирева.

Это поразило не только Калугина. Все разом взглянули в глубину кают-компании, где стояло в ряд несколько носилок, прикрытых сверху брезентом с разостланным на нем военно-морским флагом.

Все молча курили. Дымящийся цилиндрик сигареты серел между двумя полосами бинта, обхватившего лицо Куликова. Курил Никитин, укутанный в сухой полушубок. Курил Старостин, положив на колено забинтованную левую руку. Порывисто, глубокими быстрыми затяжками курил Ларионов.

— Может быть, пирамидону выпьете, товарищ командир? — спросил доктор Апанасенко.

— Не сейчас, в базе! — бросил Ларионов.— Как только ошвартуемся, тащите свой пирамидон.

— Я бы принял пирамидону, — сказал Калугин. У него сильно разболелась голова.

— Дайте, доктор, капитану, — тепло сказал Ларионов. — Наши писатели это заслужили.

Доктор подошел к шкафу, достал бутылку, подал Калугину плещущий прозрачной жидкостью стакан.

— Это же спирт! — сказал Калугин.

— А по-нашему — пирамидон, — улыбнулся Апанасенко одними глазами. — Пейте залпом. Вот Никитин хватил этого пирамидонца, сразу пришел в себя...

В дверях вырос шифровальщик с розовым листком в руке.

— Товарищ капитан-лейтенант, принята шифровка штаба флота!

— Давайте! — сказал Ларионов. Нетерпеливо вытянул руку, быстро читал листок. Вдруг встал, окинул всех обведенными копотью, глубоко запавшими, очень яркими голубыми глазами.— Командующий выражает благодарность всему личному составу «Громового». Приказывает возвращаться в базу. Наперехват «Герингу» вышли наши корабли и вылетают торпедоносцы. Тюленьи острова в безопасности. «Ушаков» выбросился на скалы, благодарит нас за помощь.

Он говорил очень возбужденно, громко, и невольно глаза всех снова обратились к стоящим в ряд носилкам с очертаниями вытянутых под развернутым флагом тел.

— Им тоже было бы приятно это услышать! — так же громко сказал командир. — Я бы очень хотел, чтобы они слышали это, наши дорогие товарищи, отдавшие жизнь за родину, за коммунизм.

Начальник интендантской службы, стоявший у дверей, шагнул к командиру.

— Товарищ капитан-лейтенант, — тихо сказал он, — разрешите в море похоронить погибших?

Но он отступил перед вскинутым на него тяжелым взглядом командира.

— Не разрешаю! — резко сказал Ларионов. — Мы похороним их на берегу, в родной земле, за которую они сражались. Понятно вам это, товарищ Мамаев?

Он распрямился, белея плотно перевязанным плечом. Сел, стал натягивать на ноги сухие носки и пимы.

Гаврилов подал ему китель и меховую куртку.

Командир корабля, как всегда сурово-сдержанный и молчаливый, стиснув зубы, вдевал раненую руку в рукав.

Он застегнул куртку левой рукой, быстро вышел наружу — в снежную, ветреную полярную ночь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Катер командующего ушел уже давно.

Из окна было видно, как, сделав по заливу крутой полукруг, оставляя за собой снежно-яркий водоворот буруна и трепеща флагом с тремя белыми звездочками на алом полотнище, он скрылся в туманной узкости, в сторону Кильдина, в направлении морского фронта.

Никто ничего не знал определенно.

Все утро небо рокотало самолетным гулом. Над базой барражировали наши истребители. Сине-зеленое, очень чистое сегодня небо по всем направлениям было прочерчено, будто извилистыми лыжнями, их дымовыми следами.

Говорили, что над морем идет огромный воздушный бой: наши торпедоносцы преследовали подбитый вражеский рейдер, но их перехватили «мессершмитты». Другие утверждали наоборот: немецкие торпедоносцы неотступно гонятся за потерявшим ход, терпящим в океане бедствие «Громовым».

Никто ничего не знал определенно. Никто, кроме тех, кому полагается знать все! Аня тоже ничего не знала. Она дежурила на телефонной станции до утра: до восьми ноль-ноль. Шла домой в полной темноте, по заснеженным мосткам, глаза слипались от усталости, но, когда вошла в свою комнату, не могла заснуть, все думала о Михаиле.

Ах, Михаил, Миша! Не сказал в тот вечер, что корабль уходит в бой, а ведь она уже совсем решилась, думала: встретятся на следующий день, даст ему ответ навсегда. Он как-то особенно душевно говорил в тот вечер, смотрел таким новым, заботливым, очень родным взглядом. Только бы он вернулся! Только бы не погиб в этом бою, о котором никто еще ничего определенного не знает.

«Может быть, — возвращаясь домой, думала Аня, — как раз сейчас, в эту минуту, он упал, раненый, у своей пушки, с упрямо нахмуренными, как всегда, бровями... Может быть, его несет за борт ледяная вода... Может быть, он задыхается сейчас в бушующем море, среди корабельных обломков, судорога свела его сильные и нежные руки, черный плавник косатки мелькает с ним рядом...»

Аня не могла больше лежать. Оделась, вскипятила на плитке чай. Чай показался совсем безвкусным, хотя заварила большую щепотку, положила три ложки сахару.

Опять прилегла, думала о Михаиле. Потушила свет, отогнула край черной бумажной шторы, выглянула наружу. Светает, снег подергивается бледной голубизной, вода залива еще темно-серая, но небо уже наливается зеленоватым прозрачным светом. За стеной пело радио, звучала музыка, взволнованно говорил о чем-то диктор...

Посмотрела на себя в настольное зеркальце. Очень бледная, усталая, синяки под глазами... «Если Михаил вернется, в хорошем виде я встречу его! Если вернется! Он, конечно, вернется, нельзя и думать о другом». Хотела попудриться, подкрасить губы, но опустились руки... «Вот если Миша вернется...» Опять подошла к окну, смотрела на залив. И тут увидела катер командующего, и сразу стало трудно дышать.

Возвращается какой-то корабль, возвращается не из простого похода, иначе не пошел бы ему навстречу сам вице-адмирал. Сердцем почувствовала: возвращается «Громовой».

Еще рано было бежать на пирс, но все-таки надела свою беличью шубку, совсем отбросила штору, неотрывно смотрела на мягкие извивы сугробов, на обнаженные ветром ребра гранита, на коленчатые деревянные трапы, сбегающие к заливу.

На рассвете она слышала разговор, короткий телефонный разговор, от которого захватило дух.

— Оперативного дежурного по штабу! — попросил женский голос.

— Соединяю! — сказала Аня с обычной своей четкой отрывистостью, с той военной точностью, которую выработала в себе за месяцы войны. Сотни разговоров каждый день проходили через нее. Но в этом женском голосе было что-то заставившее насторожиться, прислушаться к разговору.

— Слушает оперативный дежурный, капитан третьего ранга Семенов, — ответил утомленный голос.

— Товарищ капитан третьего ранга, — звучал женский голос, как натянутая до отказа струна. — Простите за вопрос: есть сведения о капитан-лейтенанте Ларионове?

Наступила пауза. Холодная, недоуменная пауза. Аня сразу вся напряглась. Ларионов — командир «Громового». И поскольку «Громовой» — в боевом походе... «Странный вопрос! — думала Аня. — Вопрос, который никогда бы не посмела задать по телефону».

— Кто говорит? — прозвучал голос дежурного, теперь уже отточенно настороженный.

— Говорит Ольга Крылова,— откликнулась женщина. И снова короткая пауза, только бормотали, шептали, звенели музыкой телефонные провода. Но когда дежур-

ный ответил, его голос прозвучал уже не так строго официально.

— Никаких особых сведений, товарищ Крылова, — сказал дежурный.

— Умоляю вас, скажите мне одно: с Ларионовым ничего не случилось? — как будто рыдание прорвалось в женском голосе.

— Никаких новых сведений о капитан-лейтенанте Ларионове, — сказал дежурный с прежним сочувственным выражением. — Простите, Ольга Петровна, это все, что могу вам сказать.

Дежурный повесил трубку, и на другом конце провода раздался легкий прерывистый вздох, трубка тоже легла на рычаг.

«Ольга Петровна Крылова, — думала Аня. — Машинистка из редакции, жена погибшего подводника. Красивая, видная собой, только слишком худая и бледная, слишком грустная всегда. Еще бы, она не спит по ночам. Это из ее окна сквозь щелки затемнения всегда пробивается свет по ночам».

Возвращаясь с дежурства, Аня часто замечала эти чуть видные щелки, заставлявшие ныть сердце. Бедная, она снова не может спать, она, говорят, все ждет погибшего мужа.

Но сейчас Аню волновало иное. Волновал особый тон ответа дежурного. «О капитан-лейтенанте никаких новых сведений»,— сказал дежурный. Значит, о других какие-то сведения есть! Кто-то убит, кто-то ранен.

И снова ложилась и вставала, смотрела в окно, ходила из угла в угол, кипятила на электрической плитке невкусный чай...

Солнце так и не взошло из-за сопок, но небо на осте стало прозрачно-зеленым и окна толпящихся на скалах домов светились, как золотые пластинки, когда «Громовой» вошел на рейд и стал медленно подходить к пирсу.

Быстрым шагом прошли со стороны полуэкипажа краснофлотцы с винтовками, с примкнутыми штыками, стали выстраиваться на стенке.

На пирсе собирался оркестр Дома флота, музыканты блестели ярко начищенными пастями медных труб.

А «Громовой» разворачивался в заливе, как всегда осторожно подходил к высокой бревенчатой стенке, бе-

леющей утоптанным снегом, блещущей сталью штыков и трубной медью.

Он возвращался с победой — испытанный североморский корабль! Издали не были видны его повреждения, он был, как всегда, стройный и красивый. Но вот он подошел ближе, и стало заметно, как почернели его борта, как сталь надстроек покрылась рябью пробоин. А на рострах, между шлюпками и трубой, был распластан широкий военно-морской флаг. Аня знала: военно-морским флагом укрывают тела погибших в бою.

Но вот она увидела Михаила, вытянувшегося «смирно», во главе своих комендоров, под стволом носового орудия. Ане хотелось закричать от восторга, замахать платочком, но неприлично — потом все девушки в базе будут высмеивать: не удержалась в такой торжественный момент!

— Гляньте, краска-то на пушках совсем пожелтела, пузырями пошла, — возбужденно сказала она.

Она сказала это женщине, стоявшей с ней рядом, но не получила ответа. Они стояли рядом уже давно, в самом конце пирса, за шеренгой краснофлотцев. Дальше не пропускал штатских дежурный старшина.

Эта женщина подошла со стороны редакции, сбежала по высоким мосткам, дыша порывисто, как после долгого бега.

Конечно, Аня сразу узнала ее — высокую, стройную, с бледным лицом, с густыми ресницами, оттеняющими серые глаза. Точно, это она, Ольга Крылова, с пепельными ресницами, бросающими тени на худощавые щеки. Но сейчас Аня лишь мельком взглянула на Крылову — смотрела только вперед, вставала на цыпочки, тянулась через головы краснофлотцев в ту сторону, где уже швартовался «Громовой».

Трубными голосами пропет торжественный салют, и парадный трап лег на стенку с борта. В рокоте барражирующих самолетов кто-то произносил речь. Потом с корабля на берег проплыли пять носилок с неподвижными, укрытыми флагами телами, и задрапированный кумачом грузовик медленно двинулся в гору, а вслед за ним оркестр и краснофлотцы полуэкипажа.

Потом группа штабных офицеров сошла с эсминца на пирс. Впереди шел командующий, как всегда стремительным шагом, заложив руки за спину, немного потупив

свою большую голову в надвинутой на брови фуражке, и рядом с вице-адмиралом командир дивизиона эсминцев...

— Капитан-лейтенант Ларионов не с ними. На корабле остался, — дружески шепнула Аня молчаливой женщине рядом. Почувствовала к этой женщине теплую симпатию, видела в ней товарища по несчастью и счастью, но опять не получила ответа...

Когда пирс опустел и только мачты кораблей покачивались за обледенелым срезом, Аня пробралась к самой палубе «Громового».

Здесь стоял шум напряженной работы. Тут и там вспыхивало фиолетовое пламя электросварки, боцманская команда протирала палубу швабрами, комендоры возились у орудийных щитов, торпедисты — у широких, низко висящих над палубой труб аппаратов.

— Миша! — позвала Аня.

Ей казалось, что она позвала его совсем тихо — он в это время смотрел в глубину орудийного щита, — но он, видно, ждал этого оклика, — сразу распрямился, его жесткое лицо просияло.

— Анюта! — только и произнес он и быстро пошел полубаком, исчез за надстройкой.

И вот он уже стоит на пирсе рядом с ней, отвел ее в сторону, к забору, отгораживающему пирс от дороги, сжал ее руку своей широкой шершавой рукой, смотрит ей в глаза пристальным, ясным взглядом.

— Вот и вернулись мы, Аня! — сказал Старостин.

— Вот и вернулись, Миша, — задыхаясь, повторила она. — Ты на меня не смотри, я сегодня страшная, я всю ночь не спала... — Она хотела сказать совсем другое, но могла выговорить только эти будничные фразы. — Так убивалась о тебе, Миша! Кто это у вас погиб?

— Заместитель по политчасти погиб, старший лейтенант Снегирев... Любимый наш комиссар.

— Жалко-то как, Миша!

— Ты не знаешь, как нам его жалко! — быстро сказал Михаил. — И еще мой замочный погиб — Сергеев. Осколком убит наповал. И турбинисты Максаков и Глущенко. И торпедист Рунин. Баулина смыло за борт. Мичмана Куликова паром обожгло. Один торпедист ранен...

— Не Филиппов, Миша?

— Нет, Филиппов жив-здоров, новые стихи написал... Легко ранен Саша Тараскин. Его прямо после боя в кандидаты партии приняли... И старший помощник Бубекин тяжело ранен, но выздоровеет, говорит доктор. А дружки мои — Зайцев и Никитин — геройскими парнями оказались. На все триста шестьдесят градусов разворачивались в бою. Только Зайцеву губы опалило, совсем кожа облезла, ему теперь целоваться с девушками трудновато будет...

Он говорил все сбивчивей и торопливей, не сводил с Ани глаз, и этот взгляд заставил ее смутиться так, как раньше никогда не смущалась. Так много должна ему сказать — и не может выговорить ничего! И он как будто говорит совсем не о том, что хотел... Совсем не о том, что мечтал сказать, когда думал о ней...

— Ты мне тогда не сказал, Миша, что в море уходишь, — чуть слышно прошептала она. — Если бы ты сказал...

— Не мог сказать, — перебил Михаил. Крепко взял ее пальцы в свою горячую ладонь. Только сейчас Аня увидела, что его другая рука, которую все время держал за пазухой, обмотана пухлым, уже успевшим покрыться копотью и коричневым маслом бинтом.

— Вот что, Анюта. Есть «добро» на мой рапорт командиру. Капитан-лейтенант разрешил свадьбу сыграть. Если решила, хоть сегодня распишемся, Аня.

Она вся подалась к нему, порозовела, подняла на него глаза.

— Ты ко мне сегодня вечером приходи, Миша. Только один приходи, без ребят.

— Есть прийти вечером! — сказал Михаил. — А теперь бегу на корабль. Ремонта сейчас у нас карман! Видишь, на орудиях краска пузырями пошла. Это был бой! Настоящий морской бой, Аня!

И они держали друг друга за руки и не могли расстаться. Наконец Михаил осторожно разжал руку, кивнул, торопливо пошел к сходням, к палубе «Громового», озаренной фиолетовыми вспышками электросварки...

Капитан-лейтенант Ларионов шел в гору обычной своей размашистой, твердой походкой, — как всегда, щегольски одетый, в брюках, отглаженных как ножи, с правой рукой на черной перевязи.

— Володя!

Нет, он не ослышался. Он порывисто обернулся. Она поспешно взбегала вслед за ним по мосткам — женщина, которую не видел столько месяцев, которая жила в мечтах, снилась именно такой: прекрасной, легкой, смотрящей на него из-под трепещущих длинных ресниц.

— Володя, — повторила она, задохнувшись. Ее руки в черных варежках были сжаты на груди, она остановилась в двух шагах от него, прислонившись к обледенелым перилам. — Володя, те мои слова... Я виновата... напрасно обидела тебя... Не сердись на меня, Володя.

Он стоял, подавшись вперед, его впалые глаза просияли.

— Я не мог сердиться на тебя, Оля — тихо сказал Ларионов. — Это совсем не то слово...

Изо всех сил он всматривался в нее, изучал каждую ее черточку заботливым, любящим взглядом.

— Все время думал о тебе... Может быть, нуждаешься в чем? Скажи... Может быть, сумею помочь...

— Я не нуждаюсь ни в чем. — Она улыбнулась торопливой, слабой улыбкой. — Но нужно о многом поговорить. Если бы ты мог зайти ко мне... как в прежнее время...

Его глаза по-прежнему сияли, но он начал мертвенно бледнеть, побледнел так, что кожа на продолговатом лице почти не выделялась над белым шелковым шарфом.

— Это невозможно, Оля, — сказал Ларионов так невнятно и трудно, что едва расслышал собственный голос. — Извини, я тороплюсь в штаб.

Она побледнела тоже, пристально смотря на него.

— Но ведь ты зайдешь ко мне... после штаба? Нужно о стольком поговорить. Я буду ждать, Володя.

— Это невозможно, — по-прежнему невнятно и трудно сказал Ларионов. — У меня, знаешь, срочный, большой ремонт... Слышала: мы «Геринга» торпедировали! Торпедировали тяжелый крейсер «Герман Геринг»!

В его голосе звучало счастье победы.

— Да, я знаю, — сказала Ольга Петровна. — Я так волновалась... Ты и об этом расскажешь, Володя.

Она шагнула к нему с дрожащей на губах жалобной, ревнивой усмешкой.

— Ты совсем как Борис. Нельзя жить только одним кораблем.

Он стоял — прямой, напряженный, глядя из-под низко надвинутого козырька.

— Я не приду к тебе, Оля, — сказал капитан-лейтенант Ларионов.

Горькое недоумение возникло на его лице, словно сам не верил, что мог произнести эту фразу.

— Да, прежде всего служба, жизнь моего корабля... А то, что ты могла допустить... Если ты могла допустить, что при каких бы то ни было обстоятельствах я не сделал всего возможного, чтобы спасти жизнь моего командира... — глухо, со страстной отчетливостью сказал Ларионов.

Она молчала, и он смотрел в ее скорбное, взволнованное лицо, на ее руки в тонких, заштопанных варежках.

Он шагнул к ней, его рука дернулась и тяжело упала на перевязь.

— Ты сама не понимала, какую причинила мне боль... Мне трудно, мне тяжело пока еще говорить с тобой, Оля!

Рядом с Калугиным стоял у трапа майор — начальник боевого отдела, встречавший «Громового» на стенке.

Калугин встретился с майором у сходней и в первый момент почувствовал большое желание обняться с этим замкнутым, чопорным на вид военным, окинувшим его таким родственно-добрым взглядом.

Но они только отдали друг другу честь, обменялись крепким рукопожатием.

— Ну как Черный Шлем, товарищ майор? — спросил Калугин.

— Черный Шлем наш. Теперь наш навсегда. Твердо на нем закрепились, я уже корреспонденции получаю с этой высоты... Кстати, вам в редакции письмо есть из дому... Да вы расскажите о «Громовом», о себе... Только, — майор саркастически усмехнулся, — если можете, без этих писательских прикрас.

— Есть без прикрас! — сказал серьезно Калугин.

Слегка наклонив сурово-задумчивое лицо, быстрой и твердой походкой командир «Громового» шел к массивному зданию штаба на сопке.

И лишь на вершине мостков, на гранитном обрыве, оголенном полярными ветрами, он обернулся, опершись на поручни, посмотрел вниз.

Он смотрел сперва в сторону женщины, еще раз помахавшей рукой и скрывшейся за поворотом скалы, а потом на «Громовой», хорошо видимый с этого места. И голова Ларионова невольно откинулась назад, обветренное лицо прояснилось, счастье победы ярче засияло в глубоко запавших, обведенных воспаленными веками глазах.

Издали не были видны боевые шрамы корабля, он выглядел красивым, легким и в то же время могучим. Над его кормой широко развевался наш военно-морской бело-голубой, краснозвездный флаг.

Москва — Балтика — Северный флот
1948—1957

ОГЛАВЛЕНИЕ

БОЦМАН С «ТУМАНА»

ПОВЕСТЬ О ДВУХ КОРАБЛЯХ

Часть 1. **Море**

Часть 2. **Берег**

Часть 3. **Бой**

Николай Николаевич Панов

МОРСКИЕ ПОВЕСТИ

Редактор *Р. К. Соколова*
Художник *А. А. Яковлев*
Художественный редактор *В. К. Конев*
Технический редактор *В. А. Сычева*
Корректор *З. Н. Лукьянова*

Сдано в набор 7/V 1964 г. Подп. к печ. 26/V 1964 г.
Формат бумаги 84×108 1/32. Печ. л. 13. Усл. п. л. 21,32.
Изд. л. 21,61. Тираж 100 000 (1-й завод 1—50.000).
Зак. 2714. Цена 80 коп.

Мурманское книжное издательство,
г. Мурманск, Дом печати.

Типография «Полярная правда»,
г. Мурманск, ул. Карла Маркса, 18.

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЫПУСТИЛО В 1963—1964 гг.

КНИГИ:

ПОЛТЕВ К. В. **Свежий ветер.** Рассказы. 64 стр. Цена 11 коп.

ШЕВЦОВ А. С. **Считай себя ближе к опасности.** Повесть. 160 стр. Цена 25 коп.

Бережем страны покой. Сборник рассказов, очерков, стихов. 192 стр. Цена 33 коп.

ЗОЛОТОТРУБОВ А. М. **Звенящая волна.** Повесть. 256 стр. Цена 51 коп.

ПОПКОВ Ю. А.,СМИРНОВ В. В. **Верь маякам!** Документальная повесть. 128 стр. Цена 10 коп.

ТИХОМИРОВ В. В. **Подвиг «Тумана».** Документальная повесть 112 стр. Цена 17 коп.

ЧУРБАНОВ А. А. **В строю живых.** 68 стр. Цена 11 коп.

ЛАПИЦКИЙ Ф. Г. **Чтобы дети росли здоровыми.** 192 стр. Цена 50 коп.

Библиотечка короткого рассказа

ГОРЮНОВ Л. В. **Морская соль.** 64 стр. Цена 5 коп.

КУЛАКОВ Н. И. **Смотри людям в глаза.** 48 стр. Цена 3 коп.

ОСИН А. В. **День рождения,** 32 стр. Цена 2 коп.

ПОПОВА С. А. **Подсолнух.** 64 стр. Цена 5 коп.

СКВОРЦОВ Ю. И. **Птичка-зарянка.** 40 стр. Цена 3 коп.

ТЮПИН А. С. **Шестеро из одной палаты.** 48 стр. Цена 4 коп.

ПЕСНИ:

Заполярные вечера. Музыка Б. Толочкова. Слова В. Матвеева. Цена 5 коп.

Моряцкие мили. Музыка С. Малахова. Слова А. Шепелева. Цена 5 коп.

Следы на глобусе. Музыка С. Малахова. Слова А. Шепелева. Цена 5 коп.

Заявки на книги и песни, выпущенные Мурманским книжным издательством, посылайте в Мурманский облкниготорг по адресу: **г. Мурманск, ул. Самойловой, 33/4, или — г. Мурманск, проспект Ленина, 23, «Книга — почтой».**

Цена 80 коп.

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1964

МОРСКИЕ ПОВЕСТИ

НИКОЛАЙ ПАНОВ